

НОВЫЙ МИР

НОВЫЙ МИР

6

1956

1956

НОВОЫЙ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXII

№ 6

Июнь, 1956 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КОНСТАНТИН СИМОНОВ — Памяти А. А. Фадеева	3
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, И. ВАЙНБЕРГ — Широкий шаг. (Из серии очерков «Заводские будни»)	7
А. ЯШИН — У кабинета Ильича, Вагон в степи. Елочка, Извечное, Утром не умирают. Приметы, стихи	33
АЛЕКСИС ПАРНИС — Сказание о Никосе Белояннисе. (Из книги второй). Перевод с греческого Н. Разговорова	38
БРУНО ЯСЕНСКИЙ — Заговор равнодушных, первая часть неоконченного романа. Продолжение	46
ПАРУИР СЕВАК — Нелёгкий разговор. Перевод с армянского Евг. Евтушенко	121
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ — Утро, Лесное озеро, Портрет, Читая стихи, О красоте человеческих лиц, стихи	133
ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА	
ФРАНСИСКО КОЛОАНЭ — Как умер Отец из Чилоэ. Перевод с испанского Г. Полонской. ПЕДРО ХОРХЕ ВЕРА — Вечный траур. Перевод с испанского Ел. Колчиной	136
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
ПЕРЕПИСКА А. М. ГОРЬКОГО С М. Е. КОЛЬЦОВЫМ. (Публикация Архива А. М. Горького)	149
В. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ — Письма о Китае. (Публикация, предисловие и примечания А. Гозенпуда)	167
ПУБЛИЦИСТИКА	
Ю. ДОЛМАТОВСКИЙ — Сутки на автомобиле. (Критические путевые заметки)	179
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ	
НИКОЛАИ ДУБОВ — Как губят море	195
Трибуна писателя	
АЛЕКСАНДР ИВИЧ — Учебники пишутся для детей...	202

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ	
<i>По страницам иностранных литературных журналов</i> Ещё раз о взаимности. — Н. Разговоров. Сплетённые корни. — В. Стеженский. Дух времени.	212
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Б. БЯЛИК — Творческая лаборатория А. М. Горького	222
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	239
А. Шумский. Новый том горьковского архива. — Е. Книгович. Жизнь, устремлённая в будущее. — Владимир Огнев. Лирика Леонида Мартынова. — Евгений Воробьёв. Всемогущие руки. — Заслуженный артист РСФСР А. Орфёнов. Так работал Станиславский. — М. Живов. Мировое признание. — Д. Гранин. Роман Уилсона «Брат мой, враг мой».	
<i>Политика и наука</i>	259
Ефим Дорosh. Дело в организаторах. — И. Макарьев. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. — Кандидат исторических наук Е. Черняк. Лейбористский журнал о единстве рабочего движения. — Кандидат исторических наук Г. Стратанович. Жизнь Никиты Яковлевича Бичурина. — Р. Кинжалов. О чём рассказали египетские иероглифы. — Профессор Л. Калужнин. Серьёзное в забавном.	
ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО	272
Ан. Елкин. Письма и рисунки Емельяна Ярославского с каторги. — В. Воронов, В. Земсков. Английская пресса об «Андрее Кожухове». — Кандидат филологических наук Л. Светлов. Рукописное наследие А. Н. Радищева.	
РЕПЛИКИ	276
Композитор Анатолий Новиков. Вкус к музыке. — Виктор Шкловский. Чтобы лучше знать друг друга... — Геннадий Фиш. Сотни новых книг. — Семён Кирсанов. Об одном магазине.	
МЕЖДУ ПРОЧИМ...	279
Объяснения загадочные, смешные и даже обидные. — Редактор-вундеркинд. — Вопреки воле автора.	
КОРОТКО О КНИГАХ	281
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	285

ПАМЯТИ А. А. ФАДЕЕВА

Со смертью Александра Фадеева наша литература понесла одну из самых тяжёлых утрат за все годы своего существования, и в тяжести этой утраты нам нужно дать себе полный отчёт, потому что советская литература — дело коллективное, её задачи не могут быть уменьшены потерями, даже самыми тяжкими, и раз это нужно народу, то что недоделано одним должны сообща доделать другие.

Александр Фадеев был художником большого, сильного, я бы добавил, решительного таланта. Всю свою жизнь в литературе он как художник был полон решимости, не отвлекаясь никуда в стороны, открыто и прямо служить тому партийному делу, которому он как человек начал служить в семнадцать лет, став коммунистом и партизаном.

История — не только история литературы, а вообще история — показывает, что подлинную службу народу можно сослужить только правдой — и тогда, когда она победна и красива, и тогда, когда она трудна и нерадостна. Сахар утешительных и лживых речей в конце концов, рано или поздно, обнаруживается, так же как сахар лживых и утешительных книг. Правда дел неотделима от правды слов — литература, отстаивающая правое дело, не может писать неправду о жизни, эта неправда ей противопоказана.

Александр Фадеев вошёл в нашу литературу и сразу по праву занял в ней одно из первых мест «Разгромом», книгой большой и высокой правды, — быть может, самой правдиво-жестокой книгой о гражданской войне.

Последним законченным произведением, вышедшим из-под пера Фадеева, был роман «Молодая гвардия» — книга такой же суровой правды об Отечественной войне, о немецкой оккупации, о трагическом и решающем 1942 годе.

Настоящий большой художник, не внимая часто искренним, но ещё чаще недостаточно продуманным призывам писать и о том и о сём, на протяжении своей жизни обычно много раз и по-разному возвращается к теме, которая принадлежит ему, которая живёт и дышит в нём, пока он сам живёт и дышит.

Из всего, что написал за свою жизнь Фадеев, нетрудно сделать вывод, что такой темой была для него тема революционного воспитания молодёжи, её партийной закалки, её борьбы за идеи коммунизма. Наша критика редко, стыдливо обращается к биографиям писателей — даже тогда, когда рассказанная биография помогла бы уяснить то, как и почему именно этим писателем написана именно эта, а не другая книга, почему главной темой его творчества стала именно эта, а не иная тема.

Тот, кто заново перечитает страницы первых двух томов превосходного, но, к сожалению, незавершённого романа Фадеева «Последний из удэге», тот среди многих замечательных характеров, выведенных в романе, — Суркова, Мартьяныча, Алёши Маленького — не может не отметить юношеского образа Серёжи Костенецкого. Этот образ как бы освещает всё происходящее в романе; подлинная биография Фадеева близка к биографии этого вступающего в революцию юноши. Однако дело не только

в этом, дело в том, что мы именно вместе с Серёжей входим в мир победоносных идей большевизма, что именно его глазами мы, следуя за автором, постепенно открываем для себя всю красоту этого мира, его железных принципов, его человечности.

Писатель поседел, перешагнул за тридцать, за сорок и за пятьдесят лет, но его собственная революционная юность навсегда осталась для него тем бесценным временем, которое сроднило его с идеями большевизма, — за это он был благодарен своей юности, за это любил её. Не случайно, что именно Фадеев на четвёртый год Отечественной войны стал писать о краснодонских комсомольцах. Показать великие революционные традиции, воспитанные партией в молодёжи, рассказать о молодых жизнях, бестрепетно отданных за дело коммунизма, было и прямой внутренней потребностью Фадеева и его писательским долгом, как он его понимал, ибо — большой и умный художник — он знал и самые сильные стороны своего жизненного опыта, и самые сильные стороны своего таланта и в интересах читателей хотел делать в литературе то, что он умел делать лучше всего.

Трагизм краснодонских событий не смущал его. Напротив, думается, даже привлекал. «Разгром» был написан тогда, когда гражданская война победоносно закончилась; «Молодая гвардия» писалась в те дни, когда война шла к победному концу. Фадееву хотелось во всю силу показать, и чего это стоило и какие качества должны быть заложены в людях для того, чтобы в конце концов победить в такой войне, и для того, чтобы побеждать в будущем в любых, самых трудных, обстоятельствах, какие встретятся на их пути. Я убеждён, что именно с этим внутренним чувством написана «Молодая гвардия».

После того как роман был окончен и обошёл нашу страну и все страны мира, Фадеев сел работать над его вторым, новым, вариантом. В этом новом варианте появились отличные новые, доставившие наслаждение читателям главы, выросли в «сильные», запоминающиеся фигуры образы Проценко и ещё в большей степени Лютикова.

Право художника — решать, справедлива или не справедлива критика его произведений, право художника — возвращаться к ним, вносить в них новое, расширять, дописывать свои книги. Но из песни слова не выкинешь, и сейчас, когда литературный и жизненный путь Фадеева закончен, признавая всю ценность прекрасных новых страниц второго издания романа «Молодая гвардия», мне хочется сказать, что первое издание его никак не заслуживало той критики, которую оно получило. Фадеева упрекали за то, что в первом издании его романа недостаточно была показана воспитательная роль партии, что молодёжь в нём оказалась оторванной от партийного подполья, предоставленной самой себе. Не стоит сейчас спорить о документальности истории Краснодона хотя бы потому, что роман Фадеева — роман, а не историческая хроника. Но непременно надо сказать другое и более важное: такие трагические обстоятельства, при которых горсточки советских людей в первые тяжкие годы войны оказывались и без связи и без помощи, оказывались отрезанными и на какое-то время предоставленными самим себе, — такие обстоятельства не только бывали, но их и не могло не быть в реально сложившейся тогда обстановке войны.

И, думается, именно такие обстоятельства и привлекли внимание художника. Как раз в таких обстоятельствах Фадеев и хотел показать всю мощь партийного воспитания, всю силу революционного влияния партии на молодёжь; хотел показать, как, даже оставшись в исключительно тяжёлых обстоятельствах, в отрыве от повседневного руководства, к которому она привыкла, эта молодёжь показала себя достойной своих отцов, показала, что дух беззаветной борьбы за коммунизм вошёл в её плоть и кровь и что она готова, хочет и умеет бороться за идеи партии при всех

обстоятельствах. И если желать от художественного произведения педагогичности, воспитательности, то куда педагогичнее то, что молодёжь Краснодона оказалась достойной своих отцов, оторванная событиями от них, чем если бы такая связь была непрерывной. В этом был пафос книги, такой хотел её написать художник, такой написал, такой она дошла до сердца и ума читателей. И при всех истинно художественных дополнениях, которые впоследствии внёс Фадеев в свой роман, быть может всё-таки его первое издание отличалось большей внутренней цельностью и более точным соответствием первоначальному замыслу.

Критика же её исходила из несправедливого намерения в каждом эпизоде войны видеть желаемое вместо действительного и, следя за буквой, игнорировать при этом дух книги, проникнутый подлинной партийностью в самом высоком смысле этого слова.

Могут заметить: зачем же, не сказав об этом во-время, говорить об этом сейчас? Этот упрёк многие, в том числе и автор этих строк, могут принять на свою совесть, но партия нас учит, что об иных, и куда более тяжёлых и отнюдь не только литературно-критических ошибках лучше всё-таки говорить пусть иногда и поздно, чем никогда.

А ведь книги продолжают жить, их берут с полок библиотек, читают и перечитывают, и поэтому и сейчас не поздно и важно сказать, что, при всех достоинствах новых глав, впоследствии вписанных Фадеевым в свой роман, первое издание этого романа остаётся превосходной книгой, на которой не должно и не имеет права лежать никакой тени.

Мы ещё не знаем сейчас, как далеко продвинулся Фадеев в работе над своим последним незаконченным романом «Чёрная металлургия». Главы, напечатанные в «Огоньке», обещали произведение большой человечности, тонкого проникновения в людскую душу. Само название романа — «Чёрная металлургия», — думается, носило в себе известный оттенок полемичности: «Я назову роман так, — как бы говорил писатель, — потому что я пишу о людях чёрной металлургии, о людях рабочего класса! Но этот роман будет романом о людях, прежде всего и больше всего о людях, и именно поэтому я не боюсь поставить в его заголовке слово «металлургия».

О будущем размахе романа можно было судить и не только по опубликованным главам. Автор этих строк принадлежал к числу людей, которым Фадеев рассказывал о дальнейших замыслах романа и показывал кое-что из той громадной подготовительной работы, которая была им проделана с тех пор, как он сел за свою новую книгу. Блокноты и блокноты записей бесед с людьми, толстые тетради с конспектами десятков книг по металлургии, по доменному делу, исторических очерков, учебников, брошюр новаторов производства... Фадеев писал свой роман о людях, но он хотел досконально знать то дело, которым занимаются и которым горят эти люди, потому что он считал, — и он много раз говорил об этом и писал, — что, не зная дела, которое делают люди, нельзя знать самих людей.

«Чёрная металлургия» осталась незаконченной. В последние послевоенные годы Фадеев тяжело и трудно болел. Это постоянно выбивало его из колеи и в конце концов не дало закончить роман. Но хотелось бы сказать и о той стороне деятельности Александра Фадеева в последнее десятилетие его жизни, которая не так очевидна на первый взгляд, как завершённые книги, и в то же время так велика, что могла бы одна с лихвой заполнить десятилетие жизни у человека менее даровитого, менее деятельного и, добавлю, менее самоотверженного.

Я говорю не об огромной работе Фадеева в движении борьбы за мир — о ней все знают, — а о его работе крупного литературного деятеля — критика, редактора, просто литературного советчика, которым он был, думаю, даже не для десятков, а для сотен литераторов.

Если собрать за это десятилетие доклады, выступления и статьи Фадеева на литературные темы, из них выйдет, может быть и не лишённая ошибок и заблуждений — кто не ошибается, — но очень умная, очень талантливая и, главное, полная бесконечной любви к литературе книга такого объёма, который бы любой из нас посчитал вполне достаточным для итогового труда литературного критика, занимавшегося десять лет только этим и больше ничем другим.

Если собрать написанные за эти десять лет сотням литераторов письма Фадеева об их книгах и рукописях, полные советов и предложений, блестящих и точных оценок и мельчайших частных замечаний, возникающих только тогда, когда рукопись читают, не жалея труда, времени и внимания, то из этих писем, объёмом иногда в четверть и половину печатного листа, за десять лет собралась бы большая книга в помощь начинающим, и отнюдь не только начинающим литераторам. Такая книга, которую, саму по себе, мы сочли бы вполне достаточным итогом деятельности человека, занимавшегося десять лет лишь одной этой работой.

Можно собрать в книгу и то, что лежит в ящиках письменных столов у каждого из нас, товарищей Фадеева по его работе в Союзе писателей. Это десятки и десятки записок, часто писанных из больницы, с просьбой узнать, справиться, осведомиться о том, как издаётся рукопись такого-то или такого-то писателя, почему её задержали, почему о таком-то забыли вспомнить в годовщину его смерти, когда будет рецензия на такую-то книгу мало известного, но хорошего и далеко живущего писателя, и многие другие, разные — и большие и малые — литературные заботы, которые все вместе, если собрать их отражёнными в записках и письмах, говорят не только о любви к литературе, но и о количестве повседневно отдаваемого ей времени.

Это я всё пишу к тому, что некоторым принципиальным любителям сидения на собственной литературной печке не стоит с её высоты поплёвывать на общественно-литературную деятельность тех писателей, которые, и выполняя свой долг и отвечая велению своего сердца, занимаются этой деятельностью, и не только занимаются, но любят и умеют ею заниматься, как это любил и умел Александр Фадеев.

Я не могу не вспомнить здесь и не повторить недавно сказанных прекрасных и совершенно верных слов Константина Федина о том, что нельзя любить в литературе только себя, нужно ещё любить литературу. Эти слова сказаны по самому точному адресу: Фадеев очень хорошо знал себе цену как писатель и всё-таки любил литературу больше, чем себя.

Несмотря на все усилия спасти Фадеева, тяжкая и долгая болезнь привела его к концу. О том, что произошло, сказано в сообщении о смерти А. А. Фадеева с нелёгкой, но необходимой правдивостью, которая у нас вообще вновь укореняется, слава богу, за последние годы. Говоря обо всём том хорошем, что сделал в литературе и для литературы Фадеев, я не могу и не хочу умолчать о том, что именно поэтому и его болезнь и то, к чему это в итоге привело, вызывает чувство особенной горечи, — с этим нельзя душевно ни согласиться, ни примириться, это слишком страшно и нелепо. Так не должно бывать!

КОНСТАНТИН СИМОНОВ.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, И. ВАЙНБЕРГ

★

ШИРОКИЙ ШАГ

(Из серии очерков «Заводские будни»)*

«Еще более и еще более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь...»

В. И. Ленин (из письма к Н. Осинскому
12 апреля 1922 года).

В каждого великого изобретения бывает три этапа в его биографии. Первый этап: это немислимо! Второй этап: это мыслимо, но неосуществимо... Третий этап: ну, что же в этом особенного?..

Утверждение, высказанное нами, не содержит в себе ничего парадоксального. Проверьте его на фактах жизни, и вы убедитесь в том, что оно правильно. Мы живём с вами в мире, где результаты великих изобретений вошли в быт, стали явлениями повседневными, привычными. Никто не вздумает удивиться тому, что нам светит электрическая лампочка, а не лучина, что мы садимся в троллейбус, а не на конку, пашем трактором, а не сохой, слушаем радиопередачи, видим спектакль в телевизоре, летим в самолёте. Давно ли путешествие в летающем аппарате тяжелее воздуха представлялось нелепой фантазией, невыполнимой затеей? А теперь — ну, что же в этом особенного? Ровно ничего. Внедряется в жизнь несчётные варианты мирного применения атомной энергии, будут обычной принадлежностью тысяч учреждений электронные вычислительные машины. Такая судьба вполне закономерна: было немислимым, считалось неосуществимым, стало бытом.

Эти три этапа присущи биографиям не только великих изобретений, но и великих общественных перемен. Мы живём с вами в социалистическом государстве, в советском мире. Земля и леса, заводы и фабрики являются общественной собственностью. Власть в руках трудящихся. Нет буржуазии, помещиков, кулачества. Нет эксплуатации человека человеком. Нерасторжимой дружбой соединены все народы, все нации страны... Что ж? Апостолы капитализма десятилетиями кричали, что создание строя, при котором всё это станет явью, — немислимо, неосуществимо. А сегодня... Впрочем, вполне ясно, как выглядят их пророчества в наши дни.

Советские люди оглядывают свою страну, в которой они превращают в быль мечту человечества, и видят наяву несокрушимую индустриальную державу, где продолжается грандиозная стройка необыкновенных мас-

* См. «Новый мир» № 10 за 1955 год и № 5 за 1956 год.

штабов необычайными темпами, где нет и не будет безработицы, где обучение бесплатное, лечение бесплатное, где женщины и мужчины получают равную плату за равный труд... Можно без конца продолжать перечисление всего созданного и завоёванного нами, и всё это будет восприниматься каждым из нас, как само собой разумеющееся, бытовое, привычное, обязательное, непререкаемое. Ну, что в этом особенного? Это наша жизнь, наша явь, наши прекрасные трудовые будни, социалистическое государство, Советская власть.

А что примечательно в переменах, происшедших в нашем отечестве с людьми?

Источник добра и красоты, радости и счастья — вот что такое социалистическое государство, Советская власть. Нет в таком определении декламационного пафоса. Это истина — ясная, зримая, осязаемая, бесспорная. Всё, что идёт от социалистического строя, рождает братство и подлинную свободу народов, благо для их жизни, простор для их творчества. Всё, что идёт от социалистического строя, рождает в человеке благородные чувства, мысли, устремления. Всё, что идёт от социалистического строя, противоборствует всему злomu и вредному, гнусному и пошлому, что ещё существует в мире, в жизни, в чувствах и сознании людей.

В нашей стране великое является повседневным. Люди страны строят человеческое счастье. Люди страны ведут непримиримую борьбу с чуждыми и враждебными человечеству деяниями и чувствами. Люди страны остро критикуют любые недостатки и ошибки, критикуют смело, открыто. Для социализма это естественно, в этом нет для него ничего особенного. В социалистическом государстве надо жить так, чтобы любая неполадка воспринималась, как личное горе, каждая несправедливость — как личное оскорбление, каждая общественная ложь — как непереносимый позор.

Человеческая деятельность, рождающая светлое, доброе, благородное, новое, неустанно борющаяся со всем тёмным, злым, плохим и отжившим, стала нормой советской жизни...

Когда живёшься в будни завода, где социалистическое отношение людей к делу и друг к другу является нормой, бытом, испытываешь чувства радости и гордости. А вместе с тем думаешь: ну, что здесь удивительного? Так и должно быть!

Наверное, то же самое подумает и читатель, прочтя описание работы такого завода. Возможно, что кое-кто будет даже несколько разочарован: с одной стороны, всё это очень хорошо, с другой — слишком уж буднично, просто. А по нашему мнению, самое главное и заключается здесь в том, что очень хорошее стало будничным, кажется простым.

Этот очерк посвящён явлениям заводской жизни, которые тем примечательны и замечательны, что для советских людей в них нет ничего особенного.

Тема очерка — встречи с техническим прогрессом на Московском станкостроительном заводе имени Орджоникидзе — ЗИО.

Приказ № 121

Технический прогресс на заводе имени Орджоникидзе начинается с библиотеки.

...Перед нами зал, большой и уютный, светлый и поистине красивый. Но главное в этом зале — красота человеческого слова и дела, красота ясной мысли и ясной цели.

Жизнь библиотеки ЗИО организована людьми. Законы её жизни сформулировал... административный приказ.

Мы отвыкли от мысли, что административный приказ может звучать, как поэтическое произведение. А между тем в нашей советской жизни это вполне естественно. И дело тут, конечно, не в пышности фраз и пафосе формулировок. Обычными словами и общеизвестными формулами приказ может определить прекрасное задание, наметить чёткие пути к его выполнению, нацелить людей, вдохновить их и окрылить.

Вот именно таким был приказ дирекции ЗИО, определяющий суть и порядок работы библиотеки завода.

По чести, мы не знаем другого предприятия, кроме ЗИО, на котором был бы издан подобный приказ, не встречали и такого внимательного, заботливого отношения к своей библиотеке со стороны дирекции завода. Ну что ж, пусть деловой опыт станкозавода имени Орджоникидзе станет достоянием других заводов и фабрик, подаст им пример. Ему стоит следовать.

Предоставляем слово приказу № 121.

По приказу № 121 квалифицированные инженеры и руководители технических служб ЗИО являются — по совместительству — библиотекарями.

Главный технолог В. Фруктов, инженеры Б. Модлин и М. Павлов образуют «редакционную тройку библиотеки». Привлекая к своей работе, на основании приказа, различных специалистов завода, редакционная тройка составляет списки литературы, рекомендуемой ею по отдельным вопросам техники для разных профессий.

Библиотека ЗИО издаёт на стеклографе в сорока экземплярах бюллетень «Новые книги по технике». Очень скромна эта цифра «40», но она, несомненно, входит в золотой фонд советской культуры. Не очень импозантен агрегат, зовущийся стеклографом, но он заслуживает нашего великого уважения. Бюллетень «Новые книги по технике» содержит наряду с перечнем книг также и аннотации к ним.

Приказ № 121 сделал этот бюллетень не только коллективным агитатором за технические знания и технический прогресс, но и коллективным организатором этих знаний и этого прогресса. Одной части экземпляров бюллетеня определено место в каждом цехе и отделе рядом с доской приказов. Остальные экземпляры вручаются лично руководителям технических служб, лабораторий, цехов, главному инженеру, директору завода. На специальной карточке, приложенной библиотекой к бюллетеню, они записывают фамилии тех работников своего цеха, отдела, которым должно ознакомиться с той или иной книгой. С этими записями-приказами бюллетень возвращается в библиотеку. Её работники закладывают в «кармашек» книги маршрутную карточку, где указаны фамилии товарищей, которым рекомендована данная книга.

Заполнение карточек стало для руководителей завода органической частью их работы — и не обязанностью, а долгом, потребностью.

Наряду с этим неукоснительно осуществляемым порядком действует другая, ещё более оперативная система пропаганды технической литературы. Все новые книги по технике, поступающие в библиотеку, выставляются на особых стендах. Приказ № 121 определил список лиц, обязанных просматривать эти книги. В приложении к приказу можно увидеть фамилии доброй половины инженерно-технических работников ЗИО.

Начальники цехов и отделов не только сами знакомятся в библиотеке с книжными новинками, но и проверяют: просматривают ли новинки их сотрудники и что они отобрали для чтения. Если желаемой фамилии в маршрутной карточке книги не оказывается, эту фамилию тут же вносят. Такая запись равносильна приказу, и действует он без промаха, ибо является приказом не только начальника, но и заботливого друга.

Все технические журналы, получаемые библиотекой, рассылаются по адресам, установленным главным инженером ЗИО. «Обязательных читателей» иностранной литературы указывают главный инженер, главный конструктор и специально выделенные товарищи — знатоки техники и иностранных языков.

Приказ № 121, целью которого является внедрение технических знаний в гущу масс производственного коллектива ЗИО, выполняется всем заводом, и в этом его главная сила. Но основная роль в организации выполнения приказа принадлежит непосредственным работникам библиотеки. Слово «библиотекарь» звучит на ЗИО поистине гордо.

В технической библиотеке работают два человека: Л. Кодолова — заведующая и А. Валикова — библиотекарь. Библиотека открывается ровно в семь часов сорок пять минут утра и без перерыва работает до восьми часов вечера. Почему начинает она свою деятельность так рано? Работники библиотеки провели длительное изучение читаемости литературы. Оказалось, что у работающих в ночной смене так складывается день, что они успевают читать больше, чем люди, занятые в других сменах. Библиотека и читальный зал предоставлены с утра в распоряжение работников ночной смены. В середине дня начинают приходить рабочие вечерней смены, главным образом учащиеся. А с половины пятого читальню заполняют работавшие днём.

Как успевают два библиотекаря вести свою большую, напряжённую работу? Ведь для этого им надо трудиться не менее двенадцати часов? Дело в том, что техническая библиотека завода работает совместно с «общей», профсоюзной библиотекой. Этой библиотекой заведует Б. Сабанеев, состоящий в своей должности на ЗИО «всего-навсего» двадцать пять лет. Для объединённой библиотеки пришлось построить специальное помещение. И немалую роль в этом деле сыграл директор завода Я. Козичев.

Объединение двух библиотек принесло прекрасные результаты. И в самом деле, разве отыщешь границы между общей и специально технической культурой, которой должны овладеть станкостроители?!

Тринадцать тысяч книг находится в общей библиотеке и девять тысяч — в технической. Возможно, что в некоторых других библиотеках имеется большее число томов. Но не их количество определило то значение, которое приобрели книги на станкозаводе имени Орджоникидзе. Скажем просто: здесь книги уважают и, что ещё важнее, читают. Читают, потому что работники библиотеки ЗИО сумели внедрить книгу в производственную, общественную и личную жизнь людей завода.

В 1955 году библиотекой-читальней ЗИО выдано пятьдесят две тысячи (!) книг, брошюр, советских и иностранных журналов, а также специальных видов литературы. Читальный зал почти всегда полон. Здесь работают люди всех цехов и профессий, всех квалификаций и рангов. В месяц — три с половиной тысячи человек.

Библиотека проводит индивидуальные и массовые консультации, организует лекции, громкие читки, беседы, читательские конференции. В читальном зале находится ряд витрин, концентрирующих внимание читателей на важных разделах полученной литературы; здесь книги по обмену опытом, книжные новинки, подбор наиболее интересных статей из газет. Особая витрина показывает работу новаторов и рационализаторов ЗИО, рассказывает о научных трудах работников завода, демонстрирует бюллетени заводских лабораторий. Чтобы работники завода (и все им интересующиеся) имели возможность ознакомиться со всем, что написано где-либо о ЗИО, библиотека создала специальную картотеку, в которой вот уже пять лет ведётся перечень книг, статей и докладов, содержащих хоть одно упоминание о работе ЗИО или о каком-либо его работнике.

Библиотекари ЗИО не ждут, когда люди придут к ним, они сами ищут людей, стремясь довести книгу и журнал до каждого работника завода. Они понимают, что их труд безусловно сказывается и в росте людей ЗИО, и в новых конструкциях, и в техническом творчестве рабочих, в развитии технического прогресса.

Приказ № 121 привёл в действие широкий круг людей, организаторов и пропагандистов технических знаний. Работники библиотеки ЗИО во много раз увеличили этот круг. Ещё больше увеличивает его общественная организация, существующая на заводе, — библиотечный совет.

Основное достоинство библиотечного совета ЗИО заключается в том, что он действительно существует, а не числится на бумаге. Не часто можно услышать нечто подобное на других предприятиях, да и не только на предприятиях. Впрочем, слово «существует» неточно определяет лицо библиотечного совета завода имени Орджоникидзе. Он живёт полноценной, интересной жизнью.

Библиотечный совет ЗИО состоит из товарищей, являющихся большими любителями книги. В этом очерке невозможно рассказать о каждом из них подробно, однако без нескольких кратких характеристик обойтись никак нельзя.

Председателем совета избран заместитель начальника цеха № 10 коммунист Д. Рябов. Он учится на втором курсе техникума, отличник учёбы, хороший производственник. Руководит советом с размахом и страстью. Заседания совета регулярны, интересны, поучительны. Активнейший член библиотечного совета — инженер лаборатории М. Павлов. Имеет большую личную библиотеку. Является универсальным консультантом на ЗИО по многообразным техническим вопросам. Чуть ли не каждое воскресенье обходит книжные магазины Москвы и потом подсказывает библиотеке, что ей надо приобрести и кому следует рекомендовать ту или иную книжку. Некоторые члены совета переводят полезные для работников ЗИО статьи по технике из зарубежных журналов.

Чтобы составить ещё более полное представление о библиотеке ЗИО, взглянем на некоторые цифры, о которых с полной уверенностью можно сказать, что и они входят в золотой фонд советской культуры. Перед нами читательские формуляры. Вот наименования профессий людей, берущих книги: технолог, слесарь, токарь, старший инженер технологической лаборатории, ведущий конструктор, мастер, бухгалтер, сборщик. Вот отметки о количестве книг, прочитанных тем или иным товарищем за год: 150 книг, 125, 74, 116, 69, 110... Великолепно звучат эти цифры! Они снова и снова иллюстрируют культурный рост советского рабочего человека.

О библиотеке завода имени Орджоникидзе и её работе мы рассказали очень сжато. Но даже из того, что сказано, можно вынести твёрдое убеждение в том, что технический прогресс на ЗИО начинается именно с неё, библиотеки.

Однако следует внести к этому существенное добавление.

Вперёдсмотрящие

Технический прогресс на ЗИО начинается в конструкторском бюро.

...В начале пятой пятилетки продукция Московского станкозавода имени Орджоникидзе не являлась технически первоклассной. Выпускаемые им автоматы по образцу зарубежных станков «Кон» (модель 123) и полуавтоматы «Фей» (модели 116 и 118) были маломощными и тихходными.

Сила привычки — страшная сила. Уютная, налаженная жизнь, создававшаяся вокруг выпуска простых станков, не вызывала у иных производ-

ственников и конструкторов ЗИО стремления к нововведениям. Зачем рисковать потерей внедрившегося в быт покоя? Всё новое несёт с собой обязательную ломку установившихся порядков, неисчислимые заботы, трудности, необходимость экспериментов, возможность неудач, срывов. Без него, нового, значительно спокойнее...

А жизнь неудержимо шла вперёд. Один за другим в стране — да и на самом ЗИО — ставились рекорды скоростного резания металла, что сулило крутой взлёт производительности труда, резкое увеличение выпуска продукции. Но применить скоростное резание металла на станках типа «Фей» и «Кон» было столь же немыслимо, как получить электроэнергию, равную мощности Днепрогэса, от аккумуляторной батареи карманного фонарика.

Передовые конструкторы ЗИО восстали против рутинёров, против любителей спокойной жизни, против сознательных и бессознательных ненавистников технического прогресса. В течение многих недель конструкторское бюро (КБ) завода представляло собой арену страстных битв, жестокой полемики. Творческие люди КБ требовали создания новых конструкций, использования всех новейших достижений своей и зарубежной техники. Они предлагали работать над конструкциями таких станков, которые были бы не только мощными и быстроходными, но и безотказными, удобными, обеспечивали быструю уборку стружки, минимальный срок на переналадку. Они считали, что необходим решительный поворот, качественный скачок вперёд, постоянная ориентация на технический прогресс в широких масштабах.

Их противники настаивали: необходима лишь модернизация станков «Кон» и «Фей». Они ссылались на практику США, где увеличили мощность и быстроходность этих станков, но оставили их схему в полной неприкосновенности. Они приводили доказательства, предъявляли расчёты, чертежи, схемы. И трудно было иным товарищам понять, что некоторые доказательства и схемы являются визитными карточками Косности, Лени, Рутины...

Поддержку новаторам оказал главный инженер ЗИО М. Берман. Вернее, он был одним из главных инициаторов решительных перемен в технической политике завода. Его не испугала необходимость перестройки производства, значительных затрат, творческих поисков. Всё это стократно окупится...

Решающее слово произнёс партийный комитет завода. Собрав конструкторов и выслушав обе стороны, партком дал заводскому КБ точную и ясную установку на создание новых конструкций. С той поры руководящий коллектив партийной организации ЗИО принимает все меры к тому, чтобы в дело непрерывного развития технического прогресса втянуть широчайшие массы работников завода, сделать технический прогресс и законом производства, и знаменем труда, и потребностью человеческого сердца.

Результаты этого не замедлили сказаться.

Ведущий конструктор А. Королёв создал конструкцию полуавтомата для обработки подшипниковых колец больших размеров. Производительность нового станка была вдвое более высокой, чем старого. За первой оригинальной конструкцией последовала другая, значительно улучшенная. Вскоре ЗИО смог насытить подшипниковую промышленность станками высокой производительности.

Первые успехи окрылили работников конструкторского бюро. Группа ведущего конструктора Я. Мезивецкого создала оригинальный универсальный многорезцовый гидрофицированный полуавтомат «1731». По мощности он превзошёл станок «Фей» более чем в два раза, а по скорости — в четыре раза. Следует особо подчеркнуть, что в конструкции «1731» воплотилась не только смелая творческая идея, но и яркое проявление

заботы о рабочем. При скоростном резании металла образуется раскалённая фонтанирующая стружка. Конструкторы ЗИО создали совершенно новую — наклонную компоновку полуавтомата, надёжно защищающую токаря от стружки. Кроме того, эта конструкция позволила рабочему близко подходить к режущему инструменту, а раньше он вынужден был или обходить станок или залезать на него.

В первой половине пятой пятилетки полуавтомат типа «Фей» ушёл в прошлое. Вслед за ним последовал в небытие и автомат типа «Кон». ЗИО создал автоматы «1240-4» и «1240-6» — удвоенной мощности и скорости. За счёт постоянного кулачкового копира переналадка станка занимает теперь вместо восьми часов менее получаса. В шестнадцать раз быстрее!

Значительным событием в жизни конструкторского бюро ЗИО и всего завода явилось создание токарно-копировального полуавтомата с гидравлическим приводом подачи. Его история разносторонне поучительна, особенно для работников тех заводов, где на технический прогресс обращают ноль внимания, где перспективное конструирование считается делом необязательным, канительным, лишним, несущественным, мешающим производству, программе, плану.

Мы только что рассказали о станке «1731», имеющем значительные преимущества перед старым «Феем». Казалось бы, всё хорошо? Нет, не хорошо. Не привыкли останавливаться на половине дороги советские люди, подлинны новаторы. Главного конструктора ЗИО И. Ростовцева не удовлетворял этот станок, созданный под его же руководством. «1731» не соответствовал самым высоким требованиям техники, её современному уровню. Ростовцев искал путей к появлению на свет такого станка, который работал бы с малым количеством резцов за счёт следящей копировальной системы.

Конструктору Б. Коробочкину, ранее работавшему над следящими устройствами, было поручено отыскать решение этой проблемы. Его освободили от всякой текущей работы и дали одно задание: думать. Конструктор усердно читал техническую литературу, набрасывал на доске различные схемы и варианты станка, решал сложные математические уравнения, считал, рассчитывал.

Коробочкин создал конструкцию двухкоординатной гидрокопировальной системы для обработки деталей любой конфигурации при постоянной результирующей подаче. Обработка основного профиля изделия производится одним резцом. Новый станок дал возможность широкого применения современных твёрдых сплавов при высоких скоростях резания и значительных сечениях стружки. По имеющимся сведениям, мировая техника станкостроения до сих пор не имеет станков, обеспечивающих постоянную результирующую подачу.

Новая крупная победа технического прогресса на ЗИО была подготовлена чёткой организацией конструкторского труда, правильным отношением к нему. Конструктор участвует в выполнении производственной программы. Конструктор участвует в модернизации и модификации станков, созданных им самим. Конструктор участвует в доводке и отладке станков, являющихся детищами его творческой мысли.

Но эти станки не могли бы появиться на свет, если бы перспективное конструирование не было одним из основных законов производственной жизни завода. Конструктор — «вперёдсмотрящий» технического прогресса. Надо создать такие условия для его работы, чтобы он имел полный простор для выполнения своей высокой миссии в социалистической промышленности.

В таком деле нет ничего особенного? Так и должно быть? Совершенно верно. Однако очень хорошо, когда это является не только лозунгом, но и фактом.

В реализации изобретения Б. Коробочкина есть характерная для ЗИО черта. Творческая идея нового станка была очень заманчивой, математические расчёты конструктора очень убедительными. Но завод не пустил станок в производство тем способом, который называется «запуск с листа». Как и полагается по законам техники, решено было проверить принципиальную схему станка, предложенную Коробочкиным.

Эта схема была воплощена в металле примитивными средствами, доступными любой мастерской. На старом токарном станке начались испытания и эксперименты, подтвердившие правильность расчётов конструктора. Эксперименты заняли много времени, но стоило потрудиться! Когда чётко выяснилось, что принципиальная схема станка верна, запустили в производство сразу двенадцать новых полуавтоматов. Это был случай, когда технический риск являлся обоснованным, научно оправданным, что и подтвердилось.

Вторым существенным результатом экспериментальных работ было рождение станочной лаборатории ЗИО. Впрочем, правильнее будет, если мы скажем «узаконение» её. До этого в штатном расписании завода она... не существовала. Её фактические руководители — инженеры — числились конструкторами, её рабочие были «прописаны» в производственных цехах. Лаборатория ставила ценные опыты, проводила важные исследовательские работы, которые принесли огромную пользу, но сама она жила «на нелегальном положении».

Сейчас станочная лаборатория получила свои права. Она является важнейшим подспорьем производственной деятельности завода. Начальник лаборатории В. Бердников стал кандидатом технических наук, положив в основу своей диссертации актуальные проблемы станкостроения.

Значительную часть продукции ЗИО составляют агрегатные станки и автоматические линии.

Они создаются заводом по чертежам специального конструкторского бюро Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности (СКБ1). Совместная работа СКБ1 и коллектива ЗИО являет пример творческого сотрудничества. Люди завода считают СКБ1 «своим», и дело, конечно, не в том, что оно помещается в здании заводоуправления ЗИО. Главный конструктор СКБ1 Ю. Эрпшер имел все основания сказать на совещании станкостроителей:

— Мы работаем совместно с ЗИО более десяти лет. Наши конструкторы сотрудничают с цехами завода не хуже конструкторов ЗИО. Ни завод, ни СКБ1 не испытывают никакой нужды в писании друг другу актов и других бумаг...

Идёт взаимное обогащение идеями, замыслами, опытом. Конструкторы завода используют в своей работе всё новое, что создаёт СКБ1, и предоставляют в его распоряжение всю сумму своих достижений. Заводская газета «Новатор» пишет: «Используя опыт и принципиальную гидравлическую схему, разработанную в КБ нашего завода, конструкторам СКБ1 удалось сконструировать замечательные машины». Речь идёт, в частности, о гидрокопировальном фрезерном станке, который «умеет» не только производить наружное и внутреннее копирование деталей сложного профиля, но и масштабное копирование, то есть обрабатывать деталь большего размера, чем копир.

Сотни агрегатных станков и тридцать четыре автоматические линии, построенные ЗИО по чертежам СКБ1, работают на заводах массового машиностроения. О значении и экономическом эффекте автоматических линий можно говорить без конца. Приведём лишь один пример. Новая, оригинальной конструкции автоматическая линия для обработки сложной детали (кассеты хлопкоуборочного комбайна) управляется всего лишь одним оператором, и, таким образом, в каждой смене высвобождается

тридцать девять рабочих. Пять комплексно действующих станков линии одновременно пускают в ход 150 режущих инструментов и заменяют 40 универсальных дорогостоящих станков.

Каждый агрегатный станок ЗИО сокращает трудоёмкость изделий и увеличивает производительность труда в среднем в два-три раза. Автоматические линии СКБ1-ЗИО позволяют уменьшить число занятых рабочих в пять-шесть раз и, что самое главное, снижают себестоимость изделий на 25—30 процентов.

В шестой пятилетке автоматизация производственных процессов является одной из главных задач работников промышленности. Роль ЗИО в этом деле должна быть очень значительной. В 1956 году завод обязан выпустить двенадцать автоматических линий, а в 1960 году, быстро наращивая темпы ежегодного выпуска, — тридцать линий. Почти столько же, сколько он создал доньше за десять лет.

Творческие идеи конструкторов ЗИО и СКБ1 воплощаются в металле практиками производства. Но технологи и рабочие не являются здесь механическими исполнителями заданий. Снизу вверх идёт поток ценнейших предложений, поправок, усовершенствований, идей. В атмосфере содружества теории и практики расцветает технический прогресс.

Для критической оценки достигнутых результатов в техническом развитии завода и определения дальнейшего направления работы на ЗИО была проведена техническая конференция. В ней приняли участие четверста человек. Выступали не только конструкторы, инженеры, начальники цехов, работники лабораторий, но и технологи, мастера, рабочие. Активно и заинтересованно участвовали в ней учёные ряда институтов.

Уже только по одному тому, как прошла эта конференция, — деловито, целеустремлённо, на высоком накале, — можно смело утверждать, что дело технического прогресса на ЗИО находится в верных руках.

Настроение, господствовавшее на конференции, выразил один из докладчиков:

— Задача наша не в том, чтобы перечислить, что мы успели сделать, и умилиться тем, какие мы с вами хорошие. Главное — наметить пути решения новых задач в области новой техники...

Сейчас мы расскажем об одном примечательном периоде жизни конструкторов ЗИО. В это время наиболее ярко и наглядно обнаружилось все истоки творческой атмосферы, созданной в конструкторском бюро.

В прошлом году, после Всесоюзного совещания работников промышленности в Кремле, партийный комитет ЗИО провёл специальное заседание с участием широкого актива конструкторов. Обсуждался один вопрос: «Задачи технического прогресса в конструировании наших станков».

Решение парткома, единодушно принятое на этом заседании, поставило перед конструкторами ЗИО увлекательнейшую задачу. К а ж д ы й и з н и х должен был в своей области конструирования дать план работы н а м н о г и е г о д ы в п е р ё д. К каждому из них партком обратился с призывом: твори! выдумвай! пробуй! От конструкторов ожидали определения перспектив развития автоматов и полуавтоматов, ожидали предложений, содержащих принципиально новые идеи или намечающих пути практического совершенствования того, что уже создано.

Чувство, охватившее коллектив заводского КБ, можно назвать одним словом: вдохновение! Любому конструктору давался полный простор для проявления своего таланта и умения. Ему не ставили никаких рамок. Наоборот, его призывали к тому, чтобы он действовал, как полный властелин всей «территории» своей работы, определил в ней путь и направление технического прогресса так, как считает нужным он, конструктор. Покажи себя, товарищ! Прояви себя во всю силу, во всю ширь!

Когда предложения были собраны, началось всестороннее обсуждение выдвинутых проблем и конкретных заявок в конструкторских группах, на

партийно-хозяйственном активе. В творческом разговоре приняли участие и технологи, чьё квалифицированное суждение о технологичности предполагаемых конструкций принесло существенную пользу. Суммированный план обнародовали, вывесили на самом видном месте, рядом с плакатом: «Внеси дополнения!».

Что включал созданный коллективной мыслью план? Конструкторы предложили осуществить в 1956 году: выпуск станка «1712», автоматически выполняющего четыре прохода вместо одного; создание автоматических загрузочно-разгрузочных механизмов на станках; конструирование автоматов для обработки деталей из разрозненных заготовок (из отливок, штамповок); конструирование механизмов (электрический и гидравлический варианты) для бесступенчатого регулирования скоростей...

Мы перечислили только малую часть плана, предусматривавшего также большие исследовательские работы в станочной лаборатории. Творческие идеи и конкретные обязательства десятков конструкторов ЗИО нашли своё место в общезаводском перспективном задании.

Легко можно проверить, явились ли все эти идеи и обязательства только благими намерениями или же руководством к действию. Посмотрим, что о с у щ е с т в л е н о на ЗИО за месяцы, протекшие со дня узаконения плана.

Создание автоматических загрузочно-разгрузочных механизмов имеет огромное значение для станкостроения и особенно для автоматических линий. Конструкторами ЗИО разработаны «на сегодняшний день» четыре варианта таких механизмов. Чертежи одного из этих вариантов ещё в феврале 1956 года сданы в производство. Отметим, кстати, что в его проектировании участвовали наряду с опытными мастерами конструкторского искусства (Беляев, Коробочкин, Савельев) и молодые конструкторы — Глубоков и Потапова. Подчеркнём: оба они пришли из цехов.

Первая партия станков «1712» уже изготовлена. Значительная часть заданий плана становится реальностью, вырисовывается не только линиями чертежей, но и плотью металла. А на чертёжных досках мы ещё тогда, в апреле 1956 года, видели станки, которые будут выпускаться заводом в 1957 году.

Так устремлённая вперёд конструкторская мысль определила пути технического прогресса на ЗИО. Что же дало конструкторам завода крылья для такого полёта?

На этот вопрос с предельной ясностью ответил нам ведущий конструктор Б. Коробочкин:

— Общественное мнение. Вокруг новых станков и перспективного конструирования партийный комитет ЗИО создал такое общественное мнение, такую атмосферу, что каждый из нас хотел и хочет вложить максимальную долю своего труда в достижение общего успеха.

Технический прогресс на ЗИО, бесспорно, начинается в конструкторском бюро. Однако нам придётся внести кое-какие дополнения к этому утверждению.

Ступени крутого подъёма

Технический прогресс на ЗИО начинается в технологических лабораториях завода.

...Конструкторские чертежи — это стратегический план технического развития предприятия. Когда рабочие чертежи какого-либо нового станка поступили в производство, надо создать тактический план воплощения конструкции в металл. С этого момента судьба станка переходит в руки технологов и производственников. На этом этапе «вперёдсмотрящими» технического прогресса становятся технологи.

Лаборатория металлов и термисты, руководимые инженерами В. Сельдимировым и В. Романиным, разработали и внедрили на заводе метод термической обработки крупных деталей станков токами высокой частоты. Применение ТВЧ и других наиболее прогрессивных термических процессов настоятельно потребовало ускоренной реконструкции термического цеха. А эта реконструкция тянулась невыносимо долго. Жизнь вынудила строителей станков превратиться на время в строителей зданий.

Об этой истории следует рассказать, ибо она ярко рисует огромную, истинно большевистскую активность работников завода имени Орджоникидзе во всём, что касается резкого усиления темпов технического прогресса.

Долго ждал завод, пока подрядная организация реконструирует старый термический цех, отличавшийся отсталостью своего оборудования и очень плохими условиями для труда рабочих. Подрядная организация время от времени прерывала стройку цеха. Эти перерывы продолжались иной раз год-полтора.

Партийная организация отдела главного механика, секретарём которой является бригадир В. Пономарёв, посоветовала директору завода Я. Козичеву отказать от услуг подрядной организации и завершить реконструкцию цеха силами завода, хозяйственным способом. Совет был принят.

Памятуя о том, что технический прогресс начинается также с использования опыта других предприятий, инженеры ЗИО — термисты и механики — посетили термические цехи многих передовых машиностроительных заводов. Они познакомились там со всем лучшим, что можно и нужно было применить у себя дома.

В термическом цехе, построенном на ЗИО, всё оборудование является новым, все процессы нагрева термообработки автоматизированы. Электротехническое оборудование (ванны, печи) оснащено автоматическими приборами для контроля технологических процессов. В цехе внедрена газовая цементация, сокращающая время на термообработку с 20—24 до 7—8 часов. Но на этом достижении термисты останавливаться не хотят. В содружестве с учёными Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков (ЭНИМС) на ЗИО подготавливается новый процесс газовой цементации с помощью нагрева изделий токами высокой частоты. Большой мощности генераторы ТВЧ для нового процесса в цехе уже установлены. Цементация, закалка и отпуск деталей будут производиться с одного нагрева. Время термообработки рассчитывают довести всего лишь до двух-трёх часов.

Лаборатория металлов и термисты ЗИО освоили процесс азотирования поверхности деталей. Для этого в новом термическом цехе построили специальную шахтную электропечь глубиной в шесть метров.

Радость действенного творчества выпала и на долю работников технологической лаборатории ЗИО. Их всего семь человек, но делают они многое.

Начальник лаборатории инженер Е. Трофимова показывает нам резцы, лежащие на специальном столе. Резцов всего с десяток, но они так широки, что занимают всю поверхность стола. Екатерина Ивановна говорит о них, как о живых существах, вспоминает биографию каждого резца, описывает их основные черты, их нрав. Эти резцы — существенная часть изыскательных работ технологической лаборатории ЗИО по снижению трудоёмкости изготовления станков.

В механическом цехе мы увидели резцы в действии. На громадном строгальном станке движется станина крупногабаритного расточного станка. Знакомый нам резец плавно снимает чугунную стружку. Ширина стружки — сто двадцать миллиметров. Идёт чистовое строгание. Точность

строгания — шесть сотых долей миллиметра на длине в восемь с половиной метров.

В недавние времена станину строгали на ЗИО узкими резцами, а затем слесари, сидя на станине верхом, вручную шабрили её неделями. На обработку одной станины уходило 360 часов нормированного времени. После упорных экспериментальных работ были внедрены широкие резцы для окончательного строгания. Шабровочные работы уменьшились в восемь раз. Общее время ручных работ доведено до 60 часов вместо 360.

Работами по освоению строгания широкими резцами руководил инженер Д. Голосов. Его характерной чертой является умение привлечь к своей работе, заинтересовать ею производственников. Одной из основ успеха по применению широких резцов было участие в этом деле лучших строгальщиков завода С. Бакалинского, А. Лаврентьева, В. Ямпольского. И опять-таки типичный для людей ЗИО штрих: рабочие с живым интересом отнеслись к этому нововведению — и не только потому, что оно резко увеличило производительность их труда. Точность и чистота окончательного строгания широкими резцами оказалась такой, что после него слесарям почти нечего было делать. Строгальщики с удовлетворением и гордостью сказали нам, что теперь именно они, строгальщики, придают «окончательное лицо», «своё лицо» деталям. Раньше это вручную делали «всадники-слесари».

Вот какую радость приносит людям технический прогресс!..

В действующую технологию завода прочно вошёл новый для ЗИО процесс шевингования — чистовой обработки шестерён, решающий задачу выпуска быстроходных станков. Повышение точности шестерён, сокращение трудоёмкости их изготовления — заслуга инженеров технологической лаборатории Е. Трофимовой и С. Дружининой. Старший мастер С. Поляков, токарь-инструктор Г. Ахлестов придумали ряд новинок в области технологии. Расширение фронта применения скоростного и силового резания металла, внедрение скоростного внутреннего шлифования, применение направляющих частей станка, сделанных из пластмассы и увеличивающих срок службы станков, — всё это результат творческой работы небольшого коллектива технологической лаборатории, её тесного контакта с цехами завода...

Мы уже видим, дорогой читатель, что с ваших уст снова готов сорваться тот же вопрос: «Ну и что же во всём этом удивительного? Так оно и должно быть». Совершенно верно. Но хорошо, что это есть...

Лаборатории ЗИО, кроме станочной, входят в отдел главного технолога. Показатели работы этого отдела хорошие. План по разработке технологических процессов в прошлом году перевыполнен. В сравнении с 1954 годом сделано значительно больше в области конструирования оснащения.

Но на заводе имени Орджоникидзе знают и понимают, что в любой сфере производственной жизни предприятия — во имя убыстрения технического прогресса — рядом с текущим планом обязан существовать перспективный план.

Не так давно на ЗИО начал действовать наряду с лабораториями новый институт технического прогресса — группа перспективной технологии. Трёх ведущих технологов — товарищей Л. Соболева, Н. Рысь и И. Апштейна — начисто освободили от всяких иных заводских забот и дали им (как в своё время Б. Коробочкину) одно задание: думать. Инженеры коренным образом пересмотрели технологические процессы производства важнейших деталей станков, создаваемых заводом, и предложили свои нововведения. Три технические конференции отдела главного технолога, следовавшие одна за другой, горячо одобрили эти проекты.

Перед заводом открылась возможность на сотни часов снизить трудоёмкость изготовления станков.

Но оказалось, что для внедрения технологических процессов, разработанных группой перспективной технологии ЗИО, необходимо спроектировать и изготовить более трёхсот сложных приспособлений и инструментов, заказать и внедрить ряд специальных станков. А бюро конструирования инструментов и приспособлений по малочисленности своей не смогло справиться с такой солидной дополнительной нагрузкой. Здесь хочется сделать такое обобщение: наши предприятия, принимая меры к развитию технического прогресса, должны прежде всего обеспечить возможность реализации полученных результатов — и обеспечить с запасом на дальнейшее продвижение вперёд.

Настоящий успех, как известно, достигается в преодолении трудностей. Когда трёх ведущих технологов освободили от повседневных дел, их нагрузка легла на плечи других товарищей. Нашлось немало недовольных этим обстоятельством людей, а также и прямых противников нового начинания. В этот период особенно наглядно сказалась роль партийной организации отдела главного технолога. Каждое новое предложение группы перспективной технологии партийное бюро ОГТ выносило на обсуждение коллектива.

Со ступени на ступень, всё выше и выше широко шагает завод имени Орджоникидзе, создавая новейшую советскую технику.

Его шаг ещё и потому широк, что все творческие отделы ЗИО окружены «внештатными» сотрудниками и помощниками в лице передовиков производства — начальников цехов, мастеров и рабочих. Их мысль, инициатива, смекалка, выдумка приносят неоценимую пользу заводу, являясь мощной опорой технического прогресса.

В этом легко убедиться.

Творчество масс

Технический прогресс на ЗИО начинается в цехах.

...Производственники завода — это коллектив, имеющий своё индивидуальное лицо, свой характер, цельный и резко очерченный. Велика его требовательность к себе, велика его активность во всех областях производственной и общественной жизни. Умение увеличивается неустанно приобретаемым знанием, а умение и знание, вместе взятые, — сознательным отношением к каждому делу, творческим подходом к нему.

Четыреста человек работают на ЗИО со дня его основания — двадцать пять лет. Это золотой фонд завода. Идешь по цехам — и что ни шаг встречается человек, о работе которого можно было бы написать целую монографию: вот об этом рабочем, вот об этом наладчике, мастере, начальнике цеха, сборщике, отладчике автоматических линий и агрегатных станков...

Производственники ЗИО объединёнными усилиями движут вперёд технический прогресс. Свою долю творческого участия в его развитии вносят на заводе все, начиная от директора и кончая тем, кто ещё недавно стал членом рабочего коллектива ЗИО.

Во время одной из наших бесед с начальником технологической лаборатории Е. Трофимовой к её столу подошёл паренёк в форме ученика ремесленного училища. Он так просто, как спрашивают в читальне книгу, которая там обязательно должна быть, произнёс:

— Я пришёл за передовыми методами.

Его заявка не была для начальника лаборатории необычной. Отложив в сторону очередные дела и усадив юношу около себя, Екатерина Иванов-

на сперва узнала, в каком цехе и на каком участке он работает. Выяснилось, что зовут его Анатолий Рогатовский, работает в сборочном цехе.

Трофимова обстоятельно рассказала о новаторских приёмах сборщиков, посоветовала, с какой литературой стоит прежде всего ознакомиться.

Анатолий скоро окончит 56-е ремесленное училище. На ЗИО проходит производственную практику и в этом году определится на завод. Об этой перспективе он говорит с удовольствием и гордостью.

Обучением Рогатовского в цехе занимается многоопытный слесарь А. Толмачёв. Он старательно посвящает будущего рабочего во все тонкости мудрой специальности сборщика сложных современных станков. В разговоре с нами Анатолий почтительно называл Толмачёва «мой учитель».

— Почему же ты пришёл в лабораторию за передовыми методами, если у тебя есть такой учитель?

— Да вот плакаты эти, — указал Рогатовский на свёрнутые трубкой бумаги, — по всему заводу развешаны. Как же не заинтересоваться новинками по своей специальности?

И, будто сообщая о чём-то само собой разумеющемся, добавил:

— Сам товарищ Толмачёв и послал меня сюда.

Пройдитесь по цехам ЗИО, и со всех стен будут разговаривать с вами плакаты, рассказывающие ясным языком чертежей и эскизов о передовых методах труда. Чертежи сопровождаются подробными описаниями рабочих процессов. Здесь запечатлены и опыт работы с резцами, оснащёнными минералокерамическими пластинками, внедрённый работницей Ниной Байдаковой, и новаторство рабочего А. Воронова, заменившего шабрение (тяжёлый ручной труд!) шлифовкой, и поучительный опыт мастера Д. Зотова, слесаря И. Беяева, сотен других рационализаторов завода. Такие плакаты-рассказы являются отличными агитаторами за технический прогресс.

На самом видном месте любого цеха ЗИО помещён «Социалистический заказ рационализаторам». Так назван темник нерешённых вопросов производства, составленный инженерами завода. Они отметили неудовлетворительные места новых конструкций, которые нужно решить по-иному, чем это сделали конструкторы; указали на брак, рождаемый неисследованной технологией, на технологические процессы, которые хоть и составлены «по науке», но требуют больших затрат рабочего времени и включают ручные работы; обратили внимание на участки, где — по нормам и фондам — расходуется нежелательно много материалов, электроэнергии, и так далее и тому подобное. Словом, в темниках эскизно намечены пути приложения творческих усилий рационализаторов данного цеха.

В главном корпусе ЗИО красуется доска показателей — строгая по форме и очень серьёзная по значительности содержания. Здесь можно узнать о ходе соревнования на почётный титул: «Лучший цех по рационализации и изобретательству»; поинтересоваться, какой процент составляют рационализаторы к общему числу работников; осведомиться, сколько внесено, принято к реализации и уже внедрено предложений, какая получена при этом экономическая выгода.

Мы обратили внимание на последнюю и главную колонку доски, показывающую, кто из соревнующихся идёт впереди. Против каждого цеха и каждого отдела стоит порядковый номер места, занимаемого в соревновании, — от первого до двадцать третьего, последнего. На ЗИО это делается совсем по-иному, не так, как обычно на предприятиях, когда места в соревновании распределяются только между «призёрами», а все остальные участники идут общим гуртом, уравниваются безразличием к степени отставания каждого.

Технический прогресс начинается со всего, что указывает путь работы пытливого творческой мысли, со всего, что рождает вокруг дела рациона-

лизации и изобретательства атмосферу неустанного содействия новаторству. На ЗИО такая атмосфера создаётся многими начинаниями.

На заводе часто и с пользой для дела проводят конференции рационализаторов, стараются во всём им помочь. Для руководителей цехов и профсоюзного актива устраиваются семинары по законодательству и порядку организации изобретательской работы. Во всех цехах выпускаются бюллетени и «молнии», вывешиваются фотовитрины рационализаторских предложений. Инженеры регулярно проводят консультации для изобретателей.

Стремление к непрерывному улучшению и обогащению методов труда, их распространению, особенно среди молодёжи, стало на ЗИО явлением массовым. Вот что примечательно!

Рассматривая поток предложений работников ЗИО, мы убедились в том, сколь он многообразен. Из сотен примеров новаторства возьмём случаи разных «калибров».

После месяца работы в механическом цехе выпускник ремесленного училища А. Абрамов внёс предложение, которое позволяет точно определить, на какую глубину просверлено отверстие в детали. Предложение было принято. Значительно сократилось вспомогательное время, заметно выросла производительность на этой операции.

Молодой токарь В. Черняк много раз был на совещаниях новаторов, присутствовал на заседаниях технического совета. Он захотел проявить свою инициативу. Первое его новшество вызвало недоверчивую улыбку более опытных рабочих. Чтобы не подавать вручную сверло, Черняк приделал по крючку к бабке и к суппорту. Суппорт станка, двигаясь, потащил за собой заднюю бабку со сверлом. Отпала нужда в ручной работе. Когда так, самоходом, стал работать станок, Черняк посматривал по сторонам, но уже не видел иронических усмешек. Вскоре он вновь вызвал одобрение старых токарей, предложив конструкцию накатки из твёрдого сплава. Испытание накатки на высоких оборотах прошло успешно. Новым инструментом токарь теперь накатывает 160—200 деталей вместо сорока.

Что же это такое? Мелкие случаи? Нет! Это драгоценные крупницы инициативы рабочего, опыта, который нужно неустанно пропагандировать. Являясь микроскопической частью широкого творческого движения, эти «мелкие случаи» символизируют гигантскую силу всенародного новаторства. Тот, кто презрительно относится к таким «мелочам», кто ищет лишь крупных изобретений, великих открытий, тот ничего не понимает ни в значении «малых рацпредложений» для производства, ни в их влиянии на человека.

Кстати сказать, эти «мелочи» дали в прошлом году заводу имени Орджоникидзе полтора миллиона рублей экономии. Но дороже любых денег та творческая атмосфера, которая каждодневно рождает на ЗИО поток рабочих предложений...

Можно без конца рассказывать о ценнейших предложениях людей ЗИО, сумевших своими оригинальными идеями существенно улучшить вновь осваиваемую продукцию. Обратитесь к конструкторам завода — они вас «засыпят» именами людей разных специальностей, творчески участвовавших в отработке новых станков.

Приведём только несколько примеров. Начальник цеха М. Воловик предложил новую конструкцию важного узла серийного станка, полуавтомата модели «1722», созданного на ЗИО и являющегося одним из лучших полуавтоматов в мире, если не самым лучшим. Однако рационализатор (заметьте, не конструктор!) нашёл пути к тому, чтобы сделать его более простым и экономичным. О д н о й детали Воловик заменил несколько десятков сложных деталей. Каждый серийный полуавтомат «1722» стал теперь на тысячу рублей дешевле.

Второй пример ещё более поучителен, хотя бы тем, что характеризует умение работников ЗИО критически подходить к своей деятельности, не бояться признать собственные недостатки, найти в себе мужество отдать предпочтение автору лучшего варианта решения проблемы.

Электрическая схема управления одним из новых станков, предложенная ведущим конструктором Ф. Савельевым, не вызывала никаких сомнений и возражений. Она была основана на современных достижениях техники, обеспечивала бесперебойное управление станком. Схему утвердили, и чертежи её поступили в электроцех. Но именно в силу своей привычной «правильности», трафаретности, она не удовлетворила рабочего-электрика П. Горбачёва, которому поручили её выполнение. Горбачёв — рационализатор с творческим подходом к работе, каких у нас теперь много. Прежде чем приступить к исполнению «узаконенной» схемы, он очень долго изучал чертежи, раздумывал над ними.

И раздумывал не зря. Он предложил электросхему проще и дешевле прежней, но столь же работоспособную и надёжную. Схема Горбачёва поразила специалистов своей оригинальностью и неожиданно простым решением сложных вопросов. Конструкторы в смущении говорили, что и у них мелькали мысли о чём-то подобном, но вот не решились они отойти от проверенных образцов. Нельзя сказать, чтобы конструкторам ЗИО было легко отступить от своей электросхемы и собственноручно коренным образом менять чертежи. Однако они честно признали преимущества схемы Горбачёва.

Теперь о крупных технических усовершенствованиях.

Конструкторы Б. Коробочкин и Я. Мезивецкий по своей инициативе создали гидрокопировальный суппорт (КСТ1) к универсальному токарному станку. Слесарю Т. Кусаеву, члену парткома завода и Ленинского райкома КПСС, удалось сделать станок для механической притирки запрессованных втулок, он же предложил механический шабер, призванный намного облегчить один из самых трудоёмких видов ручных работ. В настоящее время изобретатель отлаживает этот инструмент.

Многими своими сторонами представляет интерес изобретение сборщика К. Мещанкина, вчерашнего комсомольца, ныне кандидата партии. Видя на испытаниях достоинства и недостатки притирочного станка Кусаева, он придумал свою оригинальную конструкцию, имеющую ряд преимуществ. В период осуществления этого замысла наглядно проявилось значение творческого содружества работников ЗИО. Мещанкин обладал солидным опытом сборки и регулировки сложных гидравлических механизмов. Но познаний в области конструирования станков у него, конечно, не было. На помощь пришёл старший мастер участка, студент 4-го курса техникума, член парткома И. Платонов. По вечерам и в выходные дни он помогал изобретателю чертить эскизы нового станка. Мещанкин из отходов производства изготовил принципиальный узел своего станка и опять-таки вместе с Платоновым тщательно его проверил. Конструкция оказалась удачной.

Мы не рассказали и малой доли того, что следовало бы рассказать о творчестве рабочих ЗИО. Но надеемся, что вам, читатель, теперь ясна система работы с рационализаторами и изобретателями на заводе имени Орджоникидзе. В этой работе нет «ничего особенного», но хорошо, что она именно такая, как полагается на социалистическом предприятии.

Каковы же её зримые результаты? Предоставим слово цифрам.

За 1955 год поступило от рационализаторов 1187 предложений, намного больше плана. Принято к внедрению в производство 760 предложений. Из них внедрено 600 — семьдесят процентов! Мы ставим сугубое ударение на слове «внедрено». Не только «собрано», не только «рассмотрено», но и внедрено.

Однако дело не только в цифрах, хотя они и превосходны. Важнейший политический и психологический итог этих цифр и всего, что на ЗИО окружает творчество новаторов, заключается в следующем. Каждый предложивший рационализаторскую идею твёрдо уверен, твёрдо знает, что, если эта идея может принести хоть малую пользу заводу и стране, её обязательно осуществляют. Обязательно!

Технический прогресс на ЗИО, бесспорно, начинается в цехах. Но и не только в них...

Радость познания

Технический прогресс на ЗИО начинается с ученической парты.

...Вечером, после окончания заводского рабочего дня, зашли мы в помещение партийного комитета ЗИО. Секретарь парткома Н. Власов отсутствовал. Мы нашли его в учебном классе. Он сидел за столом перед раскрытой ученической тетрадью и слушал объяснения преподавателя физики. Здесь же занимался и председатель заводского комитета товарищ Арапов.

Двадцать лет назад Николай Андреевич Власов пришёл на завод имени Орджоникидзе обученным токарем после окончания ФЗУ. В годы военной службы окончил школу младших авиаспециалистов, был механиком на самолёте. Вернувшись на ЗИО, Власов работал токарем седьмого разряда, стал мастером, затем начальником ремонтного цеха. Он знаком со всеми тонкостями механики восстановления станков различного назначения и различных конструкций, советских и зарубежных.

Но чем больше он знал, тем больше понимал, что знаний его недостаточно. Особенно ошутительным стало это чувство в последний год, ибо всё усложняется техника станков, выпускаемых заводом. А грядущее сулит ещё более трудные и увлекательные задачи. Н. Власов учится в вечернем техникуме, хочет получить систематическое техническое образование.

...Тот же вечерний час. В небольшой комнате, рядом с библиотекой, разместились за партами человек двадцать пять среднего командного состава заводских цехов и отделов. Это один из курсов заводского филиала станкостроительного техникума. У классной доски — преподаватель, инженер ЗИО. Идёт урок математики.

Среди занимающихся здесь мы видим людей разных профессий и возрастов. Студентами техникума в возрасте 45—50 лет стали начальники цехов А. Алексеев, А. Вильчинский, А. Котляр, М. Фирстов, а также старшие и сменные мастера. Начальник цеха № 17 Алексеев учится на одном курсе со своей дочерью, работницей ЗИО.

Растёт образовательный ценз рабочих завода. Из технических училищ на ЗИО приходят молодые рабочие, которые имеют десятилетнее образование и продолжают учиться в институтах, в техникумах. Рабочие с аттестатами зрелости, рабочие-студенты — значительная часть нового поколения заводского коллектива.

При таком составе рабочих и при всё усложняющейся технике немудрено, что многие десятки практиков прилагают все усилия, чтобы получить техническое образование. Партийный комитет и вся партийная организация ЗИО нацеливают их на это. Руководство завода предоставляет им все возможности учиться и агитирует за учёбу. Жизнь требует, страна зовёт учиться, завод помогает. И вот руководители и работники сложных важных участков ЗИО после 20—25-летнего перерыва в учёбе сели за школьные парты.

Здесь следует рассказать об одном действенном способе помощи этим товарищам, применённом на ЗИО. Поступить в техникум можно, лишь имея законченное семилетнее образование. Немалая часть практиков, лю-

дей немолодых, такого образования не имела. И завод имени Орджоникидзе организовал для них специальные курсы, помог им сдать экзамены за семилетку и, таким образом, предопределил возможность поступить в техникум.

До сей поры среди мастеров завода только один является дипломированным техником. Скоро он не будет столь «одиноким». Ныне двадцать восемь мастеров-практиков учатся на различных курсах техникума, другие готовятся к поступлению в техникум.

Не думайте, товарищи читатели, что для занятий огромного числа людей на ЗИО отведена только маленькая комната возле библиотеки. У завода есть учебный комбинат, чьи классы достаточно вместительны. Но учебных «мероприятий», о которых мы ещё расскажем, так много, что приходится занимать и помещение около библиотеки и даже иногда кабинет главного инженера; мы и этому были свидетелями...

В институтах учатся 87 работников ЗИО, в техникумах — 186, в вечерних средних школах — 128. На курсах повышения квалификации занимаются 500 молодых рабочих. К их услугам библиотека, любая лаборатория. Мы не думаем, что нужно объяснять значение и суть тех явлений и цифр, о которых говорится в этой главе.

На заводе постоянно действуют школы передового опыта. Теоретические занятия ведут в них инженеры ЗИО. Новаторы производства демонстрируют свои методы работы. Широко применяется на заводе индивидуальное обучение: шефство опытного кадровика над тем или иным рабочим.

Станок — это не груда металлических частей, а агрегат, помогающий вырабатывать человеческое счастье. И мало тут того, что иной мастер или рабочий понимает большую пользу станкостроения «вообще». Нужно довести до сознания человека значение того станка, который он производит, смысл конструкции, которую он осуществляет, объём реальной пользы, которую вот этот станок и вот эта конструкция принесут родной стране. Нужно затронуть в человеке творческую жилку, заинтересовать его новизной задания, дать ему представление о той чести, которая выпадет на его долю, когда задание будет выполнено.

Примеров такой системы работы с людьми на заводе имени Орджоникидзе можно привести много.

В те дни, когда завод перешёл от создания механических станков к производству станков, оснащённых гидравликой, было немало препон в их освоении. Зная, что переход к новой технике не может совершиться безболезненно, если люди её не понимают, на ЗИО создали специальные группы производственников, которым конструкторы завода и СКБ читали лекции о новом принципе работы станков.

С той поры и повелись здесь курсы по изучению новых конструкций, ибо практические результаты лекционной работы сразу оказались очень существенными. Этими занятиями постепенно привили рабочим вкус к техническому прогрессу.

Рабочие завода имени Орджоникидзе являются энтузиастами новой техники, несмотря на все трудности освоения. Они понимают не только общее значение этой техники, но и свою роль в её создании. К тому же результаты технического прогресса облегчают их труд и в то же время дают им возможность показать себя. Мы уже рассказали о том чувстве, которое родилось у строгальщиков завода после внедрения строгания широкими резцами...

Описанный нами метод обучения и пропаганды является на ЗИО не кратковременной кампанией, а постоянно действующей системой. В марте 1956 года мы присутствовали на совете мастеров завода, на котором (по специальному пункту повестки дня) состоялся доклад главного инженера

ЗИО о технических свойствах и преимуществах нового станка «1712», о значении в техническом прогрессе загрузочно-разгрузочных механизмов.

Для молодых конструкторов, пришедших из техникумов и с производства, организован на заводе семинар по их специальности. Технологи ЗИО слушают цикл лекций о новой прогрессивной технологии. Клуб завода знакомит рабочих с новостями науки и техники.

Люди ЗИО учатся. Учатся новички, недавно переступившие порог завода, учатся почтенные кадровые рабочие, ещё в дни первой пятилетки вошедшие зрелыми людьми в новые корпуса ЗИО, учатся работники всех профессий и должностных рангов.

В этом для советского человека нет ничего особенного? Конечно! Но очень хорошо, что это есть.

Существует на ЗИО ещё один вид учёбы, не менее действенный, чем все остальные. Регулярно, систематически, организовано и масштабно изучают работники завода опыт других предприятий, научно-исследовательских институтов, и не только своей отрасли промышленности.

В течение года бригады инженеров и рабочих ЗИО побывали на заводах Москвы, Ленинграда, Киева, Горького, Краматорска, Рязани, Николаева. По возвращении на свой завод бригады составляют технические отчёты, публикуют их в заводской газете «Новатор», выступают перед товарищами с докладами. Опыт, почерпнутый в поездке, становится достоянием завода. А главное заключается в том, что этот опыт внедряется. К этому надо прибавить, что за год — по налаженной переписке — ЗИО получил от институтов и других заводов свыше ста технических материалов.

Со своей стороны ЗИО щедро делится достижениями с работниками других предприятий. За год он выслал заводам-соратникам пятьсот технических материалов. Небезинтересно, что в 1955 году число советских людей, посетивших ЗИО для обмена опытом, превысило две тысячи восемьсот человек.

С чего же и где начинается на заводе имени Орджоникидзе технический прогресс?

Решите сами. Любой ответ можно признать правильным, хотя таких ответов можно дать много.

Где на ЗИО та сила и воля, которые являются основными и главными руководителями и вдохновителями коллектива завода в деле технического прогресса?

Ответ на это можно дать только один.

Душа технического прогресса

Производственная жизнь — это жизнь людей. Усилия рабочего коллектива направлены к одной цели, но величайшее значение для результатов этих усилий имеет творческое самочувствие каждого человека, выполняющего свою долю работы.

Сложная цепь служебного подчинения существует на каждом предприятии. Эта цепь должна быть прочной, незабываемой. Но и распоряжаться и подчиняться бывает легко и просто, когда взаимоотношения между людьми основаны на строгой взыскательности, соединённой с товарищеским доверием к людям, с вниманием к ним, с заботой о них.

Административное умение, основанное на знании и предвидении, направляет хозяйственную деятельность завода и его людей. Но стократно возрастает результативность этого умения, когда вся жизнь завода охвачена могучим влиянием его партийной организации, действенным, организующим, вдохновляющим.

Душой всей работы завода имени Орджоникидзе, в том числе и технического прогресса на нём, является партийная организация.

Первая заповедь практической деятельности партийной организации ЗИО должна обратить на себя особое внимание. Мы слышали, как эту заповедь произносят в партийном комитете завода, в цеховых партбюро, на партсобраниях, на производственных совещаниях, на совете мастеров, в конструкторском бюро и у станка, на больших собраниях и в частных беседах. Её формула проста и не содержит в себе ничего особенного, но суть заключается в том, что её не только произносят, но и выполняют повседневно.

Эта формула гласит: занимайтесь людьми — тогда и детали будут. Занимайтесь людьми — тогда и новые конструкции появятся. Занимайтесь людьми — тогда и рационализаторская работа двинется полным ходом. Занимайтесь людьми — тогда любое задание выполним. Занимайтесь людьми!

Но мало провозгласить хороший лозунг, высказать отличную мысль, хотя и это немаловажно. Организационная работа должна обеспечить осуществление идейной установки. Заниматься на заводе людьми — это означает ежедневно вдохновлять их на производственный подвиг, вооружать умением и знанием, пробуждать в них стремление к общественной активности, учёбе, культуре, творчеству, к техническому прогрессу. Одними речами этого не сделаешь, даже самыми хорошими. Только в том случае можно добиться успеха по всем этим направлениям, если у каждого человека будет полная уверенность, что любая форма его творческой активности приведёт к практическим результатам. Тогда инициатива масс развернётся во всю ширь.

Что делают для этого коммунисты ЗИО?

Первая заповедь организационно оформилась в первый пункт повестки дня любого партийного собрания, любого заседания парткома, партбюро. Первый пункт повестки дня точно установлен, predetermined, всегда один и тот же: «Отчёт о выполнении решений предыдущего собрания. Отчёт о выполнении практических предложений, внесённых на прошлом собрании. Отчёт о том, какие меры приняты для устранения недочётов или ошибок, указанных в выступлениях товарищей».

О ходе выполнения решений и предложений докладывают секретари партийных организаций. На критические замечания, направленные в адрес заводоуправления, отвечает директор завода, в адрес цеха или отдела — начальник цеха, начальник отдела.

Порядок ответов на критику всюду един. Мы присутствовали на заседании совета мастеров, где объяснения давали главный технолог, начальник производства, начальник технологической лаборатории.

Всё это, вместе взятое, даёт людям завода точные доказательства того, что решения большого или малого собрания на ЗИО не останутся невыполненными. Каждый человек обретает уверенность, что его дельное предложение осуществят, его критические замечания не забудут.

Вот что означает первый пункт повестки дня любого собрания для партийных и беспартийных людей завода имени Орджоникидзе!..

Уважение к людям, их инициативе и критике пронизывает всю будничную работу партийной организации завода. Здесь критику не рассматривают как бедствие, неприятность, подрыв чьего-нибудь авторитета. Критика расчищает путь вперёд.

Нам не забыть тех минут, когда секретарь партийного бюро цеха № 1 Иван Викторович Климов показывал аккуратно подшитые заметки из всех номеров стенной газеты, вышедших в цехе за год. Он любовно и уважительно перелистывал страницы подшивки, рассказывал о людях, написавших эти строки. На обороте каждого листка рукой Климова было

написано, какие меры приняты партийным бюро и администрацией цеха для реализации предложения рабкора или устранения недостатка, указанного им.

По чести говоря, мы не видели ни на одном заводе такого правильного, строго регулярного выхода всех стенных газет — не менее двух раз в месяц. По чести говоря, мы не видели предприятий, на которых с такой быстротой откликались бы на сигналы стенных газет, независимо от того, поднят ли ими очень важный или «маленький» вопрос.

Перелистайте протоколы заводского партийного комитета. Какой бы вопрос ни разбирался на парткоме, всегда обращается внимание на роль стенной газеты в цехе или на участке, на действенность её статей. В ряду важных мер, намеченных парткомом по улучшению работы цеха № 2, значится требование выпустить стенгазету в нём не два, а три раза в месяц...

Масштаб работы с людьми определён на ЗИО второй заповедью: приводите в движение массы, тщательно следите за тем, чтобы всеми средствами партийного влияния был охвачен широкий круг людей — весь коллектив.

Читателю уже известно, как привлёк партком ЗИО всех конструкторов к участию в составлении перспективного плана завода. Это не была кратковременная «кампания». В течение 1955 года три раза обсуждались на парткоме дела КБ, отнюдь не в порядке аварийном.

Приведём пример того, с какой требовательностью относится партком к пропагандистской работе.

На заводе сто пятьдесят агитаторов, хорошо подготовленных занятиями в специальном семинаре. Беседы с рабочими регулярно проводятся в обеденные перерывы и охватывают значительное число людей. Что ж, можно поставить «галочки» и прибавить к своему счёту ещё один успех?.. Но партком решил не определять «на глазок», а тщательно подсчитать, сколько рабочих того или иного цеха посещает эти беседы, точно выяснить, кто бывает на них. Оказалось, что «процентная цифра» вполне удовлетворительна, но в некоторых цехах на беседы приходят одни и те же люди. Отсюда возник специальный пункт повестки дня парткома, состоялось широкое обсуждение агитационной работы: как вовлечь в её орбиту всех людей цехов, а не только их часть, пускай даже немалую.

Сама подготовка к обсуждению вопросов на парткоме является на ЗИО общей задачей заводского коллектива. Создаётся комиссия из пяти, пятнадцати, а то и двадцати человек партийного актива. Состав комиссии подбирается так, чтобы в неё входили люди, которые со всех точек зрения могут проанализировать проблему. Когда, например, готовилось обсуждение положения в цехе № 2, ставшем одним из виновников срыва ритмичной работы завода, в комиссию парткома под председательством главного инженера включили тех товарищей, от которых зависит выполнение решений парткома по цеху. Дело на ЗИО поставлено так, что одна подготовка к обсуждению вопроса на парткоме уже влияет на ход производства.

Максимальный охват людей тем или иным видом общественной работы — не самоцель. Он нужен для того, чтобы привести в движение массы, мобилизовать их на выполнение плана и создание новой техники. Он нужен для того, чтобы, всемерно укрепляя единоначалие, осуществлять вместе с тем формы и способы контроля снизу, которые призваны, по определению В. И. Ленина, «вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма». Он нужен для того, чтобы заводский коллектив сознательно и активно принимал участие в управлении производством.

Что для этого надо сделать? Прежде всего вооружить массы знаниями, приобщить их к пониманию принципов и задач руководства предприятием.

Постоянно работает в партийной сети ЗИО семинар по вопросам конкретной экономики. Его программа: истоки роста производительности труда, организация производства и планирования, обеспечение ритмичного выпуска, калькуляция себестоимости, значение технического прогресса в промышленности, передовая технология. Лекции читают директор завода, главный инженер, главный технолог, начальник планового отдела. Ежегодно проводится семинар секретарей цеховых парторганизаций, где лекции читают и работники ЗИО и секретари Ленинского райкома КПСС. О семинаре для агитаторов мы уже говорили.

Эти мероприятия принято считать скучными. Приходите на ЗИО — и вы увидите, какое это живое дело. Вы увидите также, как на заводе мобилизуют массы на выполнение производственной программы и заданий по новой технике.

Не позднее первого или второго числа каждого месяца партком ЗИО созывает секретарей цеховых и отделских парторганизаций. Директор завода или главный инженер докладывает товарищам о результатах работы прошлого месяца и о заданиях каждого участка на новый месяц.

Секретари низовых парторганизаций, вернувшись в цех или отдел, доводят эти задания до каждого человека своего коллектива. Составляется план социалистического обязательства цеха на месяц, план, отличающийся всегда исключительной конкретностью. (Его выполнение проверяют два раза в месяц и очень строго.) Стапки новой техники являются непременной частью обязательства.

Так план завода становится личным планом тысяч людей...

Партком обладает умением ставить узловые вопросы партийной и производственной работы, актуальные проблемы технического прогресса на ЗИО. Под неослабным контролем парткома находится также выполнение плана организационно-технических мероприятий, ибо это основа развития всех звеньев завода. Деятельность парткома успешна, потому что он твёрдо и неукоснительно выполняет первую заповедь своей практической работы: **з а н и м а й т е с ь л ю д ь м и !**

Есть ли недостатки в работе завода и его партийной организации? Конечно, есть. Спросите об этом в первую очередь самих людей ЗИО. Они расскажут вам о них подробно и честно.

Организация производства на ЗИО отстаёт от темпов технического прогресса. Проклятая штурмовщина показывает свои когти и на этом славном заводе. Основных причин две: немалые перебои в снабжении (особенно литьём) и изъяны внутривзаводского планирования. Следствий тоже два: срывы выпуска продукции в установленные сроки и потери рабочего времени. Лишь в январе этого года завод сдал две автоматические линии, которые он должен был сдать в конце 1955 года. Длительное время задерживается выпуск двух автоматических линий нового типа для полной комплексной обработки деталей. Потери рабочего времени доходят до одного часа в день.

О существенном недостатке говорил на общезаводском партийном собрании рабочих В. Еромасов.

— Дирекция, — сказал он, — больше внимания уделяет выпуску станков, чем з а п у с к у деталей в производство. Помогите заготовительному цеху, механизмируйте его работу, дайте своевременно заготовки механическим цехам, а за ними дело не станет.

Недостатки на ЗИО есть. Не всё может идти гладко даже на очень хорошем заводе, где много дел, сложных и трудных, где для осуществления любого замысла требуются десятки опытов и проверок. Всегда возможны промахи и отдельные ошибки, недочёты и неполадки, препятствия и затруднения. Надо лишь стремиться к тому, чтобы они были невелики и быстро устранялись.

Недостатки на ЗИО есть. Но не о них идёт сейчас разговор. Тема этого очерка — положение технического прогресса на заводе. А в этой области на ЗИО достоинств гораздо больше, чем недостатков...

Каждый человек на заводе — фигура. Здесь каждый человек чувствует, что он имеет возможность работать в полную силу. У него есть куда обратиться за помощью, и всегда найдётся тот, кто ему эту помощь окажет. Он уверен, что несправедливость не восторжествует, что она будет сломлена, преодолена. Он знает, что его не ошельмуют за критику, а за ошибку не сочтут, не воспользуются ею для немедленных «оргвыводов».

На заводе существует та коллективность, в которой не теряется отдельный человек, ибо каждому хватает работы и ответственности.

Обязательства принимают на ЗИО не для вывески. Соревнование организуют не по-казённому. Выполнение решений контролируют. Каждое мероприятие делают массовым. Всеми мерами развивают критику снизу.

Технический прогресс на заводе имени Орджоникидзе — реальная действенная сила, смелая, зрячая, боевая.

Во всём этом для завода социалистической страны нет ничего особенного. Так оно и должно быть.

В конце февраля этого года мы присутствовали на техническом совещании. Собрались конструкторы завода и СКБ1, а также работники машиностроительного института. Обсуждался вопрос, как будто бы не имеющий отношения к выпускаемым ЗИО станкам.

Представитель научно-исследовательского института электропромышленности рассказывал о созданной институтом малой электронно-вычислительной машине. Станкостроители имели лишь общее представление о её конструкции. Учёный-электрик только на этом совещании знакомился со станками завода. Но совещание не было делом случайным. Его созвал... технический прогресс.

Электрики и станкостроители искали путей к использованию преобразователя электронной машины для управления станком. Станки должны работать по зашифрованному на карточке заданию. Завод и институт договорились совместно создать такой станок.

...Настало время сказать слово об одном из главных героев нашего повествования.

Слово о станке

Приглядитесь к нему, он этого достоин.

Перед вами — станок.

Нет таких машин, нет таких моторов, турбин, автомобилей, тракторов, комбайнов, экскаваторов — да разве всё перечислишь! — которые не были бы сотворены станком.

Машины дают нам ткани, обувь, пашут поля, убирают урожай, пекут хлеб, разделяют мясо, движут поезда, качают нефть, зажигают свет, обеспечивают тепло, складывают дома, подымают гигантские тяжести, окружают нас бесчисленными предметами, украшающими жизнь, приборами, облегчающими труд, книгами, приносящими радость. Любая из этих машин сооружена станками.

Вот что надо помнить, видя станок.

Его делают люди. Они творят конструкцию, отливают и куют детали, обрабатывают их, придают им нужную форму, точат, сверлят, фрезеруют, шлифуют, собирают станок, отлаживают его и — пускают в жизнь.

Войдите в цехи станкостроительного завода. Вы поймёте, что каждое из только что названных дел является делом сложным, требующим умения и вдохновения. Всмотритесь в работу людей завода, и вы увидите, разгадаете, почувствуете красоту любой заводской профессии и красоту всех

заводских профессий, направленных к единой цели. Рождается станок, которому не должно быть равного в мировой технике. Для этого нужна мобилизация всего богатства знаний, накопленных наукой и техникой, мобилизация людской мудрости и опыта, сплав математического расчёта с дерзанием, сотни экспериментов и проверок, решение многозначного числа проблем, самых общих и самых конкретных, самых больших и самых малых. Каждый человек решает победу участка, любой участок решает победу завода. Люди работают. Идея вдохновляет, разум диктует, воля движет, руки делают.

В станке, создающем машины, воплощена поэзия человеческого труда. И вместе с тем он сам по себе поэзия.

Величайший художник вселенной — человек — создал это замечательное произведение технического искусства и вдохнул в него жизнь.

Глядите! Человек дал станку стальной пруток. Станок выдвигает пруток на необходимую длину, с абсолютной точностью точит по одному диаметру, другому, третьему, делает выемку, выточку, сверлит отверстие, нарезает резьбу, делает накатку, снимает фаску — всё готово. Рраз! — резец отрезает готовую деталь, и станок, выдвинув металл прутка на следующий участок, продолжает трудиться. Всё это делается в немногие секунды без участия человека.

Глядите! Перед вами гидрокопировальный виртуоз — станок с высшим образованием. Ему дали чертёж или шаблон (копир). «Глядя» на чертёж, станок повторяет резцом все тончайшие извилины линий, делая из заготовки сложнейшую деталь, зафиксированную в чертеже.

Глядите! Перед вами станок — специалист по массовому производству конкретной детали. Не будем отдельно описывать его свойства и могущество. Представим себе, что он встроен в автоматическую линию подшипникового завода и стоит рядом со своими соратниками по другим специальностям, являясь лишь одним звеном общей цепи.

В бункере — груды штапков. Ловкими, рассчитанными движениями станки берут заготовку и, передавая её друг другу, обдирают её, точат, термически обрабатывают, постепенно шлифуют со всех сторон с точностью до одной тысячной доли миллиметра, промывают, отсортировывают по группам размеров, смазывают, собирают из многочисленных деталей сложнейший подшипник, заливают специальным маслом для возможности длительного хранения, тщательно запаковывают, затем ставят дату и марку завода. Грубая заготовка превращена в великолепно сделанную вещь, готовую к отправке. И всё это без прикосновения руки человека.

Это одна из десятков автоматических линий, оснащённая станками только наших, советских конструкций, созданная нашими, советскими заводами. Сколько продукции она даёт? Втрое больше, чем то же число станков, обслуживаемое отдельными рабочими. Сколько времени служит эта продукция? Втрое дольше. Как работает линия? Сами видите — превосходно.

Всё это достойно восхищения. Но достоин восхищения и каждый станок, лично, персонально. Мало узнать, что он производит. Посмотрите, как он работает. В это стоит вникнуть.

Станок не только берёт деталь, движет её, поворачивает, насколько и где это надо, сам подводит и отводит инструменты. Станок рассчитывает, координирует движения механизмов. Он сам себя корректирует, сам себя поправляет. Если в одной детали допущена неточность, станок сам настраивает механизмы и инструменты так, чтобы эта неточность не повторилась. Если стачивается режущая поверхность абразива, станок правит его и придвигает к детали ровно на такую величину, какая нужна. Делать это станок умеет. Как делать, он знает. А тот миг, когда необходимо применить знание и умение, он чувствует...

Творение ума и рук человеческих, станок любым своим свойством и движением показывает исключительную точность, неутомимость, демонстрирует свою красоту и красоту своей работы.

Да! Станок сам по себе поэзия...

Немудрено, что с чувством особого удовольствия смотришь на станок. Немудрено, что обуревают тебя также чувства радости и гордости. Ещё так недавно мы совсем не имели своего станкостроения, а сегодня нет в мире такого типа станка, который не производился бы в Советской стране. Есть отечественные конструкции, превосходящие по своим показателям зарубежные, и скоро мы увидим, как на вершине мировой техники, в том числе и станкостроительной, будет развеяться флаг Союза Советских Социалистических Республик.

Это будет, обязательно будет!..

Но победа никогда сама не приходит, её надо завоёвывать. И не обойдётся тут одной победой, раз и навсегда закрепляющей наше первенство. Понадобится нескончаемая цепь регулярных побед, следующих одна за другой, чтобы не отстать, чтобы, используя наивысшие достижения своей и иностранной техники, всё время их превосходить, оставлять позади.

Конструктор-творец, являющийся подлинным новатором, рассматривает каждый выпущенный станок, даже лучший в мире, как эскиз грядущего, ещё более совершенного станка. Нельзя сомневаться в том, что советские люди создадут и такие станки, которые, подобно электронным машинам, будут получать задачу в виде математической формулы, а затем решать и выполнять задачу без участия человека. И это явится лишь ступенью к новым открытиям и свершениям.

Технический прогресс должен быть непрерывным!

Но мало изобрести конструкцию самого замечательного станка. Надо воплотить её в металле.

Вот тут-то и вступают в строй те силы, которые являются осуществителями технического прогресса, а значит, и его участниками.

Вы думаете, что это конструкторы, технологи, лаборанты, мастера, наладчики и рабочие разных специальностей?

Конечно, да! Но не только они.

Вы думаете, что это также заводы-поставщики, министерство, главк, директор завода, его заместители, начальники технических служб, снабженцы, начальники цехов и все другие представители административного и производственного персонала предприятия?

Конечно, да! Но не только они.

Включитесь в заводские будни, включитесь всем разумом, всем сердцем, и вы поймёте, какую видную роль играют в расцвете или прозябании технического прогресса многие вещи. Яркий или скучный плакат. Интересная или вызывающая непрестанную зевоту лекция. Наличие или отсутствие вентиляции в цехе. Заполненное или пустующее место для стенгазеты. Грубость или вежливость в обращении с людьми. Внедрённое или годами лежащее рационализаторское предложение. Требовательная и сердечная творческая дружба или склока в среде администрации. Выполненный или извека невыполняемый колдоговор. Содержательно построенное и точно нацеленное собрание или ставшая привычной безрезультатная говорильня. Строгое и заботливое регулярное руководство или вихревые начальственные наскоки работников министерства и главка. Храбрость или робость критики, непримиримость или равнодушное отношение к недочётам, ошибкам, безобразиям. Чистота или грязь в цехах. Ритмичная работа или штурмовщина. Сэкономленные или растраченные килограммы металла, киловатт-часы энергии, минуты времени. Заинтересованность в человеческой судьбе или безразличие к людям. Мобилизующее и

вдохновляющее влияние секретаря парткома или его безрукость, суматошность, чиновничье благодушие, разбазаривание его времени по пустякам. Коллективность в работе парткома или персональное ячество секретаря. Регулярный созыв заводских и цеховых партийных собраний или проведение их ради «галочки» в отчёте. Активное участие коммунистов во всех областях производственной и общественной жизни завода или их пассивность, бесстрашие, нейтралитет. Умение коммунистов создать боевую творческую атмосферу в партийной жизни завода или их неумение это сделать и отсутствие стремления к этому...

Технический прогресс движут вперёд и линии конструкторского чертежа, и руки рабочего, и сталь инструментов, и тепло человеческого сердца.

Жизнь заводских будней сложна. От её любого звена зависит победа. Представим себе, что все без исключения звенья заводской жизни — производственные, административные, партийные, комсомольские, профсоюзные — работают налаженно и целеустремлённо, согласованно и дружно, в полную силу, с расчётом и дерзанием, оперативностью и предвидением, размахом и вдохновением. Да это же норма советской жизни! Только так и должно работать предприятие социалистической страны.

Вот почему сложная формула технического прогресса раскрывается просто: нормальная хорошая советская работа всех звеньев завода и всех его людей — вот что такое технический прогресс!

Ноябрь 1955 г. — май 1956 г.

Хоть и кривой и неказистый,
Не парусина, всё же — дом.
Прицепщики и трактористы
Живут в страдную пору в нём.

Рассохлись полки, стены тонки,
А всё ж оседлость налицо.
Уж не купе, а комнатёнки,
Уже не тамбур, а крыльцо.

Что сохранилось от чугулки?
Вагон закончил свой маршрут.
Поутру яйца в гнёзда-лунки
Несушки под полом кладут.

На крыше радиоантенна
И трос с постиранным бельём.
По вечерам самозабвенно
Поёт гармошка под окном.

Но, свыкшись с новым назначеньем,
Вагон на свежем ветерке
Весь в напряженьи, весь в движеньи,
На службе, а не в тупике.

Опять шумит простор зелёный,
Мелькает в окнах тот же дым,
И фары тракторной колонны —
Как семафоры перед ним.

Его, как раньше, сотрясает
Неугомонный топот ног.
Он ни на час не покидает
Летящих вдаль больших дорог.

ЕЛОЧКА

Вдали от дома, от Москвы,
От всей своей родни,
Под Новый год остались вы
Совсем, совсем одни.

Я не звонил, не подавал
Тревожных телеграмм,
Собрался вмиг — и на вокзал,
На юг, на праздник, к вам.

Казалось, что наедине,
Вдали от шумных дел,
Заговорить удастся мне,
О чём давно хотел.

Я верил: слышные едва
В полуночной тиши,
Дойдут до вас мои слова,
Слова и крик души.

А днём — об этом я не знал —
В посылке заказной
Вам кто-то ёлочку прислал
Из области лесной.

Хоть ненарядна и мала,
Без восковых свечей,
Она живой для вас была,
Вы радовались ей.

Как я жалел, жалел до слёз,
Почти не пил вина,
Что ёлочку не я привёз,
Что не моя она.

Не догадался, как нужны
Для вас на Новый год
Приметы милой стороны,
Дыханье непогод.

Ужели есть для вас родной
Другой, родней, чем я?
Всю душу отдал вам одной,
А ёлка — не моя.

Сбылось, как думал: за столом
В предновогодний час
Сидим наедине, вдвоём,
Но ёлка — промеж нас.

Колючая, за много вёрст
Пришла, взяла своё.
Вы поднимали каждый тост —
Я видел — за неё.

Рукою — это не в упрёк! —
Её ласкали вы,
Как непокорный вихорок
Ребячьей головы.

И вспыхивали огоньки
На зелени ветвей
От вашей ласковой руки,
От ревности моей.

Но я молчал.
Уже восход
Вставал среди вершин...
Встречал я этот Новый год
Совсем, совсем один.

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не вижу другой такой,
Чтобы навеки по сердцу.
Так почему ж в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Всё что-нибудь мерещится нам,
Всё что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?» —
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,—
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет —
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

· · · · ·
А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра.

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчёлы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора.
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь.
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
— Как дела? —
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла.

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадёт.
Утром не умирают —
Солнце начнёт обход!

ПРИМЕТЫ

Как я радовалась приметам,
Часто выдуманной самой,
По которым зимой и летом
Выходило одно:
Ты мой.

От невзгод не скудела сила,
Только б светлыми были сны,
Только б слева луна всходила,
Вёдра были б водой полны.

Будто влаги живой пригубишь,
Уронив ненароком нож,
И уж верилось:
Любишь, любишь,
Несмотря ни на что, придёшь.

Подшутить над собой не смела.
Соль рассыпав, теряла речь,
Никогда горбушек не ела,
Чтобы счастье наше сберечь.

Ничего-то ты не заметил
И не понял моих примет.
Что теперь мне подковы эти,
Коль тебя в моём сердце нет!

АЛЕКСИС ПАРНИС

★

СКАЗАНИЕ О НИКОСЕ БЕЛОЯННИСЕ

(Из книги второй)

...Слово певца

Идёт-шагает по земле его большое имя,
А он, герой, стоит в тюрьме, стоит неколебимо.

Я мог бы камеру его сравнить с могилой тесной,
Солжёт сравнение моё — в могиле больше места:

Всего лишь шаг, один лишь шаг здесь от стены до двери,
Бетон, и выступы на нём торчат клыками зверя.

Закрыта пасть. И лишь когда палач повелевает,
Со скрипом челюсти свои застенки разжимает.

В другую камеру ведут допрашивать героя,
Она не очень велика, но это — поле боя,

Где ложь и правда, тьма и свет сошлись в смертельной схватке,
Здесь всё о битве говорит, повсюду — отпечатки,

Следы борьбы... Вот на полу лежат окурки грудой,
Как души тех, кого палач заставил стать иудой,

А там, в другом углу, — клочки изорванных дилоси,
В лицо тюремщикам швырнул их кто-то на допросе.

. . . . .

«...Молчишь?» «А разве я молчу?» — так Никос отвечает
И снова молча палача глазами измеряет.

«Молчишь? Напрасно. Ты один, бессмысленно бороться».
«А разве я один? — ответ спокойный раздаётся. —

Нас много здесь. Не я — один, а ты. С тобою рядом
Лишь тень твоя, и сам ты тень», — и снова твёрдым взглядом

Он смотрит палачу в лицо, и с губ его — ни слова,
Но говорят его глаза бесстрашно и сурово:

«По многим странам ты прошёл до этой нашей встречи,
Весь с головы до ног покрыт ты кровью человеческой.

И ничего, кроме неё, засохшей крови этой,
Ни на тебе и ни в тебе от человека нету.

То кровь товарищей моих из дальних стран и ближних.
Они со мной, и с ними я. Я не один. А ты же,

Ты одинок. Не по плечу тебе бороться с нами». «Молчишь?!» «А разве я молчу? Я говорю с друзьями».

Идёт-шагает по земле его большое имя,
А он, герой, стоит в тюрьме, стоит неколебимо.

Теряет время облик свой за мёртвою стеною,
Ни зорь, ни сумерек, ни звёзд. Унылой белой тьмою

Сочатся лампочек глаза, и, белой тьмой одета,
Здесь круглый год стоит зима, нет ни весны, ни лета.

Который час? Который день? Какое время года?
День испытанья. Час борьбы за твой приход, Свобода.

Молчит бетон. Ни плач, ни смех сюда не проникает.
Молчит окошечко в дверях... Как редко открывает

Его тюремщик... Да и то не для того, чтоб стало
Немного в камере свежей и легче грудь дышала,

А чтобы воздух отравить дыханием зловонным
И скудный хлеб, что по утрам даётся заключённым,

Обильно смазать маслом лжи... Тюремщик не скупится,
Перечисляя тех, кого сумел палач-убийца

Заставить пред врагом склонить дрожащие колени,
Предать друзей и подписать бумагу отречения.

Не знает Никос, в тех словах что истинно, что ложно.
Где фальшь, где правда, где шантаж — проверить невозможно.

Тюремщик сыплет имена — и вдруг между другими
Бесстрастным голосом
её он называет имя.

Что это — правда или ложь? Конечно, ложь... А если?..
Лицом к лицу они врага всегда встречали вместе.

Как трудно ей сейчас... Она одна пред стаей волчьей.
Найдёт ли силы, чтоб стоять перед врагами молча

И чтобы тысячами «нет» оборонять упорно
То «да», которое ему сказала так покорно.

Одни промолвят это «да», чтобы пройти с тобою
Тропинкой парка, и уйдут тропинкою другою.

Другие, мило шебеча, идут с тобою рядом
До первой встреченной в пути какой-нибудь преграды.

А третьи скажут только раз, но, помня это слово,
Идут с тобой на смерть, на бой — им нет пути иного.

Таким надёжным, прочным «да» любовь их обвенчала
В суровый час, когда везде их смерть подстерегала.

Нет, он не верит палачу, не верит лжи змеиной,
Он верит памяти своей, он верит в тот единый,

В тот сладкий хлеб, что он делил с подругою надёжной.
Нет, он не верит палачу, его победе ложной.

Он верит больше, чем ему, в слова их первой встречи,
 В ладони неба, что легко ложились им на плечи,
 В ладони неба, что теплы, как матери ладони;
 Он верит в зори, в светлый час, когда на небосклоне
 За гладью моря голубой из белой дымки нежной
 Вставало солнце над землёй, как сеятель надежды.
 Он твёрдо верит в ту любовь, что врозь они искали
 И вместе наконец нашли, и вместе защищали.
 И здесь, в тюрьме, её хранят, хотя и врозь, но вместе.
 Нет, ты напрасно лжешь, палач. Напрасно лжешь... А если?..
 Порой в глубокой тьме видней, заметнее бывает
 Порок, который яркий свет от глаз твоих скрывает.
 И, может быть, вчерашний день не устоит и рухнет
 Под гнётом нынешнего дня, в чаду той адской кухни,
 Где сразу в тысячах котлов готовит враг отраву...
 И, может быть, он услышал сейчас не ложь, а правду.
 И близок день, когда она во всей жестокой яви
 Пред ним предстанет и в её шипящей чёрной лаве
 Дотла сгорят его мечты и лучшие надежды.
 Но и тогда, в жестокий час, он будет твёрд, как прежде.
 На горе, на кровавый след, на раны и увечья
 Прольёт свой нежный свет его улыбка человечья.
 Она как вечная печать на договоре жизни,
 Который Никос подписал, служа своей отчизне.
 . . . . .
 Идёт-шагает по земле его большое имя,
 А он, герой, стоит в тюрьме, стоит непоколебимо.
 Который день? Который час? Какое время года?
 День испытанья. Час борьбы за твой приход, Свобода.
 Там, за стеной, во всей красе горячий праздник лета.
 А здесь от светлых летних дней всего одна примета:
 Мундиры белые как снег охранники надели,
 А под фуражкой лица их заметно почернели.
 Там, в небе, солнце-тамада стаканы наливает,
 Земля узорчатый ковёр цветами вышивает,
 А море голубой рукой ткёт кружевную скатерть.
 Ведут оливы хоровод, а на зелёных скатах
 Живые статуи стоят — задумчивые козы.
 Под сладкой тяжестью плодов согнулись низко лозы,
 И, чтобы не скатиться вниз, карабкаясь на склоны,
 Они надёжно оперлись на тысячи ладоней.
 Как хорошо сейчас итти, отлав всё тело зною...
 «Молчишь?» «А разве я молчу? Я говорю с землёю...»

Который день? Который час? Какое время года?
День испытанья. Час борьбы за твой приход, Свобода.

Немые стены. Тишина. Молчанье гробовое.
Окошко скрипнуло. Палач глядит в него.
...Какое?!

Какое слово он сказал? Такое слово слышат
В домах, где белый потолок высок и чист, но выше

И чище радость, что людей встречает у порога,
В домах, где жизни и тепла так бесконечно много,

Такое слово слышат там, где могут ночь и вечер
Стать ранней утренней зарёй — зарёю человечей.

Да, люди так в других краях такое слово слышат:
Кто у станка, кто у стола, кто под родною крышей.

А кто от дома отделён лесами и горами,
То слово — лучшее из слов — находит в телеграмме.

Он стал отцом! Но где теперь кричит его ребёнок,
Его любимое дитя и арестант с пелёнок?

Где он от сырости дрожит? Где мать его родная
Ему показывает цепь, ребёнка забавляя?

«Утешься! Разве хочет мать дитя вогнать в могилу?
Свободу росчерком пера она себе купила».

Купить свободу? Это ложь. Коварство злого зверя.
Напрасна хитрость палача — он вновь ему не верит.

Нет, не умрёт его жена, в темнице догорая,
Когда теперь в её руках трепещет жизнь другая!

Счастливой матерью её он видит пред собою,
В её руках малютка-сын, что стал её судьбою;

Он видит мученицу-мать среди горя и страданий,
Себя и сына своего она пятнать не станет.

Ребёнок — солнце и огонь, он гонит злые тени,
Он гонит злобный мрак врагов, он гонит боль сомнений.

И Никос верит, верит в ту, что он назвал женою:
Две жизни ей дано нести тернистою тропею.

Одна она! И сколько их, кому во мраке ночи
Лишь одиночество глядит с тоскою тихой в очи!

Одна она! И сколько их, кого грызёт и гложет
Воспоминание о тех, кто был им всех дороже!

Не долго вам весна любви, родимые, сияла!
И нашей нежности и ласк досталось вам так мало!

Среди неволи и зимы, под дикий вой метели
Мы всех заветных слов любви сказать вам не успели.

Мы не успели подсчитать всех звёзд в небесной дали
И всех цветов, что на окне в горшочках расцветали.

Мы сладость ваших нежных губ не пили полной чашей,
И редко усыпляло вас в ночи дыханье наше.

И редко приходилось нам встречать не врозь, а рядом,
Под общей кровлею, рассвет, следя беспечным взглядом

За тем, как утро-почтальон сквозь жалюзи бросает
Нам письма белые свои и счастье обещает.

Как мало было этих дней! И бурною рекою
Разлилась перед нами жизнь, но страхом и тоскою

Вы не были объаты. Нет! И нас вы не просили
Через поток перенести вас, нежных и бессильных.

Нет! Знали мы: ваш твёрдый дух страданий не боится
И ваш удел — Макронисос, могила и темница.

И в ваших чёрных волосах пробилась седина,
И горьких слёз остался след — глубокие морщины.

Но не увяли сердцем вы, оно морщин не знает,
Оно не знает седина и юностью сияет...

Да, ваше сердце — верный друг, проверенный борьбою.

«Молчишь?» «А разве я молчу? Я говорю с женою».

И заключённому твердит холодный голос снова:
«Тебе откроет дверь тюрьмы всего одно лишь слово».

«Молчишь?» Но разве он молчит? С врагами и друзьями,
С землёй и с солнцем говорит он днями и ночами.

Всплывают образы пред ним, и видит он ребёнка,
Что, улыбаясь, протянул к нему свою ручонку.

О чём же просит сын его? И что он сыну скажет?
Ни тёплых слов, ни нежных ласк, ни погремешки даже

Он здесь ему не может дать; и детской колыбели
Не смастерит ему отец во мраке подземелья:

Он здесь другую колыбель в тюрьме сооружает —
Грядущий день его страны в ней крепнет и мужает.

И шепчет он: «Печаль моя! Моё большое счастье!
Единственный подарок мой тебе вручить я властен.

С подарком тем нельзя играть, чтоб бросить, не горюя:
То имя честное моё, что для тебя храню я.

И это имя, мальчик мой, как славное оружие:
Им может только тот владеть, кто этого заслужит.

То будешь имя ты носить, что некогда носил я,
И всюду защитит тебя любви отцовской сила.

Где б ни был ты, ты будешь знать, что я всегда с тобою,
И не почувствуешь себя нигде ты сиротою.

Затем, что с теми, кто живёт, кто дышит полной грудью,
Мы, павшие в бою с врагом, стоять бок о бок будем.

Любимые! Мы будем жить, мы будем с вами рядом,
Чтоб наша родина была для вас цветущим садом.

Любимые! Незрима связь, но связь крепка меж нами:
Листвой вы будете, а мы — глубокими корнями.

И землю нашу, что была голодной и холодной,
Глазами вашими дано увидеть нам свободной.

И радость завтрашнего дня, что не омыт слезами,
Увидеть будет суждено нам вашими глазами.

Мы тропы будущих времён, я это твёрдо знаю,
Ногами вашими пройдем, уверенно шагая.

И будем строить новый мир мы вашими руками,
На ваших крыльях будем мы парить за облаками.

Мы будем... бедный мой сынок, дитя моё родное,
Мой мальчик, что к моей груди прижат в мечтах лишь мною».

Идёт-шагает по земле его большое имя,
А он, герой, стоит в тюрьме, стоит неколебимо.

Который день? Который час? Какое время года?
День испытанья. Час борьбы за твой приход, Свобода.

Настала осень, дни, когда природа отцветает
И зёрна будущей весны на грудь полей роняет.

Великий сев. Пора надежд, пора трудов упорных,
Великий сев. По всей земле ложатся в землю зёрна.

Враг выбрал этот светлый час, святую пору сева,
Чтобы посеять семена презрения и гнева:

Он начал суд — неправый суд... В наручниках, как вора,
Жандармы Никоса ведут по гулким коридорам.

Порог тюрьмы, тюремный двор. За дверью — небо. Небо!
На небе — солнце! Как давно обласкан Никос не был

Лучами солнца. На глазах героя блещут слёзы.
И палачи ему в лицо швыряют брань, угрозы:

«Не так заплачешь на суде!» И, злобствуя, хохочут.
Безумцы! Он не сдался им в клыкастой пасти ночи,

Теперь с ним солнце, силы их в союзе нерушимом!
Толкают Никоса, к другим подводят подсудимым.

Он видит среди них её... Вся в солнце... Вся в улыбке...
«Не так заплачешь!..» Без неё он твёрдо шёл на пытки,

Теперь он с нею! Не согнут его ничьи удары.
К воротам узников ведут, толкая их, жандармы.

Идёт герой туда, где ждёт тюремная машина,
Идёт, и кажется ему, он слышит голос сына:

«Куда спешишь ты, мой отец?» «Иду, сыночек, в поле,
Пришли дни сева, человек одной заботой полон —

Посеять семена весны: хлеба, цветы и травы.
Иду и я в сердцах людей посеять зёрна правды.

Мой мальчик! Осень на дворе — открыли школы двери,
И я иду, чтоб дать урок бесстрашия и веры.

Иду! Не знаю, может быть, мне не придётся боле
С кошёлкой, полною семян, на зорьке выйти в поле.

Урок... Не знаю, не хочу назвать его последним,
В одно лишь твёрдо верю я: не будет он бесследным.

Я сею правду, и её не заковать в оковы..
Ты слышишь, Никос? Мальчик мой, мой Белояннис новый!..»

Великий сев! Пора надежд. Пора трудов упорных.
Из зала лживого суда бросает Никос зёрна

Священной правды, и они летят по всей Элладе,
Чтобы взойти и расцвести, как солнце, в каждом взгляде!

Великий сев. В те дни и я на борозде народной
Посеял первую строку той песни, что сегодня

Тебе, Эллада, отдаю, сказанье завершая.
Прими же эту песнь мою, отчизна — мать родная!

Бывают песни, что живут, как тучки в небе ясном:
Уйдут — придут, придут — уйдут, всем ветеркам подвластны.

Но есть другие — человек хранит их в сердце с детства,
Как дар от деда и отца, полученный в наследство.

И как в бою от уст к устам баклажка переходит,
Так песни те из века в век идут — живут в народе.

...Я завершаю песнь свою, её судьбы не зная,
Возможно, мой посев не даст большого урожая

И время скажет про меня: нет, слабы плечи были,
Не смог он эту песнь поднять, хоть не щадил усилий,

Не смог... Но если и такой услышать суд придётся,
Для чёрной горечи обид всё ж места не найдётся

В моей душе — она полна высокого сознания,
Что жил и я в те дни, когда жил Никос Белояннис,

Что вместе с ним, в рядах бойцов, несущих знамя века,
И я сражался на земле за счастье человека.

Пройдут года, и скажем мы, как о высокой чести:
«Мы знали Никоса! Мы с ним в горах сражались вместе».

Знал Никос — там, где человек уже пройти не может,
Преодолевая боль, боец к победе путь проложит.

А где бойцу не одолеть упорства бури мгlistой,
Там, взявшись за руки, идут к победе коммунисты.

Мы знали Никоса, он был для нас вождём и братом,
Мы знали Никоса, он был стратегом и солдатом.

Все дарования вложил он в званье коммуниста.
Его мы знали!.. Жизнь идёт, и годы мчатся быстро,

Когда-нибудь уйдут и те, что с ним стояли рядом,
Но ты останешься навек, святая мать Эллада!

И будешь гордо говорить, как о высокой чести:
«Я знала Никоса, мы с ним за жизнь сражались вместе».

Перевод с греческого Н. Разговорова.

БРУНО ЯСЕНСКИЙ

★

ЗАГОВОР РАВНОДУШНЫХ

Первая часть неоконченного романа*

Большее всего поразило Адрианова по своему началу письмо маллевского секретаря Шингарёва.

Шингарёва знал он, чтобы не соврать, лет тринадцать, и начало их знакомства, если рассказать о нём сейчас, могло показаться даже несколько необычным: Шингарёв принимал Адрианова в губернскую партийную организацию. Удивительного в этом ничего не было, поскольку сидел тогда Шингарёв на кадрах и прошёл через его руки не один Адрианов, а добрых несколько тысяч здравствующих и поныне членов партии.

Всю свою сознательную политическую жизнь, если не считать фронтов в гражданскую да нескольких лет учёбы, Адрианов провёл в крае, начав своё восхождение с секретаря маленькой заводской ячейки. Это стало для него впоследствии источником дополнительных затруднений. Руководить Адрианову приходилось людьми, которые ещё вчера были его начальством. Люди эти выдвигание его встретили кисло, как личную обиду. Когда же Адрианову впервые пришлось по кое-кому из них ударить, атмосфера обиды стала ещё напряжённее. Каждый из них считал себя предназначенным по крайней мере Адрианову в советники и подчеркнутую самостоятельность нового секретаря воспринимал как простое зазнайство.

Авторитет Адрианова вырос как-то незаметно. Отчитывал Адрианов по заслугам всех, но особенно строго тех, кого выдвигал сам и кого привыкли считать его любимцами. Снимал же с работы только тогда, когда случай оказывался явно безнадёжным. За стоящих работников дрался вплоть до КПК.

Первоначально Адрианов руководил цеховой ячейкой, а Шингарёв ведал кадрами в губкоме. Потом встретились они и подружились в городском комитете партии, куда выдвинут был Адрианов и куда за какие-то промахи сплавили из губкома Шингарёва. Когда же Адрианов пошёл вторым секретарём в крайком, Шингарёв секретарствовал уже в одном из отдалённых лесных районов.

Письмо Шингарёва, написанное убористым почерком на нескольких листках, вырванных из тетрадки, начиналось так:

«Главный мой недостаток как руководителя районной организации состоит, мне кажется, в том, что я не люблю своего района...»

Прочтя первые строки, Адрианов насторожился. Такое признание у своих секретарей он встречал впервые, и звучало оно почти неправдоподобно.

Адрианов сбрасывает пальто, выключает дребезжащий телефон и, сев за стол, погружается в чтение:

---

* Продолжение. Начало см. «Новый мир» № 5, с. г.

«Сижу я в моём Маляевском районе вот уже шесть лет. Нельзя сказать, чтобы сначала я не взялся за работу с воодушевлением. Построил мебельную фабрику, понастроил школ, прорубил просеки для дорог. Года три проработал как вол, и думать было некогда. А потом однажды подумал и осекся. Район мой лесной — лес шумит, птицы поют. До железной дороги далеко. Проводить тут её в ближайшие пятилетки не предполагается. Перспектив перед моей мебельной фабрикой никаких. Делаю школьные парты для своего и близлежащих районов. Благо ещё школьное строительство у нас из года в год разрастается, а то и фабрику пришлось бы закрыть. Произвожу из дровосеков фабричных пролетариев — в этом, пожалуй, единственный смысл моей фабрики. Люди учатся, растут. Подрастут — уходят из района, делать им тут нечего. Из леса приходят новые. А я один сижу и сижу, как леший. Вырастил я за это время добрые три смены. Любого посади на моё место — справится: хозяйство несложное.

Сейчас мне сорок три года. Ну, просекретарствую я ещё года три-четыре. А потом что? Люди у нас растут. Скоро каждый рядовой работник будет с высшим образованием. Дровосеки мои, небось, уже во втузах учатся. Встретишься с ними через несколько лет — инженеры. А я кто? Думается мне, скоро и самый тип районного секретаря, такого, как я, отомрёт. Стране не нужны будут больше мастера на все руки, вроде нас. Секретарями промышленных районов будут коммунисты-инженеры, секретарями сельскохозяйственных — коммунисты-агрономы. А нас куда? В пятьдесят лет на учёбу? Не поздновато ли?

Вот руковожу я районом, где мебельная фабрика. Производство освоил назубок, не хуже любого инженера. А попробуй я завтра итти работать по этой линии — не примут. Спросят: а где у вас диплом? Поставят в лучшем случае мастером, да и то если фабрика из отсталых. На передовых — все мастера с дипломами. И выходит, потрачу я на секретарство все мои силы — работа у нас, известно, тяжёлая, нервная, — а потом иди куда хочешь. На учёбу будет уже поздно, на «социалку» — рано.

Вот четвёртый год, каждую осень ставлю вопрос, чтобы послали меня учиться, пока ещё что-нибудь из этого может выйти. И четвёртый год крайком отказывает, посылает других, помоложе. Что же, вам видней. Только секретарь, который не горит своим районом, — плохой секретарь

С коммунистическим приветом

Ф. Шингарёв.

Адрианов задумчиво складывает письмо и сунёт его в портфель.

2

В крайкоме рабочий день в полном разгаре. Проскользнувший за Адриановым в кабинет Товарнов уже пять минут докладывает самые неотложные дела. Адрианов слушает. Кое-что берёт на заметку.

Дел много, всех не перечесать. Главное, не дать себя сбить с основных, очередных задач, отвести в сторону половодье мелочей.

На сегодня основные задачи: 1) о делах на заводе Н., 2) прорыв на Бумкомбинате, 3) большой падёж тёлоч нового отёла, шире — животноводство. Остальное приходится решать попутно, по мелочам поручать и перепоручать.

Есть ряд интересных дел. Хочется взяться за них самому. Но Адрианов знает: займёшься ими как следует — глянь, и день прошёл, а дела не основные. То же самое с приёмом. Станешь принимать всех, разменяешься на мелочи, всё равно всех не примешь, а к концу дня ничего из основных дел не сделано.

И от прикосновения адриановского карандаша список записавшихся на приём быстро тает. Часть людей отправлена к заведующим отделами.

Рядом с фамилиями других — пометка: «Подготовить к 6 часам проект решения». Дела эти Адрианов знает, и говорить о них ещё раз бесцельно. От аршинного списка осталось несколько фамилий.

Уходя из кабинета с папкой подписанных бумаг, Товарнов останавливается на полдороге и докладывает вполголоса с видом заговорщика:

— Андрей Лукич, опять звонил Карабут. Спрашивал, не сможете ли принять его сегодня.

— В два часа на бюро.

— Третий день звонит, — вкрадчиво пробует настаивать Товарнов. — Очень волнуется. Хотел бы с вами поговорить до бюро.

— Товарищ Товарнов, я не имею обыкновения повторять одно и то же два раза.

Товарнова с бумагами как ветром сдуло. Чёрт разберёт этого Адрианова! Карабут, можно сказать, его птенец. На самом хорошем счету. Не было случая, чтобы по первому звонку не принял его в тот же день. А тут ровно вожжа под хвост! Вопрос о Карабуге поставил сегодня на бюро. Принять Карабуга не хочет. Докладчиком по его делу назначил Сварзина. Всем известно: Сварзин с Карабутом на ножах. Видимо, Карабугу капут!

— Андрей Лукич, — ещё раз приоткрывает дверь Товарнов. — Заходил этот... Шингарёв, из Маялевского района. Спрашивал, когда сможете его принять. Я сказал, что сегодня не выйдет.

— Почему вы не сообщили мне об этом сразу? И кто вас уполномочивал решать за меня, приму я Шингарёва или нет?

— Вы же сами видели, сколько народу записалось сегодня на приём...

— Отыщите Шингарёва и скажите ему, что приму его сегодня в одиннадцать.

— Будет сделано.

Адрианов разворачивает свежий номер краевой газеты. На первой странице решение вчерашнего бюро. Для постороннего читателя как будто ничего особенного: очередное решение о животноводстве. Один Адрианов знает, что стоило оно ему бессонную ночь.

В крае падёж и продажа скота. «Правда» уже била тревогу, хотя и по адресу других краёв. Надо ударить в набат. Сделать это труднее, чем решить. Если в набат бьют раз в год, всё население вскакивает и выбегает на площадь. Если бить каждую ночь, кончится тем, что, сколько ни звони, все продолжают мирно спать. Так и с животноводством. Слишком часто били тревогу, записывали выговора. Все уже к этому привыкли и успокоились. Ну, запишут ещё один выговор, не мне же одному! Злоупотреблять партвысканиями опаснее всего: притупляется реакция. Нужно воткнуть шило в ягодицу, иначе ничего не сделаешь. Поставить вопрос по-новому, но как? Нового содержания не придумаешь, можно лишь изменить аппаратуру. Найти меру более обидную, чем партвыскание, — раз. Подать её в такой форме, чтобы народ заволновался, сиречь, сыграть на нервах, — два.

И вот вчера, в двенадцать часов ночи, Адрианов созывает экстренное заседание бюро. Все знают, что очередное заседание назначено на завтра, знают повестку дня. Почему же вдруг экстренно и ночью? Народ собирается встревоженный. Это уже хорошо! Доклад Адрианова о положении со скотом, как о вопросе, требующем принятия аварийных мер со стороны всей краевой организации. Сегодня в газете резолюция: «Записать выговор редактору, тов. Июльскому, за то, что газета в последнее время плохо освещала вопрос о положении со скотом». Ага! Значит, дело не шуточное! Можно было записать выговора всем секретарям райкомов, и эффект был бы меньший. А так вместо сорока выговоров один, и каждый чувствует: вот за меня, сукиного сына, Июльский получил выговор! А вторым пунктом: «Послать на места работников крайкома, кото-

рые повернули бы районы...» Обиднее формулировки не придумаешь. Ведь там не дети сидят, сами поворачивать умеют. А выходит, вроде крайком посылает им няньку. Ни один секретарь спать после этого не будет. Сегодня вечером ещё дополнительная баня по радио из кабинета секретаря крайкома. Извольте сами отчитываться каждый у себя перед микрофоном, что вами предпринято для ликвидации этого безобразия!

Адрианов складывает газету. Все рычаги нажаты, очередь за проверкой исполнения. Дело, очевидно, пойдёт.

А теперь открываются огромные, обитые кожей, непроницаемые двери адриановского кабинета и начинается ежедневное шествие.

Первыми идут школы, громяхая партами, изрезанными перочинным ножиком; за ними вслед, скрипя стопудовыми башмаками, шагают гордые красавцы станки, густо нафиксатуренные маслом; бегут двухнедельные тёлки, ни за что не желающие умирать, и ворчливые самолёты, осанистые, как сомы, с жёсткими усами-пропеллерами; трусят колхозные родильные дома, шурша сениками и грозно требуя матрацев, и со звоном шагают, корча рожи, угрюмые стёкла — безрадостные детища молодого стекольного завода: мир, видимый сквозь них, кажется приплюснутым и одутловато-уродливым.

Одиннадцать.

В кабинет Адрианова входит член бюро крайкома Вигель — большой прямоугольный дядя с хитровато-смешливыми глазами. Вигель крепко жмёт руку Адрианову.

— Ну, как с Гараниным? — спрашивает Адрианов. — Выживет или нет?

— Выживет! Прострел правого лёгкого. Ничего особенного. Недели через две пойдёт на поправку. Пока, конечно, температура и всякое такое...

— А жена его как?

— С женой дело сложнее. Лежит без памяти. Какие-то мозговые явления. Врачи подозревают менингит. Скорее всего — нервное потрясение.

В дверь заглядывает Товарнов.

— Пришёл Шингарёв.

— Давай, давай! — роясь в бумагах, кивает Адрианов. — Здравствуй, Фёдор! — кричит он из-за стола, завидев в дверях бритую, с проседью, голову Шингарёва. — Садись!

Вигель уходит. Но уже верещит телефон.

— Андрей Лукич! Вас Кобылянский!

— Сейчас! — кивает Шингарёву Адрианов, поднося к уху трубку.

Кобылянский — зампред крайисполкома. Звонит четвёртый день, прямо неудобно.

— Алексей! — кричит в трубку Адрианов. — Не смогу сегодня, голубчик. Никак! Должен обязательно на Бумкомбинат. Ты не поедешь? Жаль. Сам понимаешь, там такое дело... Хочешь завтра, в одиннадцать? Твёрдо, невзирая на погоду! Ну, есть, давай!

Ему хочется рассказать Кобылянскому, как тот сегодня сагитировал лес итти пешком на фабрику, но, взглянув на сосредоточенно-угрюмое лицо Шингарёва, он вешает трубку.

— Читал я твоё письмо, Фёдор. Хандришь? В лесу своём заскучал?

— Раз читал, тем лучше, — пыхтит Шингарёв, трудолюбиво раскуривая трубку. — Курить у тебя нельзя? — спрашивает он, поглядывая исподлобья на недвусмысленную надпись на стене, и смущённо накрывает трубку ладонью.

— В основном нельзя, но для тебя — так и быть, кури. Всё равно сейчас уеду, проветрят.

— А то могу и потушить, — ворчит Шингарёв, густо затягиваясь дымом.

— Ты что, в табак сосновые иглы подбавляешь? Запах от твоей трубки, будто лес горит.

— Не нравится?

— Ничего. Дым как дым.

— Так вот, раз читал, значит и повторять мне нечего. Я там, по-моему, всё ясно изложил.

— Как же, яснее ясного!

— И что ж ты мне на это скажешь?

— Скажу, во-первых: много ты там на себя наврал.

— Как это «наврал»?

— Наврал, что не любишь своего района. Зашился просто и перспектив не замечаешь. А я тебе скажу: ни один наш район не имеет таких шансов стать базой культурной реконструкции всего края, как именно твой.

— Медведей в краевой зоопарк поставлять будем или как?

— Вот приехал ты в район, линия у тебя была правильная: на мебельную фабрику. Только масштабы у тебя куцые. Создал фабричку районного значения и успокоился. Потому-то она у тебя и прозябает.

— А на чём мне продукцию прикажешь вывозить? На самолётах разве? Проведи ко мне железную дорогу — я тебе разверну фабрику на весь Союз.

— Вот у тебя всегда так: соедините меня прямой магистралью с Москвой, тогда я вам покажу! Да тогда каждый покажет! Какой же это фокус? А ты вот покажи сейчас! Сколько от тебя до железной дороги? Каких-нибудь сто двадцать километров?

— Сто двадцать пять.

— Пусть сто двадцать пять. По хорошей дороге это три часа на грузовике.

— У меня во всём районе три грузовика. Много на них не вывезешь.

— А за что тебе давать грузовики? За твои дороги? По этим ухабам и трёх жалко. Проложи у себя хорошие трассы — дадим не три, а тридцать три. И пятьдесят дадим, раз понадобится.

— Если ты бывал когда-нибудь в лесах, — ехидно сопит Шингарёв, — то должен знать: дерево на камне не растёт. Мне, чтобы проложить шоссейную дорогу, камень надо возить за семьдесят километров.

— А деревья тебе возить не надо?

— Деревя не надо.

— И песка не надо. На песке как будто лес растёт?

— Растёт.

— Тогда почему тебе не вымостить дороги торцом? В Москве бывал? Торцовые мостовые видел? Лучше и фасонистее булыжника. Или у тебя в районе иначе как по асфальту не привыкли? Сколько у тебя дубовых пней пропадает? И какие пни! Пусти их на торцы, и будут у тебя завтра не дороги, а дубовый паркет! Какой город может себе позволить такую роскошь? А ты можешь, и даром. Просмоли их — смолы тебе тоже, небось, покупать не надо — они у тебя сто лет простоят, любому гудрону нос утрут! Да к тебе тогда народ со всего края съезжаться будет, покататься по твоим дорогам! Чего тебе не хватает? Рабочей силы, что ли?

— Рабочая сила найдётся, были бы деньги.

— И деньги найдутся, была бы смекалка. У тебя ведь там санаторный воздух попусту пропадает!

— А что мне его — экспортировать?

— Вот чудак! Да к тебе никто не съётся потому, что дорог нет. Будь хорошие дороги, у тебя же можно развернуть целое санаторное строитель-

ство! Дешёвый строительный лес под рукой. Воздух прямо целебный. Чего ж ещё?

— Далеко. Не поедут.

— В Швейцарию люди ездят лечиться, а ему в Маляевку далеко! Вот Совпроф хочет строить санаторий в Карнайском районе. А разве их леса с твоими сравнишь?

— Куда им до наших! Знаешь, какой у меня воздух? Посмотри на моих дровосеков — шкаф, а не грудная клетка!

— Заметно! Так и запишем: предложить Совпрофу строить санаторий в Маляевском районе. Они тебе сразу тысяч сто на строительство дорог подкинут. У них денег куры не клюют. А ты им за это строительный лес по дешёвке отпустишь, чтобы сравнять там как-нибудь авансы с балансами. Погоди! Крайздрав, если не ошибаюсь, собирается строить в этом году санаторий для туберкулёзных детей. Найдут для туберкулёзных в другом районе место получше?

— Нигде не найдут, кого хочешь спроси.

— Вот тебе ещё денежки. На этих особенно не разживёшься, но кое-что выжать из них можно. А ты говоришь: дороги строить не на что! Да ты на эти деньги ещё районный дом отдыха отгрохаешь для своих ударников! Разве я тебя не знаю!

— Но-но, хватило бы на дорогу, и то хорошо!

— Ты другим расскажи! Небось, уже подсчитал. Словом, идея у тебя с этим санаторным строительством неплохая...

— Какая ж это моя идея! Это ведь ты выдумал.

— Что я, воздух у тебя выдумал? Этого, брат, не выдумает! Короче, превращаем Маляевский район в краевую здравницу. Со временем откроем там у тебя образцовую лесную школу. Главное, налегай на дороги. До весны заготовишь торец. Кончатся морозы, крой вовсю, ни на кого не оглядывайся! Дортранс поддержит. Идея у тебя с торцом хорошая. Бери инициативу и покажи класс, чтобы другие по тебе равнялись. Как думаешь, Барабих выдержит, если у тебя в районе будут торцовые мостовые, а у него плохие «американки»?

— Не выдержит, в лепёшку расшибётся! И Руденко с ума сойдёт!

— Вот это нам и надо! А ты дразни, вызывай на соревнование. Поставь дело так, чтобы к тебе из других районов учиться приезжали. Знаешь, какое из этого дело можно заварить? Массовое движение за культурную дорогу! Втравим Автодор. Организуем велопробеги. Красота! Сумеешь возглавить это дело, знаешь, как тебя поднимем! Да ты садись, садись, а то шагаешь перед глазами, как маятник. Теперь — главное, зачем я тебя вызывал. Сначала была у меня мысль расширить твою мебельную фабрику и построить при ней лыжный цех. Но сейчас вижу, это была бы кустарщина. Построим у тебя отдельную лыжную фабрику!

— Лыжную?

— Лыжную, лыжную! Посадим на это дело трудкоммуну. Смотри, вот Болшевская коммуна! Делают коньки, ракетки, бутсы, футбольные мячи. Гениально придумано! Чем увлечь и занять беспризорников? Гробы их поставить делать? Конечно, предметы спорта! Наши будут производить лыжи.

— А на кой ляд тебе столько лыж? Что ты с ними будешь делать?

— Вот чудак! Снега у нас мало, что ли? Поставлю на лыжи весь край, каждого колхозника! Ты ко мне будешь приходить на лыжах, докладывать, как у тебя разворачивается работа. Никакого катания на машинах! Кончилось! А бензин сэкономлю — дам твоим грузовикам: развози на них свою деревянную продукцию по своим деревянным дорогам. Что, не согласен?

— Да ведь можно же расширить старую фабрику. Зачем строить отдельно?

— Коммунарам нужно создать особое предприятие, где бы они чувствовали себя хозяевами, а не с боку припёка при твоих партах. Освоят лыжи — станут выпускать что-нибудь другое. Байдарки, скажем; река у нас зря пропадает. Ракетки для тенниса. Выучим колхозников играть в теннис, пусть тренируются. А твою фабрику надо расширять в другом направлении. Думаешь, я даром буду сводничать между тобой, Совпрофом, Крайздравом и ещё чёрт знает кем? Нет, брат, шутишь! Назвал свою фабрику мебельной — давай мне мебель! Стулья давай, насиделись на лавках! Шестьдесят новых кино в будущем году надо оборудовать в крае. Что я, деньги для тебя на дороги добывать, а сам стулья возить из Москвы? Новый Дом Красной Армии заканчиваем. Два дома культуры. Шесть заводских клубов. На чём там народ у нас сидеть будет? Изволь, потрудись, доставь кресла, и чтобы удобные! А рабочий должен иметь приличную обстановку или не должен? В этом году заканчиваем десять жилых домов для рабочих, в будущем — двадцать. На третий год — шестьдесят. Четыре тысячи квартир! Шутка? Купить паршивый сосновый шкаф, и то люди за полгода вперёд записываются в очередь. А кровать рабочему и колхознику нужна? На топчанах им, что ли, спать при социализме или на полатах?

— Да я что ж, расширять так расширять. Деревя у меня на сто лет хватит. Рабочая сила найдётся. Одна остановка — деньги.

— Что ты всё заладил: деньги да деньги! Найдутся деньги! Ты о продукции беспокойся, а не о деньгах. Мебель у тебя должна быть европейская, без всяких там провинциальных выкрутасов, просто, красиво, чтобы глядеть было приятно. Говорю тебе: твой район должен стать базой культурной реконструкции края. Обстановка жилья — это, по-твоему, пустяк? Это быт! Это сумма культурных навыков! Человек хочет жить красиво. Помогите ему, воспитайте его вкус. Вытравьте из него мещанство, всякие там шишечки, этажерочки. Съезди в Москву, посмотри. Там тоже барахла много выпускают под видом уюта. Смотри, этому не учись! Свяжись с художниками, привези эскизы, посмотрим. Главное, с места наладить производство, подобрать людей. Специалистов хороших подыщи. Денег на это не жалей. Покустарничали, хватит!

— Эх, давно у меня мечта, — наклоняясь над столом, говорит Шингарёв, глаза его блестят. — Видел я в одном заграничном журнале мебель — всё отдашь, и мало! Дай кусочек бумажки, я тебе нарисую.

— Потом будешь рисовать. И лучше сам не рисуй, найми рисовальщика.

— Да это одна минута! Понимаешь — шкаф. Спереди вот так. Здесь открывается дверца...

— Погоди! Насчёт шкафа... Не забудь про книжные! Придётся под это дело отвести целый цех. Народ начал собирать книги, а держать их негде: кто на столе, кто под столом. Надо людей приучить ценить книгу, обращаться с ней бережно. Попробуй, выпусти первую серию книжных шкафов — сами к тебе на завод за ними приедут!

— Эх, американские бы! — мечтательно вздыхает Шингарёв.

— Что ж, можно и американские. Стекла через год будет у нас в крае — засыпья!

Адрианов смотрит на часы. Двенадцать.

— Мне пора. Ну, так как же? Решай. Хочешь твёрдо на учёбу? Тогда поставлю вопрос на бюро. Придётся тебя отпустить. А в Маляевский район пошлём другого.

Шингарёв смущённо сопит в трубку:

— Поизголяться надо мной хочешь? Издевайся! Ну, заскучал. Нельзя? Сидишь в районе, идеи иной раз приходят в голову неплохие, а без поддержки крайкома всё равно ничего не сделаешь. Раз обещаешь подержать — другой разговор. Увидишь, какое дело завернём!

— Эх ты, ты! — смеясь, хлопает его по плечу Адрианов. — Инженер! «Района не люблю!» Я думаю, тебе в этом районе работы ещё лет на пятьдесят хватит, а там потолкуем. Приходи сегодня на бюро. Поставим твой доклад. Успеешь приготовиться к шести? Хорошо бы тебе до этого связаться с Вигелем. В июне приеду смотреть твои дороги.

— Погоди! В июне рановато. Приезжай в сентябре!

— Что ж, можно и в сентябре.

Адрианов весело напяливает пальто.

Опять звонит телефон. Стучат в дверь. Люди, дела, бумаги. «Только минуточку!» Стоит поддаться, и вновь крайком засосёт его на весь день, не выпустит за порог. Дел всегда хватит. Надо уметь вырваться. Не дать себя сбить с главных задач. Вот полчаса проговорил с Шингарёвым...

Сквозь строй умоляющих взглядов Адрианов выходит на лестницу. Из приёмной до него долетает голос Товарнова, беспомощно кричащего в телефон: «Товарищ Карабут? Нет. Никак. Сказал: в два часа на бюро...»

Весёлое настроение внезапно покидает Адрианова. Медленной, озабоченной походкой он спускается по лестнице мимо окаменевшего на мгновение милиционера.

Пока машина, мягко покачиваясь, несётся вон из города, Адрианов в десятый раз спрашивает себя, как быть с Карабутом. Через два часа — заседание бюро.

Не снять Карабута нельзя. Доверил газету Гаранину. К тому же история с покушением на убийство Гаранина собственной женой — комсомолкой и ударницей — бросает на всё дело сугубо неприятный свет: позволяет ожидать дополнительных разоблачений. А о заводе, на котором происходят такие вещи, ребёнок скажет, что атмосфера на нём нездоровая. Релих вправе утверждать, что созданию этой атмосферы способствовала длительная драка, которую вёл с ним на заводе Карабут при молчаливой поддержке Адрианова. Снять Карабута придётся, ничего не поделаешь. Но...

Снять Карабута с выговором — это для Адрианова то же, что выдернуть самому себе здоровый зуб. Карабут — его способнейший ученик, умный, талантливый, растущий работник, один из лучших в краевой организации. На осеннем пленуме Адрианов предполагал выдвинуть его в секретари сложнейшего промышленного Илецкого района и ввести в состав бюро. А там, испытав год-полтора на ответственной самостоятельной работе, посадить в крайком на промышленный отдел, на место туповатого Сварзина. А там, если парень продолжал бы так же быстро расти, кто знает, может, во вторые секретари?.. Это, конечно, мечта, но мечта вполне реальная, хотя сам Карабут вряд ли догадывается, какие далеко идущие виды имеет на него Адрианов.

Дело Карабута зачёркивает все эти мечты одним махом. После такого дела Карабуту придётся начинать сначала. В течение ближайших двух-трёх лет ни о каком выдвижении не может быть и речи. Больше всего мысль, что он, Адрианов, мог ошибиться в Карабуте. Так, несомненно, думают сейчас все, хотя сам Адрианов попрежнему упорно гонит прочь такого рода предположение. Поддерживал ли он Карабута в его борьбе с Релихом? Да, поддерживал. Карабут вёл борьбу всегда с принципиальными позициями. Разве не правильно обвинял он Релиха в недооценке рабочей инициативы и в неумении резко повернуть завод в помощь её первым росткам? Правильно обвинял! Правда, Релих быстро перевооружился. Но в этом как раз несомненная заслуга Карабута.

И всё же Карабута придётся снять. Оставить его на работе — значит расписаться в поблажке любимцам, значит подмочить доверие бюро к себе, к своей непреклонной принципиальности, вошедшей в поговорку. Именно на этой основе удалось Адрианову сплотить вокруг себя актив. Малейшая трещина может оказаться непоправимой, свести на нет четыре

года непреклонной борьбы. Завтра он уже не сможет с прежней безапелляционной твёрдостью бить по заслугам каждого, без учёта его авторитета и занимаемого положения. Отстоять Карабута — значит вызвать за спиной шушуканье и усмешки, дать право Релиху говорить или хотя бы думать, что в своей систематической поддержке Карабута он, Адрианов, не беспристрастен.

И всё же пожертвовать Карабутом во имя собственного престижа тоже ведь не годится!

За стёклами машины бегут худые вёты, скрюченные в одну сторону, как еврейские скрипачи на свадьбе с игриво вздёрнутым смычком, и машина, переваливаясь с ноги на ногу, одышливо пляшет по ухабам.

Адрианов морщится и сердито пыхтит. Ему неприятно, что он отказал в приёме Карабуту. Принять же его Адрианов не мог, покуда сам для себя не решил его вопроса. Думал обмозговать и решить по дороге на Бумкомбинат.

Но вот уже видны зубчатые корпуса фабрики. По ледяной равнине реки, с того берега на этот, ползёт длинная процессия грузовиков — целое муравьиное шествие в поисках нового муравейника. У ворот, в бобровой шапке и нагольном тулупе, похожий на мужичка из оперетты, мечется и голосит Костоглод, руками, как овец, загоняя во двор грузовики.

Что ж, придётся решить на обратном пути...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

А в краевой больнице, в изоляторе, лежит Женя Гаранина. Глаза у неё полузакрыты, подбородок вздёрнут кверху над белой зыбью простыни. Старая женщина в белом халате достаёт из ведра лёд, и льдинки в её руках плещутся, как рыбы, норовя ускользнуть в ведро.

Внизу, в приёмной больницы, — гул голосов. Костя Цебенко, Сёма Порхачёв, Гуга Жмакина и Шура Мингалева с увесистыми свёртками пришли навестить Женю.

— Да говорю же вам, она без памяти! Никого не узнаёт, — загораживая дорогу наверх, увещевает их сестра.

— Кого не узнаёт? Вас не узнаёт? Да она с вами никогда и не была знакома! — артачится Костя Цебенко. — Вот увидите, узнает она нас или нет!

— Товарищи, если будете шуметь, я вызову главного врача.

— Очень хорошо! Пожалуйста! Четвёртый раз приходим!

— Будьте ж сознательны. Граждане! Неужели трудно понять! Лежит в беспомощности. Пускать к ней никого не велели. Хотите ей повредить?

— А что с ней такое, выяснили в конце концов?

— Выяснили. Менингит, воспаление мозговой оболочки. Нужен абсолютный покой.

— А умереть она может? — уже тихо спрашивает Цебенко.

— Если будете шуметь и не давать ей покоя, конечно, может.

— Ладно, уйдём. Так бы сразу и сказали.

— А может, ей что-нибудь оставить, передать? — вкрадчиво спрашивает Гуга.

— Мандарины можно. Захочет пить — дадим. А ни конфет, ни цыплёнка, ни колбасы — нельзя. Съешьте сами за её здоровье.

— Да это не колбаса, это телятина! Белое мясо всем больным дают, — пробует настаивать Костя.

— Будет выздоравливать — принесёте. Пока ничего, кроме льда, ей не надо.

— Может, мороженое?

— Какое там мороженое! Лёд ведь для компресса. Из мороженого ей, что ли, компресс класть!

Сконфуженные, они выходят на площадь.

— Погодите, я сейчас вернусь,— бросает Костя и исчезает в вестибюле больницы. Через минуту появляется обратно. В руках у него одним свёртком меньше.— Отдал конфеты сестре!

— Взяла?

— Малость поломалась. Да я попросил, пусть передаст половину ночной сиделке. Будет ночью конфеты грызть, может хоть не уснёт.

Молча они идут к трамваю.

— Как ты думаешь, может она умереть? — спрашивает вдруг Цебенко у Порхачёва.

— Я почём знаю! Может быть, нам сложится и вызвать профессора из Москвы?

— Надумал! — пожимает плечами Шура.— Если б операция — другое дело. А тут ведь говорят тебе: абсолютный покой и лёд. Больше ничего. Чем же тут может помочь профессор?

У остановки трамвая на них налетает запыхавшийся Петька Пружанец с большим пакетом яблок.

— Явился, не запыхался! — приветствует его Гуга.

Петька смущён. Видно, не рассчитывал встретить здесь в этот час ребят и не знает теперь, куда ему деть этот злосчастный пакет.

— Можешь не спешить — всё равно не пускают. Съешь свои яблоки сам.

Петька искоса поглядывает на Гугу. Оба минуту крепятся, но в конце концов не могут удержаться от смеха.

С Гугой они со вчерашнего дня опять в ссоре. На комсомльском собрании, где обсуждался поступок Астафьевой, Петьке поручили выступать общественным обвинителем. Большинство девушек, в том числе и Гуга, в своих выступлениях почти оправдывало Женю. Петьке пришлось сгустить краски и ударить по этим нездоровым настроениям. В самом деле, если каждый будет самочинно справлять правосудие, что ж из этого получится? На восемнадцатом году революции подменять революционную законность самосудом! От этого до индивидуального террора один шаг!

С собрания оба возвращались расстроенные. У входа в общежитие Гуга сказала Петьке:

— Сразу видно, что ты никого не любил. Потому тебе и наплевать. А вот окажись ты завтра врагом и контрой, я бы тебя задушила собственными руками!

Петька растерялся и пробурчал что-то на тему о революционной сознательности и подлинной любви.

В коридоре общежития, на стене, красовался новый плакат: «Враг стережёт нас, зажав обойму. Союз Советов — колюч и лаком. Ответим этим врагам по-своему: выполним план на сто с гаком!»

— Что ты знаешь о подлинной любви! — оскорбительно надув губы, сказала Гуга.— Разве ты человек? Ты рифмованный лозунг. Большие поэты влюблялись, писали своим возлюбленным стихи. А ты написал мне хоть одно любовное стихотворение? «Выполним план на сто с гаком!» — вот твои любовные стихи!

Петя понимал сам: последний лозунг вышел не из удачных. Надо было сказать не «враг стережёт», а «враг подстерегает», но никак не втиснешь этого в размер. А потом, «на сто с гаком» тоже устаревшая норма. Это было хорошо для времён первоначального ударничества. Сейчас уже надо не на сто, а по крайней мере на двести или на триста. Но признаться самому себе в неудаче куда легче, чем слушать, когда её высмеивают другие, тем паче, если эти другие — Гуга.

Он ответил не сразу, ледяным тоном: конечно, он и не думает конкурировать с большими поэтами. Возможно, он вообще никакой не поэт. Но ему кажется, для любовных стихотворений нужен не только поэтический субъект, но и поэтический объект.

Гуга ответила что-то совсем неприличное, отвернулась и ушла.

Петя, обескураженный, побрёл домой.

Конечно, он покривил душой и зря обидел Гугу. Но ведь она обидела его первая, и, пожалуй, куда больше. Можно сказать, попала в самую точку. Да, он пробовал писать любовные стихи. Они ему неизменно не удавались. Вместо привычных индустриальных образов, смелых и точных, под перо лезли цветки, звёзды, лазури и всякая идеалистическая дребедень. Поэтому он предпочитал делать вид, что становится на горло собственной песне и что званию поэта просто предпочитает звание поэта-гражданина.

Половину ночи Петька промаялся в горьких раздумьях. Пробовал писать, но получалось хуже и трафаретнее обычного. Уморившись окончательно, лёг спать.

Ночью ему снилось, что пришла Гуга и кричит с порога: «Вставай, ужак!» Ужаком она звала его в минуты особой близости. Говорила не «мой муж», а «мой уж».

Утром, встав с головной болью, Петька сел за стол и написал первое в жизни любовное стихотворение, выстраданное, как все подлинные стихи о любви. Оно состояло всего из четырёх строк:

Ужа ужалила ужица.
Ужу с ужицей не ужиться.
Уж уж от ужаса стал уже.
Ужа ужица съест на ужин.

Положив стихи в конверт, он послал их Гуге...

Как всегда в трудные минуты, он раскрыл томик Маяковского и начал читать нараспев: «В этой теме и личной и мелкой, перепетой не раз и не пять...»

Воспоминание о вчерашнем собрании вернулось, неприятное, как отрыжка с перепоя.

Если разобраться по существу, вчерашнее собрание провалилось. Резолюция, резко осуждающая поступок Астафьевой, прошла всего несколькими голосами. Большинство девушек голосовало против. Виной этому, конечно, он, Пётр, плохо подготовивший собрание. Он не учёл серьёзности вопроса. Не поговорил предварительно с девочками. Не заручился их выступлениями. В результате получилось так, что с поддержкой обвинения выступали почти одни парни. Придётся откровенно признать ошибку перед комсомольским комитетом. Пусть поставят на вид.

Но почему, собственно, так вышло? Не надо было, пожалуй, выпускать Васю Корнишина. Вася — парень неплохой, но известный петух. Приударял за всеми, в том числе и за Женей. Все об этом знают. Шура Мингалёва рассказывает о нём, что раньше каждый вечер Корнишин заявлялся в щитковый дом. Стучит к девочкам. Те знают уже его норы — не откликаются. Взломает дверь и сидит до двенадцати часов — победитель женских сердец, — метлой его не выгонишь. После того, как пробрали на комсомольском комитете, обиделся на весь женский класс, не кланяется и не разговаривает. Пристрастился к парашютному спорту. Прыгал двенадцать раз. Хочет дотянуть до двадцати пяти. Думает, нацепит значок с цифрой «25» — тогда-то уж наверняка ни одна не устоит! Токарь хороший. В прошлом году они с Петькой досоревновались до того, что обоих вызывали в партком и намылили шею. Но вот по женской линии слаб. Девушки таких не уважают. А вчера взял ещё и выступил прямо как ортодокс, очень

уж по-казённому. Девчата его освистали, не дали говорить. Получился сплошной конфуз.

Ну хорошо, с Васей — ошибка, не надо было его выпускать. Но другие? Возьмём Сёму Порхачёва. Тоже ведь слушали его плохо, перебивали. В чём же тут гвоздь?

Сёму многие любят. Занятный малый. Изъездил весь Союз. Работал на десятке заводов. Нигде больше трёх месяцев не задерживался. Мастер на все руки, но бродяга. Раньше таких звали романтическими натурами и живьём производили в литературные герои. Сейчас их зовут летунами и считают паразитами производства.

Порхачёв — парень с амбицией, и клеймо летуна для него — нож. На этом заводе работает уже два года. Карабут сумел найти к нему подход. Вовлекли в комсомол, женили. Сейчас у него сынишка четырёх месяцев — Эдуард Семёнович. Пустил корешок. Накрепко ли? За эти два года дважды пробовал сбежать. Оба раза ребята накрыли его на вокзале. Пристыдили. Вернулся с покаянной. Во второй раз вызывали в комсомольский комитет. Крепко взрели. Дал слово, что больше не будет. Пока держится. Продолжает кочевать, но уже в пределах одного завода: с клёпки на сварку, со сварки на монтаж. На работу — зверь, везде возит. Релих, зная его нрав, смотрит на это сквозь пальцы и даже втихомолку потворствует — не пройдёт двух-трёх месяцев, чтобы его не перебросили на какой-нибудь новый агрегат, где узкое место. Ребята зовут его «Сёма — скорая помощь».

Этой осенью опять заскучал, навалился на беллетристику. Читает запоем, Библиотекаря жалуется: не успеваем выписывать. С Петькой подружились на почве чтения. Кончит читать какую-нибудь книжку, хочется ему о ней поговорить. Воспринимает по-особому: не то, что прочёл новый роман, а будто побывал на новом месте. О героях рассказывает, как о старых знакомых. Разделяет их на «стоящих ребят», на «кляузных» и на «барахло». Как роман написан и что автор хотел выразить, ему неинтересно. Книжка для него вроде как железнодорожный билет на новую стройку.

А вот в жизни немножко холодноват. Подружится с кем-нибудь — будет ходить неразлучно, водой не разольёшь. А пройдёт месяц-другой — глянь, и дружбы-то как не бывало. Не то что поссорились, нет. Встретится, поговорит, хорошо, по-приятельски. Но ходит уже с другим.

Так и со вчерашним выступлением. Говорил правильно, хорошо говорил. Но всё как-то от ума. Будто речь шла не о действительном случае с близким, живым товарищем, а о герое какого-нибудь романа. Вышел, навёл критику, рассказал, как, по его мнению, надо было поступить, и сел. И мысли-то высказывал правильные, а до сердца никому не дошли.

Почему лучше всех слушали Костю Цебенко? Костю все уважают. Хороший производственник. Это существенно. Плохие производственники — будь он даже душа-парень, — как правило, народ неинтересный, с обывательщиной: карты, выпивка, похабные разговоры о девушках — голова работает вхолостую. Костя работает культурно, без сверхурочных, и всё к сроку. А потом, ребята чувствуют — Костя вовсе не такой, каким хочет прикинуться. Внешне: «Орлы, рванём! Поднажали — вытянули! Чин чинарём, как подобает честным морякам!» А на самом деле — никакого «рванём». Занимается по ночам. А утром придёт в цех — делает вид, будто ездил в город на танцульку.

Очень экспансивный парень. Принимали его в кандидаты партии, дали кандидатскую карточку. Вышел из райкома, а в душе птицы поют. Идёт по улице, пройдёт два шага, вынет карточку из кармана да посмотрит, вынет да посмотрит.

Субъективно Косте выступать по делу Жени Гараниной было труднее всех. Костя давно и безнадежно влюблён в Женю. Страдает здорово, вот

уже год, но ни перед кем не показывает вида. Из всех ребят догадываются об этом, может, одна Женя да Петя. Иногда чувствуешь, бросил бы завод и переехал в другой город. Петя сам намекал ему не раз, что это, пожалуй, самый разумный выход, хотя расставаться с Костей было б ему чертовски тяжело. Но Костя из тех, что строили этот завод собственными руками. Привязался к заводу крепко, с кровью не оторвёшь!

Выступать Косте против Жени, конечно, больно. В конце концов он мог и отмолчаться, но сам попросил слово. Говорил не менее резко, чем Пётр, но нашёл какие-то правильные, душевные слова. Ему одному хлопали даже девчата.

Всё испортил он, Петя, своим заключительным словом. Но после Кости выступила Гуга и стала оправдывать Женю. Известно, каким авторитетом Гуга пользуется у девчат и по бабьей линии и по производственной. В цехе её зовут «заслуженная фрезеровщица республики» или ещё «Гуга — золотая ручка».

За Гугой, само собой, пошли выступать в том же духе и другие девчата. Петька вынужден был дать им крепкий отпор и, видимо, перегнул палку. Может быть, не стоило употреблять такие слова, как «самосуд», «индивидуальный террор». В общем, Петька явно заговорился и только подлил масла в огонь. Неприятно, но теперь уж ничего не попишешь.

Неприятнее всего то, что в глубине души он сам чувствовал себя немножко виноватым и перед Женей. Кстати, сегодня он работает в вечерней смене, можно бы сходить навестить Женю в больнице...

Недолго думая, он надел пальто и на трамвае отправился в город, купив по дороге два кило самых отборных яблок.

На площади перед больницей, натолкнувшись на возвращающихся оттуда ребят, Петя сконфузился и покраснел. Будь он без свёртка, он мог ещё сделать вид, что идёт вовсе не туда. Если б можно было проглотить два кило яблок, как глотают секретную записку, он, вероятно, сделал бы это, не размышляя. Теперь Гуга подумает, что после разговора с ней он раскаялся в своём вчерашнем выступлении и побежал извиняться перед Женей. А что подумают ребята? Ребята сочтут его ханжой, который клеймит Женю на собраниях, а втихомолку бегаёт к ней и носит гостинцы.

Скажи они ему об этом по крайней мере вот сейчас, в глаза, он сумел бы ответить. Он доказал бы им, что между принципиальным осуждением неправильного поступка и чутким отношением к совершившему этот проступок товарищу нет никакого противоречия. Но они, как назло, не говорят ничего и улыбаются, словно считают его появление здесь вполне естественным. Да разве у них у самих руки не нагружены свёртками?

Когда же Гуга, отлично заметившая его смущение, раздражается смехом, вовсе не язвительным, наоборот, добрым, дружеским смехом, он отвечает ей тем же, и на душе у него становится легко и ясно, будто никаких утренних сомнений и не бывало. Смеясь, он достаёт из пакета яблоко и протягивает его Гуге.

— Съем на ужин,— беря яблоко, говорит Гуга.

Никто, кроме Петя, не понимает соли её ответа. Ясно, она уже читала его стихи. Стихи её развеселили. Она больше не сердится. Они уже не в ссоре!

Он крепко берёт её под руку, и они идут по площади, смеясь и грызя золотистые ранеты, позабыв о ребятах, оставшихся там, у трамвайной остановки, и даже не угостив их яблочком.

2

Неторопливый трамвай, чинно мпновав заставу, вдруг пускается вскачь со скоростью «Голубого экспресса»: между городом и заводом остановки разбросаны редко — где, как не здесь, отвести душу вагоновожатому! За

обледеневшими непроницаемыми стёклами басом ревёт ветер. Трамвай летит, наклоняясь из стороны в сторону. Люди, уцепившись рукой за подвесной ремень, раскачиваются, как бутылки, и с размаху сталкиваются лбами. На конечной остановке, на площади перед заводоуправлением, пассажиры вываливаются скопом и облегчённо переводят дух.

На завод рано, нет ещё и часа. Вторая смена начинает работу в четыре. Шура Мингалева и Костя Цебенко отправились каждый к себе в общежитие. Сёма Порхачёв стоит в раздумье один у подножия памятника Ленину. В скомканной бронзовой кепке Ильича приютились от ветра воробья. Если посмотреть снизу, кажется, будто большой, серьёзный Ленин, слегка поседевший от снега, держит сегодня кепку как-то по-особому, бережно и неумело, словно боится уронить её или смять. У Сёмы мелькает мысль: любил ли Ленин всякое зверьё? Наверное, любил! Не может быть, чтоб не любил.

С памятника Сёма переводит взгляд на противоположную сторону площади, на здание райкома. Вчера утром приехал Карабут. Сёма хотел зайти к нему вчера же, но ребята отсоветовали. Говорят, у Карабута крупные неприятности... Ну, а сегодня? Удобно уже к нему зайти или нет? Может, обождать ещё денёк-другой?

Но ждать нестерпимо.

«Пойду загляну в райком. Поздороваясь и скажу, что забегу в другой раз, когда освободится...»

В райкоме непривычно тихо. Сёма решает, что лучше всё-таки уйти, не морочить голову Карабуту, но не может удержаться, чтобы не приоткрыть дверь и не заглянуть к нему в кабинет.

Карабут сидит один за письменным столом и перебирает бумаги. У-у, как изменился! Похудел! Видно, после болезни.

На скрип двери секретарь поднимает глаза, коричневые, с искрой, живые, упрямые. И сразу лицо становится прежним. Ничего не изменился, такой же!

— Сёмка! — с неподдельной радостью кричит Карабут. — Заходи, заходи! Сто лет тебя не видел!

Они крепко жмут друг другу руки.

— Садись, рассказывай. Как живёшь? Какие у тебя перемены? Что делаешь?

— Да перемен-то. вроде особых нет. Всё как будто по-старому... Я к тебе, Филипп Захарыч, собственно, по делу.

— Выкладывай.

— Да дело-то у меня... Не знаю, не помешал ли я тебе?

— Ничего. Бумаги не убегут. Давай, что тебя мучает? Упорхнуть куда-нибудь задумал?

— Да нет же! — Сёма смущённо вертит в руках кепку. — По правде, не дело у меня к тебе, а скорее вопрос. Про новую звезду в созвездии Геркулеса читал? В газетах писали!

— Про звезду? — удивлённо переспрашивает Карабут. — Погоди, где-то читал. Та, что недавно вспыхнула?

— Во-во!

— Свет от неё до нас идёт что-то около тысячи семисот лет?

— Правильно!

— Помню, читал. Выходит, вспыхнула она во времена Гелиогабала. Не скажу, чтоб это событие представляло для нас особо актуальный политический интерес.

— Это конечно. То есть смотря с какой точки... Я вот прочитал тут кое-что по этому вопросу, не про эту звезду специально, а вообще... Выходит, светит звезда и светит, да вдруг, ни с того ни с сего, начнёт накаляться и набухать, а потом и вовсе взрывается. Отчего бы ей? И эт,

сколько я ни прочёл, получается, науке до сих пор причины этого явления неизвестны.

— То есть как «неизвестны»? Звезда — не бомба, ни с того ни с сего не взорвётся. Наверное, столкнулась с какой-нибудь другой звездой, только и всего... Чего ты крутишь головой?

— Нет, Филипп Захарыч, это ты по Фламариону. Устаревшая теория. Джинс давно доказал, что звезда со звездой столкнуться не может. А если и бывают такие случаи, то, наверно, раз во много миллиардов лет. А тут в пределах одной нашей Галактики вспыхивает и взрывается не меньше шести звёзд в год! Сейчас наука считает доказанным, что причины этого кроются внутри самой звезды.

— Ну, допустим, внутри. Тебе-то какая разница?

— А как же! По Джинсу выходит, каждая звезда-карлик через столько-то там миллиардов лет делается «Новой». А когда именно и отчего — никому не известно. Но ведь наше солнце тоже звезда и тоже карлик!

— А ты откуда всё это знаешь?

— Интересуюсь.

— Так, а дальше? Ну, ну?

— Значит, и солнце наше может без предупреждения, не в этом году, так в следующем, сделаться «Новой».

— Вот как! — подавляя улыбку, понимающе кивает Карабут.

— Читал же ты в газете: астрономы высчитали, что блеск этой звезды из созвездия Геркулеса возрос одним махом в восемьдесят тысяч раз! Значит, во столько раз увеличилась её температура! А если такое случится с нашим солнцем? Тогда ведь от нашей земли и головешки не останется!

— Погоди, тут что-нибудь не так! Скажу тебе по правде, я этими вопросами специально никогда не занимался. Пока сам не почитаю, удовлетворительного ответа дать тебе не смогу. Но я уверен, это какая-нибудь новая поповская штучка. Раньше попы пугали верующих кометами. Теперь насчёт комет наука доказала, что бояться их нечего. И про эти «Новые» звёзды докажет.

— Не то докажет, не то нет. А как же жить-то пока? Вот мы строим, построим образцовое коммунистическое общество. И вдруг — пшик! — сгорело всё, как от спички... Я так не могу! Пойми, Филипп Захарыч, я ведь не за себя боюсь. Может, при моей жизни этого и не будет. Может, это случится через сто, двести, через триста лет. Разве от этого легче? Ведь работа-то наша, возведено-то нашими руками?

— Погоди, Сёма, рано разводить панику. Давай порассудим здраво. Нигде ещё не сказано, что обязательно каждая звезда должна пройти через эту стадию. Шесть звёзд в год — это, по-моему, очень незначительный процент. А если б даже так было в самом деле, то нужно ещё доказать, что наше солнце не претерпело уже этой катастрофы когда-то в прошлом. При его почтенном возрасте это вполне допустимо. Как ты думаешь?

— Филипп Захарыч, это догадки! Не может быть, чтобы нельзя было выяснить этого по-научному. Буду учиться на астронома. Выясню!

— Во куда загнул! Я тебе сразу сказал, только в глаза посмотрел: упорхнуть хочешь! На земле всюду побывал, где мог, теперь на звёзды потянуло. Погоди, Порхунок, успеешь. Сперва у нас поучись.

— Я учусь, Филипп Захарыч. Ты не знаешь, насчёт науки я любитель. Я ведь этим делом давно увлёкся. Эта самая «Новая» Геркулеса вроде как последняя капля. Только книжек у нас мало. Вот я вычитал, есть по этим вопросам книга немецкого профессора Эберхардта. Только на русский не переведена. Куда ни ткнишь — без иностранного языка как без рук. Я и решил немецким подзаняться. Ты не смейся! Я уже со словарём

сказки Гримма читаю. Выучусь — Эйнштейна буду читать. И этого Эберхардта выпишу. Я ведь не сейчас на учёбу прошусь, с осени.

— До осени посмотрим: может, тебя к тому времени на биологию или на океанографию потянет?

— Не знаешь ты меня, Филипп Захарыч! У меня что в голову засело — гвоздь! Я своего добьюсь!

— Так и надо! Пока вот что я тебе могу обещать. Подзаймусь сам этими вопросами, подберу литературу. Спишусь с товарищами в Москве, попрошу их разыскать всё, что вышло. Это раз. А потом, скоро у нас будут проходить курсы секретарей. Поговорю в крайкоме, чтобы выписали нам из Академии наук докладчика. Пусть прочтёт лекцию о новых теориях в астрофизике. Всем будет интересно. И тебе такую лекцию послушать невредно.

— Вот это было бы здорово!

— А сейчас, дорогой Порхунок, жму твою руку и остаюсь с комприветом. Через полчаса у меня бюро крайкома. Придётся малость подготовиться.

— Простите, Филипп Захарыч, ей-богу, простите! Что же вы меня не гнали-то! Я слышал... у вас неприятности, а я тут со своими делами... Времени сколько отнял...

— Не кокетничай, Сёма. Я с тобой поговорил с удовольствием и с пользой. Ты меня убедил, что надо заняться астрофизикой. Не зайди ты ко мне, я бы это, пожалуй, упустил из вида. Иной раз увлечёшься заводом и забываешь, на какой он планете построен! А отсюда и все неприятности. Ну, приветствую тебя, Сёмка!

3

Народ на бюро крайкома собирается ровно в два. Такова традиция, воспитанная Адриановым: начинать без опоздания. Но сегодня уже четверть третьего, а самого Адрианова нет. Впрочем, всем известно: за Бумкомбинат Адрианову влетело на оргбюро; ничего удивительного, если он в комбинате и задержался.

Люди говорят вполголоса о своих повседневных делах, и всё же в воздухе носится неуловимый аромат сенсации. Пожалуй, именно потому, что говорят непривычно тихо, даже в отсутствие Адрианова, и обо всём, о чём угодно, только не о втором пункте повестки. Вторым пунктом стоит вопрос Карабута.

А вот и сам Карабут входит в сопровождении Филиферова. Все здороваются с ним с подчёркнутой учтивостью. В рукопожатии иных чувствуется лёгкий намёк на жалость. Филиферов часто моргает покрасневшими веками.

Карабут внешне спокоен. Небольшой, широкоплечий, он даже как будто твёрже обычного стоит сегодня на своих коротковатых ногах, обутых в кавалерийские сапоги. Правда, он здорово исхудал, но все знают, что он болел тяжело и продолжительно и приехал, не успев поправиться. Все наперебой справляются о его здоровье, а длинный Сварзин — сегодняшний докладчик по второму вопросу — бросает шутку: «Зазорно тебе, Карабут, болеть такой детской болезнью, как скарлатина. В зрелом возрасте детские болезни особенно опасны».

Карабут отвечает, что есть болезни для зрелого возраста ещё более опасные, например, старческое слабоумие. Все воспринимают это как намёк на седые волосы Сварзина. Именно потому, что каждый считает Сварзина человеком недалёким, реплика Карабута кажется вдвойне неудобной. Все, как назло, умолкают, длинной паузой подчёркивая неуместную выходку Карабута. Дело спасает появление Релиха.

Релих с особой теплотой жмёт руку Карабута и тут же рассказывает Сварзину свежий политический анекдот, вызывающий общее веселье.

Десять минут спустя, когда снизу долетает стук захлопнутой дверцы и кто-то от окна сообщает о приезде Адрианова, глаза всех украдкой бегут опять к Карабуту. Карабут с Релихом мирно беседуют, прислонившись к печке и церемонно угощая друг друга папиросами. Пущенный сегодня Товарновым каламбур «Капут Карабут!» припоминается почему-то всем одновременно.

Адрианов входит в зал заседаний, принеся с собой запах мороза и продолжительную тишину.

Первым пунктом повестки дня идёт вопрос о недопустимой текучести состава председателей колхозов. Докладчик от Крайзу говорит длинно и высокопарно. Подготовленный им проект решения, написанный на двух листах, переполнен благими пожеланиями.

Адрианов вносит предложение: «Запретить секретарям районов снимать председателей колхозов без особой на это санкции сельхозотдела крайкома. Обследовать все районы по составу предколхозов. Предоставить сельхозотделу право вносить вне очереди на бюро вопрос о неблагополучных районах». Точка.

Предложение проходит единогласно.

Бюро переходит ко второму вопросу. Докладывает Сварзин. Он странно говорит о том, что только в самое последнее время люди, до сих пор усердно отстаиваемые Карабутом, исключены из партии по настоянию Релиха.

Релих с места:

— Это не совсем верно. Это можно сказать о Гаранине. За назначение Грамберга ответственность ложится не на Карабута, а на меня...

— Товарищ Релих, вы получите слово и тогда изложите свои соображения,— прерывает Адрианов.— Продолжайте, товарищ Сварзин.

Сварзин говорит о беспринципной драке, которую вёл Карабут в течение года с заводоуправлением.

В зале очень тихо. Члены бюро рассматривают ногти и рисуют карандашом на клочках бумаги обрывки затейливого орнамента.

Сварзин читает выдержки из статей Грамберга и Гаранина. Он переходит к характеристике атмосферы, устоявшейся на заводе. Только в такой атмосфере мог прозвучать выстрел, которым комсомолка Астафьева пыталась убить своего мужа, предателя и врага партии Гаранина. Факты, известные Астафьевой и толкнувшие её на этот выстрел, несомненно, ещё серьёзнее и неопровержимее, чем всё, что известно до сих пор крайкому.

Реплика с места:

— Насчёт мотивов Астафьевой пока ни вам, ни нам ничего не известно. Нечего гадать на кофейной гуще.

Это говорит Вигель.

— Ваши предложения? — обращается к Сварзину Адрианов.

— Предложения у меня следующие: первого секретаря райкома Карабута снять с работы и исключить из партии...

Минута молчания. Лица поднимаются от бумаг, и все с некоторым удивлением уставляются на Сварзина: загнул!

— ...второго секретаря райкома Филиферова за политическую слепоту снять с работы, записать ему строгий выговор с предупреждением и поставить к станку. Бюро райкома распустить и в ближайший срок провести новые выборы...

— Так... — медленно говорит Адрианов. — Вы кончили? Предлагаю регламент: Релиху, Карабуту и Филиферову — по десяти минут, всем принимающим участие в прениях — по пяти. Возражений нет?

— Дайте уж Карабуту и Филиферову хоть по пятнадцати,— заступает Релих.

— Нечего разводить болтовню. Товарищ Релих!

Встаёт Релих, большой, сутулый. И сразу сенсация.

— Я считаю предложение товарища Сварзина в корне неправильным. Что-о? Релих за Карабута? Вот так новость! Интересно!

— Да, в корне неправильным! Нельзя бросаться такими работниками, как Карабут. Исключить из партии легко. Гораздо труднее воспитать. О том, что Карабут не враг партии, ни у кого из нас нет сомнений. Карабут — талантливый работник, незаурядный работник. Он молод, не совсем ещё опытен, задирист. Знаем. Но эти недостатки излечимы. Опыт, умение срабатываться с людьми, руководить массой — всё это приобретается с годами. Но есть качества, которые не приобретаются: смелость, инициативность, преданность делу партии. Этими качествами как раз Карабут обладает в избытке. Поэтому об исключении его не может быть и речи, и неправильно товарищ Сварзин пытается представить нашу борьбу как беспринципную. Да, Карабут воюет со мной вот уже второй год. Карабут глубоко уверен, что рабочий класс он знает лучше меня, методы руководства производством знает лучше меня, даже технологический процесс — лучше меня. Что ж, это не страшно. Если сегодня и не знает, через год, через два будет знать. У него есть для этого все данные. Пока что самый верный арбитр в наших с ним спорах — это практика. Да, практика. А если она иногда быстро рассудить не может, рассудят нас здесь, на бюро. — Широким движением большой руки он обводит зал. — Что касается меня, то я лично всегда плохому миру предпочитал хорошую драку.

Он выдерживает паузу. В комнате тишина. Румяная стенографистка, используя секундную передышку, стремительно чинит карандаш тем же привычным жестом, каким наверняка ещё совсем недавно чистила на кухне морковь.

— У Филиппа Захаровича достаточно своих ошибок, — обращаясь в сторону Карабута, продолжает Релих. — Поэтому я ни в коей мере не намерен навязывать ему ещё и мои. Такой безусловно грубейшей ошибкой с моей стороны являлось назначение Грамберга. Я должен признать, товарищ Карабут возражал против этого назначения. К сожалению, я настоял на своём. Ошибку свою я заметил слишком поздно. Что касается товарища Карабута, то ошибка его состоит в том, что он безоговорочно доверился сомнительным людям, отдал в их руки газету. Доверчивость — плохое качество партийного руководителя. У Карабута этот недостаток усугубляет его преувеличенная самоуверенность, убеждение в собственной безгрешности. Карабут не хочет осознать свою ошибку. Вы знаете, что Гаранин исключён из партии не только решением бюро райкома, но и решением всей нашей заводской партийной организации. Казалось бы, Карабуту после такого урока элементарной политической бдительности не оставалось ничего, как сокрушённо признать свою вину и искупить её на деле. Нет, Карабут после приезда экстренно созывает бюро райкома только затем, чтобы сообщить и зафиксировать в протоколе своё особое мнение: дескать, он, Карабут, считает решение бюро об исключении Гаранина в корне неправильным и лишённым всяких оснований.

— Не может быть!

— Товарищ Карабут сам это подтвердит. Он изложит нам здесь, несомненно, мотивы своего поведения. Он заявит, что для окончательного установления вины Гаранина у нас нет на руках достаточных юридических доказательств.

— Вы за меня не излагайте, я сам изложу!

Шорох.

— Я хочу вам только сказать, товарищ Карабут, что партийный руководитель, который не умеет делать выводов на основании первого сигнала, — никакой не руководитель. Это шляпа, а не руководитель! Вот до чего доводит, товарищ Карабут, упорствование в своих ошибках...

— Товарищ Релих, ваше время истекло.

— Я попрошу ещё две минуты.

— Давайте. Только, пожалуйста, покороче.

— Я уже кончаю. Я уверен, что бюро поможет товарищу Карабуту осознать до конца тяжесть его ошибок и честно, по-большевистски, признаться в этом перед организацией. И тогда, я думаю, мы сможем ограничиться мерами взыскания значительно более мягкими, чем те, которые предлагал здесь товарищ Сварзин... Два слова о Филиферове. Мера взыскания, предлагаемая Сварзиным по отношению к Филиферову, мне кажется тоже чересчур крутой. Филиферов — честный рабочий парень, безусловно преданный партии. Вся его вина сводится, собственно, к одному: он недостаточно политически подкован, чтобы занимать пост второго секретаря районной организации. У себя в цехе товарищ Филиферов был прекрасным парторгом, и надо было его там оставить ещё годик-другой; сначала подучить, а потом уже выдвигать на такую ответственную работу. Товарищ Карабут поспешил. Во имя красивого жеста он посадил своим заместителем неподготовленного человека, не помог ему, и человек на этой работе сорвался. Я предлагал бы вернуть товарища Филиферова парторгом в один из крупных цехов завода.

— Всё? Товарищ Карабут!

Карабут встаёт, суёт окурок в пепельницу, облакачивается на спинку стула.

— Я буду краток и уложусь в десять минут. Прежде всего я должен поблагодарить товарища Релиха за ту любезную и лестную характеристику, которую он дал мне в начале своей речи. Я слышал, что в английском клубе, когда между джентльменами дело доходит до мордобоя, один начинает рассыпаться перед другим в комплиментах. Предполагается, само собой, что благородный противник должен ответить тем же. Однако я человек невоспитанный, и правила английского клуба для меня не обязательны. Поэтому я буду говорить так, как будто этого благородного вступления в речи товарища Релиха не было, а говорил он обо мне только то, что думает. Мне предъявляется здесь обвинение в покрывательстве Грамберга.

— А Гаранина? (Сварзин).

— В покрывательстве Грамберга! О Гаранине буду говорить особо. О том, что Грамберг дважды исключался из партии, никто в нашей организации не знал. Как выяснилось позже, Грамберг хитрил, потерял учётную карточку и сделал это настолько виртуозно, что не вызвал наших подозрений даже при последней чистке. Чтобы разоблачить Грамберга, надо было быть либо ясновидцем, либо иметь с ним общих знакомых, как товарищ Релих. Приходится сожалеть, что он не смог этого сделать раньше.

Исключение из партии Гаранина я считаю совершенно необоснованным и в корне неправильным, что и просил занести в протокол на последнем заседании бюро нашего райкома. Единственное, что, по-моему, причиталось Гаранину, это выговор за напечатание статьи Грамберга. Ошибки, которых доискиваются в статьях самого Гаранина, можно при желании найти и в статьях товарища Релиха. Что касается связи Гаранина с арестованным Щуко, никакая такая связь никем не доказана. Всё дело Гаранина, Дело с большой буквы, создано богатой фантазией товарища Релиха, который вещественные улики подменил воображением. Присутствуй я лично на том злосчастном заседании, не было бы никакого «дела Гаранина» и, естественно, не было бы никакого выстрела. Я кончил.

— Это возмутительно! Отрицать факты и говорить о собственных ошибках с таким апломбом! — горячится Сварзин.

— Товарищ Филиферов!

Филиферов говорит тихо, часто сморкается в платок. Как назло, сегодня у него гнуснейший насморк. Да, Карабут прав: насчёт Грамберга дей-

ствительно никто ничего не знал, да и сам Релих узнал случайно, в последнюю минуту. Что касается Гаранина, то ему, Филиферову, тоже не верится. Гаранина все знали: свой парень. Трудно предположить, чтобы человек умел до такой степени маскироваться. Может, он там в чём и напутал, даже наверное напутал, но скорее всего без злого умысла. Он, Филиферов, на бюро голосовать за исключение Гаранина воздержался. Предлагал сначала это дело доследовать. Что же касается его лично, то Сварзин правильно предлагал: надо его послать в цех. Когда выдвигали его в райком, он сразу предупреждал: не вытянет. Нет у него, так сказать, крепкой политической закваски. Работал у себя в цехе парторгом, сам чувствовал — хорошо работал. А тут сразу увидел — не справляется. Говорит по данному вопросу с Карабутом — всё ясно для него, иначе и быть не может. А потом станет говорить с Релихом, тот докажет совсем обратное, и тоже вроде правильно. Намаеялся он с этим немало. Под конец всё больше стало ему казаться, что по основным вопросам прав Карабут. А в общем, конечно, надо ему ещё учиться и учиться. Так что действительно правильнее всего будет снять его и послать на низовую работу. А насчёт партвзыскания — это уж, конечно, как бюро решит.

— Ну что, товарищи, обменяемся мнениями? — предлагает Адрианов. — Кому слово? Товариш Вигель!

— Я думаю, предложение товарища Сварзина ни с какой стороны не приемлемо, — с места по-военному рубит Вигель. — Если взвесить объективно и учесть продолжительную болезнь Карабута, то по существу ответственность он несёт за одного Гаранина. А дело с Гараниным далеко не ясно. Насчёт связи Гаранина со Шуко из Москвы подтверждений нет. Мотивы покушения Астафьевой, куда не удасться допросить её самой, тоже остаются неизвестными. А может, девица просто приняла к сердцу, что мужа исключили из партии? Раз исключили — значит предатель, обманул доверие... Травма — пиф-паф и готово! Можно допустить такое объяснение? Можно с равным успехом. Выходит, хотим мы человека судить на основании совсем неясного дела. За статью Грамберга, которую напечатал Гаранин, Карабут не отвечает: лежал тогда больной и газет не читал... То, что сейчас Карабут демонстративно упорствует насчёт неправильности исключения Гаранина, в этом он, пожалуй, виноват; устраивать демонстрацию на бюро райкома не стоило. Раз не согласен, подавай в комиссию партийного контроля... Назначение Грамберга. Да, это безусловная ошибка. За неё надо им отвечать на равных паях с Релихом. Короче, вопрос, по-моему, надо отложить до окончательного доследования дела Гаранина и никакого решения принимать по нему сегодня нельзя.

— Товариш Гурлянд!

Гурлянд — заведующая сельхозотделом, молодая, подвижная блондинка, наперекор традициям одетая всегда тщательно и по моде, — любимица всего бюро.

Нет, она не согласна с Вигелем. Вигель чересчур мягко подходит к этому делу. Карабут отвечает не только за свои собственные ошибки, но и за всю систему взаимоотношений на заводе. Прежде всего за несрабатанность райкома с заводоуправлением.

— Почему только Карабут, а не Релих? — возражает Вигель.

Атмосферу на заводе создаёт секретарь райкома. В прошлый раз, когда бюро слушало их очередную распрю, вторую или третью по счёту, оно твёрдо предложило Карабуту сработаться с Релихом. Создалось ли сегодня у кого-либо впечатление, что Карабут принял к сердцу указания бюро и пытался сработаться с заводоуправлением? У неё лично создалось обратное впечатление: ни о какой сработанности нечего и говорить. Поэтому зря дольше тянуть эту волюнку. И откладывать вопрос незачем. В большей ли степени или в меньшей виноват Гаранин, это в данном слу-

чае решающего значения не имеет. Ошибочные статьи в газете печатались? Печатались! Несёт за это ответственность секретарь райкома? Ясно, несёт! Поэтому она предлагает: Карабута и Филиферова снять. Карабута с выговором, Филиферова можно без выговора...

— Товарищ Дичев!

...Часы, простуженно сипя, вызывают пять. Уже час длится обмен мнениями. В пепельнице перед Карабутом вырастает громоздкая пирамида окурков и на синем сукне стола — бугорки папиросного пепла. Релих, украдкой позёвывая, перелистывает записную книжку и на клочке бумаги подсчитывает какие-то цифры. За окном бледное январское солнце томится, как муха, в паутине телефонных проводов.

Адрианов, прямой и строгий, сидит во главе стола. Неизвестно, слушает или что-то додумывает. Время от времени делает пометки на листе бумаги и опять откладывает карандаш. Раза два во время прений в зал заседаний на цыпочках входит Товарнов и передаёт Адрианову срочные телеграммы.

— Товарищ Ткач, вы говорите уже восемь минут.

— Я кончил.

-- Все, товарищи, высказались? Больше никто не желает? Тогда разрешите мне. Прежде всего краткое сообщение, имеющее прямое касательство к разбираемому нами делу. Только что получена из Москвы шифрованная телеграмма — ответ на мой двукратный запрос относительно арестованного Щуко и его связи с Гараниным. Из ответа следует, что историк Щуко Иван Витольдович, преподававший в прошлом году в КИЖ, находится на свободе и ни к какой ответственности не привлекался. Может, действительно бюро райкома несколько поторопилось с исключением Гаранина...

— Я в этом глубоко убеждён!

— Погодите, товарищ Карабут. Убеждены вы в этом или нет, это — ваше личное дело... Я предложил бы выделить тройку в составе товарищей Сварзина, Вигеля и Гурлянд, поручив ей доследовать в кратчайший срок дело Гаранина и доложить нам о результатах на следующем заседании...

— Я бы советовал включить в состав комиссии товарища Релиха, — предлагает Сварзин.

— К сожалению, я уезжаю за границу. Об этом Андрей Лукич знает.

— Да, товарищ Релих уезжает по командировке Наркомтяжпрома. Завтра, кажется?

— Сегодня вечером. Очень жаль, что я не смогу присутствовать при расследовании этого дела. По вопросу о Гаранине я твёрдо остаюсь при своём мнении.

— Вы сможете оставить материал тройке и изложить ей подробно ваши соображения... Возникает вопрос: нужно ли нам, как предлагает товарищ Вигель, откладывать решение о товарище Карабуте до окончательного установления степени виновности Гаранина? Я думаю, что откладывать нет надобности. Найдёт ли тройка нужным санкционировать решение об исключении Гаранина или ограничится менее строгим партзысканием, ответственность Карабута от этого не уменьшится. Ошибки товарища Карабута, на мой взгляд, заслуживают самого пристального внимания. Товарищ Гурлянд правильно говорила здесь, что за несработанность райкома с заводоуправлением в первую голову отвечает Карабут. Исходя из этого, она предлагает развести Карабута с Релихом: раз не сработались до сих пор, нечего, мол, ждать, что «стерпится — слюбится». А я вас спрашиваю, товарищ Гурлянд, что это за политический термин «не сработались»? Как это мы с вами, коммунист с коммунистом, можем не сработаться, выполняя сообща одно задание партии? Что мы с вами — кадрили танцуем и не с той ноги начали?

— Но ведь не срабатываются же люди, факт, — краснея, возражает Гурлянд.

— Партия имеет в своём распоряжении достаточно сильные меры воздействия, чтобы не только предлагать, но и заставить коммунистов срабатываться. Стоит нам раз встать на такую точку зрения, и завтра из бюро крайкома мы превратимся в бюро по бракоразводным делам. Каждый с кем-нибудь «не сошёлся характером». А интересы производства — это что? Потворствовать этим штукам — значит не наказывать, а поощрять. Нет у нас и не может быть формулировки «освободить как несработавшего». Может быть только одна: выгнать из партии как саботажника решений бюро... Но есть ещё одна сторона вопроса, которой напрасно никто здесь не коснулся. Статья с замаскированным выпадом против партии появилась во время болезни Карабута. По мнению товарища Вигеля, Карабут за неё не отвечает. Отвечает-де второй секретарь, Филиферов. А я думаю, что Карабут отвечает полностью не только за свои собственные ошибки, но и за все до одной ошибки Филиферова. Ссылка на болезнь — это не оправдание.

— Я не оправдывался болезнью...

— Я вас не прерывал, товарищ Карабут. Будьте добры, и вы меня не перебивайте. Вы, и никто другой, выдвигали Филиферова в свои заместители. Иными словами, вы несёте за него полную ответственность. Пора вам усвоить, что коммунист, рекомендуемый другого коммуниста на самостоятельную работу, отвечает за него головой. Карабут, это ясно для всех, выдвинув Филиферова, не оказал ему достаточной помощи. Допустим, он ошибся в Филиферове и после тщательных попыток убедился в его неспособности. Случаи такие возможны. Тогда он был обязан поставить этот вопрос у нас на бюро, сигнализировать нам о своей ошибке, просить у нас разрешения заменить Филиферова другим. Этого Карабут не сделал. Значит, за ошибки Филиферова в первую голову отвечает не Филиферов, а Карабут. О Филиферове мы знаем, что он был хорошим парторгом большого цеха. Это говорит о нём как о способном, растущем работнике. Из его выступления ясно, что это честный, преданный партии человек. Путь от парторга большого цеха к секретарю парткома, переименованного затем в райком, — не такой уж головокружительный путь. Филиферов пытался выгородить Карабута, взять основную вину на себя. Но то, что он здесь говорил, прозвучало, помимо его желания, как самое тяжкое обвинение, которое кто-либо бросил Карабуту. Ответственность за дальнейший рост или срыв Филиферова лежит всецело на Карабуте. Мы не позволим никому из наших работников бросаться живыми людьми! Сегодня — из цеха в райком, завтра — из райкома обратно в цех... Это не мячик и не стул, который можно переставлять в зависимости от того, подошёл он или нет к обстановке! То, что Карабут не осознал этой тягчайшей своей ошибки, то, что он ни словом не заикнулся о Филиферове, говорит против него красноречивее всех обвинений. Работник, не умеющий воспитывать свои кадры, не умеющий драться за свои кадры, — плохой работник...

Пауза. Тишина в зале становится угнетающей. Карабут сидит красный, нервно обкусывая мундштук папиросы, и папироса стремительно становится всё короче. У Филиферова горит лицо. Вид у него такой, словно он охотнее всего провалился бы вместе со стулом сквозь натёртый до лоска паркет. Сварзин, приоткрыв рот, горящими, широко раскрытыми глазами всматривается в Адрианова. Релих закрыл свою записную книжку и смотрит на Адрианова с удивлением. Гурлянд глядит в потолок, словно там именно повис оборвавшийся на секунду голос Адрианова, и внезапно вздрагивает при звуке новой фразы:

— Предложение у меня следующее: записать товарищу Карабуту строгий выговор за плохую работу по воспитанию кадров и за притупление бдительности. Предложить ему в последний раз наладить нормальные отношения с дирекцией завода. Точка. Всё. Есть ли у кого другие предложения? Нет. Ставлю на голосование предложение товарища Вигеля.

— Я снимаю своё предложение, — говорит Вигель.

— Голосую предложение товарища Сварзина.

— Я снимаю своё предложение.

— Нет ли других предложений? В таком случае ставлю на голосование мой проект решения. Кто «за»? Восемь... одиннадцать. Принято единогласно. Переходим к следующему пункту повестки...

Внизу, у подъезда, шофёр Вася, отплёвываясь и кряхтя, заводит ручкой мотор. Вася пыхтит и потеет, но мотор оскорбительно молчит. На дворе мороз. Воздух прозрачно-сухой, выжат до последней слезинки. Люди ушли в шубы, выглядывают из них неохотно и сердито. Вася в двадцатый раз, поднатужась, налегает на ручку.

— Не заведётся, что ли? — нетерпеливо спрашивает Карабут.

— Филипп Захарыч, садитесь, подвезу! — раздаётся за спиной голос Релиха. — Зажигание у вас, видно, не в порядке. Долго проканителитесь.

— Спасибо, поеду на своей, а то ещё расшибёте, — с кривой улыбкой отвечает Карабут. — Сами за рулём или с шофёром?

— Сам. В такой день — одно удовольствие. Садитесь, довезу в целости и сохранности.

Машина Релиха соблазнительно фырчит. Вася всё ещё возится со своим упрямым молчальником. Карабуту надо срочно на завод. Филиферов задержался в промышленном отделе. Всё равно пришлось бы за ним отсылать машину обратно.

— Ладно... Подождите тогда Филиферова, — говорит Карабут потному и расстроенному Васе. — Я поеду с товарищем Релихом.

Релих включает скорость, и автомобиль, описав полукруг, пронзительно гудя, мчится по неровному булыжнику.

— Ну что, получили по выговору, и квиты? — поворачивая лицо к Карабуту, смеётся Релих. — Хотите руку?

— Держитесь-ка за руль. А то либо меня расшибёте, либо задавите кого-нибудь.

— Отвергаете протянутую десницу?

— Я не любитель акробатики. Дам вам руку, когда будем стоять на твёрдой почве.

— Это что, аллегория?

— Как вам удобнее...

Машина плавно бежит вниз и поворачивает к реке.

— А молодец Адрианов! — вдруг говорит Релих. — Вот умница! И заступился и стукнул — всё как полагается. И не обидно. Он один это умеет. Знаете, Филипп Захарыч, вот озолоти меня, ни за что не перешёл бы работать в другой край! А вы?

— Не собираюсь.

— Увидите, как мы с вами ещё поработаем. Такой встречный в этом году загнём, в Наркомтяжпроме ахнут! Что ни говорите, а всё-таки великое дело привычка. Вот лошади и грызутся в одной упряжке, а всё-таки везут.

— «Да только воз и ныне там...»

— Если вы хотите этим сказать, что считаете себя крыловским лебедем, то в этом есть известная доля здоровой самокритики. Всячески приветствую.

— А кем же вы себя тогда считаете? Раком или шукой?

— Вы, конечно, хотели бы видеть меня шукой, к тому же, предпочтительно, фаршированной.

— Преувеличение! Я вовсе не так кровожаден.

Сквозь фермы моста видна карта дорог и троп, проезженных и протоптанных за зиму на ледяной спине реки. Одиноким воз, гружённый дровами, отчалил от правого берега. Исчертив крест-накрест весь снеговой пейзаж, мост подаётся назад.

— Клапана у вас стучат. Насилуете мотор, — после длительного молчания лаконически бросает Карабут.

— Верно! Машину водить не умеете, а всё-таки разбираетесь.

— Простейший мотор внутреннего сгорания...

— Я и забыл, что вы скоро будете у нас инженером.

— Инженером не инженером, а технологический процесс буду знать назубок, будьте покойны! Никаких непостижимых секретов в этом нет.

— Зря меняете профессию, Филипп Захарыч!

— Какую профессию?

— Сколько вы лет на партийной работе?

— Со дня рождения.

— Сколько всё-таки?

— Восемь.

— Вот видите, и вдруг хотите менять профессию партийного работника на инженера. Ведь инженер-то вы всё-таки начинающий.

— Повторите мне ещё, что Журавлёв великолепно руководил заводом, хотя не вмешивался в технологический процесс.

— Не вмешивался.

— Поэтому-то вы с ним так дружно и работали.

— Я и с вами дружно буду работать, может быть, ещё дружнее, чем с вашим предшественником, когда у вас инженерный стаж будет такой же, как сейчас партийный.

— Зря вы этого не сказали Адрианову.

— Вы неверно меня поняли. Я хочу сказать, что с каждым годом мы будем работать всё дружнее.

Машина летит по ровной мощёной дороге, через покрытые снегом плоские российские поля. На телеграфных столбах, нахохлившись, сидят вороны. Тишина и раздолье. Только там, вдали, над рекой, вереницей бурлаков шагают ажурные мачты, таща в скрюченных штопором пальцах провода высокого напряжения. На горизонте видны уже первые строения завода.

— Сегодня уезжаете? — спрашивает Карабут.

— Так точно. Дольше задерживаться не могу. Торопят из Наркомтяжпрома. Утром получил шестую телеграмму.

— Что ж, счастливого пути, как говорится в подобных случаях.

— Видите, помогаю вам, как могу, выполнить директиву бюро. В моё отсутствие вам, несомненно, легче будет со мной сработаться.

— Надолго едете?

— Месяца на полтора, может, на два. Мало? На дольше не пускают. Знаете хорошо, что в угоду вам я способен на любую жертву. Например, остаться за границей ещё на месяц и съездить в Италию... Кстати, привезти вам что-нибудь из-за границы? Фотоаппаратами или чем-нибудь в этом роде не увлекаетесь?

— Увлекаюсь сваркой лонжеронов. Привезите мне какой-нибудь новый рецепт.

— Это само собой. А так ничего вам не надо? Всё равно неудобно приезжать без подарков.

— Благодарствую. Кто-то из мудрецов, не то Сенека, не то Козьма Прутков, говорил: раз ты принимаешь подарки, очевидно, ты богатый человек. Что касается меня, то мне они не по карману.

— Не слыхал такого афоризма. Очевидно, этого Козьму Пруткова в просторечии звали Карабутом... Вас куда, к райкому?

— Если вам не трудно...

— Вижу, что язык английского клуба вовсе вам не чужд. Изъясняетесь на нём великолепно... Вот мы и приехали. Так как же по-вашему: стоим мы сейчас на достаточно твёрдой почве, чтобы пожать друг другу руку или нет?

— Для меня решение бюро — достаточно твёрдая почва. Для вас — не знаю.

— Коль уж на то пошло, то я, кажется, протягивал вам руку первый. И до решения бюро, на заседании, и после. Значит, работаем? Честно и по-большевистски?

— Я иначе не умею.

— Если подерёмся, то пусть перья из нас летят, но чтобы на заводе это не отражалось!

— Какой же смысл тогда драться? Пусть отражается, но положительно.

— А знаете, Филипп Захарыч, вы не поверите, но я искренне рад, что нас оставили вместе. На следующий день после вашего ухода я наверняка смертельно бы заскучал. Всего вам хорошего, Карабут. Давайте лапу ещё раз. Ну, живите, здравствуйте, работайте и не поминайте лихом!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

И вот, оплевав дымом окрестные поля, поезд с неистовым воем врывается в пригород. «Мицци, Мицци, где мой шарф? Ты его, наверно, засунула в чемодан!» Скрипят ремни от портпледов. И крик и беготня по коридору.

А за окном, прихрамывая, уже бегут навстречу заборы, заборы, рыжие, одинокие стволы фабричных труб, красные квадратные дома и приземистые домишки с тусклыми глазницами окон и провалившимся носом дверей, бегут трансформаторы и провода, густые, как струны рояля, и опять дома в пёстрых пластырях реклам.

Поезд, споткнувшись на стрелке, путает привычный размер и, приноравливаясь к упрямой скандировке заборов, послушно отстукивает такт: «И ныне, и присно, как встарь, германским останется Саар!..»

Да, ведь через четыре дня в Сааре плебисцит!

А уже внизу, под колёсами, одна за другой, нагибаясь, прошмыгивают улицы. У пивной на углу, заглядевшись на поезд, дружно, как по команде, зевают два эсэсовца. Собака, задрав заднюю лапу, поливает фонарный столб. «Курите только папиросы «Мурати Приват». И опять дома, заборы, прямая просека улиц, две старухи с продуктовыми сумками, неподвижные, как памятник, у пустынной остановки трамвая, лощёный шупо в чёрной лакированной каске, похожей на надетый на голову детский унитаз, а потом окна, окна, запотевшие, разрисованные инеем, сквозняк окон, занавесок, тюлевых штор и пухленькая блондинка в ореоле из папильоток над тихим горшком герани. «Съев бифштекс или котлетку, не забудь принять таблетку «Бульрихзальц»... «Бульрихзальц», «Бульрихзальц»...

Где-то вдали промелькнула безымянная товарная станция, и длинный состав красных вагонов оборвался внезапно, как отрезанный шнур сарделек. Окружённый свитой автобусов и легковых машин, поезд вкатывает в город. Вот они все остались позади, отнесённые в сторону медленным течением проспекта. Поезд, громяхая, летит над крышами домов, над внезапно разверзающимися гулками пропастями улиц — Берлин! Берлин! — и через минуту снова врывается в плоть города, рассекая её пополам, как круг швейцарского сыра, весь усеянный дырками окон. Плакаты, плакаты,

дома. «Тверди, как заповедь божью: правда не может стать ложью! Саар, мы знаем заранее, не может жить без Германии!»

Человек в потёртом пальто толкает стеклянную дверь. Огромная вывеска «Ашингер». Газетчик со ртом, раскрытым для крика, размахивает белым флагом газеты. Господин с поднятым воротником остановился у витрины аптекарского магазина. «Нет таких или очень редки, кто не знал бы свойств таблетки «Бульрихзальц». И опять, как упрямый рефрен: «И ныне, и присно, как встарь, германским останется Саар!..»

Поезд бежит, оглушён и окаркан этим назойливым словом, стаей этих слов, летающей навстречу с каждого рекламного столба: Саар! Саар! Саар!..

Запыхавшийся, истекающий паром, он врывается на вокзал.

Фридрихштрассе!

Крикливый косяк людей. Из вагонов на перрон гурьбой прут пузатые чемоданы. Вслед за чемоданами поодиночке выползают люди. Вспышки восклицаний и поцелуев. «Ах, Франц, как ты плохо выглядишь!..» «Осторожно, не кидайте, там фарфор!..»

Релих протискивается за носильщиком и долго дрейфует в толпе, окружённый щебечущей стаей японцев. Сколько их! Откуда? Ехало всего семеро, а вдруг стало не меньше тридцати!

Выбравшись из толчеи, он озирается вокруг. Вокзал как вокзал: пассажиры, носильщики, шупо. Первое, что бросается в глаза, — это полное отсутствие штурмовиков. Он готов удивиться, но вспоминает про 30 июня. Очевидно, после неприятности с Ремом всех их понемножку убрали со сцены. Зато эсэсовцы представлены в совершенно достаточном количестве. Подтянутые, в своей чёрной форме они кажутся штурмовиками в трауре.

На площади перед вокзалом ветер и снег. «Чем расстёгивать жилетку, съев обед, прими таблетку «Бульрихзальц». «Саар! Саар! Немецкая вотчина! Не будешь отщепенцами опорочена!»... Дверца такси закрывается, как диафрагма.

В гостинице по фурору, который производит его красный советский паспорт, Релих легко заключает, что советские граждане теперь здесь редкие гости. Он направляется к лифту, почтительно провожаемый портье и любопытными взглядами всей гостиничной челяди.

Комната с мраморным камином после пыльного купе ослепляет чистотой, словно вылизанная языком. Пухлые немецкие амуры, поддерживающие часы, осовело смотрят с камина. Хрупкий «бой» в шапочке паяца втаскивает чемоданы.

— Сударь... — слышит вдруг за спиной Релих.

Он вопросительно поворачивает голову.

— Разрешите смелость: в России... очень холодно? — спрашивает парнишка, пожирая Релиха глазами, горящими любопытством.

Релих чувствует, что парню хочется спросить совсем о другом. Смущение «боя» забавляет его. Достаточно ответить, что в России холодно, но х о р о ш о, и парень, ухватившись за это слово, как за протянутый палец, засыплет вопросами. Но Релиху не хочется протягивать палец. Роясь по карманам в поисках мелочи, он отвечает равнодушно:

— Сейчас холодно, полоса морозов, а так ничего, среднее.

Он достаёт из кармана две марки.

«Бой», заметив его жест, торопливо и конфузливо исчезает за дверью. Когда Релих протягивает деньги, парня в комнате уже нет. Релих выглядывает в коридор и видит у поворота быстро удаляющуюся треугольную спину. Удрал! Вот чудак!

Распаковав чемодан, Релих принимает ванну, переодевает костюм и спускается вниз. В парикмахерской его стригут, бреют, массируют, пудрят, приводят в порядок ногти и забавляют светским разговором. Основ-

ные темы дня: резкая перемена европейского климата и флемингтонский процесс. Действительно ли Гауптман похитил ребёнка Линдберга? Не надо ли и здесь «шерше ля фам»? Вот хотя бы, возьмите, эта шикарная нянечка, фрейлейн Бетти Гоу, не кажется ли она вам немножко подозрительной?

Тем временем часы с амурами на мраморном камине стрелками, как циркулем, уже отворяют вторую половину дня. Пора обедать.

В ресторане отеля седой господин во фраке с перекинутой через руку салфеткой скорбно сообщает Релиху, что сегодня «эйнтопфгерихт» — обед из одного блюда в фонд «зимней помощи». Таков декрет имперского правительства.

На столе перед Релихом появляется тарелка рисовой каши с рассеянными в ней тут и там, как изюминки, мелкими клочками мяса.

Очистив тарелку без особого аппетита, Релих безропотно платит по счёту, как за нормальный обед из четырёх блюд, и в кисловатом настроении поднимается к себе наверх. Время довольно позднее.

Он решает свой визит в полпредство отложить до завтра и сегодняшний день посвятить бесцельным шатаниям по Берлину.

Монументальный швейцар в облачении посла иностранной державы распахивает перед ним дверь в город.

Прежде всего запастись папиросами.

В табачной лавке на углу гибкий продавец приветствует его почтительным «Гейль Гитлер!» Релих выбирает две коробки папирос «Мурати Приват». «Кто их не пробовал,— тверди навязчиво,— тот недостоин звания курящего»... Коробку спичек.

Продавец, очевидно по акценту, узнаёт в нём иностранца и провожает уже беспартийным «до свидания».

У автобусной остановки Релих закуривает и на минуту застывает в раздумье: куда ехать?

Двухэтажный автобус высаживает его на Курфюрстендамм.

Бегут одышливые автобусы и длинные, цеппелиноподобные лимузины. У самых длинных и приземистых — таких приземистых, что, кажется, они волочат животы по асфальту,— заткнут за ухо треугольный флажок со свастикой. Торопливо проходят люди в котелках и шляпах. Кепок не видно вовсе.

Релих мысленно пытается уловить, что изменилось в облике этого города. Уличное движение, пожалуй, стало меньше — это бросается в глаза. Люди? Люди более подтянуты и подчёркнуто немногословны. Особенно это заметно в автобусе. Больше рейхсверовцев. Больше шупо. Прохожие более торопливы. Редкие здороваются друг с другом реформированным жестом римских патрициев. Большинство — по-старому: приподымают котелки. Те, кто в приветствии придерживается гитлеровского ритуала, делают это как-то неловко, впопыхах, порывисто сгибая в локте правую руку и подымая ладонь на уровень подбородка, словно немножко стесняются иронических глаз толпы. Для государственных чиновников этот привет будто бы обязателен. Но государственные чиновники, видимо, мало разгуливают по улицам.

Семитских лиц вовсе не так уж мало. Впрочем, может быть, это признанные законом «еврей-метисы», насчитывающие среди предков второй линии не больше двух полных евреев, в отличие от своих презренных собратьев, одарённых целыми тремя?

Размышления Релиха прерывает оркестр эзэсовцев, пружинным шагом, к восторгу уличных мальчишек, пересекающий площадь. «И кровь в артериях саарца, и в Сааре вода немецкою останется, немецкою навсегда!..»

Вечер, татуированный пёстрыми разводами реклам, встречает Релиха в незнакомом отдалённом квартале. Усталые ноги настойчиво зывают о

передышке. Перед ярко освещённым фасадом театра человек в ливрее суёт в руки прохожим рекламные листки. Бурный успех! Комедия из русской жизни «Товарищ» французского автора Жака Деваль, в немецкой переработке Курта Гетца.

«Зайти, что ли? Всё равно нет смысла возвращаться так рано в отель».

Релих входит в вестибюль, встречаемый, как триумфатор, низкими поклонами швейцаров. Давки у касс незаметно. Длинная аллея из поклонов ведёт его в зрительный зал. Пустовато. Не зря так густо кланяются!

На сцене юный и благородный русский великий князь утончённо бедствует в эмиграции на ролях лакея, имея на текущем счету четыре миллиарда франков. Но деньги эти принадлежат по праву «несчастной» императорской фамилии, и князь не желает к ним притрагиваться, твёрдо решив при первой возможности вернуть их «законным наследникам престола». Вдруг появляется большевистский комиссар, он же красный генерал Гороченко, — садист и изверг, истязавший князя ещё там, в России. Сейчас Гороченко что-то вроде наркомфина. Большевикам до зарезу нужны кредиты, и они, по заявлению Гороченко, готовы отдать в залог иностранному капиталу советские нефтяные источники. Но тут в великом князе просыпается великий патриот. Он не может допустить, чтобы святая матушка-Россия открыла свои недра иностранцам! И он великодушно дарит большевикам чек на четыре миллиарда.

Зрительницы прочувствованно сморкаются в платочки. Релих, не выйдя до конца, тихо покидает зал.

Улица заметно опустела. Редкие машины скользят по ней, как лакированные тени. Сумрак, запаянный в трубки, горит пунцовым пламенем неона. Зазевавшись у перекрёстка, Релих вздрагивает от прикосновения чьей-то руки. Девушка с длинными встревоженными ресницами, в надвинутой на лоб микроскопической шляпке, вкрадчиво берёт его под руку.

— Пойдём?

Он отрицательно качает головой и, высвободив руку, переходит на противоположный тротуар.

Предвкушая вечерний «эйнтопфгерихт», он предпочитает зайти выпить честного кофе с честными сдобными булками...

Теперь ещё немного подышать свежим воздухом после несвежего запаха этой лежальной французской комедии на немецкий лад! На четвёртом перекрёстке его окликает большое белое «U»¹ на синем квадрате стекла. Он послушно спускается в подземку. Отходит последний поезд. В наполовину пустом вагоне Релих устраивается на скамейке у окна. «Сев за стол и взяв салфетку, не забудь принять таблетку «Бульрихзальц».

На следующей остановке рядом с ним присаживается молодой, опрятно одетый человек с тонким арийским носом. Новенькая фетровая шляпа делает его ещё более неотразимым. Молодой человек ставит на пол небольшой деревянный ящичек и, удобно рассевшись, разворачивает свежий номер «Фелькишер Beobachter». Вагон постепенно наполняется, вбирая запоздалых прохожих.

На одной из остановок молодой человек выходит. Когда поезд трогается, Релих замечает, что сосед позабыл свой сундучок. Окликать поздно, поезд идёт полным ходом. «Ну и чёрт с ним! Мне какое дело? Как бы самому не прозевать остановку!»

Но тут происходит нечто совершенно неожиданное. Один из пассажиров, пробираясь к выходу, задевает ногой позабытый ящик. И вдруг, как осколки взорвавшейся бомбы, в воздух летят белые листки бумаги. Пассажиры шарахаются в смутении. Один листок падает на колени Релиха. Он видит крупными буквами набранное слово «Геноссен!» и резким

¹ Первая буква слова «Untergrund» — обозначение станций берлинского метрополитена.

движением стряхивает листок на пол. Растерянно смотрит на открытый ящик. Из ящика, извиваясь и вздрагивая, свешиваются на пол обессиленные пружины.

— Тормоз! Живо, тормоз! — кричит проводнику саженный дядя со свастикой в петлице. — Останови поезд!

Пассажиры, повскакав с мест, скопом кидаются к дверям. Толпа оттекает от тормоза явно неповоротливого проводника, извергающего проклятия, чересчур ретивого «наци». Когда поезд останавливается на станции, все гурьбой вываливаются на перрон.

Релих во-время соображает, что оставаться здесь с советским паспортом по меньшей мере нецелесообразно. Пользуясь давкой, он вместе со всеми вываливается в открытую дверь и приступом берёт лестницу. На перроне верещит свисток.

Теперь уже неопасно: на лестнице перемешались пассажиры из всех вагонов.

Он видит вокруг себя тревожные, взволнованные лица. Толпа, напирающая снизу, почти выносит его в вестибюль. До ушей Релиха долетают разрозненные слова:

— Листовки на пружинах... Оставляют в вечерних поездах... Третьего дня засеяли целое депо... — поясняет соседу в кепке сосед в железнодорожной форме.

— Это ещё что! А вот я вчера на Алексе... прохожу... раздают рекламный проспект: зубная паста... Стал читать, а там такое написано... Не дай бог, если кто увидит!..

Заметив, что Релих прислушивается к его словам, человек мгновенно замолкает.

Большое белое «У» над выходом звучит, как вздох облегчения. Толпа рассеивается. Релих сворачивает в первую людную, ярко освещённую улицу. Попав в поток пешеходов, замедляет шаг.

«Ну и везёт же мне, чёрт возьми! Другой ездит по Берлину целый год — и хоть бы что! А мне стоило раз проехаться на метро, сразу чуть не влопался в историю!»

Он даёт себе слово больше не пользоваться подземкой. Лучше уж ездить на такси. Но такси, как назло, нет. Впрочем, теперь, кажется, уже близко.

Из-за угла с пением выходит отряд. Гитлеровская молодёжь со знамёнами. Наверное, с митинга. Отряд проходит мимо, чётко отбивая шаг. «И любых из нас спросите: «Христиане вы или нет?» — «Адольф Гитлер наш спаситель!» — вы услышите в ответ. Лучезарен, бодр и весел, он ведёт нас неспроста. И мессия наш Хорст Вессель надёжнее Христа!..»

Красным заревом неона горит над домами небо. На лакированных касках шупо мерцают красные блики. Так, наверное, мерцали они в ночь пожара рейхстага.

Релих смотрит вслед удаляющейся колонне. Ему не по себе. Как будто только что в двух шагах, не заметив его, промаршировала целая процессия умалишённых. Опасности нет, но всё же немножко неприятно...

Усталый, почти ведомый инстинктом, он набредает наконец на освещённый подъезд отеля. Ряженный министром швейцар, кланяясь в пояс, открывает перед ним дверь в безмятежное царство сна.

Следующее утро ушло на визит в полпредство и на телефонные звонки. В полпредстве Релиха встречают с нескрываемым удивлением. Наркомтяжпром великолепно знает, что при нынешней политической обстановке посылать сюда людей нет никакого расчёта. Последние две партии энергетиков и тепловиков, не высаживаясь в Берлине, отбыли во Францию.

Если Релих дорожит временем, он сделает самое разумное, последовав их примеру.

Релих покидает особняк полпредства, унося целый ворох советов и напутствий. За дверью медным грохотом военного оркестра его встречает Германия.

В укромном элегантно-ресторанчике его кормят досыта супом из бычьих хвостов и рябчиками в сметане. «Эйнтюпфгерихт», к счастью, полагается один раз в месяц. Бутылка замороженного рейнского вина окончательно мирит Релиха с Берлином. Закурив папиросу «Мурати Приват» («Стоит понюхать их, даже не глянув, чтобы понять наслаждение гурманов»), в самом благодушно настроении он выходит из ресторана.

Долговязый автобус, скрипя рессорами, увозит его в Шарлоттенбург.

Сойдя на Вильгельмплац, после минутного раздумья он подзывает такси и велит везти себя на Бюловштрассе. У Ноллендорфплац он расплачивается с такси и дальше идёт пешком. На углу Винтерфельдштрассе он покупает «Берзенцейтунг», «Ангриф» и, зайдя в угольное кафе, заказывает чашку чёрного кофе по-турецки.

Из блаженной сестры его выводит мужчина в сером английском пальто из великолепного толстого драпа с чуть широковатыми лацканами.

— Ба! Кого я вижу? — кричит по-немецки незнакомец и, подойдя вплотную к Релиху, восторженно трясёт его руку. — Какая встреча! Рудольф только сегодня сообщил мне, что вы в Берлине!

— Очень рад вас видеть, — любезно улыбаясь, говорит по-немецки Релих. — Мария перед отъездом поручила мне непременно повидать вас и передать самый горячий привет. Садитесь. Чашку кофе с ликёром?

— Не стоит. Что вы вообще здесь делаете? Поедьте куда-нибудь. Расплачивайтесь поскорее. Я пойду позову такси. Такая встреча заслуживает, чтобы её достойным образом вспрыснуть!

Они сидят уже в такси. Пять минут спустя такси останавливается у серого четырёхэтажного дома, ничем не примечательного на вид. Немец первым поднимается по широкой темноватой лестнице. Релих послушно следует за ним. На площадке третьего этажа немец останавливается и ключом открывает дверь.

— Пожалуйста, прямо и направо.

Несколько старомодная и мрачная гостиная не отличается ничем от сотни других берлинских гостиных времён 1912 года — с кружевными салфеточками на спинках кресел и неизменной копией бёклинского «Острова смерти» в почерневшей золочёной раме. Всё это пахнет студенческими временами. От тюлевых штор на окнах, от засиженных мухами неразборчивых морских пейзажей Релиха обдаёт ветерком приятных воспоминаний. Даже воздух в этой комнате, приторно-кислый на вкус, — так пахнут иногда старые ковры — кажется, устоялся с довоенных времён, нетронутый сквозняком неугомонных событий. Нужно заглянуть в суровое трюмо, обросшее, как озеро, резными деревянными лилиями, всмотреться в отражение длинного бритого лица с большим коричневым лбом и с мешками у глаз, чтобы не ошибиться в летосчислении почти на четверть столетия.

— Извините, я тут немного замешкался. Чёрт их знает, где у них что стоит! — обращается к нему вдруг по-русски спутник, наполняя вермутом две зеленоватые рюмки. — Прозит! С приездом! Хорошо, что вы позвонили с утра. По правде, мы ждали вас значительно раньше. Думали, уже не приедете. Завтра вы бы меня не застали. Уезжаю с вечерним поездом. Через неделю буду в Париже. Там сможем поговорить подробнее. Когда возвращаетесь в СССР?

— Через месяц, возможно, через полтора.

— Срок вашего пребывания за границей придётся сократить до минимума. Как только управитесь, поезжайте обратно.

— Намного раньше вряд ли сумею.

— Сумеете. Есть дела поважнее, которые требуют вашего присутствия на заводе.

— Какие именно?

— Пошлём к вам одного человека. Устроите его к себе на завод.

Релих отвечает не сразу.

— К сожалению, должен вас предупредить, — говорит он медленно, взвешивая слова. — Мои дела на заводе сильно пошатнулись. Никого больше, по крайней мере в ближайшие два-три месяца, устраивать у себя не смогу.

— Что, вас сняли с работы?

— Пока ещё не сняли.

— Так в чём же дело? Бойтесь?

— Не поймите меня превратно. Мне кажется, я могу быть вам полезен лишь постольку, поскольку остаюсь в партии и занимаю определённый пост. Если меня снимут с завода и вышибут из партии, польза от меня будет минимальная.

— На основании чего вы решили, что вас подозревают?

— Для этого не надо быть особенно проницательным. Спас меня лишь удачный манёвр: я во-время взял в свои руки инициативу!..

— Вот как!

— Счастливое стечение обстоятельств, — спешит пояснить Релих, приняв восклицание собеседника за проявление интереса. — Заболел мой секретарь райкома. Подсживает меня уже год. А второй секретарь, к счастью, парень малограмотный, не особенно разбирается в тонкостях политики.

— Гм... Это клад, а не секретарь. Чем же вы ещё недовольны?

— В моём положении, чтобы завоевать доверие, надо было проявить чудеса сверхбдительности! — Он выдерживает паузу и добавляет почти со скорбью: — Пришлось разыграть целую детективную комедию с прологом и эпилогом... Впрочем, снятия секретаря я так и не добился. Заступился крайком... Сейчас там работает специальная комиссия...

— Но вы, видимо, должны были сообщить мне не только об этом...

— Вы правы, — выпрямляясь, говорит Релих. — Я приехал передать информацию и получить указания.

— Давайте, что у вас там?

Релих расстёгивает портфель.

— Докладная записка?

— Да.

— Это всё, что вас просили передать?

— Нет. Вот ещё новый шифр. Прежним, на всякий случай, лучше не пользоваться. — Релих достаёт из портфеля однотомник Гвиччардини. — Страница помечена...

— Хорошо. Управляйтесь поскорее и возвращайтесь обратно. В конце будущего месяца мы направим вам отсюда человека. Будьте добры устроить его у себя на заводе.

Релих долго закрывает упорно не застёгивающийся портфель.

— Я только попрошу об одном, — говорит он после длительного молчания; уши его горят. — Чтобы у этого человека не было таких липовых бумаг, как обычно.

— Не беспокойтесь, бумаги у него будут в порядке. Устроите его у себя месяца на два. Парень изворотливый, одна беда — не знает советских условий... Без опытного руководства может засыпаться...

Релих молча кивает головой.

— Давайте чокнемся за успех! Первокласный вермут, зря брезгаете. Вид у вас не больно весёлый. Если бы мне не говорили о вас как об одном

из преданных людей, можно было бы подумать, что немножко дрейфите. Ну, обижаться нечего, я пошутил! Так как же, когда выезжаете в Париж? — Завтра.

— Позвоните мне по парижскому телефону так недельки через четыре, перед отъездом. Сведу вас там с одним близким нам человеком, немцем. Он оказывает нам очень большие услуги. Договоритесь с ним окончательно. Насчёт субъекта, которого направим к вам на завод, и ещё кое о чём другом... Допивать не будете? Тогда давайте, уберу... Можете меня не дожидаться. Выходите один. На углу найдёте такси. Всего хорошего!

3

Такси высаживает Релиха на Александерплац. Релих пересекает площадь и, нарушая вчерашний зарок, спускается в подземку. На небольшой пустынной станции он выскакивает на перрон перед самым сигналом к отправлению. Поезд уходит. Убедившись, что никто не выскочил вслед за ним, Релих поднимается вверх, берёт на углу такси и велит везти себя в отель. Осторожность никогда не мешает.

Он заказывает у портье билет на утренний парижский поезд и затем, оплатив счёт, поднимается к себе. Восьмой час вечера. Ужинать ещё рано. Итти никуда неохота.

Релих сбрасывает пиджак, берёт с кровати подушку и, притушив свет, вытягивается на диване. Приятная горечь папиросы действует успокаивающе. За окном приглушённо звучит гневная маршевая песня. Потом улица заволакивает тревожная городская тишина.

Потухшая папироса летит в угол. Релих переворачивается на бок и закрывает глаза.

Где-то далеко, в пространстве, растёт низкий заунывный звук. Звук раскалывается сначала надвое, потом на всё более мелкие осколки. Воздух протяжно гудит. Волны звуков вздымаются и падают, размеренные, как прилив. Звонят, что ли?

Релих вспоминает, что в последние дни перед плебисцитом декретировано звонить по вечерам во все колокола. Кирки всей Германии перезваниваются с кирками Саара.

Диван, на котором лежит Релих, начинает раскачиваться, как люлька. Убаюканный колокольным перезвоном, Релих опускается в сон.

Ему снится пасха, белый накрытый стол, розовый поросёнок с яйцом в зубах и сахарный барашек, придерживающий крохотную хоругвь с вышитой на ней свастикой. Релих протягивает руку, чтобы отрезать ломтик румяной, соблазнительно пахнувшей колбасы. Но тут колбаса, свёрнутая в кольцо, внезапно по-змеиному поднимает голову и, раскачиваясь, тянется к его руке. Релих вскрикивает и просыпается, чтобы через секунду ещё глубже погрузиться в сон.

Теперь он висит высоко, на колокольне Ивана Великого, обхватив руками и ногами медный язык колокола. На площадке внизу стоит звонарь в сером английском пальто из великопленного толстого драпа с чуть широкватыми лацканами и, откинувшись назад, обеими руками изо всех сил тянет за верёвку. Релих кричит, обуянный ужасом, ещё плотнее прильнув к холодной меди языка, а колокол раскачивается влево-вправо, влево-вправо — бамм!..

Релих просыпается. Кажется, хлопнула дверь. Впрочем, он не совсем в этом уверен. Некоторое время, ещё вконец не очухавшись от сна, он лежит, прислушиваясь. Колокольный звон утих. Сейчас явственно слышен какой-то другой шум. Словно сильная струя воды низвергается из крана в раковину. Неужели он забыл закрыть воду в умывальнике?

Несколько секунд он лежит и слушает. Несомненно, это шум воды в ванной. Надо проверить. Он встаёт, зажигает в передней свет и подходит к двери ванной комнаты.

Дверь в ванную заперта, причём заперта изнутри. Релих прислоняет к ней ухо и отчётливо слышит шум воды, напускаемой в ванну. Это ещё что такое?

Он дёргает несколько раз за ручку двери и прислушивается опять. Никакого ответа. В раздражении он громко стучит в дверь. Молчание. Он стучит в дверь кулаком.

Щёлк отодвигаемой задвижки. Дверь приоткрывается. На пороге появляется незнакомый голый мужчина с намыленной грудью.

— Чего вам надо? — сердито бросает мужчина по-немецки.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает изумлённый Релих.

— Видите, что делаю. Принимаю ванну.

— Да, но как вы попали в мою ванную комнату?

— То есть как это в вашу?

— Очень просто, это мой номер.

— Простите, почему вдруг ваш? Это мой номер.

— А вы вот посмотрите, — предлагает Релих, проходя в комнату и приглашая жестом незнакомца. Вся эта история начинает его забавлять.

Мужчина босиком пересекает переднюю и заглядывает в комнату. Окинув взором обстановку, он смущённо пятится, прикрывая дверью свой стыд.

— Извините, — бормочет он сконфуженно. — Я, кажется, действительно ошибся номером... Должно быть, мой номер рядом. Ради бога, простите! Я сию минуту оденусь...

— Да ничего, мойтесь уж, — смеётся Релих. — Воды хватит.

— Нет, нет! Пожалуйста, извините! Сейчас оденусь. — Мужчина притворяет двери.

Релих в весёлом настроении возвращается на диван. Забавная ситуация! Субъект явно под мухой.

В ожидании ухода незваного гостя он просматривает сегодняшние газеты.

Щёлкнула открываемая задвижка.

— Извините, пожалуйста, ещё раз... — бормочет мужчина, просовывая голову в дверь. — Пожалуйста, извините...

Лицо его кажется Релиху откуда-то знакомым. Впрочем, Релих не успевает к нему присмотреться. Субъект уже выскользнул в коридор.

Дочитав газеты, Релих принимается укладывать чемодан. Эта операция отнимает у него всегда очень много времени. Вещи, как правило, не влезают. Приходится с ними бороться, давить их в грудь коленом, чтобы заставить потесниться. Поэтому Релих укладывается всегда не спеша, накануне.

После длительных манипуляций ему удаётся наконец запереть чемодан. Тут только Релих с отчаянием припоминает, что забыл про костюм, который отдавал сегодня чистить и оставил на вешалке в передней. Ничего не поделаешь, придётся растёгивать всё сначала.

Он идёт в переднюю. Костюма на вешалке нет. Более того, нет ни пальто, ни шляпы. Вот это здорово! Оказывается, застенчивый купальщик не зря перепутал номер!

Теперь всё приключение не кажется вовсе Релиху забавным. Чёрт с ним, с костюмом, но пальто и шляпа! Как же ехать без пальто и без шляпы?

Он нажимает кнопку и вызывает коридорного. В конце концов что это — отель или воровской притон? По всем правилам гостиница должна ему возместить убыток. Но завтрашний отъезд, видимо, придётся отло-

жить... О поимке вора нечего и думать. Уже больше получаса, как он успел покинуть гостиницу. Почему не является коридорный?

Релих со злостью нажимает кнопку ещё и ещё. Коридорного нет.

Выведенный из себя, Релих запирает номер и сам отправляется на поиски прислуги. В конце коридора он замечает группу людей, стучащихся в дверь чьего-то номера. Чёрная форма эсэсовца заставляет Релиха насторожиться...

Откуда ни возьмись перед ним вырастает знакомый «бой», тот самый, который вчера притащил его чемодан.

— Послушайте! — в раздражении обращается к нему Релих. — Почему нельзя дозвониться коридорному?

«Бой» почтительно склоняет голову.

— Простите, пожалуйста, — говорит он вполголоса. — Тут у нас случилось одно небольшое происшествие. За господином из 444-го номера пришли господа из гестапо. Господин в одном белье куда-то выскочил. Вот и ходят сейчас по всем комнатам, проверяют. Скоро, наверное, придут и до вашего номера...

Релих испытующе смотрит на парня. По конфиденциальному полутьпугу, которым «бой» предупреждает, что скоро придут и до него, Релих готов заключить, что парень видел, как тот господин в кальсонах заходил к нему в номер. Но если даже и видел, всё равно не скажет — это ясно по глазам.

Релих бормочет что-то невнятное и возвращается в комнату. У него пропала охота вызывать коридорного и взыскивать с гостиницы за украденные вещи. А ну их! Лучше не связываться! Потом не выпутаешься. Пальто и шляпу можно будет купить завтра с утра в магазине на углу.

Он останавливается в раздумье. Увидят пустую вешалку, могут спросить, где у него пальто и шляпа. Тогда получится ещё хуже: как будто скрывал.

Он достаёт из чемодана дождевик и дорожную кепку и вешает их на видном месте. Опять весь чемодан придётся упаковывать заново.

Четверть часа спустя в номер стучатся.

— Не заходил ли к вам сюда незнакомый человек? Нет? Извините за беспокойство. В гостинице обнаружен вор.

Заглянув в уборную, в ванную и потрогав портьеры, выходят, церемонно раскланиваясь.

— Кстати, из вашего номера вызывали коридорного?

— Да, я хотел... заказать покушать.

— Пожалуйста!

— Принесите мне шницель по-гамбургски и бутылку вермута.

— Сию минуту.

Доедая шницель и обильно запивая вермутом, Релих медленно обретает прежнее расположение духа. «Чёрт возьми, неужели даже в командировке нельзя пяти минут прожить без политики? Очевидно, нельзя».

Ему хочется поскорее уехать из этого беспокойного города. «Если того субчика поймают в моей одежде, могут ещё возникнуть чёрт знает какие неприятности!»

Он искренне желает человеку, удравшему в его пальто, чтобы тот засыпался завтра же, но не раньше одиннадцати часов утра, когда уйдёт парижский поезд. А ещё лучше — послезавтра.

В двенадцать часов, когда Релих ложился спать, новый стук в дверь заставляет его вскочить на ноги. В испорченном настроении, с колотящимся сердцем он идёт открывать.

Посыльный в картузе с надписью «Отель Империяль» протягивает ему объёмистый свёрток.

— Войдите. — Релих пропускает посыльного в комнату.

Разорвав бумагу, он обнаруживает свой костюм, пальто и чуть прямящую шляпу.

— Кто это вам передал? — строго спрашивает он у посыльного.

— Один господин, фамилию не сказал.

— Он остановился в вашем отеле?

— Нет, он встретил меня случайно минут двадцать назад на Унтерден-Линден. Предложил, не отнесу ли я этот пакет. Поскольку я всё равно шёл в эту сторону... Пара марок всегда пригодится.

Релих достаёт десять марок и даёт их низко кланяющемуся посыльному.

— Вот дырявая у меня башка! Чуть было не забыл! Этот господин просил вам передать, что он очень извиняется за беспокойство и никогда бы себе этого не позволил, если бы знал, с кем имеет дело.

— Хорошо, можете идти!

Релих в раздражении бросает на кресло чудом вернувшийся к нему костюм. Опять открывать чемодан!

«Интересно, откуда он успел узнать, кто я такой!»

Взор его падает на отвернувшийся воротник пальто и на красующееся там клеймо «Кооператив сотрудников и войск ОГПУ. Москва».

Он достаёт из кармана перочинный ножик и со злобой спарывает с пальто фабричную марку.

— Вот идиотизм!

Потом он выпивает залпом целый стаканчик вермута и, тщательно заперев дверь на ключ, тушит свет.

— Джентльмен! — бормочет он сквозь зубы, ложась в постель. — Ничего, голубчик, ещё свернёшь себе шею! В другой раз мой костюм тебя не спасёт...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

«А в это время...», как принято говорить в фильмах.

А в это время всего в нескольких километрах на юго-запад, в квартале Вильмерсдорф, в большом каменном доме (второй подъезд, вход со двора), в одной из квартир четвёртого этажа, на распластанном на полу тюфяке сидит человек (тот самый, которого Релих костит про себя) и спокойно снимает ботинки: по всем данным, он тоже собирается спать. Ботинки он уже раздобыл, равно как и костюм, правда, немного поношенный и мешковатый. Сняв пиджак и брюки, он аккуратно вешает их на спинку стула. Мокрые носки бережно прилаживает на батарею. Он изрядно промочил ноги — в такую паршивую погоду ни один уважающий себя человек не станет разгуливать по Берлину в ночных туфлях.

Теперь он тушит свет и, завернувшись в худенькое байковое одеяло, с удовольствием вытягивается на постели. Он охотно выпил бы стаканчик вина — это согрело бы и уберегло от насморка, но, поскольку вина нет, придётся согреться собственным теплом.

Он имеет все основания быть довольным счастливым исходом сегодняшней истории, но почему-то брюзжит. Во-первых, прощай чудесный костюм, пальто, ботинки и шляпа! За эти дни он имел возможность убедиться, что значит элегантная внешность: никто не обращает на тебя внимания и даже шпикки церемонно сторонятся, уступая дорогу. Теперь всё это облачение осталось в гостинице, вернее, оно уже лежит в гестапо вместе с безукоризненным паспортом доктора Клауса Зауэрвейна из Дрездена. Бедный доктор Зауэрвейн, всего полгода назад безвременно почивший в бозе от рака желудка, умер сегодня вторично, на этот раз уже вконец — политическая смерть куда непоправимее физической! Завтра придётся ехать в подозрительном пиджачишке, без документов, кое-где

пробираться на своих на двоих, каждую минуту рискуя попасть в объятия чёрных ангелов.

Рисковать, когда в этом есть необходимость,— это одно. Но, располагая такими безупречными бумагами, вдруг, по собственной вине, очутиться без ничего...

«Да, да, по собственной вине! Будь добр, Эрнст, не разыгрывай по крайней мере безвинно пострадавшего агнца. Эти два дня ты вёл себя, как последний дурак. Если рассказать об этом товарищам, они устроят тебе изрядную головомойку. Никто и не поверит, что в серьёзную минуту ты способен наглупить, как мальчишка.

Начать хотя бы с того, что, имея в кармане легальные бумаги, заграничную визу, железнодорожный билет, проживая в приличной гостинице и будучи обременён ответственным поручением, ты вздумал вчера итти к обойщику Готфриду Шефферу. Не только вздумал, но и пошёл! За одно это тебя стоило бы исключить из партии. Солидный доктор Зауэрвейн накануне отъезда за границу идёт в одиннадцать часов вечера на Алекс справляться, готова ли его кушетка! До чего остроумно! Право, Эрнст, когда тебе что-нибудь втемяшится, ты теряешь здравый рассудок. Странно, как это ты не засыпался ещё вчера. Просто тебе дали двадцать четыре часа отсрочки...»

Впрочем, Эрнст явно раздражён и, как все раздражённые люди, изъясняется невнятно. Попробуем изложить всё по порядку.

Прежде всего теперь (когда доктор Клаус Зауэрвейн лежит в ящике письменного стола гестапо), в Берлине, в Вильмерсдорфе, ворочаясь с боку на бок на неудобном тюфяке, опять временно проживает Эрнст Гейль. По шутивому заверению длинного Грегора, это самый популярный человек в Германии, популярнее Гитлера: каждый день десятки тысяч болванов по всей территории Третьей империи выкрикивают до хрипоты «Гейль Гитлер!». «Гитлер» на втором месте, а «Гейль» — на первом. Услышав в первый раз эту сомнительную остроу, Эрнст заверил, что, именно желая избавиться от такого неприятного соседства, он переименовал фамилию.

Итак, накануне инцидента в гостинице Эрнст Гейль — в то время ещё доктор Клаус Зауэрвейн — по известным соображениям, которые вот уже неделя не давали ему покоя, в одиннадцать часов вечера отправился на Кейбельштрассе, к обойщику Готфриду Шефферу, узнать, готова ли заказанная им кушетка. Он прекрасно отдавал себе отчёт, что ходить туда не следует, — в его положении, отправляясь к Шефферу, он совершает тяжёлый проступок. Однако толкавшие его побуждения были настолько мучительны и навязчивы, что Эрнст всё-таки пошёл. Он сразу же придумал великое множество аргументов, из которых явствовало, что, если он зайдёт туда на минутку, ничего плохого случиться не может и всё обойдётся благополучно.

Сойдя на Алексе, он пошёл по Пренцляуэраллее и, беззаботно размахивая тростью, свернул в первую улицу. На углу Кейбельштрассе он встретил Труду, одиннадцатилетнюю дочку Шеффера, и сделал вторую непростительную глупость, которая впоследствии оказалась для него спасительной: окликнул Труду по имени.

Труда, узнав в шикарном господине Эрнста, совсем растерялась, успела только шепнуть ему:

— Не ходите!

Эрнст повернулся на каблуке и, с интересом разглядывая номера домов, пошёл обратно по направлению к Алексу, не преминув сделать третью непростительную глупость: кивнуть девочке, чтобы она следовала за ним.

У входа в подzemку он подошёл к девчужке и узнал от неё, что за папой пришли. Сейчас в мастерской обыск. Она успела схватить ящик и

выскользнуть на улицу. Тут только Эрнст заметил, что девочка держит в руках деревянный ящичек.

Он спросил, куда она собиралась идти, и узнал, что она идёт отнести ящик к дяде Францу. Эрнст сказал, что к дяде Францу ходить не надо. Франца Шеймана, по его сведениям, забрали ещё третьего дня.

Эрнст посмотрел на растерянное лицо девочки. Ему стало её жалко, и тут он совершил четвёртую непростительную глупость, сказал девочке: — Дай мне это.

И, взяв ящик подмышку, сошёл вниз. Она догнала его у кассы подземки. Она забыла ему сказать: сегодня с утра к папе заходил старый господин, тот самый, который в прошлом месяце оставил Эрнсту записку. Он опять спрашивал про Эрнста и хотел передать записку, но папа сказал, что записок никаких не надо: пусть скажет так, папа запомнит. Тогда тот господин попросил известить Эрнста, что Роберт умер три дня тому назад и оставил письмо и какие-то бумаги. Старый господин очень настаивал, чтобы Эрнст обязательно к нему зашёл, а если не может зайти, то пусть позвонит и условится с ним где-нибудь в городе. Он говорил ещё, что Роберт очень ждал Эрнста, всё справлялся, не звонил ли тот, и если бы Эрнст повидался с Робертом, может быть, этого бы не было. Папа обещал, что обязательно Эрнсту передаст.

Эрнст переспросил, обкусывая папиросу, наверно ли старик говорил, что Роберт умер. Не слышалось ли ей?

Нет. Она слышала очень отчётливо. Старик сказал, что Роберта уже похоронили.

Эрнст кивнул головой, не спеша прошёл на перрон и сел в первый поезд.

Известие, полученное от девочки, огорошило его. Некоторое время он сидел, погружённый в глубокое раздумье. Из раздумья вывел его сердитый субъект, предлагавший снять ящик со скамейки: пассажирам негде сесть. Эрнст, не прекословя, живо убрал ящик. На кой чёрт он вообще взял эту штуковину? Придётся где-нибудь оставить.

Об изобретении Шеффера он знал понаслышке. Шеффер был старый преданный товарищ, стреляный воробей, хитрец и умница, на которого можно положиться, но имел свои маленькие слабости. Одной из таких слабостей была жилка изобретательства. Его ящик с пружинами, придуманный относительно недавно, успел уже попасть на полицейскую выставку в Ватикане, чем сам автор немало гордился.

По настоянию Шеффера, сундучок его имени был испробован вначале на нескольких людных собраниях. Эффект был внушительный, но уже во второй раз парня, открывавшего крышку, поймали, и партийная организация дальнейшее применение шефферовского ящика категорически запретила. Шеффер почти со слезами уверял, что парень поспался размазня, и предлагал сам обслужить несколько собраний штурмовиков. Ему отказали и согласились на единственную форму использования «матраца» (так был наименован в шутку этот пружинный снаряд) — впредь разрешалось только оставлять его в поездах.

Эрнст, по собственному выражению, всегда был противником фокусов в серьёзной партийной работе и шефферовского изобретательства не поощрял. На последней партийной конференции с цифрами в руках он доказал, во сколько человеческих жизней обошлось чрезмерное пристращание многих товарищей к внешним проявлениям деятельности партии. Если на следующий день после прихода Гитлера к власти естественно и законно было стихийное стремление партийных масс показать терроризированным рабочим и всей запуганной стране, что партия существует по-прежнему, что её не в состоянии сломить никакие репрессии, то сейчас пора уже стихийные всплески переключить в русло практической работы. Все эти героические красные флаги, водружаемые ночью на верхушках

заводских труб, листовки и пламенные надписи, появляющиеся вновь и вновь на стенах рабочих кварталов, переведённые на валюту рабочей крови, обошлись, пожалуй, слишком дорого.

Долгое время партия измеряла свои успехи тиражами нелегальной литературы. Никто не подозревал, что многие коммунистические брошюры и листовки, даже отдельные номера «Роте фане», тщательно воспроизводятся в типографиях гестапо и проникают с утренней почтой в сотни рабочих квартир. Рабочие, поддаваясь провокации, не заявляли о получении этих газет и попадали в проскрипционные списки. Люди, покупавшие в оптических магазинах увеличительные стёкла, попадали в чёрные списки предполагаемых читателей «Роте фане», ежедневно увеличивая ряды многотысячной армии товарищей, скомпрометированных политически и непригодных больше для активной партийной работы.

Выдумки изобретателей, вроде Шеффера,— все эти пакетики для ванни, обёртки для мыла, ложные торговые проспекты, невинные томик классиков в издании «Универсальной библиотеки», где Сид повествовал Химене о злодеяниях гитлеровского режима,— Эрнст одобрял лишь постольку, поскольку они выполняли своё прямое назначение: не вызывая подозрений, доводили партийную литературу до ограниченного круга проверенных работников. Как материал для дальнейшей устной пропаганды она была полезна и необходима. Применяемая как предмет широкого потребления, она могла лишь облегчить провокаторскую работу гестапо.

Выступление Эрнста, поддержанное большинством товарищей, не осталось без отклика. Оно сигнализировало лишний раз о назревшей необходимости поворота в тактике партии.

Однако на неистощимую изобретательность рабочих, пробуждённую подпольем и настойчиво искавшую применения, не сразу удалось надеть узду. Одним из таких неугомонных изобретателей, доставлявших партии немало хлопот, был именно обойщик Готфрид Шеффер с его «матрацем».

Сидя в вагоне подземки, Эрнст размышлял, как ему отвязаться от этой злосчастной поклажи. Он решил подняться на улицу и, пользуясь темнотой, оставить ящик в первой попавшейся подворотне, но тут же раздумал. Был ли это естественный протест человека, умеющего ценить хорошо сделанную вещь и не привыкшего бросаться ни чужим, ни своим трудом? Или нежелание обидеть попавшего в беду товарища? Шеффер, несомненно, огорчился бы, если бы когда-нибудь узнал, что его снаряд пропал так бессмысленно и бесцельно. С другой стороны, бедный Шеффер, пытаемый сейчас в гестапо, наверняка был бы очень счастлив, узнав, что его любимый пружинный ящик ещё раз заговорил в эту ночь полным голосом. Отказывать старому, пусть немного чудаковатому, но безгранично преданному товарищу Готфриду Шефферу в этой лебединой песне у Эрнста не хватило совести. И хотя такого рода чувства он обычно называл глупыми сентиментами, он всё же не бросил шефферовский «матрац» в мусорный ящик, а решил, улучив удобную минуту, оставить его в вагоне.

Эрнст попробовал было встать и сойти на очередной станции, оставив свою ношу под скамейкой, но не тут-то было. Сердитый сосед окликнул его басом на весь вагон и заставил вернуться, подобрать забытый ящик.

Ситуация становилась одновременно и забавной и рискованной. Простой деревянный ящичек явно не гармонировал с элегантной внешностью Эрнста и обращал на себя всеобщее внимание. Многим полицейским агентам шефферовские ящики были хорошо знакомы...

Тем не менее Эрнст не спеша перешёл на противоположный перрон и опять сел в поезд. Улучив удобный момент, он незаметно выскользнул на одной из станций, оставив ящик в вагоне.

Шагая домой, Эрнст мирно насвистывал модную песенку. Правда, он в известной степени поступил против собственных убеждений, но он не раскаивался. С чувством человека, который отправил по адресу доверенному ему посылку, он вернулся в гостиницу.

Спал Эрнст в эту ночь плохо. Потушив свет, он долго лежал навзничь, с широко раскрытыми глазами, прожигая темноту раскалённым угольком папиросы. Потом встал, включил свет и в ночных туфлях принялся расхаживать по комнате. Известие о смерти Роберта развинтило в нём все гайки. Как тут понять — правда это или подвох?..

2

С Робертом Эберхардтом связывало Эрнста в прошлом (в прошлом ли?) нечто большее, чем дружба. Выросли они вместе, потом пути их разошлись, чтобы сблизиться опять — на другой временной широте — ещё теснее и неразрывнее.

Лет двенадцати они встретились оба за школьной партой и быстро стали неразлучными, хотя всё, казалось, противоречило этой дружбе. Отец Эрнста был простой слесарь, не вкусивший плодов науки и поклявшийся предуготовить эту возможность сыну. Отец Роберта именовался профессором и имел собственный особняк, по специальности же был астрофизик, то есть, в представлении Эрнста, смотрел в трубу на звёзды: вполне естественно, чем же ещё заниматься богатому человеку? По более точным сведениям Роберта, отец его занимался «теорией приливов». Что это за теория, было не вполне понятно, да и по правде не очень интересно. По всем данным, она имела какое-то касательство к притяжению Луны. О притяжении этом оба юных друга знали лишь, что оно вызывает приливы и отливы на море и менструации у женщин, отчего загадочное существо — женщина — становилось ещё более таинственным, тревожно-непонятным и даже немножко враждебным.

И по своему характеру и по своей комплекции оба друга представляли самую резкую противоположность. Эрнст — крепкий, озорной, неусидчивый и деспотичный. Роберт — квёлый, застенчивый, маленький ростом. Что касается школьной учёбы, то и её оба друга воспринимали по-разному. Эрнст глотал её, как похлёбку, между делом, и переваривал на ходу. Роберту она давалась мучительно, как искусственное питание, при постоянном вмешательстве репетиторов. Вид у него после этих процедур был такой, словно науку вливали ему через нос.

Шёл второй год мировой войны, и, сотрясаемая далёким гулом орудий, суровая школьная дисциплина уже начинала давать первые трещины. Эрнст всё чаще и чаще стал пропускать занятия. Запрошенный первый раз о причине своей неявки, он доложил классному наставнику, что провожал брата, отъезжающего на фронт. Причина всем показалась уважительной и даже снискала Эрнсту симпатию патриотически настроенных учителей.

Следующий раз выяснилось, что причиной новой неявки Эрнста был отъезд на фронт второго брата. Потом братья Эрнста стали уезжать на фронт один за другим. Когда число их дошло до десяти, классный наставник поинтересовался, сколько же, наконец, у этого Гейля взрослых братьев. Эрнст услужливо сообщил, что всех их в семье одиннадцать — он самый младший. Теперь, когда все десять ушли на фронт, остался он один.

Слух об ученике, десять братьев которого сражаются на поле брани, быстро обошёл всю школу. Каждый из учителей, вызывая Эрнста к доске, считал своим долгом поинтересоваться, где в данную минуту сражаются его братья. Эрнст называл отрезки фронта, где, судя по газетам, шли в это время самые жаркие бои, получал хорошую отметку и садился на место, провожаемый завистливыми взглядами всего класса.

О том, что у Эрнста нет никаких братьев и живёт он один с овдовевшим отцом, знал только Роберт. Узнал он об этом случайно от отца Эрнста, вызванного как-то в дом Эберхардтов в качестве слесаря — подобрать ключи к письменному столу.

О своём открытии Роберт даже не пикнул. Выслушивая неизменный ответ Эрнста об отправке на фронт очередного брата, он спрашивал себя с восхищением, до каких пор хватит Эрнсту этого невозмутимого нахальства. Известие об отправке десятого, и последнего, даже огорчило Роберта: «Эх, сдрейфил!»

Но уже через неделю Роберт имел возможность убедиться в своей ошибке. Доблестные братья Гейль, раненные на фронте, стали один за другим приезжать на поправку. Приезд их, естественно, вызывал необходимость всё новых и новых отлучек.

Потом Эрнсту вся эта большая семья явно надоела. Однажды, после двухдневной неявки, он с траурным лицом сообщил учителю, что старший брат погиб и ему, Эрнсту, приходится утешать убитого горем отца. Расстроганый директор отпустил Эрнста ещё на три дня.

Со всеми своими братьями Эрнст расправился беспощадно, угробив их на разных фронтах в течение каких-нибудь трёх месяцев. К концу учебного года преподаватели, и до того разговаривавшие с ним необычайно ласково, перестали вообще вызывать его к доске и вывели хорошие годовые отметки.

Надо полагать, что именно историей с десятью братьями Эрнст окончательно и бесповоротно покори́л сердце Роберта. Восхищение его Эрнстом не имело пределов. На этой основе — восторженного поклонения и послушания со стороны одного и слегка иронического покровительства со стороны другого — зародилась их неразлучная дружба.

Долгое время Роберту приходилось сносить насмешки Эрнста, в котором хилый барчук, краснеющий, как барышня, с первого взгляда не вызвал особой симпатии. Роберт терпел всё это с редким стоицизмом, надеясь безропотностью склонить к себе сердце обидчика. Бывали дни, когда он думал с отчаянием, что тот не замечает ни его преданности, ни его преклонения, что никогда, никакими силами ему не снискать дружбы Эрнста.

Но если вода долбит камень, то сердце Эрнста вовсе не было сделано из такой неотзывчивой породы. В одно прекрасное утро толстый Фриц, попытавшийся повторить над Робертом одну из эрнстовых шуточек, получил классический нокаут и сверзился под парту. Вытирая руки о штаны, Эрнст ограничился латинской сентенцией: «*Quod licet Jovi non licet bovi*»¹, и для слабых в латыни пояснил, что тот, кто попытается впредь издеваться над малышом, получит по морде.

Роберт не поблагодарил Эрнста, опасаясь вызвать насмешку, но этот день был самым счастливым днём в его жизни.

Вскоре Роберт удостоился чести сопутствовать Эрнсту в его очередной внешкольной вылазке. При хрупкой комплекции Роберта ему даже не приходилось выдумывать себе братьев. Неявки на уроки легко сходили ему с рук и относились за счёт его слабого здоровья.

Впоследствии, когда странное совпадение его отлучек с отлучками Эрнста стало чересчур заметно, Эрнст сумел убедить школьных начальников, что его отец очень привязался к малышу и присутствие Роберта действует успокаивающе на потрясённого горем старца. Так продолжалось до тех пор, пока экскурсии Роберта-утешителя не отразились самым плачевным образом на его отметках. Роберт не потерял десятерых братьев, и учителя относились к нему беспощадно.

¹ Что можно Юпитеру, то не дозволено быку (лат.).

Всё это имело место уже значительно позже.

Пока что, дрожа от счастья, Роберт с книгами подмышкой отправился с Эрнстом в первую вылазку, поклявшись свято соблюдать строжайшую тайну. Вопрос, что делает Эрнст во время своих частых отлучек, невыносимо терзал любопытство Роберта. Оказалось, Эрнст просто гоняет голубей.

Роберт представлял себе предмет эрнстовых эскапад значительно таинственнее и романтичнее. Сам он не понимал вкуса в этой забаве, и занятие поначалу показалось ему даже несколько скучным. Однако он не показал вида, что разочарован неожиданной развязкой. Тем более, что в самой обстановке этих вылазок была всё же известная доля романтики.

Гонять голубей у себя на улице Эрнсту было строжайше запрещено, да и не мог он этого делать в учебное время на глазах у отца. Надо было ехать подземкой в отдалённый, неизвестный квартал, где проживал знакомый Эрнста, ярый голубятник. Голубятник в первый же год войны потерял на фронте обе ноги и, естественно, не мог больше гонять голубей на своей неудобной тележке. Страсть же его к этому делу была так велика, что он безвозмездно предоставил Эрнсту свой чердак за одно удовольствие следить — зимой из окна, а весной с крылечка или тротуара — за увлекавшей его стаей. При виде голубей безногий преобразался, измождённое его лицо наливалось румянцем и, смешно подпрыгивая на своих культиках, широко размахивая руками, похожий на гуся с подрезанными крыльями, гиком, свистом, улюлюканьем он ревностно помогал Эрнсту. В награду за предоставленное помещение Эрнст приносил безногому с чердака голубей, давал их гладить, показывал каждую новую пару, беспрекословно слушая просвещённые советы калеки.

После двух-трёх сеансов растяпа Роберт заметно стал входить во вкус. Кончилось это, как легко можно было догадаться, весьма плачевно. Кажется, в пятый раз, преследуя в раже непослушную стаю, Роберт сорвался с крыши трёхэтажного дома и со всего маху на глазах у Эрнста шлёпнулся вниз.

К счастью для него, под крышей, с которой суждено было ему слететь, помещался публичный дом фрау Геринг (не состоявшей, впрочем, ни в каком родстве с будущим имперским министром). Хозяйка этого заведения, большая поборница чистоты и гигиены, имела похвальную привычку раз в месяц, по первым числам, проветривать матрацы своих шестнадцати воспитанниц. Матрацы выставлялись во двор, где при помощи специального патентованного состава саженный швейцар Зигфрид изгонял из них клопов.

Упав на эту эластичную подстилку, Роберт отделался лёгким ушибом плеча.

Случай с Робертом произвёл на Эрнста необычайно сильное впечатление. В Эрнсте в этот день умер голубятник и родился преданный товарищ. Роберту он сказал, что голубей передушила кошка и заводить новых ему расхотелось. На самом же деле голубей своих он продал и на вырученные деньги купил небольшую коллекцию марок — страсть эта только начинала в нём просыпаться.

Увлечению всего класса марками способствовал в значительной степени толстый Фриц, папаша которого торговал на Вильгельмштрассе новинками филателии. Как человек оборотистый, отец Фрица, естественно, стремился к тому, чтобы новинок у него было побольше. Медлительность почтовых ведомств, которые не проявляли в этом деле достаточной изобретательности, вынудила его вступить с ними в соревнование. Некий спившийся учитель рисования и географии, счастливо сочетавший в себе познания из обеих областей, одарённый к тому же незаурядной фанта-

зией, поставлял ему по весьма сходной цене модели марок любого государства, уже нанесённые на литографский камень.

Художник, по призванию анималист, особенно умел и любил рисовать диких зверей — пейзажи удавались ему меньше, но его тигры, жирафы, гиппопотамы и крокодилы были неотразимы. В качестве местожительства такого рода хищникам, конечно, больше всего подходили экзотические страны. Наибольшей привязанностью художника пользовались Никарагуа, Коста-Рика, Лабрадор, Тасмания и Борнео. Новых государств он не выдумывал, хотя мог себе это легко позволить. Мешала, очевидно, известная географическая честность. Да и не надо забывать, что до Версальского договора и образования Маньчжоу-Го у людей не было ещё в этом деле достаточного опыта.

Торговля папаша Фрица широко процветала, что его и погубило. Соблазнённый успехом, не довольствуясь узким кругом филателистов, он задумал обслуживать более широкие слои населения и стал дублировать германскую почту. Художник и здесь зарекомендовал себя как истинный мастер: марки его работы были сделаны тщательнее и лучше государственных, но кайзеры на них всегда немножко походили на переодетых зверей.

Кончилось всё это тем, чем должно было кончиться в эпоху монополий, не допускающих конкуренции мелких аутсайдеров. Папашу Фрица вместе с его художником посадили в каталажку, и толстому Фрицу пришлось покинуть гимназию. Ещё долго после его ухода парты всей школы кишели тапирами, ягуарами и жирафами.

Попасть туда, где рождаются такие марки и водятся такие звери, было, конечно, мечтой, в равной степени пленительной и неосуществимой. Если, однако, трудно было посмотреть живого тапира на Борнео, относительно легко было сделать это в Цоо. Дальнейшие эскапады Эрнста и Роберта были направлены именно туда. Разгуливая по зоопарку, оба друга, как это часто бывает в жизни, и не догадывались, что их заветная мечта осуществилась: они попали именно туда, где родилось большинство их марок. Как раз здесь, в Цоо, черпал своё вдохновение создавший их художник.

Увлечение тропической фауной привело к знакомству с Бремом. Каким образом Эрнст познакомился с Геккелем, сказать в точности трудно. Вероятнее всего, случайно попал на одну из его книжек. Из всей книги он понял одно: человек произошёл от гиббона. В этом вопросе аргументы Геккеля убедили его абсолютно. В день гибели очередного эрнстового брата оба они с Робертом отправились в зоопарк, чтобы разыскать предка и нанести ему визит. Роберт, который иногда по воскресеньям навещал своего дедушку, знал, что старики — большие сладёны, и не преминул захватить из дому несколько пирожных с кремом.

Больше всего поразил их обоих маленький рост предка, который искупала лишь густая седая борода кантиком, придававшая животному вид почтенного патриарха. От пирожных гиббон не отказался, но попытки объясниться с ним на другие темы не дали никаких результатов. Эрнст утверждал, что с гиббоном до сих пор не смог никто дотолковаться потому, что все заговаривали с ним по-немецки и никто не попробовал сделать это на более древних языках.

К следующему визиту оба друга заготовили два десятка слов на древнееврейском и на санскрите — этот последний язык казался им особенно древним — и продекламировали их в разном порядке перед клеткой. Гиббон слушал терпеливо, потом вдруг разозлился, протянул лапу и разорвал на Роберте куртку. Увидев, что предок дерётся, оба друга заметно к нему охладели. Раз и другой они попытались объясниться с ним жестами, пока сторож не отогнал их от клетки, решив, что они дразнят обезьяну.

Так бесславно закончилось их первое знакомство с предполагаемым праотцем, для одного из друзей оказавшееся роковым. Застрельщиком этого знакомства был, как всегда, Эрнст, но в нём-то как раз оно не оставило никакого следа. Наоборот, Роберт, проявлявший меньший интерес и настойчивость, впоследствии так увлёкся тайнами антропогенеза, что увлечение это наложило отпечаток на всё дальнейшее развитие круга его интересов и предопределило даже выбор профессии. Смутное впечатление, что Геккель насчёт гиббона ошибся, лишь много лет спустя принявшее форму научно обоснованной уверенности, было, пожалуй, первым толчком, который пробудил и заставил работать не по возрасту мало развитый мозг Роберта. Школьные товарищи, учителя, репетиторы, которым сказали бы в то время, что неспособный и плохо успевающий Роберт вырастет в научного работника и будет корректировать Геккеля, наверное, прыснули бы со смеху.

4

Здесь кончалось детство. От комического эпизода с гиббоном шёл еле заметный водораздел в интересах обоих друзей. Попрежнему заправилой в их совместных похождениях был Эрнст. Попрежнему, упрочняясь с годами, длилась их закадычная дружба. По мере роста Роберта она становилась как бы более равноправной.

Шли последние годы мировой войны, в стране начинался голод, и грозовой сквозняк уже дул над обнищавшей Германией. В эти годы дети дозревали и превращались в мужчин почти в таком же ускоренном порядке, в каком военные училища выпускали офицеров.

Эрнст уже увлекался социалистической литературой и таскал откуда-то запрещённые книжки. Роберта больше тянули естественные науки, хотя в своих политических убеждениях он всецело находился под влиянием Эрнста. Брошюру «Социализмус унд криг» они прочли вместе вслух, впервые запомнив значившуюся на ней фамилию «Ленин». Они не успели позабыть её. Фамилия эта вскоре заполнила столбцы всех газет. Как раз в это время газеты принесли известие о большевистском перевороте в России. Во главе нового коммунистического правительства стоял автор брошюры.

Роберта известие это, от которого Эрнст горел и, размахивая руками, носился по комнате, привело в смятение. Да, он был против войны, он ненавидел войну как варварство, недостойное цивилизованного человека. Но переворот в России, судя по газетам, привёл к новой гражданской войне, которая только начиналась. Теперь, конечно, очередь за Германией. Роберт искренне желал поражения кайзеру — оно должно было положить предел войне. Но пример русской революции показывал, что стоит лишь окончиться мировой войне, как вслед за ней вспыхнет гражданская, от участия в которой никому не уйти. И это как раз сейчас, когда ему так хотелось учиться! Конечно, он тоже приветствовал русскую революцию. И всё же он не мог отделаться от смутной мысли, что было бы лучше, если бы это случилось несколькими годами позже, когда он успел бы окончить университет.

Физическое отвращение к войне зародилось в нём давно, ещё в период мальчишества. Первые ростки этого отвращения посеял безногий голубятник. Его рассказы о войне, которую он награждал самыми нецензурными эпитетами, тем глубже запали в душу Роберта, чем разительнее была пропасть между ними и выпренными песнопениями педагогов. Все они говорили о войне, будто смаковали её языком, вдохновенно закрывая глаза и приподымаясь на цыпочки. К тому же безногий голубятник был одной из первых жертв войны, с которой Роберт столкнулся вплотную, лицом к лицу, сохранив навсегда возмущённый протест против чего-то бесформенного и враждебного, способного так изуродовать живое существо. При

слове «война» он всегда видел кургузый обрубок человека, размахивающий руками, похожий на гуся, напрасно пытающегося взлететь.

Случай пожелал столкнуть их ещё раз, после трёхлетнего перерыва.

Однажды Эрнст, всё чаще отлучавшийся в одиночку, предложил Роберту съездить с ним на небольшое собрание, которое состоится в одном знакомом Роберту месте. По таинственным намёкам приятеля. Роберт сразу понял: Эрнст зовёт его ехать к спартаковцам.

На собрание они отправились под земкой. Эрнст по дороге молчал как проклятый и на замечания Роберта отвечал односложными звуками. Вид у него был подчёркнуто конспиративный, и это даже немножко забавляло Роберта.

Попав на знакомую улицу, Роберт сразу догадался, что идут они к голубятнику, но решил не приставать с расспросами. По тому, как Эрнст поздоровался с голубятником, Роберт понял, что за эти три года Эрнст вовсе не порывал связи с безногим. Роберту даже стало немного обидно, что у приятеля есть от него секреты. Обидеться как следует он не успел: им предложили живо подняться на чердак.

На чердаке уже сидели несколько мужчин. Вскоре подошли ещё четверо. Они втащили навверх безнозого хозяина. Пока его втаскивали, Роберт не без приятного волнения подошёл к хорошо знакомому слуховому окну и выглянул наружу. Всё здесь осталось попрежнему. Даже над трёхэтажным домом, с которого некогда брякнулся Роберт, плавно носились голуби, и на крыше сидел мальчишка с шестом. Другой голубятник стоял на углу, на тротуаре, поджидая своевольную стаю. Роберта до того растрогала эта картина, что он толкнул Эрнста локтем.

— Смотри! Гоняют голубей! Как мы тогда, помнишь?

— Дурак! — шёпотом пробурчал Эрнст. — Ничего не понимаешь! Это же пикеты! Как только заметят что-нибудь, сейчас свистнут. Тогда все во двор и через заднюю калитку...

Роберт тут же раскаялся в своём невежестве. Ситуация показалась ему даже забавной: если все удерут и нагрянет полиция, для неё останется хорошей загадкой, как безногий без посторонней помощи попал на чердак.

Впрочем, вещи, о которых говорили собравшиеся на чердаке мужчины, быстро заставили Роберта стать серьёзным. Разговор шёл преимущественно об оружии. О революции люди эти говорили, как о чём-то само собой понятном, что должно наступить в ближайшие дни. Дело, видимо, стало лишь за количеством оружия. Конечно, солдаты с фронта придут вооружённые, но нельзя ждать и полагаться только на это. Тем паче, что неизвестно ещё, какую позицию займут основные полки Берлинского гарнизона.

Когда оба друга возвращались с собрания, молчал уже не только Эрнст, но и Роберт. Пожимая на прощание руку приятеля, Эрнст сказал только:

— Будь готов!

И Роберт ответил:

— Разумеется.

5

Судя по событиям ближайших недель, революция несколько оттянулась. Когда она наконец разразилась, Роберт болел испанкой. Накануне забежал к нему Эрнст и, застав приятеля в постели с высокой температурой, остался очень недоволен. Он пробурчал что-то вроде: «Вот ты всегда так...» — и ушёл, не попрощавшись. Кстати, заходил ли он действительно, Роберт не был вполне уверен: у него гудело в висках и температура, прыгая в термометре, как блоха, к вечеру перевалила за сорок.

Придя в себя, Роберт узнал от отца, что революция совершилась. Кайзер низложен, и Германия будет объявлена демократической республикой. Отец поцеловал Роберта в лоб и добавил с улыбкой:

— Кажется, люди стали умнеть.

Вскоре явился Эрнст. Он забежал на минутку навестить товарища и страшно куда-то торопился. Он сказал Роберту, что на этот раз власть захватили социал-предатели, но это ничего. Либкнехт на свободе. Через месяц, самое позднее через два, мы им покажем! Пусть только побольше солдат привалит с фронта! На прощание он посоветовал приятелю быстренько поправиться. Роберт не так уж много потерял. Настоящая революция начнётся только сейчас.

— Надеюсь, на этот раз ты не заболеешь!

Роберт молча проглотил обиду.

«Неужели Эрнст думает, что я заболел нарочно? Ведь он же видел меня в жару!..»

В течение следующего месяца Эрнст забегал довольно часто, но всегда лишь на несколько минут. Дела, по его словам, шли как нельзя лучше. Теперь уже ждать оставалось недолго.

В один холодный январский вечер он явился к Роберту в необычайном возбуждении и, не проходя в квартиру, шепнул ему в передней:

— Началось! Пошли!

Роберт послушно оделся и, не простившись с отцом, вышел вслед за Эрнстом.

На сборном пункте им дали по винтовке, по пятидесяти штук патронов, по красной повязке и отправили в город с первым сформировавшимся отрядом.

Об этих бурных, хаотических днях у Эрнста остались в памяти лишь разрозненные впечатления: сухой пулемётный треск, движущиеся колонны солдат со штыками наперевес и какой-то заколотый усатый майор в белых перчатках, с торчащей в нём по самое дуло покачивающейся винтовкой. Роберт — это Эрнст запомнил отчётливо — вёл себя в эти дни, как настоящий молодец.

Сам Роберт не помнил даже этого. Он, кажется, стрелял, причём стрелял, повидимому, неплохо, потому что люди, в которых он целился, то и дело опрокидывались, как кегли.

...Ночью профессора Эберхардта разбудил настойчивый стук в дверь. Профессор не спал, от изнурения он дремал в кресле. Открыв входную дверь, он увидел Эрнста, державшего на руках чьё-то обвисшее тело. Скорее чутьём, чем глазами, профессор узнал Роберта. Рубашка на Роберте была вся в крови, и тонкая струйка сочилась изо рта, оставляя на ступеньках чёрные пятна. Эрнст повторял скороговоркой, что Роберт жив, надо только немедленно, немедленно доставить его в больницу...

Они уложили Роберта на кушетку, и профессор побежал в гараж выводить машину. Эрнсту запомнилось, как тот бежал и как болтались у него чересчур длинные руки. Потом профессор с Эрнстом вынесли Роберта во двор и положили в машину, засунув ему за пазуху белое полотенце, которое сразу порывало. В эту минуту взгляд Эрнста встретился со взглядом профессора, и Эрнст первый отвёл глаза.

— Снимите повязку,— глухо сказал профессор.— По нашему кварталу ходят патрули.

Эрнст послушно содрал с рукава красную повязку и сунул её в карман. Профессор сел за руль. Эрнст пристроился на заднем сиденье, подерживая Роберта. Машина тронулась по пустынным ночным улицам.

Она остановилась у роскошного здания частной клиники. Профессор и Эрнст упрямо колотили в наглухо закрытую дверь. Наконец дверь приоткрылась. Профессор долго увещевал швейцара и дрожащей рукой со-

вал что-то в дверную щель. Их пустили в холл. Звонили по телефону, но телефон не работал. Потом сиделка сдалась и побежала за врачом.

В час ночи Роберта отнесли в операционную. Профессор и Эрнст остались ждать в кабинете главного врача...

Часа два спустя в кабинет вошёл врач в свежем халате и сказал, что пуля извлечена, но состояние пациента тяжёлое. Единственное, что может его спасти,— это немедленное переливание крови. Эрнст рванул куртку и, обнажив руку, протянул её врачу. Профессор решительно потребовал, чтобы кровь взяли не у Эрнста, а у него. Врач сказал, что молодая кровь лучше, нужно только взять пробу. У Эрнста взяли пробу и унесли в другой кабинет.

Прошло ещё с полчаса. Потом пришёл врач и сказал, что кровь Эрнста не годится, придётся взять у отца.

Эрнст метнулся к врачу и, сдерживая ярость, прерывающимся голосом спросил, почему же это его кровь не годится.

Врач посмотрел на него поверх очков и, указывая на его карман, сказал:

— Спрячьте-ка поглубже эту тряпку.

Эрнст машинально засунул глубже торчащую из кармана красную повязку.

— Что? Поэтому, что ли, моя кровь не годится? — крикнул он со злобой.

— У вас группа «Б», а у него группа «А», — спокойно пояснил врач.

— Что за каббалистика: А и Б? Это что же, кровь первого и второго сорта?

— Не отнимайте у меня времени, молодой человек. Если я вам скажу, что ваши кровавые шарики агглютинируются в серуме группы «А», то вам от этого не станет яснее.— Он отвернулся и позвал профессора в операционную.

Эрнст, глотая слёзы, в разорванной куртке вышел на улицу. На улице шёл снег...

Прошло дней десять, пока Эрнст смог снова явиться в клинику. Как человек, над головой которого обрушился потолок, истерзанный и подавленный, бродил он по улицам Берлина. Разгром революции привёл его в полное оупение. Даже известие о смерти отца он воспринял почти равнодушно. Старик не подкачал и до последнего вздоха дрался, как настоящий спартак, хотя и не состоял в организации. Впоследствии Эрнст не раз вспоминал о нём со щемящей гордостью: отца убили в тот же день, что Карла и Розу.

Когда в городе воцарился прежний порядок, Эрнст в чужой одежде, не соблюдая необходимых мер предосторожности, отправился на поиски Роберта. После долгих блужданий он отыскал клинику. Остановившись у входа, он минуту прикидывал: выдаст его полиции этот сволочной врач или не выдаст? Потом махнул рукой и решительным шагом вошёл в приёмную.

Главного врача не было. В приёмной Эрнсту сказали, что Роберт вчера переехал на поправку домой.

Эрнст на крыльях кинулся к дому Роберта. Горничная, открывшая ему дверь, заявила, что пускать никого не велено. Он пробовал настаивать. На шум голосов вышел профессор. Эрнст вежливо повторил свою просьбу. Профессор, багровея, закричал, чтобы он сию же минуту убирался вон и не смел больше ступить в этот дом ногой. Эрнст ответил с напускным благородством, что в его представлении люди науки должны быть немножко вежливее. Единственное, что его интересует, это состояние здоровья Роберта. Впрочем, докопнуть фразу он не успел — у него перед носом захлопнули дверь.

Он пробовал звонить Роберту на следующей неделе и ещё несколько недель подряд, но, услышав его голос, неизменно клали трубку. Наконец однажды горничная ответила, что профессор с сыном уехали в Италию; когда придут — неизвестно.

В школу Эрнст больше не вернулся. Боевые товарищи помогли ему устроиться на завод Симменса.

Как-то раз, выходя из кино, он встретил одного из школьных товарищей и узнал, что Роберт в Берлине, попрежнему учится в школе. В тот же вечер Эрнст написал Роберту письмо и предложил встретиться в городе.

Ответа не последовало.

Полагая, что записка не попала к Роберту в руки, он написал второе письмо. Потом третье.

Когда прошли все сроки и у почтового окошка «до востребования» Эрнсту заявили в тридцатый раз, что письма для него нет, — это было как раз в воскресенье, — он отправился погулять в зоопарк.

Он долго бродил по саду, раза три останавливался у клетки с гиббоном. Потом не спеша пошёл домой. Он сказал себе, что, очевидно, врач был прав: у Роберта кровь «А», а у него, Эрнста, «Б» — в этом всё дело.

Придя домой, он не расплакался, нет, но какая-то дрянь долгое время больно щекотала в горле.

6

Потом прошли месяцы. Потом прошли годы. Эрнст всё реже вспоминал о Роберте, быть может потому, что само это воспоминание было для него несколько горьковато. Потом и этот привкус горечи улетучился, и о своей дружбе с Робертом Эрнст стал вспоминать изредка, раз в год, как о детском сумасбродстве.

Эрнст Гейль стал квалифицированным токарем по металлу и видным партийным работником. Он не жалел, что, прокормив шесть лет в гимназии, он так и не смог её закончить, хотя теперь ему тоже здорово хотелось учиться. Он занимался по вечерам. Книг по интересующим его вопросам было много, их можно было достать вполне легально.

Товарищи любили его и облекали своим доверием. Начав секретарём низовой ячейки, в течение нескольких лет он дошёл до окружного комитета партии и вынужден был променять профессию токаря на профессию партийного «бонзы», как, посмеиваясь, называл себя сам.

Когда его впервые выдвинули на ответственную партийную работу, он долго не соглашался, мотивируя это нежеланием отрываться от производства. Ему сказали, что выдвигают его не затем, чтобы он отрывался, а, наоборот, чтобы связался ещё крепче. Попробуй-ка оторваться, мы тебя живо поставим на место! Он повиновался, и товарищам, которые выдвигали его, не пришлось в этом раскаиваться.

Много кое-чего мог бы рассказать Эрнст об этих годах своей жизни, но работники коммунистической партии в эту эпоху не отличались разговорчивостью и не писали мемуаров. Жизнь Эрнста Гейля чересчур тесно была связана со всеми политическими событиями того времени, и писать его биографию — значило бы писать историю Веймарской республики.

В 1924 году, попав по партийным делам в Мюнхен, он впервые увидел Адольфа Гитлера, выступавшего в пивной Бюргерброй. Происходило это после знаменитого пивного путча и освобождения из Ландсбергской крепости неудачного кандидата в спасители Баварии. В это время Адольф Гитлер был ещё величиной чисто местного значения и заполнял собой страницы юмористических газеток и журналов одной Баварии. Право на место в юмористических журналах других стран он завоевал значительно позднее.

Особого впечатления Гитлер на Эрнста не произвёл. Ораторствуя, он багровел и бил себя кулаком в грудь, как провинциальный чтец-декламатор. Мысли, высказываемые господином Гитлером, тоже не свидетельствовали о глубоком государственном уме фюрера кучки национал-социалистов. «Когда перед вами что-либо красивое,— кричал он, ударяя себя в грудь,— это признак арийского характера; когда перед вами что-либо плохое — это дело рук евреев!» Он с гордостью козырял перед коварными врагами, что у него всё ещё имеется около четырёх тысяч приверженцев, и умолял Германию одуматься на краю гибели, которая угрожает ей от еврейской заразы. В заключение он заявил с уморительной торжественностью, словно сообщал по меньшей мере о взятии Парижа, что снова берёт на себя всю ответственность за всё движение всех своих четырёх тысяч единомышленников,— либо враги пройдут по его трупам, либо он пройдёт по трупам врагов!

Пивная ревели от восторга, потрясая в воздухе кружками.

Представление закончилось, как во всех провинциальных театрах, живой картиной. На эстраду вышли рассорившиеся после путча вожди национал-социалистов: Эссер, Фрик, Штрейхер, Федер, Дингер, Буттман, и, окружив в живописных позах фюрера, подали друг другу руки. Восторг пивной при виде этого апофеоза не имел пределов.

Покидая пивную, Эрнст сказал себе с улыбкой, что каков приход, таков и вождь. В разговоре с друзьями он заметил, что уж кто-кто, а этот гороховый шут с его четырьмя тысячами подпевал для рабочего движения Германии большой опасности не представляет.

Скажи ему в эту минуту кто-нибудь, что декламатор из Бюргерброй в точности и весьма буквально выполнит своё обещание на предмет прегулки по трупам и через десять лет судьбы Германии, в частности личной судьба его, Эрнста, будут в руках этого человека,— Эрнст, наверное, воспринял бы такой прогноз, как забавную шутку. Право, он слишком уважал своих соотечественников, чтобы даже в мыслях допустить что-либо подобное.

Возможно, Эрнст был плохим провидцем, что для политика непростительно. В оправдание его можно сказать, что вряд ли во всей Германии был в то время хоть один человек, включая сюда самого фюрера, который верил бы в возможность такого исхода.

У Эрнста Гейля было много товарищей, даже сердечных товарищей, близких и преданных, но друга, к которому он привязался бы так, как когда-то был привязан к Роберту, у него не было. Такого друга он встретил лишь в двадцать шестом году в лице белокурой девушки, Луизы Бруннер, партийного товарища, работницы с фабрики анилиновых красок. Осенью они поженились, и прожитые с нею два года были, пожалуй, годами, к которым Эрнст чаще всего возвращался воспоминаниями.

Иногда ему казалось, что годы эти прошли особенно быстро, и он томился досадой, как мало, по сути дела, ему удалось сохранить в памяти от жизни его с Луизой. Правда, оба они в это время здорово работали, и видеться им приходилось не особенно часто. Луиза вела большую и трудную работу у себя на фабрике...

В коммунистической печати стали проскальзывать сведения, что фабрика, будто бы производящая анилиновые краски, на самом деле изготовляет удушливые газы. Сенсационными разоблачениями заинтересовалась даже какая-то международная комиссия, явившаяся на фабрику и затем благополучно отбившая, не обнаружив ничего предосудительного. Вскоре после отъезда комиссии Луиза и ещё несколько рабочих фабрики были арестованы. Они предстали перед военным судом по обвинению в государственной измене и военном шпионаже, хотя фабрика изготовляла всего лишь мирные краски. И Луиза и её товарищи были приговорены к десяти годам каждый.

Эрнст не мог даже присутствовать на процессе: суд происходил при закрытых дверях. Впоследствии какими-то путями он всё же узнал, что Луиза на суде вела себя отлично. Получив последнее слово, она запела «Интернационал» и лишь после оглашения приговора свалилась в обмороке. Товарищи хорошо вспоминали о Луизе Бруннер и никогда не упрекали её в малодушии — ей было всего двадцать четыре года! По справкам тюремного ведомства, она умерла в тюрьме, не отбыв назначенного срока наказания.

Эрнст ещё яростнее ушёл в работу. Товарищи уважали его за стойкий, ровный характер, не подверженный отчаянию, ни другим видам истерии. Более чувствительные из них старались не заговаривать о Луизе, не желая причинить Эрнсту боль. Они ошибались. Эрнст гордился своей Луизой, говорил о ней всегда охотно, очень тепло и просто, а если иногда при звуке её имени замолкал, в молчании его было что-то от тишины, которая залегаёт над залом, вставшим почтить память убитого товарища.

7

В 1930 году, просматривая однажды «Вельтбюне», Эрнст попал на статью, высмеивающую псевдонаучные теории поборников расизма. Под статьёй стояла подпись: «д-р Роберт Эберхардт». Дочитав статью и натолкнувшись на подпись, Эрнст неожиданно для самого себя сильно возмущался.

«Неужели Роберт?»

Эрнст помнил, что Роберт увлекался когда-то антропологией, но ведь с того времени прошло целых десять лет! Волнение, охватившее его при виде фамилии Эберхардт, показалось самому Эрнсту трогательным и забавным. Вот до чего крепко сидят в нас атавизмы детства! Он не мог отрицать, что ему было бы очень приятно, если бы этот учёный доктор оказался его школьным другом.

Эрнст тут же решил обязательно осведомиться у товарищей насчёт личности автора статьи, но в сутолоке дел позабыл о своём решении.

Несколько месяцев спустя он встретил в другом левом журнале ещё одну статью доктора Роберта Эберхардта. На сей раз это был искрящийся остроумием колкий памфлет — мордобой в лайковых перчатках, как охарактеризовал его про себя Эрнст. Исходной точкой памфлета, направленного против германских евгенистов, послужили автору откровения расистского учёного Базлера.

В своём «Введении в расовую и общественную психологию» Базлер пытался доказать, что большая смертность среди негров в колониях от повальных сердечных болезней вызвана не чем иным, как наследственной склонностью этой расы к чрезмерным напряжениям. По словам Базлера, негры испокон веков обожают непосильно тяжёлые работы. Хлебом их не корми, только дай таскать «большие тяжести, которые они носят бегом через горы, не считаясь с пределом своих физических сил! Этой перегрузкой они, по собственной вине, вызывают у себя серьёзные заболевания сердца». Согласно наблюдениям господина Базлера, такими же любителями непосильных напряжений являются и немецкие рабочие, что, с одной стороны, свидетельствует об их расовом родстве с неграми, а с другой — объясняет большой процент смертности среди этого сословия. Логически развивая самый серьёзным образом учёные наблюдения господина Базлера, Роберт Эберхардт то и дело заставлял читателя покапываться со смеху. К концу статьи он превращал германских евгенистов в яичницу, причём делал это с утрированной корректностью, пользуясь лишь безусловно проверенными научными данными.

Статья привела Эрнста в весёлый восторг. Если этот доктор даже не Роберт, всё равно надо попытаться потеснее связать его с движением. Такое перо, особенно в деле завоевания мелкобуржуазной интеллигенции, стоит десятка хороших агитаторов!

На этот раз Эрнст уже не позабыл выяснить в точности личность автора статьи. Ему сообщили, что автор — молодой доцент, сын известного астрофизика, профессора Юлиуса Эберхардта.

Хотя Эрнст заранее был почти в этом уверен и всякий другой ответ принёс бы ему большое разочарование, всё же подтверждение догадки было ему невыразимо приятно. Радостно было убедиться, что за эти десять лет их раздельной жизни Роберт не свихнулся и сам сумел нащупать правильную дорогу. Эрнста непреодолимо потянуло повстречаться с Робертом. Он видел в нём уже не только прежнего друга, но и будущего боевого товарища. Одно это заставило его вконец забыть старые обиды.

Он разыскал в телефонной книжке телефон профессора Эберхардта, позвонил и попросил Роберта. Роберта не оказалось дома. По ответу было ясно, что Роберт всё ещё проживает в том же особняке, с отцом. Повидаться с ним Эрнсту удалось не так скоро. Помешали непредвиденные события.

Согласно Веймарской конституции Германия именовалась демократической республикой. Веймарская конституция гарантировала всем гражданам среди прочих благ также и свободу убеждений. Поэтому коммунистическая партия существовала в Германии легально, выставляла свои списки к очередным выборам в рейхстаг и распространяла в печати свои политические идеи. Никто не мог быть арестован и посажен в тюрьму за коммунистические воззрения.

Кроме коммунистов, существовало много других, так называемых рабочих и социалистических партий. Политическая жизнь Германии развивалась под знаком неуклонного роста рабочего движения, и даже гитлеровские «наци» именовали себя официально Национал-социалистической рабочей партией.

Самой могущественной из такого рода партий была СПД — социалистическая партия Германии. Представители этой партии заседали в правительстве. В руках их находилось прусское министерство внутренних дел. В руках их находилась полиция. На социал-демократической полиции зиждилась Веймарская республика. Социал-демократическая полиция была подлинной опорой демократии в Германии. Она никогда не арестовывала и не сажала в тюрьму коммунистов за их политические убеждения.

Заводы Симменса принадлежали к промышленным предприятиям Германии, где влияние коммунистической партии особенно распространилось и окрепло. Работа коммунистов была поставлена там лучше, чем на других предприятиях.

Владельцы заводов Симменса были этой работой очень недовольны, считая, что она подрывает основы мирного соглашения между трудом и капиталом, на коем зиждется всякое демократическое государство. Они не скрывали своего недовольства от социал-демократического министерства внутренних дел, которое тоже признавало мирный альянс между трудом и капиталом основой всякой подлинной демократии.

Министерство внутренних дел не вмешивалось в политические убеждения рабочих заводов Симменса. Оно считало эти убеждения внутренним делом каждого гражданина. Оно только напомнило своей полиции, что её назначение — защищать основы демократии.

В полиции было известно, что всей коммунистической работой на заводах Симменса руководит некто Эрнст Гейль. Компетентные лица утверждали, что, если бы Эрнст Гейль не руководил этой работой, она, возможно, не была бы так хорошо поставлена. Таково было их личное мнение, а на основе Веймарской конституции ни одному гражданину не возбранялось иметь своё личное мнение.

К этому времени в германской политической полиции в качестве младшего комиссара работал некто Губерт Фаулер. Названный гражданин

Фаулер состоял в прошлом членом коммунистической партии и даже был секретарём одной из низовых организаций, но затем, разочаровавшись в коммунизме, покинул партию, захватив на память о своих юношеских заблуждениях кое-какие партийные документы, среди которых оказалась и партийная касса. К ответственности за это Фаулер не привлекался: никому из граждан не возбранялось менять свои политические взгляды, если же он в такую горячую минуту и захватил не совсем то, что намеревался, трудно было вменить ему это в преступление.

Порвав с компартией, Губерт Фаулер перешёл на работу в политическую полицию, где быстро пошёл в гору, пока не достиг чина младшего комиссара.

Вечером 27 июля знакомые видели Губерта Фаулера в пригородном кафе. Больше Губерта Фаулера никто в этом мире не видел. На следующий день труп его был найден на пустыре, неподалёку от упомянутого кафе, с простреленным черепом и пулей, застрявшей в кишечнике.

Нашлись два свидетеля, из которых один показал в полиции, что в прошлый вечер, минут за пятнадцать до момента смерти Фаулера, в точности установленного медицинской экспертизой, сидя за соседним столиком, он видел, как Губерт Фаулер покинул кафе и как вслед за ним, быстро расплатившись, поднялся и вышел Эрнст Гейль. Другой свидетель, пятнадцатью минутами позже проходя мимо рокового пустыря, явственно слышал два выстрела и, свернув в переулок, натолкнулся на бегущего Эрнста Гейля, правая рука которого была засунута в карман пиджака. По заверению обоих свидетелей, Эрнст Гейль неоднократно выступал в их районе на собраниях, и оба узнали его с первого взгляда.

Принимая во внимание коммунистическое прошлое убитого, полиция усмотрела в убийстве акт партийной мести.

Эрнст, уехавший в этот день по делам в Дрезден (что явилось лишней уликой, свидетельствовавшей против него), узнал обо всём лишь к концу недели, когда вернулся в Берлин. Предупреждённый товарищами, встретившими его на вокзале, он не явился больше на квартиру и временно остановился у знакомого рабочего-скорняка.

Товарищи Эрнста считали, что всё это дело пахнет чистой провокацией. Одни из них были убеждены, что Губерт Фаулер, расхаживавший обычно в штатском, был убит с целью грабежа двумя уголовниками, пойманными на следующий же день; уголовникам этим в полиции обещали замять всё дело, если они единодушно засвидетельствуют, что убийцей Фаулера является Эрнст Гейль.

Другие утверждали, что Губерта Фаулера убила сама полиция, поскольку он перестал представлять для неё какой-либо интерес. Оба свидетеля — просто подставные полицейские агенты. Таково было личное мнение товарищей Эрнста, а согласно Веймарской конституции никому из граждан не возбраняется иметь своё личное мнение.

Что касается полиции, то у неё тоже было своё личное мнение. Оно выражалось словами демократического законодательства и сводилось к тому, что если два гражданина единодушно указывают на третьего гражданина и свидетельствуют под присягой, что он причинил смертельные телесные повреждения четвёртому гражданину, то этого достаточно, чтобы вину третьего гражданина считать вполне доказанной.

За убийство полицейского чиновника во время исполнения им служебных обязанностей (а чиновники тайной полиции исполняют их, как известно, не только на улице, но и в кафе) полагалась смертная казнь, заменяемая иногда в виду смягчающих вину обстоятельств пожизненным заключением.

Поскольку Эрнст в тот злополучный день действительно заходил в указанное кафе, вступать в препирательство с судебными органами на предмет его невиновности не имело никакого смысла. Партия знала не

один такой случай, когда товарищи, находившиеся в момент совершения того или иного преступления в другом конце Германии, всё равно осуждались на многие годы на основе показания одного свидетеля. Уже римляне говорили, что человеку свойственно ошибаться, а германские судьи того времени, по свидетельству современников, тоже были людьми.

Поэтому понятно, что товарищи Эрнста не пожелали способствовать ещё одной судебной ошибке и предложили Эрнсту исчезнуть с берлинского горизонта. Эрнст переменял фамилию и остался жить на нелегальном положении в большом городе Берлине. Само его исчезновение было в свсю очередь для правосудия новым неопровержимым доказательством его виновности, равносильным признанию. За поимку Гейля, как это водилось, была назначена соответствующая денежная премия.

Товарищи Эрнста говорили, что стоит ему на известное время прекратить свою деятельность и полиция не будет особенно настаивать на его поимке: для неё гораздо важнее обезвредить Эрнста и лишить возможности продолжать работу, чем затевать громкий процесс, всегда вызывающий в печати противоречивые толки. Эрнсту было предложено покинуть Германию и перебраться в СССР.

Он переубедил товарищей, доказав им не без основания, что его присутствие здесь нужнее.

Со свойственным ему упрямством он продолжал работать. Партия не была ещё в то время подготовлена к нелегальным условиям, и ему приходилось выкручиваться своим умом.

В скором времени Эрнст имел возможность убедиться в правильности советов более опытных товарищей. Полиция, на первых порах не причинявшая ему особого беспокойства, вдруг взялась на него не на шутку. Явки его начали проваливаться одна за другой, и ему стоило немало труда выскальзывать из уготованных ловушек. Впервые за время своего пребывания в партии он стал недоверчив и мнителен. Усилия меры предосторожности, он довёл их до того, что лишь одному из членов окружного комитета доверил адреса своих временных пристанищ и явок.

Вечером, придя на ночёвку, он чуть не попал в лапы ожидавшей его полиции и спасся лишь чудом, выскочив во двор и просидев три часа в мусорном ящике. Он отправился на другую квартиру и, издали учуяв недоброе, повернул, не заходя в дом. Он проверил через близкого и смышлёного товарища все свои квартиры и места явок. Везде сторожили подозрительные лица, среди которых товарищ узнал нескольких известных шпииков.

Всю эту ночь, и следующую, и третью к ряду Эрнст провёл, бродя по городу и не решаясь зайти ни в одну из знакомых квартир. Навязчивая мысль, что партия засорена провокаторами, которые проникли даже в окружной комитет, не давала ему покоя. Морально он чувствовал себя в эти дни и ночи исключительно скверно. Он сопоставлял сухие факты и начинал подозревать самых доселе безупречных и близких товарищей. Его непреодолимо тянуло зайти кое к кому из цеклистов, поделиться своими сомнениями, но он опасался скомпрометировать их своим визитом.

Одинокий в огромном людном городе, он бродил по улицам, как прокажённый. Никогда раньше и никогда позже он не испытывал такого страшного чувства одиночества.

Впоследствии он имел возможность убедиться, что видел в эти дни всё в чересчур мрачных красках. КПГ была засорена провокаторами не больше и не меньше, чем любая хорошо работающая революционная партия, и совпадения, на первый взгляд наводившие на неприятные мысли, зачастую были лишь результатом непривычки большинства товарищей к конспирации.

Изнурённый бессонницей, с двумя пфеннигами в кармане, Эрнст плёлся по тихой, откуда-то знакомой улице, утопающей в зелени. Теперь

он готов был зайти уже куда угодно, лишь бы лечь и уснуть. Очутившись перед особняком Эберхардтов, он, не раздумывая, нажал кнопку звонка и спросил Роберта.

Его осмотрели подозрительно и неприветливо: за эти трое суток он успел зарости бородой и следы пребывания в мусорном ящике невыгодно отразились на его внешности. Его заставили подождать в передней.

Минуту спустя вышел шуплый молодой мужчина с лицом прежнего Роберта, но как будто слегка увеличенным и кое-где оттенённым ретушью. Пристально присмотревшись к гостю, мужчина воскликнул: «Эрнст!» — и, схватив Гейля за руку, втощил его в гостиную. Сжимая Эрнста в объятиях, он засыпал его вопросами.

Эрнст в ответ прошептал ему на ухо всего две фразы: что его ищет полиция и что ему безумно хочется спать.

Роберту немало труда стоило уговорить Эрнста надеть шляпу и выйти обратно на улицу. Он долго втолковывал Эрнсту, что устроит его у себя сейчас же, надо только, чтобы не знала об этом прислуга. Поэтому пусть Эрнст сделает вид, будто он ушёл, и переждёт десять минут где-нибудь поблизости, на улице. Роберт в это время выпроводит из дома прислугу и будет его ждать у задней калитки.

Прошло ли в точности десять минут, Эрнст не знал. У задней калитки его действительно встретил Роберт и, с нежностью похлопывая по спине, провёл на второй этаж. Наверху Эрнста дожидалась уже посланная кровать, тарелка холодного мяса, булки, масло и бутылка вина. Эрнст посмотрел на всё это стеклянными глазами и без слов грохнулся на постель. Спал он беспробудно целые сутки.

8

Проснувшись, он увидел в открытое окно голубое августовское небо и зелёные кроны каштанов, сотрясаемые ажиотажем целой биржи воробьёв. Он потянулся, щурясь от солнца. Ни жизнь вообще, ни собственное положение не показались ему сейчас вовсе такими мрачными, как сутки назад.

Появившийся в дверях Роберт проводил его в ванную и, смерив ещё раз взглядом, вернулся с перекинутым через руку костюмом и сменой белья.

— Мой тебе не подойдёт, узковат. Надевай пока отцовский, а там что-нибудь придумаем. В твоём оставаться невозможно — весь в каких-то помоях!

— Ба, я совсем забыл о существовании твоего папаши! Как думаешь, не выгонит он меня? — дурачился Эрнст.

— Отец уехал в Лондон на научный конгресс и вернётся не скоро.

Вид приготовленной ванны и предупредительно расставленного перед зеркалом нового бритвенного прибора растрогал заросшего бородой скитальца. Всюду чувствовалась заботливая рука Роберта.

Свежий, чисто выбритый, в новом, чуточку просторном костюме, Эрнст поднялся наверх и застал в своей комнате обильно сервированный стол. Недолго думая, он жадно набросился на еду.

— Если будешь соблюдать минимальные меры предосторожности, сможешь здесь жить сколько влезет, — сказал Роберт, откупоривая бутылку вина. — На досуге подумаем, каким путём переправить тебя за границу.

Эрнст возразил, что уезжать за границу не собирается. Как ярый германский патриот, он вовсе не думает покидать свою прелестную родину. Знает ли, кстати, Роберт, какого рода преступника он приютил под своей крышей?

— Не знаешь? Тогда давай сначала поем, а то, может, ещё раздумаете и придётся уйти, не евши.

Отправляя в рот изрядный кусок шницеля и запивая его вином, Эрнст рассказал о безвременной кончине Губерта Фаулера и в юмористических тонах сообщил Роберту о роли, которую полиция соизволила наметить в этом деле его покорному слуге. Роберт вовсе не был склонен воспринимать рассказ юмористически. Бледный, с лицом, искажённым возмущением, он нервно шагал по комнате. Нет, этого так просто нельзя оставить! У него есть знакомства среди высших чинов юстиции. Надо немедленно всё поставить на ноги! Прежде всего нужно посоветоваться с хорошим адвокатом.

Эрнст с любопытством наблюдал за своим взволнованным приятелем. «Эге, брат, да у тебя, оказывается, ещё здорово много иллюзий!..»

Он посоветовал Роберту не вести себя, как младенец, и—ради бога!— не затевать никаких историй, если только он не хочет засыпать его, Эрнста, и таким образом избавиться от незваного квартиранта.

Роберт обиделся. Для борьбы с произволом полицейской клики в Германии есть ещё достаточно испытанные средства, начиная с печати и кончая общественным мнением! Отказываться заранее от этих средств и подчиняться произволу— это безумие, меньше всего подобающее революционеру!

Эрнст, иронически щуря правый глаз, заметил, что, к сожалению, дело не в притонах коварной полицейской клики, а в государственной системе. Наполнив рюмки, он предложил выпить за скорейшее излечение Роберта от иллюзий.

Они чуть не поссорились, что в течение этого обеда грозило им неоднократно. Взглянув на смеющееся лицо Эрнста, Роберт рассмеялся тоже и предложил выпить за их старую дружбу. Было решено, что Эрнст останется здесь жить. Роберт не будет вмешиваться в его дела, хотя и считает его поведение сумасбродным.

На столе появилась вторая бутылка вина, и разговор принял более мирный характер. Они весело перебирали все свои совместные увлечения детства. Когда дошли до гиббона, Роберт заверил приятеля, что всему виной старик Геккель, который заставил их обратиться не по адресу. Ближайшим родственником человека является вовсе не гиббон, а шимпанзе— это давно доказали Швальбе и Вейнерт. У самого Роберта имеется на эту тему специальная работа. Обратись тогда Роберт с Эрнстом не к гиббону, а к шимпанзе, им наверняка удалось бы с ним дотолкаться...

Незаметно беседа соскользнула на теперешние увлечения Роберта. Основные его научные работы касались области антропогенеза. Попутно Роберт занимался проблемой возникновения рас. Звание доцента он получил за свою обстоятельную работу о питекантропе, изученном им не по слепкам, а по ископаемому оригиналу. Тут Роберт достал с полки тонкую книжку и не без гордости протянул её Эрнсту.

— Погоди, я тебе надпишу её на память.

— Пожалуйста, не надписывай! Я ещё не знаю в точности, как меня звать.

— Обойдёмся без фамилии.

Он написал: «Старому другу в залог новой дружбы».

Эрнст, перелистав длинные таблицы измерений черепной крышки и бедренной кости питекантропа с точностью до одного микрона, отложил книжку. Он заметил с улыбкой, что ему ближе к сердцу вторая область деятельности Роберта: она неизмеримо актуальнее политически и, следовательно, нужнее. Статьи Роберта, направленные против расизма, без всяких комплиментов великолепны.

Роберт ответил, что свои статьи, печатавшиеся не в специальных журналах, он считает невинными литературными упражнениями и никогда не

придавал им значения. С детства его немножко тянуло к литературе, и изредка он позволяет себе эту слабость. Рассматривать эти статейки всерьёз и сравнивать с его работами из области антропогенеза, конечно, нельзя. Если Эрнст считает его научные работы политически неактуальными, потому что они трактуют о каких-то древних ископаемых костях, то он грубо ошибается.

— Я не раз имел возможность убедиться, что германские коммунисты страдают весьма ограниченным взглядом на вещи и механически пытаются низвести всё к экономической борьбе. Было бы полезно, если бы они меньше увлекались Марксом, а пристальнее почитали Энгельса. Хотя бы его «Происхождение семьи» или «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Энгельс, очевидно, не считал этой проблемы политически неактуальной, раз изучению её посвятил столько времени...

— Не перевирай, пожалуйста, моих слов. Я отнюдь не уговариваю тебя бросать работу по антропогенезу и переключаться на популярные полемические статьи. Я только считаю в корне неправильным твоё собственное к ним пренебрежение, как к работе второго сорта. Я лично вовсе не отделяю твоей научной деятельности от политической, как ты это делаешь сам. Для меня это лишь две стороны одной и той же работы. Захирение одной повлекло бы неизбежное вырождение другой.

Произнося эту тираду, Эрнст не мог отделаться от неприятного ощущения, что его слова покажутся Роберту прописными истинами. В правоте своей он не сомневался нисколько. Но для развёрнутого спора с Робертом он не чувствовал себя достаточно подкованным. Этот малыш в вопросах антропогенеза знал куда больше его!

Многoletние выступления на митингах научили Эрнста трудному искусству полемики. Поэтому ему не стоило большого труда умело сманеврировать и, не принимая открытого боя, довести спор до благополучного конца.

В этот день они не только не рассорились, но расстались с Робертом самыми лучшими друзьями. Соотношение сил в их новой дружбе было несколько другое, чем десять лет тому назад. Перевес безусловного убеждения был попрежнему на стороне Эрнста. Но раньше непогрешимую правоту Эрнста ощущал и Роберт. Теперь же Роберта приходилось завоёвывать. Никогда до этого Эрнст не осознавал так болезненно пробелов в своём образовании. Раньше оружие их игр и действий — вплоть до винтовки в дни восстания спартаковцев — неизменно выбирал Эрнст. Теперь выбор оружия принадлежал Роберту.

9

У Роберта в этот период были свои серьёзные огорчения. Поделиться ему было не с кем. В своих горестях и неудачах он привык исповедаться отцу, единственному человеку, который — он это знал — не будет над ним ни злорадствовать, ни потешаться: взгляды отца и сына во многом совпадали. Теперь, в отсутствие отца, Роберт рад был возможности доверить своё горе Эрнсту.

В печати недавно проскользнула заметка, что Дюбуа отказывается от питекантропа! Роберт долгое время ждал опровержения. Не дождавшись, решил написать Дюбуа письмо.

Эрнст не сразу понял, почему вся эта история так волнует Роберта. Ну, отказался, подумаешь! Велика важность!

Не встретив в друге надлежащего сочувствия, Роберт даже обиделся:

— Да ты знаешь, кто такой питекантроп?

— Знаю. Обезьяно-человек. Уж Геккеля-то я читал!

— Так это же единственное, наиболее достоверное палеонтологическое доказательство происхождения человека от обезьяны!

— Ну, и что из этого?

— Как «что из этого»? Если сам «автор» питекантропа, человек, который нашёл его, описал, в течение сорока лет отстаивал свою находку, вдруг отказывается от собственного взгляда, отрицает несомненное обезьянье происхождение нашего предка, как по-твоему: стоит это в прямой связи с походом реакции против дарвинизма или не стоит?

— Ага, вот в чём гвоздь! Понимаю!

Роберт, начав говорить на любимую тему, не мог уже остановиться:

— Ты бы почитал по этому вопросу! Это увлекательнее всякого романа! Помнишь, у Геккеля «недостающее звено»? Так ведь Геккель дошёл до этого путём умственной спекуляции. Его уверенность в происхождении человека от антропоморфной обезьяны была так велика, что он не побоялся ввести в человеческую родословную недостающее переходное звено. Он не сомневался ни минуты в предстоящей находке остатков этого неведомого существа, для которого он заранее придумал кличку питекантропа. И вот приходит Дюбуа, голландский врач, который начитался Геккеля и поверил ему на слово, и заявляет, что он берётся найти ископаемые остатки геккелевского питекантропа...

— Молодец!

— погоди минутку! В качестве военного врача Дюбуа получает командировку в колонии. Следуя указаниям Геккеля, он едет искать своего воображаемого обезьяно-человека на Яву. Но указание это, как мы сейчас знаем, было в корне неверно! Оно основывалось как раз на ошибке Геккеля, который искал предков человека не среди шимпанзеподобных, а среди гиббоноподобных обезьян. Отсюда и неверный маршрут Дюбуа на родину современных гиббонов, на Яву. Если бы поиски питекантропа производились нами сегодня, во всеоружии новейших знаний, нам бы и в голову не пришло искать его на Яве. И мы так и не нашли бы его до сих пор. А Дюбуа нашёл, несмотря на то, или, вернее, именно потому, что отправился по неверному адресу! Более поразительной игры случая невозможно придумать! Подняв верхние слои земли близ Триниля, он нашёл то, чего ни до него, ни после никто никогда нигде в другом месте не смог найти: нашёл черепную крышку, три зуба и бедренную кость существа, как две капли воды соответствующего геккелевскому питекантропу. Впоследствии в тех же местах был разыскан ещё один зуб и четыре бедренные кости. Таким образом было найдено вещественное доказательство происхождения человека от обезьяны, огорошившее, как снаряд, всех противников дарвинизма.

— Постой, но ведь, насколько я понимаю, сам Дюбуа официально нигде от питекантропа не отмежёвывался. Может, это просто газетная утка?

— Видишь ли, Дюбуа необычайно ревностно относится к своей находке и следит буквально за всем, что когда-либо где-либо печаталось по вопросу о питекантропе. Поэтому совершенно невероятно, чтобы такого рода порочащая его заметка не попала к нему в руки. То, что он не счёл нужным опровергнуть её в печати — и тем самым разрешил реакционным элементам в науке спекулировать его именем, — говорит уже само за себя.

Эрнст живо заинтересовался личностью доктора Дюбуа. Роберт рассказал ему пространно о своём визите в Харлем в период работы над монографией о питекантропе. Оказалось, профессор Дюбуа, ныне почтенный старец, живёт у себя в Голландии, в Харлеме, как форменный отшельник, сторожа своё ископаемое. Кости питекантропа можно посмотреть только у него на дому, причём редко кому из учёных он разрешает дотронуться до них рукой. Когда один из антропологических конгрессов

попросил их у него на короткое время, он предложил конгрессу приехать к нему в Харлем.

— Да у него нужно эти кости отобрать! — воскликнул возмущённый Эрист. — Ведь этак, под влиянием попов, он может их и уничтожить!

Тревога приятеля вызвала у Роберта улыбку.

— Отобрать, к сожалению, нельзя. Как тебе известно, мы проживаем пока что в капиталистическом обществе, и эти косточки составляют частную собственность голландского гражданина, профессора Дюбуа. В силу наших представлений о частной собственности он волен их уничтожить. Но эта опасность не так уж велика, хотя, конечно, досадна. Прежде всего я забыл тебе сказать, что профессор Дюбуа, на основании договора с английской фирмой Дамон, предоставил ей исключительное право производства и продажи слепков с костей питекантропа. Таким манером он эксплуатирует своего обезьяно-человека, как безропотное домашнее животное, в течение вот уже сорока лет. Наш предок оказался для него настоящей курочкой, несущей золотые яйца. Вот тебе прямая связь антропологии с экономикой! К счастью, благодаря этому бизнесу мы располагаем в настоящее время десятком тысяч точнейших слепков с питекантропа. Каждая его косточка измерена и описана бесконечное количество раз. При таких условиях даже гибель оригинала не принесла бы науке непоправимого ущерба. Единственное, что Дюбуа может делать совершенно бесконтрольно, это колдовать над внутренним строением принадлежащих ему костей. Но такого рода исследования не в состоянии внести ничего существенно нового.

— Почему ты не напишешь на эту тему памфлета? Его можно бы озаглавить: «Питекантроп, посаженный на цепь».

— Что ты? Зачем злить старичка? Он был по отношению ко мне на редкость любезен и разрешил мне даже потрогать кости. Ну, как по-твоему, актуально это и интересно?

— Очень!

— Вот видишь! А ты говоришь: не огорчайся! Конечно, случай с Дюбуа до конца не проверен, но на фоне того, что происходит повсюду, он приобретает значение симптома. Целый ряд видных учёных, один за другим, переходит в лагерь реакции. Возьми хотя бы такого Вейнерта! Автор прекрасных работ в области антропогенеза! Ходят упорные слухи, что он склоняется к признанию эоантропа.

— Это ещё что за зверь?

— Это челюсть и несколько костей черепа, найденные Давсоном на юге Англии, близ Пильтдауна. По всем данным, челюсть принадлежит человекообразной обезьяне, а кости черепа — пещерному человеку. Тем не менее Уорварт и ряд других антропологов пытаются доказать, что это кости одного и того же существа, жившего якобы на заре человечества и потому окрещённого ими эоантропом. Существо это, судя по челюсти, ещё древнее питекантропа. Поскольку же его черепные кости гораздо ближе к строению черепа современного человека, чем череп питекантропа и даже неандертальца, вывод отсюда ясен: человек ведёт свой род вовсе не от питекантропа через неандертальца, а от неких неведомых нам доселе приматов через эоантропа...

— А что кому от этого прибавится?

— Очень много прибавится расистам и всякого рода мракобесам. Вейнерта соблазняет то, что челюсть, найденная близ Пильтдауна, шимпанзеподобна. Поэтому, по его мнению, даже признавая существование эоантропа, он не грешит против дарвинизма. Но это не совсем так. До сих пор единственная научная родословная человека ведёт от человекообразной обезьяны, через питекантропа и неандертальца, к современному роду. Только на стадии неандертальца мы замечаем расчленение этого единого ствола на расы. Мракобесам и расистам такая генеалогия, конеч-

но, не по вкусу. Сильно развитые надбровные дуги, сросшиеся зубные корни и согнутые ноги неандертальца слишком явно свидетельствуют о его обезьяньем происхождении. Поэтому самые реакционные из антропологов считают неандертальца вымершей боковой ветвью, не состоящей в прямом родстве с современным человеком, и выводят человека от каких-то неизвестных и не сохранившихся в природе существ. Практически это означает то же самое, что выводить его от адамовой кости. Более гибкие расисты не прочь иногда пококетничать с Дарвином. Так называемый «социальный дарвинизм», как известно, сослужил им неплохую службу. Они готовы признать питекантропа и вслед за ним неандертальца предками человечества, но не всего человечества, а лишь его низших рас. Пусть они происходят от обезьяны, так им и надо! Что касается, например, северной расы, то она произошла совсем другим путём! Так возникают всякие полигенетические теории, пытающиеся доказать, что разные расы возникли самостоятельно от разных высших и низших приматов. Политический смысл этих теорий разъяснять тебе нечего. Признание реального существования эоантропа нужно этим господам, как манна небесная. Это как раз тот, другой, особый путь развития, который необходим им для оправдания происхождения высших рас.

— А чем же этот путь лучше?

— Шутишь! В то время, как низшие расы, даже в Вюрмское облечение, на стадии неандертальца, сохранили основные черты обезьяны, потомки эоантропа, уже на стадии современной или даже предшествующей питекантропу, обладали вполне человеческим построением черепа!

— Понимаю!

— Подумать только! Вейнерт, который в течение стольких лет отстаивал научную родословную человека и посвятил этому вопросу десяток работ, вдруг склоняется к признанию такого блёфа, как эоантроп! Что это, по-твоему: случайность или убеждение в собственной ошибке? Вот, дорогой Эрнст, где происходит сейчас подлинная классовая борьба, хотя речь идёт не о заработной плате, а лишь о каких-то ископаемых костях древностью в двести тысяч лет. А ты её ищешь только на своих фабриках!..

10

Условия жизни Эрнста в особняке Эберхардтов можно сравнить только с условиями жизни в первоклассном санатории. За исключением прогулки по саду, которую Эрнст заменял прогулкой по комнате, настужь распахнув окно и впуская ветки каштана, весь день кишевшие воробьями, не было такой вещи, на нехватку которой Эрнст мог бы пожаловаться.

Несмотря на это, он заскучал уже на следующий день. Он не умел жить вне связи с организацией, и ощущение того, что он потерял эту связь, лишало его способности мирно наслаждаться давно заслуженным отдыхом.

На третий день он несмело спросил у Роберта, не смог ли бы тот по дороге на работу захватить на Бюловплац, в Дом Карла Либкнехта, и лично передать письмо одному товарищу. Роберт с готовностью согласился. Эрнст вручил ему письмо и очень просил подождать ответа.

Желанный ответ Роберт привёз ему в тот же вечер. Цекист советовал Эрнсту уехать в провинцию на месяц, а то и на два — партия может ему в этом помочь; если же он нашёл вполне безопасное пристанище здесь, не покидать его и не показывать носа в течение такого же примерно времени. Поднялась целая волна полицейских провокаций, и в этой обстановке провал Эрнста полиция не преминула бы использовать как удобный предлог для компрометации других, стоящих на очереди товарищей. Что касается эрнстовых подозрений, то они будут учтены в связи с про-

водимой ныне довольно основательной проверкой партийных кадров. Если Эрнсту невтерпёж сидеть без дела, он может за это время написать целый ряд статей для партийной печати. Список тем прилагался.

Избавившись от последних сомнений, Эрнст мог наконец без зазрения совести предаться кейфу, как он называл свою беззаботную и безбурную жизнь в особняке Эберхардтов. Кейф этот, впрочем, носил весьма трудолюбивый характер. Используя богатые библиотеки Роберта и его отца, Эрнст с раннего утра и до поздней ночи глотал книгу за книгой. Ежедневные беседы и споры с Робертом великолепно пополняли этот краткий курс принудительного самообразования. В спорах с Робертом Эрнст проверял каждодневно свои умозаключения, черпал добавочные сведения, узнавал о последних научных гипотезах, возникавших, как грибы, в эти плодородные годы, на смену вчера ещё повеньким, а сегодня уже устаревшим теориям. Роберт, поражаясь быстрым успехам друга, вскоре мог говорить с ним о довольно сложных вещах, не прибегая к постоянным разъяснениям и упрощениям, неизбежным в разговорах с непосвящёнными.

Для самого Роберта споры с Эрнстом, которые он вёл вначале со скептической улыбкой и с оттенком превосходства, вскоре превратились в насущную потребность. Никогда раньше после занятий в институте его так не тянуло домой. В своей научной работе он встречался до сих пор исключительно с критикой справа. Реакционные учёные видели в его настроениях воплощение ненавистного марксизма уже на том основании, что Роберт отказывался мирить антропологию с религией и решительно отрицал превосходство одних рас над другими. Частые атаки справа способствовали развитию в Роберте полемической жилки и придавали его очередным работам всё ярче выраженный воинствующий характер. Однако все возможные аргументы своих противников он знал уже наизусть. Противники, теряя под ногами научную почву, неизменно старались перевести спор в плоскость метафизики, куда Роберт отказывался за ними следовать: борьба, таким образом, теряла для него всякий интерес.

В спорах с Эрнстом он впервые столкнулся с критикой слева и почувствовал необходимость пересмотра некоторых позиций. Споры эти давали его уму новый толчок. Роберт по своему характеру, как легко догадаться, был натурой сугубо интеллектуальной. Умственная работа была для него источником тончайших наслаждений, по сравнению с которыми бледнели все другие ощущения и чувства. Уже одно это объясняло в известной степени его новую привязанность к Эрнсту, как к косвенному возбудителю новых интеллектуальных эмоций. Если добавить, что у Роберта не было настоящего друга, что с людьми он сходилась трудно, возрождение его горячей дружбы к Эрнсту станет ещё более понятным. Мост между ними был переброшен с детства, возводить его не было надобности, а это чрезвычайно облегчало их новое сближение. К тому же какое-то подсознательное, неуловимое ощущение вины перед Эрнстом теперь, когда представился случай загладить её без остатка, ещё усиливало привязанность к нему Роберта.

В своих разговорах с Робертом Эрнст давно уже перестал быть стороной, преимущественно воспринимающей. Способность делать из всего молниеносные политические выводы помогла ему и тут. Вскоре он стал переводить приятелю на язык политики такие явления, которые в глазах Роберта не имели к ней как будто прямого отношения. Он политизировал в шутку даже тяжеловесные академические термины робертовой науки. Слово «питекантроп», обозначавшее, по выражению Роберта, обезьяну, ещё не ставшую человеком, и в то же время человека, ещё не переставшего быть обезьяной, он стал употреблять, как синоним «наци» и вообще всякой масти поборников фашизма и реакции: этот род людей, если серьёзно взвесить, не заслуживал гордого названия «*Homo sapiens*».

Роберт считал это оскорбительным для своего любимца питекантропа. Эрнст убедил его цитатой из Энгельса, что только с переходом средств производства в общественную собственность и с устранением господства продуктов над производителями человек окончательно выделится из царства животных. Для тех, кто с животным упорством хочет задержать человечество в сенах предистории, нельзя найти более подходящего имени! Роберт согласился, но потребовал выделить из этой общей группы военных; по его мнению, этот вид человекообразных стоит ещё по крайней мере двумя ступеньками ниже на лестнице эволюции. Поэтому оба приятеля стали звать их дриопитеками, присвоив им имя самой древней из антропоморфных обезьян.

Теории и вещи, не заслуживающие серьёзного разбора, Эрнст стал определять одним словом: зоантроп. Они не говорили больше: чистейший блёф; они говорили: чистейший зоантроп.

Этот условный язык, свойственный и понятный только им обоим, придавал их разговорам особую дружескую интимность. Болтая с приятелем до поздней ночи, Роберт со смутной тревогой отгонял от себя мысль, что вот однажды Эрнст может вдруг уйти и опять кануть в неизвестность...

11

Неделю на шестую пребывания Эрнста в доме Эберхардтов Роберт поднялся к нему наверх позже обычного и возвестил с порога, что вернувшийся из-за границы Эберхардт-старший ждёт их обоих к ужину. Скрывать от отца пребывание Эрнста в доме немислимо. Старик всё равно узнает, только обидится, что от него утаили. Роберт рассказал отцу вкратце всё дело. На Эберхардта-старшего вполне можно положиться. Болтливостью никогда не отличался. Тем паче, чувствуя себя посвящённым в тайну, будет молчать, как рыба,— за это Роберт ручается головой,— в случае же непредвиденной надобности, при своих связях, может оказаться весьма и весьма полезным.

Эрнста приезд старого Эберхардта не привёл в особый восторг. Не умея этого скрыть, он пробормотал: предпочтительно, если бы о его пребывании здесь знало как можно меньше людей. Поскольку, однако, Роберт уже посвятил в это отца, ничего не напишешь. Так или иначе, время уже ему, Эрнсту, ставить паруса: побездельничал, пора и честь знать!

Роберт накинулся на друга с возмущением, упрекая его в злопамятстве и нежелании забыть Эберхардту-старшему какую-то обиду десятилетней давности. Эрнст увидит: старик Эберхардт — очень занятный человек. Немножко чудаковат, надо к нему привыкнуть. Зато по-настоящему крупный учёный и, что ценнее всего, стихийный материалист: попов видеть не может, а религию считает атавистическим продуктом недоразвитого мозга, наглядно свидетельствующим о происхождении человека от четвероногих. К сожалению, в равной степени не терпит и политики, называя её философией глупцов. Попытаться его переубедить — напрасный труд.

По словообильным предупреждениям Роберта Эрнст заключил, что встреча будет не из приятных. Он был чрезвычайно рад, что на прошлой неделе ему принесли новый костюм, сделанный за глаза. Мерку снимал Роберт, не проявивший при этом особых портняжных способностей. Предстать перед старым господином Эберхардтом в самовольно заимствованном у него костюме было бы вдвойне неприятно.

Они спустились вниз и сели за стол. Минут через пять явился старый господин Эберхардт. Эрнст поднялся навстречу и, пожимая ему руку, шутливо назвал своё имя. Профессор, не поняв шутки, буркнул какую-то любезность, вроде «очень приятно», словно виделись они с Эрнстом действительно впервые. Это был человек лет пятидесяти, идеально выбри-

тый, с тщательно зачёсанными назад редкими седыми волосами. Одет он был с подчёркнутой аккуратностью, в тёмный, хорошо сшитый костюм, без единой пылинки. Крахмальный воротничок и торчащий из верхнего кармана пиджака край белого платочка придавали старому господину даже несколько франтоватый вид. На Эрнста он произвёл впечатление человека, весьма следящего за своей наружностью. Он походил на тех очень корректных пожилых господ, которые могут ещё нравиться женщинам, знают в них толк, любят хорошую и изысканную кухню и умеют, если захотят, быть обаятельными. Эрнст вспомнил, что мать Роберта умерла от родов, после чего господин Эберхардт больше не женился. Очевидно поэтому он сохранил в своей внешности, а вероятно и в привычках, кое-что от старого холостяка.

Пока Роберт хлопотал около буфета, выставляя на стол вина, профессор, повернув голову, пристально уставился куда-то поверх эрнстова плеча.

— Кто это так наследил? — спросил он вдруг, указывая глазами на паркет.

Эрнст невольно оглянулся и действительно увидел следы чьих-то подошв на паркете.

— Если вы обращаетесь ко мне, — сказал он, глядя на старика с лёгкой иронией, — то я, как вам известно, уже несколько недель не выхожу на улицу.

— Что?

— Несколько недель не выхожу на улицу. Тем самым я наследить не мог.

— Да я не к вам! — пожал плечами профессор и принялся за еду.

Пока не вернулся Роберт, оба ели и молчали. Эрнст украдкой, не без интереса, наблюдал за Эберхардтом-старшим.

— Несколько недель не выходите на улицу? — после длительного молчания спросил профессор. — Это нехорошо, надо гулять.

— Что? — переспросил на этот раз Эрнст.

— Надо гулять, говорю! Здоровья своего не жалеете.

Эрнст в первую минуту решил, что профессор над ним подтрунивает, и, приподняв брови, взвешивал, как себя дальше вести. Встретив значительный взгляд Роберта и его весёлую улыбку, он решил держаться прежнего полушутливого тона.

— А я гуляю. По комнате. Для вящей вентиляции открываю окно...

— Неудобно вы себе жизнь устроили, — без особого сочувствия сказал профессор.

— Видите ли, сам я её так неудобно не устраивал. Если же вы хотите сказать, что вообще наша жизнь устроена неудобно, то я с вами вполне согласен. Именно потому тем из нас, кто хочет её сделать разумнее и удобнее для всех, приходится претерпевать множество неудобств.

Профессор минуту смотрел на него внимательно.

— Не думаю, чтобы так, как вы хотите её устроить, было удобнее для всех, — сказал он наконец, напрасно пытаясь выловить из судка маринованный гриб и раздражаясь от этого ещё больше. — Лучше скажите: для всех тех, кто останется в живых, остальных вы перестреляете. Это сейчас самый модный и самый лёгкий способ дискуссии.

«Эге! Вот где зарыта собака! Мы, оказывается, не терпим насилия как такового!» — не спуская глаз с профессора, быстро и почти радостно прикинул Эрнст. Он недолюбливал загадочных натур и не без основания считал, что все они, с небольшими вариациями, укладываются в несколько основных схем.

— Как вам известно, в моду этот способ ввели не мы, — возразил он дружелюбно. — Точнее, его ввели именно против нас. Мне не совсем понятно, почему вы спокойно допускаете, когда ничтожное меньшинство

применяет его ежедневно к большинству, и возмущается, когда большинство вынуждено к нему прибегнуть против кучки в интересах всего человечества.

— Я ничего не оправдываю! — ударив ладонью по столу, закричал Эберхардт-старший, встал из-за стола и ушёл.

Эрнст начал уже извиняться перед Робертом за то, что испортил старику ужин, и заверять, что сделал это без злого умысла, когда вдруг профессор появился опять, на этот раз из совершенно противоположных дверей, кивнул головой и как ни в чём не бывало сел за стол.

— И, пожалуйста, оставьте в покое математику! — сказал он вдруг, доев ростбиф и отставляя тарелку. Эрнст даже вздрогнул от неожиданности. — Что вы все от неё хотите? Джинс доказывает мне на основе математических вычислений, что мир сотворён господом богом! Эти, едва усвоив сложение и вычитание, уже доказывают, что треть людей нужно перестрелять! Оставьте вы все в покое математику! Кончится тем, что я перестану ей доверять!

— Почему же? — подавляя улыбку, возразил Эрнст. Этот господин определённо начинал ему нравиться. — Математика в быту — неоценимая вещь. Попробуйте её запретить, как же тогда люди подсчитают, сколько у них на текущем счету?

— Если вы подсчитаете и конфискуете мой текущий счёт, вы лишите меня возможности работать — только и всего. Для человечества, которое вы так опекаете, моя работа в тысячу раз важнее вашей! — закричал старик, явно целясь в Эрнста вилкой.

«Э, да этот учёный муж вовсе не так уж непрактичен!» — подумал Эрнст.

— Вы, вероятно, слышали, — сказал он любезно, — что, например, в Советском Союзе учёные вашего ранга обеспечены, пожалуй, лучше, чем у нас, и окружены в тысячу раз большим вниманием и заботой?

Профессор не ответил. В разговор вмешался Роберт. Некоторое время они непринуждённо болтали с Эрнстом, иногда поглядывая в сторону старика, который, увлечшись едой, не принимал в их беседе никакого участия. Он перебил их неожиданно и спросил у Эрнста, каковы последние результаты работ таких-то (он перечислил длинный ряд знакомых Эрнсту фамилий). Эрнст должен был признаться, что, к сожалению, ничего об этом не знает. По звучанию фамилий он догадался, что речь идёт о ряде советских учёных. Профессор и на этот раз ничего не ответил. Ещё через несколько минут он спросил у Эрнста, что же тот намерен делать дальше: за границу или куда?

— Наоборот, я намерен остаться в Германии, конечно, не здесь у Роберта, и продолжать прерванную не по моей вине работу.

— Вам придётся только и делать, что прятаться от полиции, — сказал старик, оглядывая его с любопытством, словно не имел времени присмотреться к нему раньше. — Это не очень продуктивная работа.

Эрнст заверил, что прятаться будет между делом, в основном же будет заниматься тем, чем занимался прежде.

Роберт, для которого этот поворот разговора был особенно неприятен, поспешил перевести беседу на другую тему. С самого начала ужина он неоднократно вмешивался в разговор, пытаясь заставить профессора рассказать что-нибудь о последнем конгрессе, но отец пропускал его слова мимо ушей. На этот раз Роберт принялся рассказывать сам, каждой фразой подчёркивая свою солидарность с Эрнстом:

— Ты не понимаешь, в чём дело! Эберхардт-старший приехал не в своей тарелке. Оказывается, все его коллеги на конгрессе только и делали, что доказывали существование бога. Убеждённые материалисты, в том числе и мой почтенный папаша, очутились в ничтожном меньшинстве. Приехал и отплёвывается. Впечатление у него такое, будто посетил

сумасшедший дом. Уверяет меня, что его собратья на старости лет посходили с ума: бояться смерти и потому хватаются за бога. Не хочет верить, что это — повсеместное явление политического порядка, популярно именуемое поправлением официальной науки.

Роберт явно пытался спровоцировать на высказывание отца, но тот сосредоточенно доедал мелбу и не изъявлял никакого желания вступать в спор.

— Ну, как это так! Серьёзные люди, мировые учёные и вдруг стали бы открыто доказывать существование бога, — нарочито усомнился Эрнст.

— Уверяю тебя! Спроси у Эберхардта-старшего. Эдингтон доказал ему чёрным по белому, что, начиная с 1927 года, со времени эпохальных трудов Гейзенберга, Бора и Борна, религия стала снова родной сестрой науки. Да что Эдингтон! Джинс договорился до перста господня, который привёл в движение эфир!.. Мы тут с Эберхардтом-старшим спорили до твоего прихода. Он не понимает, как это на учёного с мировым именем, ни от кого не зависящего, обеспеченного материально, могут вдруг влиять какие-то политические партии! Взятку ему дают или как? По его мнению, Эдингтон просто выжил из ума... Как, Эберхардт-старший, правильно говорю?

Профессор, невозмутимо чистивший яблоко, не удостоил сына ответом.

Эрнст чувствовал себя при этом разговоре явно лишним. Роберт, не желая дать ему это ощутить и опасаясь новой паузы, всячески напрягал своё красноречие. Чтобы дать приятелю представление о существе спора и о научных аргументах креационистов, он принялся объяснять Эрнсту второй закон термодинамики и теорию тепловой смерти вселенной. Картина «успокоенной» материи, наподобие стоячих вод. неспособной больше ни на какое движение, поразила воображение Эрнста. Фу ты чёрт! Вот тебе и конец мира! Самая настоящая нирвана! Нет, во всём этом явно кроется какой-то подвох!

Заметив интерес Эрнста, Роберт перешёл к изложению второго коронного аргумента поборников сотворения мира: к бегству спиральных туманностей, удаляющихся друг от друга со скоростью, пропорциональной расстоянию. Эрнст озадаченно тёр подбородок. Галактики, расползающиеся во все стороны, как растревоженные клопы, — всё это действительно попахивало чертовщиной!

Он понимал, что Роберт в угоду ему излагает эти сложные вещи крайне упрощённо и старому господину это претит. Профессор сидел, нахохлившись, и не открывал рта.

— ...одним словом, научно доказано, что радиус вселенной непрерывно увеличивается. Тем самым, если пойти вспять, мы должны прийти к некоей точке, от которой началось расширение мира, спречь — к творцу сего мира, господу богу. Так по крайней мере выходит по Эйнштейну...

— Ерунда! — закричал вдруг профессор. — Из уравнений Эйнштейна нигде не следует, что вселенная обязательно должна расширяться! Следует только, что она не статична. С равным успехом она может, например, сокращаться.

— Но мы всё-таки знаем, что она расширяется, а не сокращается! Да если бы она и сокращалась, от этого не легче. Сокращаться она может тоже только до известной точки.

— Глупости! Она может расширяться и сокращаться попеременно!

— Как это так?

— Очень просто! Сейчас мы находимся в стадии её расширения. Дойдя до определённого предела, она может начать сокращаться. Потом опять расширяться. Так до бесконечности.

— Bravo, Эберхардт-старший! Это что, ты придумал или кто-нибудь другой? А знаешь, это здорово! Прямо поэтический образ! Вселенная, которая бьётся, как сердце, с той разницей, что пульс её измеряется квадратиллионами и секстиллионами лет!

Старик поднялся из-за стола.

— Спасибо. До свидания.

— Погоди, Эберхардт-старший! Помиритесь сначала с Эрнстом, — подводя его за локоть к приятелю, настаивал Роберт.

— Да мы, по-моему, и не ссорились, — заверил Эрнст.

Старик пожал его руку.

— Учиться надо! — сказал он вдруг строго, как, вероятно, говорил своим студентам. — Не тем занимаетесь! С полицией в прятки играете. Об СССР разговариваете, а что там в физике делается — не знаете. Хотите учить других — сами сначала поучитесь! Пока люди не поумнеют, ничего с ними не сделаете. А поумнеют — без нас поймут!.. — Он ещё раз крепко пожал руку Эрнста, кивнул головой Роберту и ушёл на свою половину.

12

День на третий после приезда старика Эрнст попросил Роберта зайти с письмом в Дом Карла Либкнехта. Роберт и на этот раз в точности выполнил поручение.

Получив ответ, Эрнст сообщил приятелю, что пора им расставаться: отдохнул, отъелся, надо приниматься за работу!

Тот и слушать не хотел о его уходе. Роберту казалось, что на решение Эрнста повлиял приезд Эберхардта-старшего. Пожалуйста, пусть Эрнст начинает работать, если ему не терпится. Но жить он будет по-прежнему у них. Более безопасной квартиры ему всё равно не найти.

После длинного и довольно бурного объяснения Эрнст уступил и согласился ещё некоторое время остаться у Эберхардтов.

Исчезал он теперь утром и возвращался поздно вечером. Роберту он сообщил, что зовут его теперь Фридрих Таубе. Фамилия такая, что не надо заучивать, стоит лишь вспомнить про голубей¹. Впрочем, пусть Роберт зовёт его просто «Фриц».

Однажды утром Эрнст на работу не пошёл. Роберт вернулся в этот день раньше обычного и застал его над составлением какого-то конспекта. Завидя приятеля, Эрнст знаком подозвал его к окну и указал на какого-то господина в сером, медленно прошаживающегося по противоположному тротуару.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Роберт.

— Ничего. Это так называемый «шпик вульгарис».

— Откуда ты это взял? Может, поджидает барышню?

— Барышни на целых три дня не опаздывают. А я наблюдаю за ним уже третий день.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно. Зря я посылал тебя в последний раз в Дом Карла Либкнехта. Возможно, ты притащил его за собой. Но, поскольку в твоё отсутствие он всё равно остаётся здесь, ясно, что дело у него не к тебе, а ко мне.

— Тогда они произвели бы у нас обыск...

— Вероятно, они не совсем уверены. Одним словом, времени терять нельзя. Сегодня вечером переберусь на другую квартиру.

Роберт не счёл возможным удерживать приятеля. Он стал предлагать Эрнсту квартиры своих знакомых, но тот отрицательно покачал головой. Пусть Роберт сохранит их на будущее, они ещё не раз пригодятся. Сей-

¹ По-немецки «Таубе» означает «голубь».

час надо на некоторое время разлучиться, не оставляя никаких лазеек, и не встречаться даже с общими знакомыми. Это — дело какого-нибудь месяца или двух. Через месяц-полтора, не раньше, Роберт может позвонить по этому вот телефону. Звонить надо не из дому, а из автомата. Спросить Рудольфа и сказать ему, чтобы передал Фрицу, что звонил Роберт: пусть Фриц позвонит тогда-то, во столько-то часов, по такому-то телефону. Номер опять-таки надо давать не свой, а кого-либо из отдалённых знакомых, куда Роберт в указанный день и час отправится с визитом. Эрнст вызовет его к телефону. Если всё будет уже в порядке, они смогут повидаться. Пока что в своих отношениях им придётся ограничиться телепатией. Есть, кстати, очень хороший вид телепатии: Эрнст будет регулярно читать «Вельтбюне» и «Нейе Бюхершау». Если он встретит там в ближайшее время несколько острых памфлетных статей доктора Роберта Эберхардта, это будет для него лучшим дружеским приветом и естественным продолжением их вечерних бесед.

Когда вконец стемнело, Эрнст начал собираться. Роберт заметно волновался. Он предложил товарищу, что проводит его на машине. Машина закрытая, сядут они во дворе, таким образом отъезда Эрнста никто не заметит, и шпик не сможет последовать за ним.

Эрнст охотно согласился. Они спустились в гараж. Роберт завёл мотор. Эрнсту вдруг отчётливо припомнилось, как они со старым Эберхардтом ночью отвозили в клинику раненого Роберта. Сейчас старого Эберхардта не было дома...

Подожёл Роберт и в темноте крепко обнял Эрнста.

Впоследствии, обнаружив у себя в кармане довольно значительную сумму денег, Эрнст сообразил, что Роберт мог их сунуть только в момент этого объятия.

Роберт усадил Эрнста в машину и задёрнул занавески. Сам он сел за руль. Машина быстро выскочила из ворот и, свернув вправо, стрелой умчалась в город.

Они долго петляли по городу, пока наконец Эрнст не окликнул Роберта и не сказал ему, смеясь, что прогулка была замечательная, но уже хватит. Он попросил высадить его на Потсдамерплац.

Когда хлопнула дверца и Эрнст исчез в толпе безликих прохожих, Роберт съёжился, словно кто-то полоснул ножом по стеклу. Кажется, скрипнула включаемая скорость...

13

Встретиться им удалось только месяца через четыре. На свидании этом настоял Роберт, предупредивший приятеля, что должен сообщить ему нечто необычайно важное.

Роберт не сразу узнал Эрнста в очкастом господине с препротивными баками и неразлучной трубкой во рту. Удостоверившись, что это действительно Эрнст, он повёл его к столику за амбразурой, сияющий и в то же время смущённый, — таким не видел его Эрнст никогда.

— Познакомьтесь: моя невеста, Маргрет. Мой лучший друг — Эрнст.

— Ты хотел сказать «Фриц», — сухо поправил Эрнст. — Вижу, ты настолько влюблён, что стал забывать имена своих лучших друзей.

Роберт смутился ещё больше и пробормотал что-то в своё оправдание.

— Можешь быть спокоен, она абсолютно наш человек.

Эрнста передёрнуло. Он обозвал про себя Роберта дураком и, любезно улыбаясь, пожал руку девушке. О да, она была красива. Пожалуй, даже чересчур красива той холодной красотой, от которой болят глаза.

Наклонив голову, она ответила крепким рукопожатием. Как ему понравилась последняя работа Роберта? По её мнению, это блистательнее всего, что Роберт когда-либо написал.

Речь шла о предвыборном памфлете, направленном против национал-социалистов и написанном в форме еразмовой «Похвалы глупости». Памфлет действительно пользовался большим успехом.

Эрнст, косвенный автор этой идеи, подсаженной им Роберту ещё во времена кейфа в особняке Эберхардтов, поспешил заверить, что вещь удалась Роберту превосходно и бьёт в самую точку.

Во всё время встречи говорила преимущественно Маргрет. Роберт молчал и улыбался счастливой, почти детской улыбкой. Маргрет—так называл он свою невесту — радовалась новой победе коммунистов: восемьдесят девять мандатов! Это немыслимо ни в какой другой буржуазной стране!

— Я так завидую Роберту, что он хоть в какой-то незначительной степени способствовал этой победе!

Впрочем, она не была отнюдь склонна смотреть на вещи сквозь розовые очки. Двести тридцать мандатов национал-социалистов — это ведь почти две пятых всего состава рейхстага! Прямо страшно подумать!

Эрнст попросил её не выражать так громко своих политических чувств.

Они расплатились и пошли пройтись по Тиргартену.

Маргарита не скрывала своих опасений. Со дня на день можно ожидать национал-социалистического путча. Геринг недавно в Спорт-паласе открыто требовал, чтобы улица на три дня была предоставлена штурмовикам. Готовы ли рабочие организации к обороне? Говорят, в Восточной Пруссии уже начались массовые политические убийства и штурмовики организованно готовятся к походу на Берлин.

У выхода из Тиргартена Маргрет распрошталась и села в автобус. Роберт пошёл проводить ещё немного Эрнста. Некоторое время шли молча.

— Как звать твою невесту? — переспросил вдруг Эрнст.

— Маргарита Вальденау,— краснея, повторил Роберт.

Эрнст сощурил глаза. Фамилия показалась ему знакомой.

Роберт, заметив выражение лица товарища, поспешно добавил:

— Да, она дочь видного чиновника министерства юстиции, что же из этого? С семьёй она не имеет общего вот и на столько! Это вполне самостоятельный, мыслящий человек, очень близкий нам по убеждениям.

Эрнст молчал, словно набрал в рот воды. Не могло быть сомнений, это была дочка советника юстиции, господина Бернгарда фон Вальденау, весьма близкого национал-социалистам. Господин этот, по слухам, сыграл немаловажную роль в громком деле отмены верховной прокуратурой роспуска штурмовых отрядов, декретированного в апреле президентом.

Роберт, поняв продолжительное молчание Эрнста, повторил ещё раз, что Маргрет вполне самостоятельный человек. Ни о какой общности её взглядов со взглядами отца не может быть и речи. Не получив ответа, он добавил уже с лёгким раздражением:

— Вообще смешно делать детей ответственными за грехи родителей!

Эрнст заявил, что вовсе не делает фрейлейн фон Вальденау ответственной за деятельность её папаши.

Расстались они с Робертом на этот раз довольно сухо.

Сидя в автобусе, Эрнст не мог отделаться от чувства неприязни, которое с первого взгляда зародилось в нём против робертовой невесты. Ему претило происхождение этой девушки, её фамилия, слишком уж сильно окрашенная в имперские цвета. Право, Роберт мог себе подыскать невесту в другой среде! Впрочем, диктовать Роберту, где ему искать невесту, было, по правде, смешно и нелепо. «Уж не ревную ли я к ней Роберта? Этого только не хватало!»

Так или иначе, появление нового человека, уверенно вставшего между ними, сразу усложнило их отношения.

14

Месяца через полтора они встретились опять, на этот раз по звонку Эрнста. Произошло это уже после того, как правительство фон Папена огласило чрезвычайный декрет против террора, бьющий штурмовиков не в бровь, а в глаз. Резкая отповедь президента Гинденбурга Гитлеру и форменный отказ поручить ему образование нового кабинета отрезвили разбушевавшихся «наци» и запуганную ими Германию. Официальное коммюнике об этих переговорах звучало, как фельдфебельская нотация, прочитанная престарелым президентом слишком ретиво стремящемуся к власти «богемскому ефрейтору». Слухи и анекдоты об этой беседе ходили по городу как последнее политическое «mot». Вчерашний властитель тринадцати миллионов голосов и кандидат в диктаторы Германии, отчитанный дряхлым президентом, как школьник, сразу поблёл и обмяк, словно выпустили из него воздух. Люди, вчера ещё произносившие его имя полущёпотом и с опаской, сегодня подтрунивали над ним вслух. Роспуск рейхстага фон Папеном и предстоящие новые выборы должны были в этой обстановке довершить банкротство национал-социалистов.

Компартия ощущала недостаток в острых перьях для новой, более чем когда-либо ожесточённой предвыборной борьбы.

На сей раз Эрнсту не пришлось Роберта уговаривать. По поспешности, с какой тот согласился принять участие в выборной кампании, Эрнст понял без труда, что в лице Маргрет он и его товарищи обрели неожиданного и влиятельного союзника. Даже это не смогло способствовать росту его симпатий к Маргрет.

Они не виделись с Робертом опять почти до конца ноября. Компартия завоевала целых сто мандатов. Национал-социалисты потеряли два миллиона голосов и окончательно погорели на последних выборах. Роберт был в исключительно бодром настроении и то и дело повторял:

— Честное слово, как говорит Эберхардт-старший, я склонен поверить, что наши соотечественники начали умнеть!

На свидание с Эрнстом он пришёл необычайно возбуждённый. По дороге его и Маргрет остановили два штурмовика с кружкой, прося милостыню. Маргрет вместо ответа плюнула им в кружку. Дело чуть не дошло до драки. Роберту еле удалось отвести невесту. Хотя он и называл Маргрет сумасшедшей, видно было, что он немало гордится её поступком.

Эрнст на этот раз не разделял оптимизма своего друга: небывалая победа компартии, ставшей теперь одной из могущественнейших партий страны, неизбежно объединит против неё всех врагов.

Роберт обозвал приятеля ипохондриком и попросил, чтобы тот не портил ему хорошего настроения...

Два месяца спустя, 30 января 1933 года, богемский ефрейтор Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером.

Эрнст, затерянный в толпе, брёл в этот вечер по Вильгельмштрассе. Бесконечная процессия коричневых факельщиков тянулась часами по бесконечной улице. Газеты насчитали их в этот вечер свыше двадцати пяти тысяч. Из окна своего дворца кланялся седой деревянный президент. Рядом с ним, раскланиваясь направо и налево, стоял человек с коротко подстриженными усиками, хорошо знакомыми всем по страницам «Симплиссимуса» и других юмористических журналов. Продавщицы магазинов и девушки лёгкого поведения, проходя по улицам в этот вечер, напевали популярную песенку: «Красивый Адольф, красивый Адольф, какой он душка, какой он плут!..»

15

25 февраля, в половине десятого вечера, по Берлину, рыча, пролетели одна за другой десятки моторизованных колесниц, набитых людьми в пылающих медью касках. К полуночи по городу пошёл слух, что штурмовики подожгли рейхстаг: начинается!

Эрнст, явившийся к этому часу на свидание с двумя партийными товарищами (местом явки была небольшая пивная в окрестностях Фридрихштрассе), узнал об этом только здесь. Завсегдатаи пивной взволнованным шепотком обсуждали событие. Они склонны были толковать его иносказательно: поджог рейхстага штурмовиками должен был, очевидно, символизировать крах парламентского режима. Горевать особенно не о чем! Эта досужая говорильня, распускаемая в последнее время чуть ли не каждый месяц, эти ежемесячные новые выборы всем успели изрядно надоест. Германии необходимо правительство сильной руки, которое положило бы конец партийным раздорам и поставило бы на ноги хозяйство! Дальше так продолжаться не может! Если это сумеет сделать Гитлер, пусть будет Гитлер. Он должен сказать всей стране, как в начале войны сказал кайзер: «Я не знаю партий, есть только немцы!» Трезво мыслящие люди, перечисляя грехи парламента, давно говорили: пусть он сгорит!

Широкая публика узнала о пожаре рейхстага лишь два дня спустя. Известие, транслированное по радио 27 февраля, сбilo всех с толку. Правительство оповещало, что рейхстаг подожгли коммунисты...

Министр Геринг сообщал, что при обыске, проведённом в берлоге коммунистов, в Доме Карла Либкнехта и его потайных подземных ходах, наряду с тоннами взрывчатой литературы найден преступный план коммунистического заговора против государства. Согласно этому плану поджог рейхстага должен был стать сигналом к большевистскому перевороту.

Официальное коммюнике Прусского информационного бюро гласило, что коммунистические погромы должны были вспыхнуть пунктуально в четыре часа пополудни на следующий день после пожара рейхстага. «Вполне установлено, что именно в этот день по всей Германии должны были начаться террористические акты против отдельных лиц, против частной собственности, против жизни и имущества мирных граждан...»

От всех этих ужасов спас ничего не подозревавших мирных граждан рейхсканцлер Гитлер, который предвосхитил коварные замыслы коммунистов и воспрепятствовал их осуществлению. Каким образом воспрепятствовал, в точности не сообщалось. Завсегдатаи пивных, передававшие шёпотом о массовых террористических актах против лиц из лагеря марксистов, тут же громко соглашались, что террор террору рознь: священная цель защиты законного порядка оправдывает все средства,

Люди так называемых интеллигентных профессий, ближе стоящие к политике, знали великолепно, что компартия давным-давно переехала из Дома Карла Либкнехта в более безопасные места и могла оставить в этом доме в лучшем случае ненужную макулатуру. Мифический «летучий голландец», поджёгший рейхстаг с партбилетом коммуниста в кармане, тоже не вызывал в них особого доверия. Таково было их личное мнение, и они были достаточно интеллигентны, чтобы держать его при себе. Два новых декрета — «В защиту народа и государства» и «Против измены германскому народу и преступных происков» — отменили 28 февраля остатки Веймарской конституции. Иметь своё личное мнение германским гражданам впредь не рекомендовалось.

Когда же наступили давно обещанные «ночи длинных ножей», мирные граждане, спасённые Гитлером от разрухи, благоразумно заперлись в квартирах, плотно занавесив окна. Они старались не выглядывать даже на лестницу, по которой коричневые преторианцы «красивого Адольфа» волокли вниз окровавленных марксистов и евреев, помышляющих о попытке к бегству.

Берлин выглядел в эти дни, как город, сломленный долгой осадой, после вступления в него неприятельских войск. По улицам холодным сквозняком дул страх, заставляя жаться к стенам редких прохожих. По пустынным мостовым с хриплым лаем сирен мчались обезумевшие авто-

мобили, полные кургузых людей в коричневой форме, затянутых ремнями, как портпледы. То тут, то там у молчаливого дома останавливался битком набитый грузовик, и вооружённые люди в коричневых рубашках, гремя сапогами, гурьбой вваливались в подъезд. Водружённый над воротами флаг победителей с чёрным крестом свастики свисал над опустевшим тротуаром, как траурная хоругвь, оповещающая прохожих, что в доме находится мёртвый.

В эти дни Эрнст получил известие от Маргрет, что с Робертом случилось несчастье и нужна немедленная помощь. Маргрет умоляла в означенный час встретиться с ней в небольшом кафе на Доротеенштрассе.

Эрнст пунктуально явился в указанное место. Маргрет уже ждала его у витрины. Они пошли по улице, разговаривая вполголоса. Роберта третьего дня забрали штурмовики. Вчера с утра она ещё не знала, где он. В течение дня ей посчастливилось через знакомых установить его местопребывание. Благодаря поручительству её отца Роберта удалось освободить под подписку о невыезде. В настоящую минуту он находится на квартире у одной из её подруг в совершенно ужасном состоянии и ждёт прихода Эрнста. Квартира вполне безопасная, Эрнст может пойти туда без всякого риска.

Роберта они застали лежащим на кушетке. Он поднялся им навстречу. Один его глаз был завязан. Рука, которую он протянул Эрнсту, дрожала.

Сегодня же вечером они с Маргрет уезжают в Швейцарию. Маргрет с диким трудом, за большие деньги выхлопотала для них паспорта. Вообще, если бы не Маргрет...

— Я знал, что они глупы, но я не знал, что они звери! Это даже не варвары, это просто не люди! Да, ты мне это говорил, ты называл их всегда питекантропами. Ты был прав. Кому нужны мои ископаемые человекоподобные животные, когда здесь, рядом, по Берлину целые их стада гуляют и охотятся на свободе? О, теперь я напишу книгу! Она будет повествовать о последнем нашествии на Европу человекоподобных зверей. Я обдумал это всё там, когда я не знал ещё, выйду ли я оттуда... Маргрет раздобыла для меня потрясающие документы. О поджоге рейхстага, и не только об этом. О более страшных вещах! Ты её не знаешь, это необыкновенный человек!.. Я использую их для моей книги. Это будет страшная документальная книга. Она откроет глаза всему миру! Она разрушит вконец заговор равнодушных! Я знаю, это мы — вот я и все те, кто, как я, чуждался политики, кто пытается ещё сейчас соблюсти преступный нейтралитет, — повинны в катастрофе, которая постигла Германию! Я так и озаглавлю мою книгу: «Заговор равнодушных». Я докажу им, что только с их молчаливого согласия возможно это беспримерное торжество низости, тупоумия и злодейства! Они увидят и ужаснутся! Весь мир, все мыслящие люди пойдут на питекантропов облавой и загонят их в клетку! Или... или вся человеческая культура вернётся к четвертичному периоду...

Он говорил ещё долго, волнуясь. Лицо его передёргивалось частым нервным тиком. Эрнст насилу усадил приятеля на диван и всячески старался его успокоить.

— Может быть, ты считаешь, что я бегу, что мне надо остаться здесь? — спрашивал Роберт, пугливо заглядывая ему в глаза. — Я думаю, здесь польза будет от меня небольшая. Для физической борьбы я мало пригоден. Но ты ведь знаешь, что я не трус?

Эрнст успокаивал его, как мог:

— Не говори глупостей и не напрашивайся на комплименты. Что, я не помню, как ты дрался с ними в восемнадцатом году? Если бы тогда дрался все, как ты, может, теперь всего этого не было бы. Но в настоящей ситуации, конечно, оставаться тебе здесь нет никакого расчёта.

Поезжай за границу и пиши, пиши, пиши как можно больше! Мобилизуй против них общественное мнение, это сейчас самое главное! Чем больше ты сделаешь там, тем больше сможешь нам здесь. Приведи себя только в порядок. В таком состоянии тебя могут цапнуть на границе.

Мало-помалу он перевёл разговор на предстоящий отъезд Роберта. Маргрет всё уже успела предусмотреть и устроить. Её собственные деньги, положенные на её имя как приданое, ещё вчера, по её поручению, перевели в Базельский банк. Наличные деньги Роберта по доверенности получит её адвокат. Кое-какие акции и бумаги тот же адвокат реализует в ближайшие дни и вырученные деньги переведёт в Швейцарию. Железнодорожные билеты у неё на руках. Все основные формальности проделаны... Когда она успела всё это сделать, было почти непостижимо! Единственное, что осталось нерешённым, — это как перевезти через границу все те документы, о которых говорил Роберт. Если эти бумаги попадут в руки «наци», тогда обоим им крышка. Говорят, на границе усиленно перетряхивают вещи.

Эрнст научил их тут же, как из простого чемодана сделать чемодан с двойными стенками. Он попросил у Маргрет её несессер, разобрал его и, разместив в нём бумаги, привёл опять в прежний вид при помощи одного тюбика «пеликаноля». Несессер выглядел, как новый.

Следя за ловкими манипуляциями приятеля, Роберт немного развесялился. Он стал строить планы на ближайшие недели. Сперва они остановятся в Базеле, оттуда, возможно, переберутся в Женеву...

Маргрет возразила безапелляционно: сперва они остановятся в каком-нибудь горном санатории и, только после того, как Роберт совсем поправится, двинутся дальше.

Эрнст полностью поддержал Маргрет.

Да, но как же они будут общаться с Эрнстом?

Это дело сложное. Сообщаться им в ближайшее время не придётся.

Маргрет предложила, что она может переправлять письма через свою подругу, если Эрнст оставит какой-нибудь адрес...

Нет, Эрнст не может оставить никакого адреса.

Роберт спросил, нельзя ли с Эрнстом связаться через обойщика Готфрида Шеффера, как они связывались раньше.

Нет, ни в коем случае! Пусть Роберт, пожалуйста, забудет этот адрес и ни при каких обстоятельствах не называет его никому, если не хочет навсегда поссориться с Эрнстом.

Когда они стали прощаться, Эрнст выразил сожаление, что не сможет проводить их на вокзал. Они расцеловались. Роберт настоял, чтобы Эрнст поцеловался с Маргрет и перешёл с нею на «ты». Крепко сжимая её руку, Эрнст сказал, глядя Маргрет в глаза, что на этот раз она завоевала его подлинное уважение.

Она улыбнулась, в глазах её блеснули слёзы: Эрнст не представляет, как тяжело ей и Роберту оставлять его здесь одного!

— Ну, полно! Как это одного? Нам здесь добрых несколько миллионов. Как ни старайся Гитлер, всех нас не перебьёшь!

Он пожелал им счастливого пути и, шутливо помахав от порога платком, исчез на лестнице...

Прошло несколько месяцев. Вестей от Роберта не было никаких, да и не могло быть: известия из-за границы поступали скудно, протёртые сквозь решето строжайшей цензуры.

Эрнсту в эти месяцы провалов и провокаций приходилось туго. Арест Тельмана огорошил всех. Партия медленно принаравливалась к условиям подполья, спуская жирок многолетней легальности. Работать становилось всё труднее и труднее.

Тогда-то вдруг пришла первая весть о Роберте. Её принесла одна из унифицированных германских газет.

Прочтя первые строки, Эрнст весь похолодел и долго сидел, уставившись на газету, не веря собственным глазам. В газете сообщалось, что известный учёный и литератор марксистского толка, доктор Роберт Эберхардт, последние месяцы проживавший в эмиграции, на днях перешёл швейцарскую границу и добровольно отдал себя в руки германских постов. Доставленный в ближайший пограничный пункт, он заявил, что не может дольше жить вдали от родины, в среде клеветующих на неё чужаков, и добровольному изгнанию предпочитает заслуженное возмездие, которое примет с радостью из рук оскорблённого им немецкого народа.

В ответ на предложение изложить в письменной форме мотивы своего чистосердечного раскаяния доктор Эберхардт написал нижеследующее...

Следовало краткое заявление, в котором перебежчик поносил и обливал помоями политических деятелей немецкой эмиграции, отрекался от своих выпадов против лучшей части германской науки, верно стоящей на службе нации, и признавал, что только национал-социалисты вернули опранным германскому народу его достоинство и сознание высокой исторической миссии. Внизу стояла подпись: «Доктор Роберт Эберхардт».

Эрнст, скомкав газету, долго сидел, как истукан, не в силах очухаться от удара. Когда он наконец обрёл способность соображать, первой мыслью, которая пришла ему в голову, было подозрение в мистификации. И всё же, если бы Роберт попрежнему пребывал за границей, «наци» вряд ли решились бы на такую подделку. Одно дело — газетная утка, от которой в любой момент можно отмежеваться, а другое — фальшивка за подписью живого человека. Нет, тут что-то не так!..

Может, они схватили Роберта тогда же, на границе, и долгим истязанием вынудили подписать такое заявление? Но если бы Роберт никогда не вращался в среде названных им эмигрантов, такую ложь тоже легко было бы разоблачить.

Оставалось третье предположение, самое тяжёлое: фрейлейн фон Вальденау! Но ведь Роберт не гимназист в конце концов, чтобы, подпав под влияние какой-то бабёнки, в угоду ей менять убеждения! Очевидно, дело не только в ней. Впрочем, не зря Эрнст с первого взгляда почувствовал антипатию к этой черно-бело-красной фрейлейн. Правда, к концу и его она сумела окрутить вокруг пальца... Нет, непонятно! Зачем же ей понадобилось тогда вывозить Роберта за границу, добывать для него какие-то документы, компрометирующие «наци»? Голова может лопнуть!

Опыт последних месяцев говорил, что даже близкие товарищи могут оказаться провокаторами. Но применить эту аксиому к Роберту Эрнст был неспособен — всё в нём бунтовало против такого простого решения.

Он попробовал навести справки, но так ничего и не добился.

Много месяцев спустя до него дошёл слух, что какой-то Эберхардт сидит в концентрационном лагере в Дахау. Имел ли этот Эберхардт какое-либо отношение к Роберту, оставалось попрежнему неизвестным. Слух дошёл до Эрнста окольным путём, и передававшие его люди легко могли перепутать фамилию. Роберт не был партийным товарищем, и почти никто из товарищей не знал его в лицо.

Шли месяцы. Эрнст вторично уже стал забывать про Роберта. Воспоминание о нём было теперь даже не горько, а просто неприятно.

Однажды вечером Эрнсту переслали записку, оставленную для него у обойщика Шеффера. Вот её содержание:

«Эрнст! Умоляю тебя, откликнись! Дай знак, где с тобой встретиться. Живу уже несколько дней у отца. Телефон тот же. Во что бы то ни стало должен тебя видеть!

Твой Роберт».

Эрнст задумчиво вертел в пальцах письмо. Второй раз в жизни Роберт, полузабытый, возник перед ним из неизвестности. На этот раз оклик Роберта не доставил Эрнсту радости.

Он внимательно осмотрел записку. Крупный неровный почерк, с уклоном вниз. Нет, это не почерк Роберта — Эрнст помнил его отлично. Значит, очередная провокация? Интересно, что должна означать фраза: «Живу уже несколько дней у отца»? Подразумевается, что до этого всё время жил где-то в другом месте. Где? Вспомнилось известие из Дахау. Ерунда! Явный полицейский вольтик! Письмо написано чужим почерком. Кто-то решил взять его, Эрнста, на старую дружбу: авось клонет! Шутись! Не таких видали! Надо предупредить старого Шеффера, что квартира его подмочена. Зря Эрнст назвал когда-то этот адрес Роберту. Но ведь тогда партия существовала ещё легально и не было надобности скрывать адреса. Как это было давно! Кажется, в прошлом столетии!

Эрнст порвал записку на мелкие клочки и кинул её в сток. Выкинуть её из головы оказалось труднее. Что-то беспокойно щемило, как зуб под раз навсегда положенной непроницаемой пломбой. А-а, глупости! Не было никакого Роберта!

Ещё одна перемена декораации. Эрнст в шикарном костюме, с чемоданом, в не очень дорогой, но очень приличной гостинице, комната 444. Паспорт: доктор Клаус Зауэрвейн из Дрездена. Задание: самым легальным образом съездить в Париж и обратно. В первый раз со времени безмятежного кейфа в особняке Эберхардтов несколько дней безделья в бутафорской атмосфере обеспеченности и комфорта.

И опять навязчивая мысль о Роберте. А что, если с Робертом они сыграли какую-то страшную шутку? Лагерь в Дахау... «Живу уже несколько дней у отца». Но почерк-то, почерк-то не его! А чёрт знает, с каким почерком люди выходят из Дахау! Если это провокация, то расчёт был правильный: старый сазан Эрнст клюнул, как рыбка! Опаснее всего это вынужденное бездействие, самая губительная вещь для нашего брата!

К вечеру Эрнст уже знал, что обязательно совершит какую-нибудь глупость. Например, позвонит Роберту из автомата и условится с ним встретиться в Цоо. «Эрнст, не будь же идиотом! Если хочешь попасть в их лапы, можешь это сделать проще — подойди к первому шупо: разрешите представиться!.. Нет, Роберту звонить нельзя! Надо сначала выяснить. Может быть, он заходил к Шефферу или оставил у него что-нибудь более вразумительное?»

Так случилось, что почтенный доктор Клаус Зауэрвейн из Дрездена накануне своего отъезда за границу, в одиннадцать часов вечера, отправился на Кейбельштрассе к обойщику Готфриду Шефферу узнать, готова ли заказанная им кушетка.

Известие о смерти Роберта ударило в Эрнста, как гром. Старый господин, оба раза заходивший к Шефферу, не мог быть никем иным, как только Эберхардтом-старшим. По словам маленькой дочки Шеффера, старик говорил её отцу, что если бы он, Эрнст, повидался тогда с Робертом, может, этого бы не было. «Этого», то есть смерти Роберта. Значит, в смерти Роберта есть какая-то тайна? Но какая? Не подвох ли всё это? После визита Эберхардта-старшего Шеффера взяли гестаповцы. Несомненно, между этим визитом и арестом обойщика существует прямая причинная связь. Но тогда всё становится ещё менее понятным!

Если всё это только крючок, на который гестапо хочет поймать его, Эрнста, в таком случае арест Шеффера был бы промахом, совершенно немислимым для опытных рыболовов. Арест этот, само собой, должен был насторожить Эрнста, вызвать в нём подозрения, отвести его от мысли итти на свидание с Эберхардтом. Так могут действовать только мазины, ничего не смыслящие в полицейском деле. Если бы гестапо действитель-

но подсовывало Эрнсту Роберта и его отца, как приманку, оно ни за что не стало бы арестовывать обойщика.

Значит, старик мог привести за собой шпииков случайно, сам того не подозревая. Но тогда и записка Роберта, видимо, тоже не была ловушкой?

Долго в эту ночь Эрнст не мог сомкнуть глаз.

Повидаться со стариком необходимо. Иначе Эрнст никогда не узнает, что случилось с Робертом. Но допустим даже самый благоприятный вариант: старик к полиции непричастен. Тогда, несомненно, он находится под наблюдением. Раз он притащил за собой шпииков к Шефферу, тем паче он навлечёт их на Эрнста. Повидаться со стариком нельзя! Позвонить тоже нельзя — его телефонные разговоры наверняка контролируются. Подвергать себя риску сейчас, находясь на легальном положении, не выполнив партийного задания, Эрнст не имел никакого права. Он достаточно наглумил, отправившись сегодня к Шефферу, и должен благодарить простую случайность, что не был за это как следует наказан.

17

Утром Эрнст встал поздно, с головной болью, оделся и отправился на Александерплац, в полицейпрезидиум. Поднявшись на третий этаж, он заглянул в одну комнату, затем в другую. В четвёртой комнате одинокая девица выстукивала что-то на машинке. Эрнст поздоровался любезным «Гейль Гитлер!» и попросил у неё разрешения позвонить по телефону: все автоматы заняты, а ему необходимо известить клиента, которого срочно вызывают в полицейпрезидиум.

Элегантная внешность и изысканные манеры Эрнста сделали своё дело. Барышня сказала: «Пожалуйста» — и указала на телефон.

Эрнст вызвал профессора Эберхардта и официальным тоном попросил его явиться к двум часам в полицейпрезидиум, комната 48. На тревожный вопрос старика, по какому делу его вызывают, Эрнст ответил сухо: «Кое-какие формальности» — и положил трубку. Он поблагодарил барышню, наградившую его весьма милой улыбкой, и вышел в коридор.

Первая половина дела была сделана. Ангелы, наблюдающие за телефоном Эберхардта, если им даже вздумается проверить, узнают, что звонили действительно из полицейпрезидиума. Эберхардт-старший по такому вызову явится непременно. Шпик, который будет его сопровождать, вряд ли вздумает путаться за ним по зданию полицейпрезидиума. Скорее всего подождёт у выхода. Если же и поднимется, то не станет особенно пристально следить за лицами, с которыми профессор Эберхардт встречается в полиции.

Проходясь по коридору, ровно в два часа Эрнст увидел на площадке лестницы Эберхардта-старшего. По лестнице поднимался дряхлый старик. Вид у него был запущенный и неопрятный. Не осталось и следа ни от прежней выправки бонвивана, ни от подчёркнутой аккуратности в одежде. Смерть Роберта, должно быть, здорово подкосила старика.

У дверей комнаты 48 Эрнст подошёл к нему и сказал полушёпотом: — Здравствуйте и не удивляйтесь!

Старик остановился как вкопанный и в ошолоблении глядел на Эрнста.

— Как? Вы работаете в полиции?! — воскликнул он с нескрываемым ужасом.

— Не говорите глупостей, — строго пробурчал Эрнст. — И слушайте меня внимательно. Погуляйте здесь минуты две. Потом идите в самый конец коридора. Последняя дверь направо — уборная. Войдите туда и закройте за собой дверь на задвижку. Поняли? — Он повернулся на каблучке и медленно пошёл по коридору.

Топографию места он успел изучить досконально. Уборная в конце коридора принадлежала к типу одноместных. Она состояла из двух отделений: из маленькой комнатухи с писсуаром и умывальником и из собственно уборной — крохотной кабинки за деревянной перегородкой. Эрнст зашёл в кабинку. Минуты через три в помещение с умывальником зашёл профессор и стал возиться с задвижкой. Эрнст окликнул его и позвал в кабинку.

— Садитесь, — сказал он, затворяя вторую дверь и указывая старику на стульчак. — Вдвоём здесь стоять негде.

Профессор послушно присел, поглядывая на Эрнста со страхом.

— Вы действительно не служите в полиции? — спросил он ещё раз.

Эрнст в нескольких словах попытался объяснить причину, заставившую его выбрать для их свидания такое неподходящее место. Профессор вздохнул с облегчением. Он тут же полез за пазуху и стал вытаскивать какие-то бумаги.

— Это — письмо Роберта к вам, а это — к Маргрет. А вот это — бумаги, которые мне удалось спасти. — Дрожащими руками он совал их Эрнсту.

— Вы всё это таскаете с собой?

— Да, я боюсь оставлять дома.

— Хорошо, — сказал Эрнст, пряча бумаги. — А теперь рассказывайте, быстро! Долго оставаться нам здесь нельзя...

...Десять минут спустя Эберхардт-старший вышел из уборной и, следуя инструкции Эрнста, вошёл в комнату 48. Он спросил у сидящего там ворчливого чиновника, как пройти в паспортный отдел. Затем, помешкав ещё немного, он вышел в коридор, спустился по лестнице, сел в автобус и отправился домой.

Эрнст просидел в уборной ещё минут пять. Он завернул в газету письмо и бумаги Роберта и спрятал их тщательно за бак для спуска воды. Потом он покинул уборную, на ходу приводя в порядок гардероб. Покрутившись немного в самом людном отделении, он вышел на улицу. Из привычной осторожности он объехал чуть ли не весь Берлин, то и дело меняя средства передвижения, пообедал в небольшом ресторанчике в Далем и только к вечеру, усталый, вернулся в гостиницу.

Решив выспаться перед завтрашним путешествием, он быстро разделся и уже собирался лечь спать, когда в номер вдруг постучали. Привычным ухом он уловил за дверью присутствие нескольких людей. Он рванулся к костюму, соображая, куда податься, когда хряснула взломанная дверь. Одеваться было некогда. В нижнем белье и в ночных туфлях он, не раздумывая, выскочил на балкон. Балкон был длинный, на него выходили двери нескольких номеров. На дворе уже стемнело, моросил ледяной, промозглый дождь.

Пробежав до конца балкона, Эрнст упёрся плечом в последнюю дверь и с размаху влетел в чей-то ярко освещённый апартамент. Раздетая пожилая дама при виде его испустила короткий крик. Эрнст огляделся. Топот шагов на балконе заставил его выскочить в коридор. Добежав до запасной лестницы, он съехал по перилам на второй этаж, шмыгнул в коридор и ткнулся в первую дверь. Дверь была незаперта. В номере на диване дремал полураздетый мужчина. При звуке открываемой двери мужчина пошевелился. Эрнст нырнул в ванную...

Покидая в облачении Релиха негостеприимную гостиницу и хладнокровно взвешивая ситуацию, Эрнст сказал себе не без горького юмора, что, несмотря на всё, его перехитрили. Правда, им не удалось заполучить его лично, зато в их руках остался весь доктор Клаус Зауэрвейн вместе с паспортом, визой, деньгами и железнодорожным билетом. Доктор Зауэрвейн никуда завтра не уедет. Но уедет ли Эрнст Гейль — это ещё вопрос...

Он вспомнил про бумаги Роберта и похвалил себя за предусмотрительность. А впрочем, не подвох ли всё это? Ничего, как-нибудь разберёмся! Будем надеяться, что при всей их недюжинной прозорливости им всё же не придёт в голову перетряхивать в полицейпрезидиуме уборную.

Разыскав кое-кого из товарищей, Эрнст быстро обзавёлся костюмом, ботинками, даже стареньким пальто и устроился на ночь на одной из конспиративных квартир в Вильмерсдорфе.

Ложась спать на распластанном на полу худом тюфяке и тщетно пытаясь укутаться в коротенькое байковое одеяло, он сурово отчитывал себя за своё непозволительное легкомыслие. И всё же — он знал это отлично, — если бы можно было вернуть вспять два последних дня, он поступил бы и во второй раз точно так же.

Оставалось обдумать, каким путём выехать по назначению не позже завтрашнего вечера. Обдумывая эту сложную задачу, он заснул сном утомившегося праведника.

(Окончание следует)

П А Р У Й Р С Е В А К

★

НЕЛЕГКИЙ РАЗГОВОР

1

Собрание шло
                                часов примерно пять.
Всё обсудили.
                                Вынесли решение:
с тобою
                                «отношения порвать».
Название-то какое —
                                «отношенья»!
Мне разъяснили пылко и толково,
что нужно избегать
                                семейных драм.
Да,
    слушал я,
                                и даже дал я слово,
но слово дал
                                не людям,
  а словам.
«Какая грязь!
                                Нам быт здоровый нужен!»
И кто-то крикнул
                                с молодым огнём:
«Скажите,
                                а вы думали о муже?»
О, если бы не думал я о нём!
Был спор большой...
                                Что обвинять иных —
ведь слепо веря кажущимся истинам,
там,
    на собраниях,
                                многие из них
в своих советах шумных
                                были искренни.
А кто-то встал
                                и голосом могучим
все фразы отодвинул, как плечом:
«Не зря ли здесь
                                мы человека мучим?
Нельзя ко всем дверям
                                с одним ключом...
Вот о семье тут говорили страстно.

с ребёнком вашим,
 что похож на мужа,
 или с привычкой —
 с чем-нибудь придёт.
 Сомнения нелёгкие изведав,
 ждала ты долго.
 Ещё дольше ждут!
 Любовь не гость,
 охочий до обедов,
 чтоб приходить,
 когда её зовут!..
 Да,
 ты жила,
 любви не понимая...
 Любовь игрушкой может быть подчас,
 но не из тех игрушек,
 что ломаем, —
 из тех игрушек,
 что ломают
 нас.

4

Я волком бы выгрыз... мещанство, друзья!
 В густой духоте
 кисейного рая
 катастрофически
 таял бы я,
 на все холодильники
 невзирая.
 Но часто
 мечтаю я
 о том
 и часто
 мечтать буду,
 что ты
 однажды
 придёшь
 в мой дом
 и не уйдёшь
 отсюда.
 Не будешь
 нервно спешить к десяти,
 вдруг изменясь мгновенно.
 Не скажешь со вздохом:
 «Надо итти,
 а то —
 семейная сцена...»
 Не это —
 другое вымолви.
 Ты мне
 насовсем
 нужна!
 Мне мало слова —
 «любимая».
 Мне хочется слова —
 «жена».

что,
кто б ты ни был — слесарь или лётчик, —
кто б ни был ты,
ты должен стать отцом...

7

Себя
вспоминаньями тревожу я.
Люблю тебя. Всё остальное —
ложь.
Хочу я дочку,
на тебя похожую,
а ты —
ты мальчика,
что на меня похож!
Хочу я дочку —
звонкую и гибкую,
с твоим лицом,
характером,
улыбкою.
Желаю ей
твоей спокойной храбрости,
спокойной правды —
твоего всего.
Да, твоего всего —
и даже слабостей,
лишь не желаю горя твоего.
А ты мне говоришь:
«Хочу я мальчика!»
Да, да,
не девочку —
что девочка! —
а мальчика.
Пусть всё отцовское —
и голос
и черты»,
«Но у меня же
недостатков уйма.
Я некрасивый
и не слишком
умный...»
«Пусть недостатки —
лишь бы был, как ты».
«Нет, дочку мне,
как ты,
такую точно...»
«Нет, сына мне...»
Смеёмся и грустим.
«Ты хочешь дочку? — говоришь. —
Пусть будет дочка...»
«Ты хочешь сына? — говорю. —
Пусть будет сын...»

8

Но давно есть сын у тебя...

Присела ты
                   на детскую кровать
 и долго-долго смотришь на сынишку.
 Он маленький.
                   Ему не надо знать.
 Он спит,
                   обняв гайдаровскую книжку.

И брожу я,
                   брожу я парками
 и гляжу
                   на зелёный уют,
 подгоняя
                   обручи
                           палками,
 мимо
                   дети чужие
                           бегут...

9

Кому не известна
                   людская слабость —
 иным
                   посплетничать
                           просто сладость.
 И сплетники
                   нашу любовь
                           неспроста
 по правилам
                   ихней науки
 передавали
                   из уст
                           в уста,
 как эстафету
                   из рук
                           в руки.
 Порою,
                   делая даже попытку
 иголку
                   скрыть от людей,
 волей-неволей
                   вдеваешь
                           нитку,
 а с ниткой
                   ещё видней.
 А мы
                   и нитку
                           вдевать
                           не стали.
 Мы оба для этого
                   слишком устали.
 Мы слишком для этого
                   честными были.

«Как же нам быть?»
 Неужто нам отказаться с тобой
 от нашей любви,
 от боя за счастье?!
 Нет, дорогая,
 мы примем бой!
 Стучит моё сердце...
 И в дверь стучатся...
 Бегу к дверям...
 Это ты!
 Это ты!
 Пришла.
 Сожгла за собою мосты.
 Сквозь сплетни мещан,
 чиста и горда,
 пришла ко мне.
 Пришла навсегда.
 Стоишь,
 в глаза мне доверчиво глядя.
 Я знаю —
 о сыне полна ты забот...
 Но пусть для него
 я пока ещё «дядя» —
 сестрою он дочь мою назовёт...

Перевод с армянского
Евг. Евтушенко.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

★

УТРО

Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там чёрных деревьев стоят батальоны,
Там ёлки как пики, как выстрелы — клёны,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
    Рождённый пустыней,
    Колёблется звук,
    Колёблется синий
    На нитке паук.
    Колёблется воздух,
    Прозрачен и чист,
    В сияющих звёздах
    Колёблется лист.
И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
    Петух запеваёт, светает, пора!
    В лесу под ногами гора серебра.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.

Сквозь битвы деревьев и волчьи сраженья,
Где пьют насекомые сок из растенья,
Где буйствуют стебли и стонут цветы,
Где хищная тварями правит природа,
Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.

В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок —
Убежище рыб и пристанище уток.

Но странно, как тихо и важно кругом!
 Откуда в трещобах такое величье?
 Зачем не беснуется полчище птичье,
 Но спит, убаюкано сладостным сном?
 Один лишь кулик на судьбу негодует
 И в дудку растенья бессмысленно дует.

И озеро в тихом вечернем огне
 Лежит в глубине, неподвижно сияя,
 И сосны, как свечи, стоят в вышине,
 Смыкаясь рядами от края до края.
 Бездонная чаша прозрачной воды
 Сияла и мыслила мыслью отдельной.
 Так око больного в тоске беспредельной
 При первом сиянии вечерней звезды,
 Уже не сочувствуя телу больному,
 Горит, устремлённое к небу ночному.
 И толпы животных и диких зверей,
 Просунув сквозь ёлки рогатые лица,
 К источнику правды, к купели своей
 Склонялись воды животворной напиться.

ПОРТРЕТ

Любите живопись, поэты!
 Лишь ей единственной дано
 Души изменчивой приметы
 Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
 Едва закутана в атлас,
 С портрета Рокотова снова
 Смотрела Струйская на нас?

Её глаза как два тумана,
 Полуулыбка, полуплач,
 Её глаза как два обмана,
 Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
 Полувосторг, полуйсуг,
 Безумной нежности припадок,
 Предвосхищенье смертных мук.

Когда потёмки наступают
 И приближается гроза,
 Со дна души моей мерцают
 Её прекрасные глаза.

ЧИТАЯ СТИХИ

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребёнка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изошрённость известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живёт настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрываются решётками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине, мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА

Ниже мы печатаем новеллы двух известных латиноамериканских писателей, произведения которых впервые переводятся на русский язык.

Франсиско Колоанэ — чилийский прозаик. Его рассказ «Как умер Отей из Чилоэ» рисует картины борьбы сельскохозяйственных рабочих Чили, разгоревшейся в двадцатых годах в Патагонии.

Эквадорский писатель Педро Хорхе Вера (род. в 1915 г.) славится у себя на родине как мастер сатирического рассказа и короткой психологической новеллы. Его рассказ «Вечный траур» взят из одноимённого сборника, вышедшего в 1954 году и имевшего большой успех у латиноамериканских читателей.

ФРАНСИСКО КОЛОАНЭ

★

КАК УМЕР ОТЕЙ ИЗ ЧИЛОЭ

Около девятисот человек собралось на Месета де ла Турба, чтобы решить, как быть дальше. Это было всё, что осталось от пяти тысяч повстанцев — поднявшихся против помещиков сельскохозяйственных рабочих в округе Санта Крус в Патагонии.

Они спрятали своих лошадей в расселине и поднялись на небольшое плато, которое, словно одинокий остров, возвышалось среди недвижимого и гладкого серовато-зелёного моря. Уступы его вздымались на триста метров над безграничной пампой и, главное, над поместьем — отсюда оно казалось скоплением красных крыш, разбросанных километрах в пяти к югу. Это позволяло повстанцам господствовать над местностью, тогда как снизу человеческий глаз никак не смог бы сразу обнаружить девятисот человек, собравшихся на этом заболоченном острове, лишь кое-где покрытом травой.

Далеко на западе виднелись едва различимые синие хребты Патагонских Анд — единственное, что прерывало ровную линию бескрайних просторов пампы.

Девятьсот человек дошли до середины торфяного болота и расселись на кочках, образовав плотный круг, почти полностью слившийся с тёмным торфяником. В самом центре его, отливая сталью, шевелились пучки трав.

— Все здесь? — спросил кто-то.

— Все!.. Все!.. — послышались голоса.

Люди приглядывались, стараясь узнать друг друга. Многие из них сражались вместе против кавалеристов подполковника Варела, но другие — те, что уцелели после кровавых схваток у Рио дель Перро, Каньядон Оне и других, происходивших на берегах Аргентинского озера, — встретились впервые.

Это озеро, вклинившееся в расселину Андского хребта, даёт начало реке Санта Крус, которая пересекает патагонскую степь и впадает в Атлантический океан. В отдалённую эпоху морской пролив, такой же, как сейчас Магелланов на юге, соединял в этом месте Атлантический океан с Тихим. Он размыл в своём ложе колоссальные выемки и уступы, которые гигантскими ступенями поднимаются теперь от русла реки до самой пампы.

В ущельях южного берега вожак повстанцев, объездчик лошадей Большой Факон¹ — это прозвище он получил из-за того, что всегда носил у пояса нож, — добился некоторого успеха: прибегнув к тактике партизанского боя, он вынудил регулярные войска расчленить свои силы. Пользуясь больше лассо и ножами, чем тем незначительным количеством огнестрельного оружия, которым они располагали, повстанцы продолжали сдерживать натиск кавалеристов подполковника Варела. Когда было необходимо, Большой Факон умело прикрывал свой отряд быстрой Санта-Крус. Его отряд — все эти погонщики скота, батраки, объездчики лошадей — не раз уходил от регулярных войск, переправляясь через реку. Только им да индейцам племени теуальчей были известны броды.

— Похоже, что нас настигнет дождь, — сказал высокий, стройный объездчик.

Сидевшие рядом с ним подняли глаза к беспокойному небу и устремили взгляд на тяжёлую тёмную тучу, которая, как большой чёрный бык, двигалась в их сторону, упрямо прокладывая себе путь.

— Ливень сюда не дойдёт, — сказал, кутаясь в белый брезентовый плащ, щедущий человек с посиневшим от холода лицом и светлыми, водянистыми глазами.

Объездчик обернул своё смуглое угловатое лицо и, увидев того, кто с такой уверенностью рассуждает о пути тучи, насмешливо улыбнулся.

— Увидим потом... как не дойдёт, — возразил он ему.

— Бьюсь об заклад, что не дойдёт! — настаивал тот.

— Сколько ставите?

— Тут у меня сорок песо, — ответил человек в брезентовом плаще.

Он вытащил из-за пояса несколько банкнот и положил их на траву, прикрыв рукояткой бича.

Объездчик тоже вытащил деньги и положил их рядом.

В это время человек лет сорока, среднего роста, складный и крепкий, вышел из круга и направился к маленькой лужайке. Одет он был, как обычно одеваются деревенские наездники: шпоры, сапоги из жеребьячей кожи, поверх коротких голенищ которых выпущены штаны, шейный платок, кожаная куртка и фуражка с наушниками от ветра и сзади, за поясом, в ножнах большой нож с серебряной рукояткой.

Большой Факон сунул руки в карманы штанов, сжал их в кулак, будто опирался на что-то невидимое, и привстал на носки, отчего стал выше ростом. Слегка покачиваясь, он впери хмурый взгляд в землю. Вспышка молнии осветила плато, и в сверкнувших сталью листьях травы, как в зеркале, отразился его взгляд.

Девятьсот человек, неподвижные и тёмные фигуры которых сливались с кочками, напряжённо ждали.

Вдруг все разом зашевелились и сгрудились вокруг него ещё теснее.

— Ну что ж, — сказал Большой Факон, перестав покачиваться и как бы вращаясь в землю, — положение наше всем нам известно, и прибавить тут нечего. Нынешней ночью или, самое позднее, утром солдаты займут это последнее поместье, которое ещё находится в наших руках. Предатель Чёрная Прядь уже, наверное, указал им ту единственную дорогу через Пайне, по которой мы ещё можем добраться до границы. У солдат наверняка свежие лошади. Их, конечно, снабдили помешки. Наши уже совершенно выбились из сил и продержатся недолго. Нас окружают, и мы все погибнем, как стадо баранов. Нам не остаётся ничего другого, как встретить их у овечьего загона и дать бой. А в это время остальные смогут перевалить через Пайне.

¹ Факон (исп.) — нож. (Примеч. перев.)

Круг заколыхался. Людей встревожили и смутили слова Большого Факона. Кто они, эти «остальные», и кто «мы»? Может, Большой Факон, один из главных вожakov восстания в долине Санта Крус, тоже попадал в число тех, кто должен был уйти через Пайне, в то время как другие до последнего патрона будут сражаться с солдатами?!

Ропот, словно холодная вспышка, пробежал по тёмному кругу людей.

— Бросим жребий, кому оставаться! — сказал кто-то.

— Нет, так не годится! — воскликнул другой.

— Каждый должен решить сам! — слышались голоса.

— А кто же это «мы»? — спросил один с холодным сарказмом.

Большой Факон снова привстал на носки, словно стараясь стать выше, и пригнулся, будто должен был итти против сильного ветра. Потом поднял руки, как бы замедляя шаг или пытаясь ухватиться за поводья невидимой лошади. Ропот утих.

— Мы — это те, что начали наше движение. Мы должны и закончить его, — сказал он мрачным голосом, идущим словно откуда-то из-под его ног, из-под кочек торфяного болота. Вновь приподнявшись на носки, он посмотрел вверх голов тех, что сидели в первом ряду, и добавил несколько мягче: — Сколько среди нас осталось тех, что начинали на том берегу Санта Крус?

Около сорока рук, поднявшихся в воздух над девятью сотнями голов, были ответом. Сам Большой Факон поднял вверх свою руку с невидимыми поводьями, которые теперь держал так, будто собирался вдеть ногу в стремя воображаемого коня.

— Как вам это нравится? — спросил щуплый человек в белом плаще, толкнув локтем объездчика, который сидел рядом с ним и был одним из первых, ответивших поднятием руки.

— Ничего другого не придумаешь... Большой Факон решил правильно.

— Да я не об этом... Я вас спросил насчёт тучи, — сказал он, кивнув на небо.

— А! — протянул объездчик и тоже поднял к небу голову. Изумление так и застыло на его лице.

На глазах обоих чёрный бык стал таять, изливая вдали на равнину дождевые потоки. Завеса из сверкающих стрелочек ливня придвинулась к самому краю плато, но теперь от огромной тёмной тучи оставались лишь жалкие клочья, и в просветах между ними сверкали молнии, озаряя мокнущую под дождём пампу.

— А приятно смотреть, как идёт дождь, когда сам не мокнешь! — с усмешкой сказал объездчик.

— Да, приятно, — отозвался человек в белом плаще и наклонился, чтобы взять деньги, выигранные в пари.

Люди начали расходиться, направляясь к расселине, где они спрятали своих лошадей. Сильные порывы западного ветра окончательно разорвали и разметали остатки тучи. Теперь под светлым небом безлюдная голая степь показалась людям ещё более унылой.

Не было никаких прощаний. Те, что направлялись к Пайне, ехали, понурив головы, скорее опечаленные, чем обрадованные тем, что держали путь к синим горам, где было их спасение. Сорок земляков Большого Факона, такие же сумрачные, тотчас же двинулись в противоположную сторону, чтобы выполнить свой последний долг.

Вдруг от уходившего к Пайне отряда отделился всадник и быстрым галопом поскакал за теми, кто пошёл с Большим Факонем. Все — и в одном и в другом отряде — обернулись и глядели на развевающийся на ветру белый плащ, словно прощались взглядом друг с другом.

— Что, ещё захотел пари? — насмешливо спросил высокий объездчик, увидев, кто поравнялся с ним.

— Дело, видите ли, в том... — нерешительно произнёс человек в плаще.

— В чём?

— У меня ваши деньги, а вы... остаётесь, чтобы я мог спастись...

— Вам они скорей пригодятся, — устало ответил объездчик.

— А он, видать, из Чилоэ! — грубо, хотя и тихо произнёс кто-то рядом.

Лицо человека в белом плаще передёрнулось, светлые, водянистые глаза замигали, как от сильного удара кнутом.

— Вот ваши деньги! — хрипло сказал он. — Мне они тоже не нужны!

— Игра есть игра, дружище, забирайте их и уезжайте-ка поскорее! — воскликнул высокий.

— Что нужно этому человеку? — спросил Большой Факон, сдерживая своего коня.

— Мы говорим о деньгах, на которые играли, — объяснил высокий объездчик. — Мы держали пари насчёт тучи, и он выиграл. А теперь он вроде хочет вернуть их мне. Как будто они мне нужны... Видали такого?..

— Я вернулся не из-за денег, — сказал человек в белом плаще, приближаясь к предводителю отряда. — Про деньги невольно сорвалось у меня с языка... Я пришёл сюда потому, что хочу драться вместе с вами.

Те, что, не подавая вида, прислушивались к разговору, сразу обернулись и поглядели на него.

— Но ведь вы же не с нашего берега? — сказал Факон.

— Нет. Я работал в поместье Примавера, когда начались волнения. Потом примкнул к движению... И вот я здесь и хочу бороться до конца, если вы позволите...

— Как вы считаете, ребята? — обратился Факон к отряду.

— Если ему охота... пусть остаётся, — сдержанно ответили несколько голосов.

Прежде чем исчезнуть вдаль, многие из тех, что держали путь к Пайне, обернулись ещё раз: белый плащ всадника, замыкавшего отряд Факона, развевался на ветру, словно платок, которым машут на прощание.

Когда настала ночь, люди Большого Факона уже были в поместье и залегли в загоне для стрижки овец. Туго спрессованными тюками шерсти они заложили все входы и выходы, оставив лишь узкие щёлки, чтобы отсюда вести огонь из своих ружей. Снаружи эти бойницы были почти неуязвимы, и укрепление из прессованной шерсти казалось несокрушимым. На ночь были расставлены сторожевые посты, и всем разрешено было немного отдохнуть.

— Зачем вам было лезть в эту скверную историю? — сказал высокий объездчик человеку в белом плаще, когда они раскладывали овечьи шкуры, чтобы улечься на них возле своих бойниц.

— Раз уж я пустился в пляс, то должен сплясать хорошо! — сухо отозвался тот.

— Вас, видно, сильно задела слова насчёт Чилоэ?..

— Да, они меня задели... Но я ещё до этого твёрдо решил остаться с вами... Я считаю, что должен драться до конца... А почему бы и нет? Но скажи, пожалуйста, почему в этих краях так косятся на тех, кто из Чилоэ? Только потому, что они родились на островах? Что же здесь такого?

— Нет, не потому. Просто они трясутся перед хозяевами и, когда нужно бастовать, начинают хитрить, волынить. Зато потом первыми хотят воспользоваться тем, что отвоёвано... Мне ведь тоже было не очень приятно слышать: «Видать, он из Чилоэ!» Я тоже родом из Чилоэ.

— Да ну?! Откуда именно?

— Из Тенауна... Меня зовут Габриэль Ривера.

— А я с Лемуя... Бернардо Отей, к вашим услугам!

Как же он, лемуанец, так далеко забрался вглубь страны, — удивился объездчик. Ведь жители Лемуя знают одно — охотятся себе на волков и нутрий, да и только!

— Скоро у нас не станет ни волков, ни нутрий. Гринго¹ их добивают. Да и по эту сторону залива де Пеньяс не больно разживёшься... А жену, детей кормить надо?.. Оттого и тянешься в эти места.

— Сколько у вас ребят?

— Четверо, два парня и две девчоночки... Из-за них и идёшь очертя голову на что угодно... Что бы они сказали, если бы увидели, что я возвращаюсь с пустыми руками? Не вечно же просить взаймы у родственников или у соседей! Да и не станешь рассказывать о своих бедах всему свету... Поэтомu мы и изворачиваемся во время забастовок. Разве с вами не бывает так же? У вас есть семья там, в Тенауне?

— Нет. У меня нет семьи. Я мальчишкой пришёл в Патагонию. Привёз меня мой дядя. Вскоре он умер, и я остался один-одинёшенек... Всегда, как вспоминаю о нём, я думаю: вот кто вскружил мне голову своей Патагонией, — с тоской в голосе продолжал объездчик Ривера, скрестив на затылке руки. — Помню, дядя играл на гитаре и пел здешние песни. Как-то раз он сказал мне: «Хорошо в Патагонии! Каждый день там едят жареную баранину... А лошади там, знаешь, какие? С добрую гору величиной!». «А где эта Патагония?» — спросил я его однажды. «Вон там Патагония!» — ответил он и протянул руку к тому краю неба, где виднелась яркая лазурно-розовая полоска. С того дня этот уголок неба стал для меня Патагонией. Я ходил за дядей по пятам и молил взять меня с собой. И он увёз меня сюда. Но здесь, чёрт возьми, лошади оказались совсем не с гору, а тот яркий уголок неба всё так же далёк от меня!

Вместе с дядей я нанимался стричь овец, — продолжал объездчик, — батрачил у помещиков. Потом стал объездчиком — ведь я так люблю лошадей! Я зарабатывал хорошие деньги, приручая диких лошадей, и при этом был довольно свободен. Но... если не считать того, что изредка можешь позволить себе навестить курносых девиц возле Рио Гальегос или Санта Крус, то ведь так и не узнаешь, что такое для человека женщина или чем мог бы быть для тебя сын. Чего стоят деньги, если не можешь жить так, как велит бог? Сердце становится похожим на торф: корней в нём много, но они до того сохлись и скрючились, что им уже не дать ни одного зелёного ростка... Верно, поэтомu не очень-то привязываешься к жизни и начинаешь думать, что она ни черта не стоит. Не всё ли равно — кончить жизнь под крупом дикой лошади или в переделке, вроде той, в которую мы сейчас попали... А вот вам нужно было бы хватать своего коня и скакать к Пайне... Там, на Лемуе, вас ждут жена и дети.

— Нет уж, ни за что! Сказать вам одну вещь? Мне стыдно, что никто из тех, что поехали к Пайне, не остался здесь.

— Почему же? Многие хотели остаться, но Факон убедил их, что они должны уехать. «Чем меньше нас погибнет, тем лучше», — сказал он им, и я нахожу, что он прав... Эх, как бы мы разделались с этими вояками и вообще со всеми, если бы не этот негодяй Чёрная Прядь!

— С чего всё началось?

¹ Так в Латинской Америке называют жителей США. (Примеч. перев.)

— Гм... Кто его знает? Началось, кажется, со стычки в бараках Уарайка, недалеко от Пельке... Солдаты неожиданно напали на забастовщиков и уложили многих наших товарищей. Остальных, конечно, взорвало. И мы все — подёнщики, батраки, объездчики, пастухи, погонщики овец — вместе с Большим Факоном схватились с солдатами... Мы уже почти выиграли бой. Но тут нас предал Чёрная Прядь, этот сукин сын... Он переметнулся на сторону помещиков...

— Это всё более или менее известно, — глухо донёсся из темноты голос Отея. — Но я спрашиваю, какого чёрта было затевать эту драку? Разве нельзя всё уладить, не доводя до драки? Ведь когда она начинается, улаживать уже невозможно.

— Почём я знаю... Правда, говорят, что всё это из-за кризиса, который принесла Большая война... Похоже, что землевладельцы растратили деньги, нажитые на войне, и теперь решили поприжать нас... Когда терпеть стало не вмоготу, мы выставили наши требования... Мы просили сто песо в месяц для батраков и сто двадцать — для пастухов. Меня это как раз не касалось — на приручение диких лошадей берётся подряд... Просили выдавать свечи и матрацы в бараки для батраков и подёнщиков. Просили также разрешения пользоваться лошадьми... Но, кажется, были и другие требования... На Койле работники заявили, что пора произвести с ними расчёт — ведь уже несколько лет им не платят жалованья — и вернуть взятые на хранение деньги... По ним открыли огонь... Денежки убитых прикарманил управляющий. Остальным уплатили необеспеченными чеками, и они разбрелись по городам... Подполковник Варела понимал справедливость наших требований и сначала был на нашей стороне. Но землевладельцы и местные власти обратились к правительству. В газетах подполковника стали травить, называли бездельником, трусом, неспособным задуть движение. В конце концов он рассвирепел и потребовал свободы действий. Ему её предоставили. Он вернулся в Патагонию и заварил кашу, которую мы теперь расхлёбываем...

На рассвете люди поделили между собой немного сушёных фруктов и по очереди направились в котельную, где кто-то вскипятил воду для чая. Забравшись на верхушку огромного пресса, кто-то из погонщиков, наблюдавших за окрестностями, вполголоса напевал заунывную песенку.

Вдруг пение оборвалось. На другом краю крыши раздался тревожный крик другого караульного. Он доносил, что на дороге появились войска. Все тут же заняли свои места.

А в это время два отряда кавалеристов, человек по сто в каждом, спешили в отдалении и заняли позицию на линии огня.

Не успело ещё подняться солнце, как раздалась первые выстрелы с той и с другой стороны. Затарахтели, запинаясь, пулемётные очереди, дробя в окнах стёкла. Солдаты стали продвигаться к загону. Вот уже упал первый солдат, сражённый пулей погонщика. Заряжая свой карабин, погонщик громко пропел стишок насчёт битого валета, которым обычно сопровождается сдача карт в игре, называющейся «трук».

Пулемётные очереди, ружейный огонь и длительные промежутки напряжённой тишины сменяли друг друга. Так продолжалось всё утро. Уже было убито несколько солдат, но ни одной пуле не удалось проникнуть сквозь узкие щели меж тюками шерсти, за которыми засели забастовщики, забаррикадившиеся в загоне — огромном Т-образном сооружении из дерева, обитом цинком и окружённом прочным забором. К нему примыкали помещения для мойки овец, сделанные тоже из толстых досок и столбов.

Вскоре обе стороны поняли, что в таких условиях нанести друг другу значительный урон трудно. Одни хорошо укрепились внутри загона, другие, профессиональные солдаты, умело применяясь к местности, медленно

продвигались вперёд. Их целью было достичь деревянной ограды загона, чтобы оказаться под её прикрытием. Но те, что засели внутри, сразу распознали их намерение и заставляли платить дорогой ценой каждого, кто решался приблизиться к их убежищу: он падал, скошенный пулей, и его дерзость лишь служила суровым предостережением другим.

Большой Факон отдал приказ стрелять только точно по цели. Надо было беречь патроны и вместе с тем наносить существенные потери, чтобы как можно дольше продлить сопротивление и дать возможность отступавшим достичь горных ущелий, где они будут уже в полной безопасности.

И вот снова спустилась ночь, и между сражающимися легла ещё одна преграда — тьма. Обе стороны использовали её для передышки, а с рассветом снова возобновили дуэль.

Днём, когда наступила очередная передышка, один из солдат, видно, доведённый нервным напряжением затянувшейся перестрелки до безумия, один, со штыком наперевес, бросился в атаку. Осаждённые не дали ни одного выстрела. Они приоткрыли большие ворота и впустили его внутрь. Через несколько минут труп солдата был выброшен за ворота — вот, мол, что ждёт каждого, кто пожелает последовать его примеру. Но подполковник Варела пришёл к заключению, что у осаждённых патроны либо на исходе, либо вовсе кончились. Это было как раз то, на что он рассчитывал и чего так нетерпеливо ждал. Варела решил отдать приказ об атаке, которая положила бы конец этой упорной дуэли, погубившей уже около трети его солдат.

Как пронзительное ржание коня, прозвучал рожок, возвещая начало атаки. Зататакали пулемёты, прикрывая последний бросок солдат.

У осаждённых действительно уже не было ни одного патрона. Единственным их оружием были кинжалы и ножи. Они вынули их из ножен и приготовились к последней схватке. В рукопашном бою пал смертью героя Большой Факон. И это положило конец длительной борьбе повстанцев. Правда, в живых осталось ещё более двадцати человек — ведь в перестрелке погибли очень немногие, большинство было убито только в последней схватке.

В этот же вечер оставшиеся в живых повстанцы были расстреляны. Их выводили группами по пяти человек и выстраивали на бетонном полу сушилки. Сам Варела приказал не тратить больше одной пули на каждого из пленников, так как боезапасы их отряда также были на исходе.

Габриэль Ривера, объездчик лошадей, и Бернардо Отей с ещё тремя погонщиками были выведены на расстрел последними.

Надвигались сумерки, но покрытое тучами низкое небо делало вечер похожим на затянувшийся пепельно-серый холодный рассвет. Подойдя к бетонным плитам сушилки, они увидели груды тел своих товарищей: их сложили, чтобы, облив керосином, сжечь — лучшее, что мог придумать Варела, обычно отдававший тела своих жертв на съедение лисам и стервятникам. Сверху лежало тело Большого Факона — Варела приказал положить его так, чтобы он мог видеть его собственными глазами. Ведь это был главный и единственный из предводителей движения, который, не будь предательства Чёрной Пряди, несомненно, разделался бы с Варелой и его солдатами.

Похолодало. Это предвещало снег. Когда последняя пятёрка выстроилась перед шеренгой солдат, готовых всадить пулю в грудь каждого, сержант, который ими командовал, подошёл к пленным и стал булавками прикреплять на месте сердца кружочек белого картона, чтобы солдаты могли точнее целиться. Сделав это, он отошёл в сторону, обнажил кривую саблю и поднял её горизонтально на уровне головы. Он уже собирался опустить саблю, подавая команду «Огонь!», когда Бернардо Отей схва-

тился рукой за сердце, сорвал белый кружочек и, швырнув его в глаза стрелкам, крикнул им:

— Учитесь стрелять, сволочи! Будьте вы прокляты!

Солдаты на мгновение растерялись. Но вслед за тем они разрядили все пять ружей в одно-единственное тело — тело Бернардо Отея, который упал, подкошенный пятью пулями, ответившими на его последнее проклятие.

И в тот же самый момент четверо остальных, воспользовавшись замешательством солдат, рванулись и побежали. Пока стрелки перезаряжали ружья, они были уже далеко.

— В погоню, вперёд! — крикнул сержант, увидев, как трое беглецов мчались по дороге, а четвёртый, объездчик Ривера, перемахнул через проволочное ограждение, припал к спине одной из лошадей и, обнимая шею животного, поскакал в открытую степь.

Сержант дал несколько выстрелов из револьвера, затем выхватил у одного из солдат ружьё и, прицеливаясь с колена, продолжал стрелять в коня и всадника, припавшего к его спине. Но они продолжали мчаться вперёд и вскоре скрылись в котловине.

Трое других беглецов были вскоре настигнуты пулями.

Пепельный сумрак нескончаемого рассвета сделался ещё серее. На землю стали падать хлопья густого снега. Вскоре плотный белый покров скрыл самый след беглеца.

Когда спустилась ночь, Ривера смог наконец дать коню передышку. Он спешился. Оба — и лошадь и человек — некоторое время шли рядом в ночной тьме, подгоняемые резкими порывами ветра. Только сейчас что-то чуть шевельнулось в оцепеневшей душе Риверы — она как бы ожила в лёгком блеске мелькающих во мраке снежинок.

Да, кажется, и душа его тоже сделала передышку... Тут Ривере пришло на память индейское поверье: на степного орла можно охотиться до тех пор, пока он не испустит крик, потому что, если он закричит, буря приходит ему на помощь... И стоило ему вспомнить это, как он вновь вскочил на коня и опять помчался вперёд на крыльях своей покровительницы-бури.

На ясной заре, что бывает всегда после большого снегопада, Ривера догнал отходивших повстанцев. Целые и невредимые, они приближались к лесистому склону Пайне — их надёжной защите. Нагнав их, Ривера остановил коня, и тотчас вокруг него, как тогда на Месета де ла Турба вокруг Большого Факона, сгрудились все.

Его конь стоял, широко расставив ноги, и струйка крови текла у него из ноздрей. Почувствовав её вкус, губы животного вздрогнули, затем и всё его тело охватила сильная дрожь.

Ривера был хороший объездчик. Он знал, что загнанная лошадь не слушается ни шпор, ни хлыста, но не падает до тех пор, пока чувствует на себе всадника. Рассказ Риверы был краток. Окончив его, он тихонько спустился с лошади, и в этот же самый момент благородное животное рухнуло наземь. Покрытая снегом патагонская степь казалась разостланным по земле огромным белым плащом. Его края захватили и склоны Пайне, и только три тёмные вершины, как три опромных пальца, мрачно указывали на небо...

Вот так люди узнали о том, как умер Отей из Чилоэ.

Перевод с испанского Г. Полонской.

ПЕДРО ХОРХЕ ВЕРА

ВЕЧНЫЙ ТРАУР

1

Ах, как они убивались, когда умерла мать! С Хульетой сделался нервный припадок, и её пришлось приводить в чувство нашатырным спиртом.

На кладбище они рвали на себе волосы и громко рыдали:

— Боже, как ты несправедлив к нам! Ты лишаешь нас матери! Почему ты не прибрал нас вместо неё?

— Господи, чем мы провинились перед тобой? За что ты нас так называешь?

— Мамочка, не покидай твоих дочек!

Но в действительности все они, за исключением младшей, Маргариты, не любили бедную старуху. Они даже считали её в какой-то мере виновной во всех их несчастьях: в том, что они чересчур смуглы, некрасивы, бедны.

Правда, справедливы были только первые два упрека. Донья Микаэла хоть и была темнолицей мулаткой с грубыми чертами лица, но, выйдя замуж, она принесла с собой немало добра — движимого и недвижимого. Именно это и побудило пленительного дона Мануэля Мурильо вступить в этот союз, столь неравный и по знатности рода и по внешности новобрачных. Впрочем, неравный также и по имущественному состоянию молодожёнов: у дона Мануэля не было ничего, кроме долгов.

Дочери не могли простить матери её замужества. Они твёрдо верили, что, если бы не было этого брака, они всё равно родились бы. Они придерживались того взгляда, что люди существуют задолго до того, как появляются на свет божий. Таким образом, своё существование они никак не связывали с этим злосчастным браком. Уродливость, бедность и цвет кожи, унижающий порядочного человека, — вот всё, что дал им этот союз.

Отцу они прощали его неудачный выбор. Однажды вечером, вернувшись домой вдребезги пьяный, дон Мануэль, обозлившись, сказал им:

— Ну и образины! Разве я виноват, что вы получились такими!

В другой раз подвыпивший дон Мануэль поставил им в пример своих незаконнорождённых детей. Одни из них — великолепные самки, утопающие в роскоши, — жили на содержании крупных богачей; другие — аккуратные, расчётливые — добились высокого положения благодаря учёным степеням или выгодной женитьбе.

Каждая ветвь потомства дона Мурильо имела даже своё прозвище: роскошных содержанок прозвали Сдобные Мурильо, богатые чиновники и жена банкира именовались Мурильо — Золотой Карман. Мурильо-Трубочисты — звали законных дочерей дона Мануэля, темнокожих, некрасивых старых дев.

2

Как бы то ни было, теперь полагалось плакать. Иначе что сказали бы люди? Клотильда, старшая, сорокалетняя дева, ещё когда мать была при смерти, наставляла сестёр:

— Смотрите, плачьте погромче. Особенно когда приедут наши кузины и эти Ампуэро. Вы же знаете, какой у них язык...

Во время отпевания Клотильда зорко следила за сёстрами и требовательно шептала то одной, то другой:

— Плачь, девочка, на тебя смотрят.

Хульета и Лаура слушались её. Но Маргарита держалась очень спокойно, а если и плакала, то так тихо, что никто не замечал этого. И, однако, только Маргарита по-настоящему любила покойную мать. Девушка не отличалась особой красотой, но была привлекательна. И, может быть, именно поэтому, да ещё потому, что у неё всё же были поклонники, сёстры недолюбливали Маргариту. Зато вся нежность доньи Микаэлы, этой слабовольной, измученной женщины, задыхавшейся в атмосфере грубости и неприязни, была отдана Маргарите.

Для Мурильо-Трубочистов, набожных старых дев и заядлых сплетниц, траур был поистине находкой. Он позволял им выставить напоказ свою беспредельную преданность святой церкви, давал право на истерические припадки и визиты соблезнования, на слова утешения и горестные жалобы. Траур оправдывал их стремление окрасить жизнь в мрачные тона.

Они преобразили дом и преобразились сами. Окна были наглухо закрыты. Картины и зеркала затянuty чёрным крепом. Рояль заперт, гитара убрана, канарейка подарена. Даже на белье красовались изящно вышитые чёрные вензеля.

Траур сестёр был не только глубоким, но и тяжёлым: суконные платья, креповая вуаль, перчатки; такая экипировка при жестокой эквадорской жаре превращалась в орудие пытки.

— Может быть, это и очень модно, очень аристократично — сокращать срок траура, но мы будем его носить сколько положено. Мы настоящие христианки...

В манерах и облике их появились важность и торжественность. Каждый день — месса, затем посещение кладбища; слёзы, которые надо было выдавливать из себя любой ценой, глубокие вздохи и обмороки в часы обеда, при посещении друзей — истерические сцены.

И всё кругом чёрное, чёрное. Они заставили Маргариту заменить яркую пудреницу, подаренную ей женихом, другой, совершенно чёрной. Когда наступило рождество и надо было сделать подарок маленькой дочери кухарки, по настоянию Клотильды ей подарили чёрную куклу. Бедная девочка горько расплакалась: она ведь мечтала о розовой!

Дон Мануэль и Маргарита не перечили им. Старику его законные дочери были почти безразличны. Он предпочитал им Сдобных Мурильо, красотой которых гордился да и частица дохода которых нередко перепадала и ему. Нравился ему и Мурильо — Золотой Карман, которые, хотя и не были очень щедры, всё же не забывали о нём. Этих же, Трубочистов, дон Мануэль обязан был содержать сам. Но они были законные, а дон Мануэль, несмотря на своё легкомыслие гуляки и цинизм распутника, хранил суеверное уважение к браку и ко всем его последствиям.

Чрезмерный траур дочерей изрядно надоел ему. Но нарушал он его только в тех случаях, когда затрагивались его личные удобства. Так было, например, с окнами. Шесть месяцев держала их Клотильда закрытыми. В конце концов дон Мануэль, изнывающий от жары и духоты, приказал открыть их, несмотря на все протесты дочери. Маргарита, хотя и подчинялась траурному режиму сестёр, не вздыхала и не жаловалась. Она молча горевала по умершей матери. Иногда вся эта суета с трауром казалась ей ненужной и даже немного смешной. Но девушка была слишком робкой, чтобы сказать об этом. И она безропотно подчинялась. В конце концов ей даже нравилось, когда жених называл её нежно: «Моя вдовушка».

Её пассивный траур раздражал сестёр. Но самое страшное случилось однажды вечером, на десятый месяц после смерти матери: в этот день Маргарита не явилась на кладбище.

Когда она спокойно объявила сёстрам, что была в кино со своим женихом, Хульета вскрикнула и, упав на пол, забилась в истерику.

Пока Клотильда приводила её в чувство, Лаура осыпала Маргариту бранью.

— Негодница! Мерзавка! Преступница!

Наконец Хульета пришла в себя, и буря немного поутихла. Маргарита вся в слезах решила сказать сёстрам, что, если они о ней так плохо думают, она сейчас же обвенчается, о чём уже несколько месяцев её просят жених.

Ярость сестёр не имела границ:

— Маргарита!

— Вот сука!

— Года ещё не прошло, как умерла твоя мать... Она ещё остыть не успела, а ты — замуж...

— До того истосковалась по мужчине, что не можешь потерпеть немного...

— Просто не верится, что это наша сестра. Впрочем, кто знает...

Сёстры пожаловались отцу. Старик нетерпеливо выслушал их.

— Словом, вы хотите, чтобы и эта в девках осталась!.. Так все и умрёт старыми девами...

— Но, папа, никто не говорит, чтобы она не выходила замуж. Пусть только подождёт три года, пока длиться траур.

— И пусть не ходит в кино... Не умрёт она без этого.

Дон Мануэль позвал Маргариту. Она была его младшей дочерью, самой молодой, и она действительно могла ещё подождать. Может быть, это будет даже к лучшему. Он сказал ей:

— Я не против твоего замужества. Единственное, о чём я тебя прошу, — подожди, если можешь. Так по крайней мере твои сёстры перестанут вопить. Ты же знаешь их. Если бы это я был покойником, мне было бы всё равно. Но я не хочу, чтобы говорили, будто я не уважаю память твоей бедной матери.

Маргарита согласилась. Отчасти потому, что немного побаивалась сестёр, отчасти потому, что страшилась загробных проклятий доньи Микаэлы, которыми ей угрожала Клотильда, и ещё потому, что жалела отца, приходившего в ужас от воплей её сестёр.

3

В середине третьего года этого сурового траура рвение старых дев начало ослабевать. Не то чтобы они устали от своих печальных обязанностей или их угнетало показное горе и плач по матери, которую они так мало любили. Нет, они настолько вошли в роль убитых горем дочерей, что забыли обо всех своих упрёках умершей. Однако им становилось ясно: траур их начинал приедаться, тема истощалась. Ампуэро уже слегка подтрунивали над Клотильдой, когда та заказывала тридцатую мессу по усопшей.

С этим приходилось считаться. Не высказывая этого вслух, они понимали, однако, что по окончании третьего года траура им придётся сделать кое-какие уступки. Они не решались говорить об этом между собой — это был слишком большой вопрос. Им снова предстояло стать обыкновенными смертными, потерять свой ореол мучениц, снять траур. У них не будет больше права требовать сочувствия и внимания к их жалобам. Придётся отказаться от чёрного цвета, так гармонирующего с их бесплодной жизнью, и даже согласиться на брак Маргариты...

— К рождеству надо снять креп с картин, — сказала однажды вечером Клотильда, когда все они сидели за шитьём вокруг стола.

Ей никто не ответил. Лаура и Хульета были поглощены своей привычной печалью. Маргарита, скрывая радость, мечтала о скорой свадьбе. Должно быть, заметив это, Лаура резко бросила ей:

— Сможешь теперь доставить себе удовольствие и обвенчаться...

Но неожиданно роковой случай спутал все планы. «Это была, — говорила потом Лаура, — божья кара. Бог наказал нас за то, что мы поспешили снять траур. И больше всего мы наказаны за эту суку Маргариту, которой так не терпелось выйти замуж». Однажды ночью в дом внесли безжизненное тело дона Мануэля Мурильо. Он умер от кровоизлияния в мозг.

Внезапность этого печального события могла бы сорвать похоронную церемонию, если бы в доме почти всё не было готово для неё.

Превозмогая себя, Клотильда разослала ко всем друзьям гонцов, заказала пышные похороны (пусть платят незаконнорождённые Мурильо!), пригласила четырёх священников для совершения обряда и прочла наставления сёстрам:

— Не забудьте, мы должны плакать больше всех. Маргарита пусть лучше сидит в своей комнате, если не может плакать как следует. Боже, как она черства! Просто не верится, что это наша сестра.

Победа осталась за Трубочистами. Сдобные Мурильо, хотя и очень любили отца, были слишком современны, чтобы громко рыдать на людях. Мурильо — Золотой Карман больше заботились о расходах на похороны и о приглашённых на поминки, чем о том, чтобы выставлять напоказ своё горе.

Когда всё окончилось, незаконнорождённые дети покойного дона Мурильо распрощались сдержанно и церемонно. Мурильо-Трубочисты остались одни со своим горем и... со своей утехой. Автоматическое продолжение траура было так по душе им! Сильнее, чем горечь утраты родителей, их радовала возможность не выходить из мрачного мира печали и самоотречения. Сироты, лишившиеся отца и матери, они считали своим долгом причать себя к мысли о вечном трауре.

Впрочем, может быть, и не вечном, но, во всяком случае, о длительном, очень длительном трауре.

Траур по обожаемому отцу должен быть значительно дольше, чем по донье Микаэле, которую они не любили. Пять лет — постановила Клотильда.

Через год люди скажут:

«Что бы ни говорили об этих Мурильо-Трубочистах, дочери они хорошие. Разве не ходят уже Сдобные Мурильо в кино и на вечера? А Мурильо — Золотой Карман? Месяца ещё не прошло после смерти отца, а они уже надели светлые платья!»

Маргарита лишилась сна, думая о своей свадьбе. Она была не в силах вынести новую отсрочку, оставлявшую её в прежнем неопределённом положении. А жених? Он уже сказал ей однажды: «Так мы с тобой никогда не поженимся. У тебя непременно кто-нибудь да умрёт!»

Через месяц Маргарита решила спросить сестёр:

— Когда, вы думаете, будет моя свадьба?

В обморок на этот раз никто не упал. Но зато на Маргариту обрушился поток страшной брани. Представляет ли она себе, какое горе постигло их? Они потеряли отца и мать, ни больше ни меньше, а она смеет говорить о свадьбе!!

— Нет, ты всё-таки не наша сестра. Должно быть, ты из этих, из Сдобных Мурильо! — крикнула ей Лаура, впервые узаконив таким образом это прозвище незаконнорождённых детей дона Мурильо.

— Траур ведь только начался, сука ты этакая, — упрекнула её Хульета.

Маргарита промолчала. Она могла бы повторить слова умершего дона Мануэля: «Если бы я был покойником, мне было бы всё равно». Но кто бы мог убедить в этом её сестёр? Маргарита опустила голову и заперлась в своей комнате.

Неделю спустя она бежала со своим женихом. Свадьбы не было, может быть, потому, что, наслушавшись сестёр, Маргарита считала это чудовищным святотатством.

Для Клотильды, Хульеты и Лауры это был новый повод для воплей, обмороков и всего прочего.

Рыдая, Клотильда объявила всем Ампуэро:

— Мы навсегда опозорены. Подумайте, какой ужас! Круглые сироты, и такой стыд! Наше горе и наш позор не имеют границ! Мы будем носить траур, вечный траур, пока бог не возьмёт нас к себе.

Лаура с покрасневшими от слёз глазами резала длинными ножницами вуаль Маргариты. Чёрный креп был нужен для картин и зеркал. Прежний был съеден молью.

Перевод с испанского Ел. Колчиной.

ПЕРЕПИСКА А. М. ГОРЬКОГО С М. Е. КОЛЬЦОВЫМ

(Публикация Архива А. М. Горького)*

Публикуемая ниже переписка А. М. Горького с М. Е. Кольцовым охватывает период с ноября 1928 года по март 1936 года.

Вопросы, затрагиваемые в письмах, в основном связаны с издательской и редакторской деятельностью Горького. Гениальный художник слова, основоположник литературы социалистического реализма был в то же время замечательным организатором молодых сил советской литературы, зачинателем многих периодических изданий, монументальных коллективных работ, серийных изданий большого литературного значения.

А. М. Горький привлекал М. Е. Кольцова почти ко всем своим литературным начинаниям. И Михаил Кольцов, пламенный публицист, острый сатирик, чьи фельетоны смело, «не взирая на лица», разоблачали пережитки старого, охотно откликался на зов Горького, следуя великому писателю в его умении сочетать огромную творческую работу с широкой организационно-редакторской деятельностью.

Об этом писал и сам М. Е. Кольцов Горькому: «Лично я, следуя Вашему примеру, охотно занимаюсь издательским делом как неразрывным продолжением дел литературных и полагаю такой метод правильным для литератора-большевика...» (письмо от 25 декабря 1931 года). Горький ценил в его лице неутомимого работника, умевшего сплотить вокруг дела большой творческий коллектив. Об этой способности Кольцова хорошо писал в одном из своих писем Горькому советский писатель А. К. Виноградов:

«С Кольцовым легко дышится и хорошо работается. Хочет он видеть вокруг себя весёлую деловую обстановку радостного труда, и верит в неё, и на всякого прежде всего с этой стороны смотрит, от всех этого ждёт. Вот жизнь и откликается на его зов. Очень это хорошо».

О своих встречах и переписке с А. М. Горьким М. Кольцов писал в ряде своих работ: в книге «Буревестник» (Госполитиздат, М. 1938), в статье «Горький — редактор «За рубежом» («За рубежом», 1936, № 18, 25 июня), в очерке «В монастыре», в котором описано посещение совместно с Горьким 2-й Большевской трудовой коммун (в книге «Сотворение мира», т. I, ГИХЛ, М. 1935).

Тематика горьковских писем, его исключительное внимание к событиям и фактам, характеризующим современное состояние капиталистического общества, объясняются тем, что А. М. Горький был редактором журнала «За рубежом», призванного освещать эти события. Проживая в зимние месяцы в Италии, Горький систематически посылал в редакцию тщательно подобранные материалы из иностранной прессы; он обращал внимание М. Кольцова, своего соредатора по журналу, на те стороны жизни капиталистических стран, которые следует освещать на страницах «За рубежом».

Переписка протекала в период крайне напряжённой международной обстановки, в годы наступления, а затем и прихода к власти фашизма в Германии, Италии и Испании, в годы усиленной подготовки новой империалистической войны.

* Вступительная заметка, подготовка текстов и комментарии научного сотрудника Архива, кандидата филологических наук З. М. Карасик.

Переписка печатается по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Некоторые из писем А. М. Горького опубликованы М. Кольцовым в его статье «М. Горький — редактор «За рубежом»¹. Публикация оговорена в примечаниях к соответствующим письмам без указания источника, во избежание повторений.

Редакторские даты даны в скобках.

Для удобства читателя даты писем Горького, которые он ставил в конце письма, даны повторно над письмом с указанием, откуда оно послано.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 1 ноября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я сейчас готовлю первый номер нового сатирического журнала «Чудак». У нас собралась неплохая группа писателей, художников, и мы решили во что бы то ни стало придать будущему журналу облик, совершенно порывающий с увядшими сатириконскими традициями. Мы убеждены, что в СССР, вопреки разговорам о «казённой печати», может существовать хороший сатирический журнал, громящий бюрократизм, подхалимство, мещанство, двойственность в отношении к окружающей обстановке, активное и пассивное вредительство. (Журнал предназначается для интеллигенции и служащих). Название «Чудак» взято не случайно. Мы, как перчатку, подбираем это слово, которое обыватель недоуменно и холодно бросает, видя отклонение от его, обывателя, удобной тропинки: — Верит в социалистическое строительство, вот чудак! Подписался на заём, вот чудак! Пренебрегает хорошим жалованьем, вот чудак! — Мы окрашиваем пренебрежительную кличку в тона романтизма и бодрости. «Чудак» представляет не жёлчную сатиру, он полнокровен, весел и здоров, хотя часто гневен и вспыльчив. «Чудак» — не принципиальный ругатель, наоборот, он драчливо защищает многих, несправедливо заруганных при общем попустительстве, он охотно обращает своё колючее перо против присяжных скептиков и нытиков. Иными словами, «Чудак», как Горький, играет на повышение. Вот, в самых общих чертах, основное умонастроение редакции. Излишне добавлять, что при такой физиономии будущего журнала Вы, Алексей Максимович, нам дотошно нужны, не только, как генерал и как имя, а как реальный союзник, сотрудник, друг. Позволяю себе покорнейше просить Вас оказать мне парламентское доверие и сейчас же (первый номер выходит 15 декабря, журнал еженедельный) прислать что-нибудь, хотя бы небольшое, веселозубастенькое или сурово-наставительное, и то и другое одинаково подойдёт к характеру журнала. Если не успеете сейчас же, напишите мне хоть одно слово о согласии сотрудничать, это нужно мне не для реклам (списка сотрудников печатать не буду, хотя участвуют лучшие силы), а для личного морального самочувствия моего и товарищей.

Посылаю Вам «Крупную дичь» (второй том фельетонов). Если найдётся минутка — может быть, взглянете, особенно в конец, где послесловия: можно ли так строить книгу, есть ли в этом литературный резон (общественный резон есть, я полагаю) и вообще стоит ли этакое переиздавать после газет?

Желаю здоровья и радости Вам, дорогой, милый Алексей Максимович!

Преданный, Ваш Мих. Кольцов.

«Чудак» — «Еженедельный художественный журнал сатиры и юмора». Выходил под редакцией М. Кольцова с декабря 1928 года. В марте 1930 года слился с журналом «Крокодил».

...«Крупная дичь» — Михаил Кольцов. «Крупная дичь». М.—Л. Изд. «Земля и фабрика». 1928 (на шмуцтитуле значится: Собрание сочинений, т. II).

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. Ноябрь после 6. 1928 г.)

Искренно поздравляю Вас, милейший т. Кольцов, с «Чудаком».

Считая Вас одним из талантливейших чудаков Союза Советов, уверен, что под Вашим руководством и при деятельном участии таких же бодрых духом чудодеев журнал отлично оправдает знаменательное имя своё.

¹ Журнал «За рубежом», 1936, № 18, 25 июня.

Что есть чудак? Чудак есть человекоподобное существо, кое способно творить чудеса, не взирая на сопротивление действительности, всегда — подобно молоку — стремящейся закиснуть.

Лично сотрудничать в журнале Вашем едва ли найду время, но — разрешите рекомендовать Вам знакомого моего Самокритика Кирилловича Словотёкова. Самокритик — подлинное имя его, данное ему родителем при крещении. Человек он уже довольно пожилой, но «начинающий». Беспартийный. Отношение к алкоголизму — умеренное.

Всего доброго и — хорошего успеха.

А. Пешков.

P.S. Изображение, напоминающее профиль гроба, — к делу не относится.

А со сказочкой — не церемоньтесь, годится — ладно, а не годится, бросьте, куда следует. Но если годится, я могу попросить Самокритика, чтоб он и ещё написал в этом роде.

Книжку Вашу — не получил.

А. П.

Письмо опубликовано в журнале «Чудак», 1928, № 1. Датируется по предшествующему письму.

...С л о в о т ё к о в а... — Под псевдонимом «Самокритик Словотёков» М. Горький опубликовал в журнале «Чудак» (1928, № 1) свою сатирическую заметку «Факты. 1», разоблачающую злобствующего антисоветского обывателя (М. Горький. Собрание сочинений, т. 17, стр. 111—112).

И з о б р а ж е н и е... — Речь идёт о вычерке в тексте письма. Горький обвёл его карандашом, и получилась фигура усечённого конуса (или трапеции).

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 25 ноября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое Вам спасибо за скорый ответ, за приветствие «Чудаку», за присланную вещичку. И то и другое украсит первый номер журнала, — он выходит в двадцатых числах декабря.

Самокритика Кирилловича Словотёкова мы приняли, как родного, в дружную семью чудачков. Будут ему и харчи, и постоянный тёплый угол, и обеспечение на старость. Только бы бодрился, только бы писал. О людях, о книгах, о фактах, о хамстве и некультурности, о подхалимах и угождателях, о самоновейших «европейцах» с яркими галстуками и от роду немывтыми ногами. Хорошо бы ближайшее письмо посвятить антисемитизму. Это тема, которой сейчас слегка лихорадят заводы и учреждения.

Благодарю и надеюсь, верую и жду — Ваш до гроба чудак

Мих. Кольцов.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 23 января 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Написал я для «Наших достижений» и, как будто, написал не то. Хотел показать процесс перемальвания и переделки благодушного полуобывателя в партийца-строителя, хозяйственника. Но показал это, повидимому, бледно. Может быть, причиной этому фельетонно-картинный характер моего очерка, обилие «красивых слов». Вина на мне, но отчасти и на редакции — меня слегка упрекали за чересчур статейный, публицистический, «скупной» характер заметки в проспекте. Это меня толкнуло в другую сторону — внешней занимательности.

Во всяком случае — я считаю, что даже в предвыпускной спешке очерк ни в коем случае не может быть пущен без Вашего просмотра.

Огорчены Вашей пассивностью к «Чудаку». Если есть в журнале (мы Вам его посылаем) недостатки — просим указать самым суровым образом. Только не бросайте нас в этом трудном деле!

Письмо Ваше ко мне, как Вам, вероятно, сообщил П. П. Крючков, получилось без упоминаемой в нём газетной вырезки. Поэтому не мог точно разобраться в нём.

Если вопрос ещё актуален — дошлите, Алексей Максимович, вырезку или сообщите её содержание.

Побольше сил для работы!
Жму руку!

Ваш Мих. Кольцов.

Написал я для «Наших достижений»... — Очерк в журнале не появился. ...«скучный» характер заметки в проспекте... — Имеется в виду заметка М. Кольцова «Культура и быт» в проспекте журнала «Наши достижения» (Госиздат, 1928). М. Кольцов состоял в числе редакторов отдела «Культура и быт» этого журнала.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. Ноябрь. 1929 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

мне кажется, что в приложении к «Огоньку» следует дать такие книги:

1. Фильдинг. «История Тома Джонса, найдёныша» * — образцовый бытовой роман, отлично изображает Англию 18 века.
  2. Свифт. «Песнь о бочке»¹ и др. его мелкие сатиры на английскую жизнь.
  3. Теофиль Готье. «Капитан Фракас» * — быт бродячих актёров и общества Франции 17 века.
  4. Прево. «История Манон Леско и кавалера де Гриз» — образцовый любовный роман, основа для целого ряда романов и драм XIX в.
  5. Дюма-отец. «Анж Питу» — французская революция.
  6. Гюго. «93-й год».
  7. Ан. Франс. «Боги жаждут» *.
  8. Стендаль. «Пармский монастырь» * — конец эпохи Наполеона².
  9. Флобер. «Воспитание чувств» — революция 30-го года³.
  10. Золя. «Деньги» *.
  11. Бальзак. «Крестьяне» *.
  12. Золя. «Земля».
  13. Золя. «Разгром».
  14. Мопассан. «Милый друг» — нравы французской прессы.
  15. Эптон Синклер. «Джимми Хиггинс».
  16. Герман Манн⁴. «Верноподданный» * — Германия накануне войны.
- Группа романов, изображающих национальный тип:**
17. Де-Костер. «Тиль Уленшпигель» *.
  18. Ромэн Роллан. «Кола Бриньон».
  19. Додэ. «Тартарен» *.
  20. Диккенс. «Записки Пиквик-клуба» — в переводе Иринарха Введенского, — обязательно.
  21. Юлиус Штинде. «Семейство Бухгольц» — характеристика прусского мещанства.
- Антирелигиозные книги:**
22. Проспер Меримэ. «Хроника Карла IX» * и «Варфоломеевская ночь», в одном томе⁵.
  23. Дюма. «Королева Марго», — как дополнение к Меримэ — можно взять только описание Варфоломеевской ночи и прибавить к Меримэ.
  24. Уэллс. «Ангел» и др. его рассказы на эту тему.
  25. Синклер Люис. «Эльмер Гантри» — современная церковь Америки. (Флобера ещё — следовало бы дать: «Саламбо»).
  26. Франс. «Таис» и др. антирелигиозные.

* Книги, отмеченные звёздочкой, были изданы в серии «Библиотека романов». Рекомендуемый Горьким список был составлен им по памяти, поэтому в нём имеется ряд неточностей.

¹ Свифт. «Сказка о бочке».

² Кроме эпизода с Ватерлоо, роман в целом относится к более позднему времени.

³ Описка Горького: революция 1848 года.

⁴ Описка Горького: Генрих Манн.

⁵ Описка Горького: это одно произведение «Варфоломеевская ночь (Хроника из времён Карла IX)».

27. Франс. «Бунт ангелов».

Затем я бы рекомендовал сделать две антологии:

28. Революционная поэзия XIX века *, например, от «Ямбов» Поля Луи Курье¹ до Верхарна.

29. Революционная поэзия современных поэтов Запада* и наших.

М. Горький.

Датируется приблизительно по письму М. Е. Кольцова от 30 ноября 1929 года.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 30 ноября 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы были так внимательны, что согласились принять общее редакционное наблюдение над «Библиотекой романов» «Огонька». Я запретил в редакции злоупотреблять Вашим вниманием и обращаться к Вам по мелким вопросам. Всё-таки, если можно, не откажитесь дать указания Александру Иосифовичу Дейчу по вопросам, выдвинутым в прилагаемом письме. Он очень ими озабочен.

Живу я сейчас серо и невыразительно, как черви слепые живут. Только изредка внимаю из шкафа подаренные Вами пояса и вздыхаю, с шумом выпуская воздух из грудной клетки. Этим я хочу сказать, что скучаю по Вас. Повидимому, это кончится большим слезливым письмом, с жалобой на нечуткость людей и просьбой указать, как поступить на зубоврачебные курсы.

В счёт этих будущих радостей — крепко жму руки. Ваш

Мих. Кольцов.

...дать указания Александру Иосифовичу Дейчу...— В своём письме к А. М. Горькому, которое хранится в архиве писателя, А. И. Дейч, один из редакторов «Библиотеки романов», ставил ряд вопросов, касающихся состава серии в связи с предыдущим письмом Горького.

...как черви слепые живут.— Цитата из горьковской «Легенды о Марко» (М. Горький. Собрание сочинений, т. 5, стр. 361).

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 9 декабря 1929 г.)

О, брате мой любезный!

По что столь зазорно срамословишь, именуя ся червем слепорожденным? И отколь скорбь твоя? Аще людие древоподобны ропшут на тя, яко ветр повелевает, сотрясаяй سموковницы плодов не даючи и желудю дубов завидуючи, — помни: ты не желудь есть и не на утеху свинню родила тя мать природа, а для дела чести и смелости. Аще же пес безумен лаяй на тя, не мечи во пса камень, но шествуй мимо, памятуя: полаяв — перестанет!

В этом духе я Вам, дорогой Михаил Ефимович, мог бы сказать много, но, от старости, забыл уже сей превосходный язык, которым всё можно сказать — исключая популярные фразы «матового» тона.

В самом деле: Вы что там раскисли? Бьют? И впредь — будут!

К этому привыкнуть пора Вам, дорогой мой!

Крепко жму руку

и — да пишет она

ежедневно

и неустанно

словеса правды!

Старец Алексей Нижегородский и Сорентийский.

А «Огонёк» следовало бы мне высылать!

А. Пешков.

9.XII.29.

¹ Горький, очевидно, имел в виду книгу Огюста Барбье «Ямбы и поэмы». Книга была издана под этим названием Государственным издательством Украины в 1922 году.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 10 октября 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Московский Совет приступает к выпуску специального журнала, посвящённого вопросам социалистического переустройства наших городов и рабочего быта, — «Социалистический город».

Очень прошу Вас написать несколько слов для первого номера журнала.

Мы будем просить Ромэна Роллана написать для журнала статью «Москва — столица мира» и надеемся на Ваше содействие.

Мих. Кольцов.

...«Социалистический город». — Издание не было осуществлено. Письмо А. М. Горького «В редакцию журнала «Социалистический город», посвящённое задачам журнала, впервые было опубликовано в газете «Строительный рабочий», 1938, № 82, 18 июня (М. Горький. Собрание сочинений, т. 26, стр. 226—227).

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

10.XI.

(Москва. 10 ноября 1931 г.)

Работа над «Молодым человеком» задерживается отсутствием Вашей предварительной заметки для газет. Напоминаю кроме того Вашем письме редакторам Журналистского объединения. Обнимаю.

Михаил Кольцов.

Радиограмма на бланке «Италорадио».

Работа над «Молодым человеком»... — Речь идёт о выпуске книг серии «История молодого человека XIX столетия».

...Вашей предварительной заметки для газет... — Статья М. Горького «История молодого человека» впервые была опубликована в газетах «Правда» и «Известия», 1931, № 324, 25 ноября. Статья была перепечатана как предисловие к серии «История молодого человека XIX столетия» в первой книге серии: Ф. Р. Шатобриан. «Рене» и В. Кюстан. «Адольф» (М. Горький. Собрание сочинений, т. 26, стр. 158—170).

...Вашем письме редакторам... — А. М. Горький прислал в редакцию «За рубежом» статью «Каким должен быть журнал «За рубежом», которая была опубликована с подзаголовком «Из бесед и переписки с редакционными работниками» в журнале «За рубежом», 1932, № 1, 30 ноября (М. Горький. Собрание сочинений, т. 26, стр. 384—386).

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. Ноября 10—11 1931 г.)

Статью высылаю на-днях, замените в истории молодого человека век столетием.

Печатается по черновому автографу. Датируется предположительно по предыдущей телеграмме.

Статью высылаю... — См. предыдущее письмо.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 8 декабря 1931 г.)

Дорогой Михаил Ефимович,

за два месяца у меня скопилось порядочное количество вырезок из эмигрантских газет. Собирал их для статьи, но вижу, что у меня для этой статьи нет времени. Долго держать материал этот не годится — прокиснет, выбросить — жалко: хороший материал! Решил послать его Вам, м. б., Ваше острое перо обработает этот глубоко поучительный хлам? Очень хотелось бы этого. Изредка не мешает показывать нашему читателю лицо эмиграции, — гнусное, жалкое лицо, как видите и знаете.

Обещал Вам написать о редакторах, но всё не могу ещё выбрать времени для этого.

Изумительно безграмотно ленинградская «Международная книга» печатает свои каталоги! Пример: Фурье, Август Бебель — каково? Фурье написал книгу о Бебеле.

Вот уж действительно «посмертное» сочинение. Иногда мне кажется, что у нас нарочно хулиганят эдак-то.

Крепко жму руку.

8.XII.31.

А. Пешков.

Что происходит между Ионовым и Виноградовым? Я очень заинтересован, чтоб Виноградову зря не мешали работать, человек он нейрастенический и всякие «потрясения» отражаются на работе его немедленно. А работник он — весьма ценный и очень «знающий». Вы его поберегите от излишних трений.

На 33-й г. мы с ним — т. е. Вы и я — затеем «Историю женщины». Покамест — помалкивайте об этом.

А. П.

...между Ионовым и Виноградовым? — Речь идёт о взаимоотношениях А. К. Виноградова с директором Госиздата И. И. Ионовым.

...«Историю женщины». — Неосуществлённый замысел создания коллективного труда. См. о нём статью Горького «О женщине». (Впервые опубликовано в журнале «Волшебник», 1934, № 7, 15 апреля; М. Горький. Собрание сочинений, т. 27, стр. 177—204).

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 25 декабря 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо за вырезки. Они уже пускаются в работу в «Огоньке», «Правде» и других изданиях. Очень буду рад, если пришлётё ещё этого добра.

Вашего письма к редакторам Журнально-Газетного Объединения жду с нетерпением. Письмо будет и политически и литературно очень кстати именно сейчас, в связи с тем оживлением, которое вызвало во всех наших литературных кругах известное письмо Сталина об историках. В Вашем письме к редакторам Журнально-Газетного Объединения полезно было бы задеть, между прочим, следующие темы: 1) Указать на то, что напряжение с бумагой и ограниченность тиражей журналов никак не позволяет редакциям работать спущая рукава («читатель всё равно слопаёт, мы изготовляем дефицитный товар»), 2) значение журнала наряду с книгой и газетой, как учителя и организатора творческой жизни передового трудящегося человека, 3) ещё и ещё раз о бдительности, о зоркости в отношении всякой враждебной контрабанды, о литературной добросовестности, вообще о дальнейшей неустанной работе над качеством наших журналов, 4) против разграничения «чисто» редакторской и «чисто» издательской работы, против подразделения на «высоко идейных» редакторов не от мира сего, с длинными волосами и высоким челом и на «прозаических» издателей, занимающихся преренным вопросом бумаги, распространения и т. д. Лично я, следуя Вашему примеру, охотно занимаюсь издательским делом как неразрывным продолжением дел литературных и полагаю такой метод правильным для литератора-большевика, думающего не только о рукописи, но и о том, как и в каком виде она дойдёт до миллиона рабочих и крестьян.

О Виноградове. Ионов предъявил Виноградову претензии чисто денежного порядка, требует возвращения полученных Виноградовым от Академии авансов. Ионов письменно предложил нам (Жургазобъединению) совместно выступить против Виноградова. Мы, конечно, на это не пойдём. Приняты все меры для обеспечения Виноградову спокойной работы. Против него есть раздражение со стороны некоторых неудачливых переводчиков и литературоведов, разных Нусиновых. Они пытались (в разговорах) опорачивать Виноградова как редактора «Молодого человека», да и само издание. Мы этому дали отпор и вопрос пока полностью исчерпан. Нужно только, чтобы Вы, Алексей Максимович, систематически просматривали работу Виноградова, чтобы он не поскользнулся на какой-нибудь своей мелкой промашке.

Скушно без Ваших рыжих усов.

Обнимаю, Ваш

Мих. Кольцов.

...письмо Сталина об историках.— И. В. Сталин. «О некоторых вопросах истории большевизма» (письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», 1931, № 6, стр. 3—12).

...от Академии...— Речь идёт об издательстве «Academia».

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

(Женева. 2 февраля 1932 г.)

2/II.32.

Дорогой Алексей Максимович!

Я сейчас в Женеве. Близко от Вас. Разоружение сегодня начинается и отныне пойдёт полным ходом — к осени, даст бог, будет и война. Напишите мне сюда, дорогой отец и благодетель! Я живу — Geneve, 26. Boulevard de Philosophes. British Pension.

Написали ли Вы ту штучку для редакторов Жур. Газ. Объединения? Если написали, пошлите через меня.

Обнимаю, Ваш

Мих. Кольцов.

Разоружение сегодня начинается... — 2 февраля 1932 года в Женеве состоялось открытие конференции по разоружению, на которой М. Е. Кольцов присутствовал в качестве специального корреспондента «Правды».

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Москва. 11 июня 1932 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

посылаю кое-какой материал для «За рубежом».

Газетные вырезки, сообщающие те или иные факты зарубежного быта, следовало бы разобрать по линиям: буржуазная семья, развлечения, церковь и т. д. и, накопив по каждой линии достаточное количество материала, обработать его в форму весёлой статейки.

...Вырезки должны служить как бы архивом.

Как у Вас движется дело с «За рубежом»?

Сердечно приветствую.

А. Пешков.

11.VI.32.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

Москва. 23 июня 1932 г.

Дорогой Михаил Ефимович —

стало быть, журнал «За рубежом» — в Ваших руках и, значит, в Вашей воле сделать его серьёзным журналом.

Мне кажется, что следовало бы немедленно обратиться во все наши полпредства к т.т. заведующим печатью с предложением сотрудничества в журнале, как непосредственного — снабжать журнал очерками и рассказами на темы бытовые и особенно характерные для текущего момента каждой данной страны — так и посредством посылок газетных вырезок, рисующих драмы и курьёзы разлагающегося быта буржуазии. Очень ценны для журнала те «передовые» статьи и анкеты по вопросам «культуры», в которых наиболее резко выражен цинизм политавантюристов, старческая глупость признанных буржуазией мудрецов, пустомельство подленьких журналистов, вроде Греггара и подобных ему.

В некоторых полпредствах есть довольно грамотные люди, напр. — Виктор Кин в Риме, к ним следовало бы обратиться особенно настойчиво. Хорошо, если б эти обращения скрепил Ц. К.

Обращаю внимание Ваше на статейки Дм. Хилкова; это сын известного в 80-х годах толстовца князя Хилкова, затем он был анархистом, в год империалистской войны почувствовал себя «просто русским», вступил рядовым в армию французов и, в одном из первых сражений, был убит. Сын его — шахтёр в Бельгии и как «большевик-князь» — говорят — весьма популярен среди шахтёров. Статьи его печатаются в нашей Нью-Йоркской газете. Я посылаю их Вам, как «образец стиля», — только. Мне кажется, что его можно научить писать для «За рубежом», можно и следует. А также, на мой взгляд, следует привлечь и Святополка-Мирского, он — член английской компартии, отлично знает быт и настроения лондонской интеллигенции. Писать ему нужно. на Сокольникова, адрес Хилкова есть у В. Д. Бонча; кстати, у последнего, наверное, есть материалы, полезные для нас.

Очень рекомендовал бы организовать в журнале нечто вроде «Свистка», для чего привлечь Архангельского, Швецова и — Эрдмана? Не попробовать ли Мих. Зощенка, а также Олешу на «зарубежные темы»?

Обо всём этом и многом другом хорошо бы побеседовать лично, но — астма запрещает мне ездить в Москву. Может быть Вы катнётё сюда?

Крепко жму руку.

А. Пешков.

...стало быть, журнал «За рубежом» — в Ваших руках... — По инициативе А. М. Горького летом 1932 года журнал был реорганизован и стал выходить под редакцией Горького и Кольцова.

Докладная записка Горького в Культпроп ЦК ВКП(б) по вопросу реорганизации журнала «За рубежом» приводится в конце переписки. Публикуется впервые.

Виктор Кин... — Советский журналист В. Кин в то время работал корреспондентом ТАСС в Риме.

Д. М. Хилков — Горький имеет в виду А. Д. Хилкова, вернувшегося позже в СССР. В 1939 году ГИХЛ издал его роман «Обнажённые корни», одобренный ещё Горьким.

...привлечь и Святополка-Мирского... — Д. П. Мирский вернулся в СССР и печатал свои статьи в журнале «За рубежом» и в других советских изданиях.

Сокольников Г. Я. — посол СССР в Англии.

В. Д. Бонч — В. Д. Бонч-Бруевич, в то время директор Центрального Литературного музея в Москве, посылал А. М. Горькому на отзыв рукопись Хилкова.

Архангельский А. Г., Швецов С. А., Эрдман Н. Р. — советские писатели-сатирики.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 3 декабря 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вам послан «За рубежом» в новом виде. Журнал принят публикой очень хорошо. Хвалят за то, что много есть чего читать, мало агитационной шелухи, всё конкретно. Это общий отзыв. Спрос на журнал громадный. Я убеждён, что если бы добиться бумаги — журнал в этом новом виде будет расходиться и 100 и 150 тысяч экземпляров без остатка.

Первый номер — это ещё не вполне то, что мыслилось. Кое-что сыро, недоработано, очень многое из того, что задумано провести через страницы журнала, только подготовляется. В общем, о журнале можно будет судить не по одному или двум или трём номерам, так же как нельзя составить полное представление о газете по нескольким её номерам. С нового года «За рубежом» будет выходить три раза в месяц. Объёмистые номера будут наступать один другого. Получится непрерывный поток живой, конкретной, свежей информации о жизни всего мира. Это — к чему мы стремились в разговорах с Вами о типе журнала. Во втором номере пойдут статьи Стасовой, Никулина (обзор белогвардейских стихов), Ерухимовича, материалы о колониальных странах и всякое прочее.

С нового года мы вводим в журнал и обильный справочный материал. Нечто вроде текущей беглой энциклопедии, разъясняющей названия и термины, возникающие в сложном потоке международной жизни, — названия городов, политических и научных деятелей, названия новых приборов, болезней, чего хотите. Вызовем наших читателей задавать нам вопросы, относящиеся к зарубежной жизни. Что ещё прикажете ввести? Ждём Ваших указаний, приказаний, советов.

Мы говорили с Вами, Алексей Максимович, что журнал наш будет не только журналом, но и органом. Для этого нужны в нём статьи крупнейших советских и западных европейских политических, научных, культурных деятелей. Мы списались со множеством лиц, но втянуть их в журнал можно будет, только если там появятся Ваши статьи. Хорошо, если Вы писали бы для «За рубежом», хотя бы даже короткие, но постоянные заметки о явлениях современной жизни, о вновь прочитанных Вами книгах, встреченных людях, поучительных фактах. До чего это было бы замечательно!

Вырезки, которые Вы посылали до сих пор, служат нам большую службу. Просьба посылать ещё. Кроме того — хорошо бы получать присылаемые Вам и ненужные Вам книги, брошюры, журналы. Это будет очень ценно потому, что валютные ресурсы нашей редакции усохли почти до нуля.

В Москве работы до чёрта, народ пишет, литературные склоки сильно улеглись. Очень подняли настроение пакты с Польшей и Францией. А Вы как, Алексей Максимович? Написали бы письмецо старику Кольцову, как Вы умеете: басом и весело.

Горячий привет соррентинским жителям, всем, кого знаю.

Вверенный Вам

Мих. Кольцов.

... статьи Стасовой... — Е. Стасова. «На помощь борцам». «За рубежом», 1932, 20 декабря, № 2.

...Никулина... — Л. Никулин. «За струнной изгородью лиры». Обзор белоэмигрантской поэзии. Там же.

... пакты с Польшей и Францией. — 27 ноября президент Польской республики ратифицировал советско-польский пакт о ненападении. Пакт о ненападении между СССР и Францией был подписан в Париже 29 ноября.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 5 декабря 1932 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

первый № «За рубежом» таков, что мне кажется: если даже удерживать его на данной высоте, — то и на ней он достигнет своей цели осведомителя о фактах и процессах угасания буржуазной культуры. Но, разумеется, поле его зрения надобно все-сторонне расширять, не боясь и некоторой «примитивности». Я думаю, что она — примитивность — будет только полезна большинству наших читателей, им в 17-м году было 5—10—15 лет от рождения и, поэтому, они плохо знают «лицо жизни», каким оно было до 17 года. По сему: для них было бы поучительно, если б журнал давал очерки рабочего быта, напр., Германии до войны, особенно подчёркивая культурные навыки организованных рабочих; конечно, это — рядом с современным положением рабочих и полной для них невозможностью удовлетворить эти навыки. Мораль настолько ясна, что требует вмешательства карикатуриста: научили индивиду умываться с мылом, а теперь не только мыла, но и воды не дают, утопиться — можешь бесплатно, а за воду — плати.

Я очень рекомендую бить по вниманию читателя вот такими, не крупными, но резкими противоречиями, — они легко доходят до разума. Крупные — не исключаются, но о них весьма умело говорят наши газеты. Затем я бы советовал давать побольше карикатур и сатирических стишков, это и потому ещё полезно, что нам нужно воспитывать карикатуристов и куллетистов для употребления в нашем, домашнем быте.

«Авиопостальный» скандал во Франции — весьма хорошая тема, не плох и «спаситель Италии», как назван был «дуче» одним из наших белоэмигрантов. Кстати: почему они именуется всё ещё белыми, когда уже стали серыми и даже чёрными от грязи, фабрикуемой ими? Тоже — тема для Кукрыникс. Вообще — тем неисчислимо количество и журналу есть чем питаться. Краткое сие письмишко скрывает в себе поздравление с удачным началом хорошего дела. Следующее не плохое: нам нужно бы распределить старую литературу по темам: для лучшего ознакомления молодёжи с нею и с прошлым.

Пример: Крестьяне и помещик.

Радищев. — «Путешествие».

Нарежный. — «Российский Жиль-Блаз».

Гоголь. — «Мёртвые души».

Аксаков. — «Семейная хроника».

Салтыков. — «Пошехонская старина».

Г. Успенский. — «Власть земли».

Эртель. — «Гарденины».

Гарин-Михайловский. — «В деревне».

Бунин. — «Деревня», «Суходол».

Чехов. — «Мужики», «В овраге», и ещё два, три.

Иван Вольный. — «Повесть о днях моей жизни».

Этот ряд книг даст почти полную картину положения крестьянства и взаимоотношений его с помещиками в 19-м в.

Картину писали сами помещики, «разночинцы» и, под конец, сами крестьяне. Можно — и следует дополнить её уголовно-историческим материалом, напр., делом Салтычихи, генерала и заводчика Матвеева и т. д.

Очень поучительное чтение! Герцена «Крещёную собственность» можно дать. И — мало ли ещё отличнейшего материала, знакомство с которым разрешило бы недомыслия некоторых «индивидуев», кои не могут понять: — а зачем нужно жить по-новому? Старики рассказывают, что раньше-то — легче жилось.

Вот, М. Е., подумайте, не следует ли издать такую библиотеку?

За сим — крепко жму руку

Старец древний и кавалер ордена А. Пешков.

Сорренто.

5.12.32.

Дождь, гром, ветер, чувствую себя отвратительно, раскис, голова кружится и ноют кости, а их у меня много!

Письмо частично опубликовано в журнале «За рубежом».

«Авиопостальный» скандал во Франции — весьма хорошая тема... — Имеется в виду статья Л. Гальфельда «Загадка близится к разрешению» в первом номере «За рубежом». Статья посвящена сенсационному процессу французских авиационных компаний «Аэропосталь» и «Гном и Рон».

...«спаситель Италии»... «дуче»... — Речь идёт о главе фашистской диктатуры в Италии — Муссолини.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 19 декабря 1932 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

Ваша и моя оценка первого № «За рубежом» почти вполне совпадает, как это видите Вы из предыдущего моего письма. Совпадение — весьма приятное.

Из намеченных Вами нововведений особенно приветствую словарь терминов, затем ответы на вопросы читателей о смысле различных явлений зарубежной жизни. Словарь надобно делать так, чтоб он — впоследствии — мог быть издан. За образец взять старый, Павленковский. Отличная идея дать статью о поэзии эмигрантов. Поэзия — насквозь пессимистическая, образцы — прилагаю, вырезал из юбилейной — 50-й книги «Совр[еменных] записок», «юбилейность» следует подчеркнуть. Но вместе с этим следует, мне кажется, обратить внимание наших поэтов на ловкость, на умение, с коим эмигранты делают из дерьма изящнейшие козюльки, тогда как наши ребята отличнейший материал превращают в словесное дерьмо. Затем не надобно упускать из вида и тот факт, что хотя поэзия эмигрантов и пессимистична, однако, пессимизм этот весьма гимназический и — наверное — у некоторых поэтов является «служением традициям школы», метр которой — Ходасевич. Мне кажется, что гораздо более искренно и верно отражает подлинное настроение эмиграции развесёлый негодяй Дон Аминадо — Шполянский в серии стихков «Без заглавия». Негодяй он — по должности, а по натуре человек, как будто, весьма неглупый, зоркий и даже способный чувствовать своё и окружающих негодяйство, — негодность для жизни.

Имеете ли Вы издаваемый в Париже «Наш союз», журнальчик, издаваемый «Союзом возвращенцев»? В нём встречается интересный материал. Не следует ли пригласить кое-кого из этого журнала к работе «За рубежом»? Не будет ли полезен для него Мирский?

На моё участие в журнале — не рассчитывайте, я — перегружен работой, а работоспособность падает.

Очень рекомендую книжку Макаренко «Марш 30 года», это описание Харьковской им. Дзержинского коммуны беспризорных. Коммуну эту я знаю, Макаренко — тоже, а потому и говорю: отличная книжка для отдыха души. И Вам бы, молодой и хороший дядя, эту книжку прочитайте да о коммуне паписать, чтоб сгладить унылое впечатление от «Людочки», ворчливого и недописанного Вами до конца фельетона.

Обрадовали Вы девочкой гукасовцев да милюковцев, они её, конечно, употребили для доказательства, что даже проклятый Кольцов понимает, что большевики разрушили всех детей обоего пола.

Хоша я ворчу, но это не только потому, что стар, дряхл и обременён мрачным пессимизмом, а и потому, что, питая симпатию к Вам, небольшой снаружи, но дорогой изнутри дядя, желаю Вам доброго здоровья, а в делах Ваших всякого успеха и благополучия.

Горегорький старец Пешков,
Алексей.

19.XII.32.

Письмо частично опубликовано в журнале «За рубежом».

...«Современных» записок... — белоэмигрантский журнал.

...Ходасевич — Ходасевич В. Ф. (1886—1939) — поэт-декадент. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

...Шполянский... (псевдоним «Дон Аминадо») — белоэмигрантский поэт, сотрудник милюковской газеты «Последние новости».

...впечатление от «Людочки»... — Мих. Кольцов. «К вопросу о Людочке» («Правда», 1932, 3 декабря, № 333).

Гукасовцы... — Гукасов А., издатель белоэмигрантской газеты «Возрождение».

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 25 декабря 1932 г.)

Многоуважаемый

Михайло Кольцов,

предприниматель, свирепый эксплуататор и вообще — зверь!

Нижеподписавшаяся рабочая сила почтительно намекает Вам о гонорарии. Оный, — по её мнению, — должен быть предложен в такой форме: все книжки по «Истории молодого человека XIX столетия» в переплётах. Нижеподписавшаяся рабочая сила будет очень благодарна, получив сей знак внимания к её сединам и усам.

Виноградов несколько подпортил игру. Статьи к Бурже и Литтону — особенно последняя — всесторонне плохи. И — не только они. Но «на безлюдье и Фома — дворянин». Особенно жестоко казнить Виноградова — не следует, ему, судя по письму его ко мне, кажется уже «попало». Человек он — неврастенический, но — знающий. Нужно бы внушить ему, чтоб он все свои вводные статьи к «Истории» обработал в книгу «История» французской лит[ературы] XIX века». Он может сделать это не плохо.

Крепко жму руку.

А. Пешков.

25.XII.32.

Обратите внимание на фашистский «Октябрь» — замечателен по разносторонности невежества.

Статьи к Бурже и Литтону... — Речь идёт о вступительных статьях А. К. Виноградова к книгам П. Бурже «Ученик» и Э. Бульвер-Литтона «Кинельм Чиллингги» (Жургазобъединение. Серия «История молодого человека XIX столетия». М. 1932).

...Фашистский «Октябрь»... — Речь идёт, повидимому, об одном из белоэмигрантских журналов.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 6 января 1933 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

рукопись биографии Щепкина нужно возвратить автору, дабы он внимательно прочитал и перестроил её. Прежде всего он должен расположить материал в хронологической последовательности более строгой, чем это допущено им. Он постоянно путает читателя, забегая вперёд и возвращаясь назад, как напр. стр. 105, где читатель должен перепрыгнуть из 828 г. в 810-й. Это — не один пример.

Затем: он должен устранить бесчисленные повторения одного и того же, ими уснащена вся рукопись, и я не могу тратить время на искоренение их. Он хорошо делает, сведя до минимума своё собственное участие в изображении Щепкина, отлично изображённого в выписках из многочисленных мемуаров, которыми автор пользовался.

Выписки эти нужно привести в порядок — хронологический, — связав их наименьшим количеством собственных слов. Это будет лучше того, что есть. Собственный тон автора — очень уныл и жалобен, а наш читатель жалоб не любит. О Мочалове — стр. 139—152 — нужно выкинуть.

Но за всеми этими реформами биография всё-таки останется неудачной. Поначалу она как будто обещала рассказать не только о Щепкине, но и кое-что по истории возникновения театра. С переходом Щепкина в Москву — история театра исчезает, а совершенно необходимо было бы осветить первые годы жизни «казённых» театров.

У меня на очереди «Дизель» Гумилевского и «Жорж Занд» Венкстерна — толстые рукописи. Должен сказать, что в дизелях, так же как и трюфелях, я ничего не понимаю и если у Гумилевского написано, что дизеля делают из дуба, так я этому поверю. Вообще же я сомневаюсь в том, что мне следует читать все эти биографии, мне кажется, что я мог бы употребить время моё с большей пользой для отечества. Дело издания биографий поставлено у нас не совсем продуманно или — точнее — совсем не продуманно. Нам следовало ставить его исторически: взять для каждой эпохи три, четыре фигуры и начать с древности. Например: доисторический герой, как его изображает народное творчество: Геркулес, Прометей и т. д. Люди Эллады: Архимед, Аристотель, Платон, Демокрит. Рим — люди республики, а затем империи, эпоха разрушения Римской империи, затем раннее средневековье, норманны: Вильгельм завоеватель, Роберт Гвискар, трубадур Бертран де Борн и пр.

Дать побольше людей Возрождения, кондотьеров, семейство Медичи, голландских банкиров, Фуггеров, алхимиков: Парацельса; гуманистов: Гуттена, астрономов; медиков 18-го в.; материалисты и основоположники экспериментальных наук и т. д.

Переходя к 19-му в. необходимы: Гегель, Маркс—Энгельс, Бальзак, их бы надобно дать в первую очередь.

Всё это, конечно, лишь поверхностная намётка. Таким приёмом мы дали бы в биографиях некоторое количество истории.

Что вы думаете по этому поводу?

Крепко жму руку.

А. Пешков.

6.I.33.

В письме идёт речь о рукописях, предназначенных для серии «Жизнь замечательных людей», которая выходила под редакцией М. Горького, Мих. Кольцова и А. Н. Тихонова в системе «Журнально-газетного объединения».

...рукопись биографии Щепкина...— Речь идёт о рукописи Ю. Соболева «М. С. Щепкин». Книга вышла в свет в 1933 году.

«Дизель» — Л. Гумилевский. «Рудольф Дизель». М. 1933.

«Жорж-Занд» — Н. Венкстерн. «Жорж Санд». М. 1933.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 17/I 1933 г.

Здравствуйте, сознательный ударник товарищ Алексей!

Уже давно на нашем предприятии обращено внимание на отменно отличную работу соррентийского района во главе с небезизвестным товарищем Пешковым, старым бригадиром и кавалером орденов.

Данный бригадир Пешков проявил высокое рвение к работе и особое усердие в деревообделочной специальности, обточив и обстругав громадное количество всякого рода деревянных, а иногда весьма даже дубовых произведений современной литературы. Каковая работа требует большого умения, а главное, терпения, в сочетании с неистощимой доброй волей.

Был у нас разговор, чтобы премировать бригадира Пешкова хромовыми сапогами, или гармонией двухрядной, или будильником системы «Точмех», или, наконец, собранием сочинений русского писателя Максима Горького. На что были возражения, что осенью видели сапоги на Пешкове совсем ещё целые, а гармонию хорошую не достать. А будильник ему не нужен, потому встаёт с петухами. А сочинений Горького не заочет, потому что уже читал.

В-разгар каких-то споров пришло письмо от самого Пешкова, в коем он просит, если возможно, премировать его «Историей молодого человека» в переплётах. Этот предмет ширпотреба, будучи недорогим по себестоимости, в самом деле может украсить скромное жилище нашего ударника и кавалера. Почему и будет выслан в Сорренто большой скоростью, и кроме того — вступительные статьи Виноградова, переплетённые в отдельный том.

Известно ли Вам также, сознательный товарищ Алексей, о слухе, пущенном здесь? Будто итальянцы, не желая отставать в некоторых мероприятиях от великой северной державы, решили переименовать город Сорренто в Nischni Novgorod!

Сообщая о каких-то событиях, остаюсь преданный Вам и любящий

Михаил Кольцов.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 30 января 1933 г.)

Дорогой М. Е.—

читаю я рукописи биографий и овладевает мною настроение ворчливое. Может быть, это не от рукописей, а — от старости, от усталости, но и авторы рукописей вызывают у меня горестные думы мизантропического тона. Кто они, эти авторы? Что они любят, чего хотят? Почему они так явно равнодушны к работе, взятой ими на себя, почему делают её так непродуманно, торопливо, небрежно? Неужели разуму и сердцу их недоступно понимание необходимости относиться к советской молодёжи, основному нашему читателю, — с уважением, которое он вполне заслужил? Опасаюсь, что прочитанные мною «труды», сделанная работа хладнокровных субъектов, — неспособны будут послужить возбуждению жажды знаний у нашего читателя. Опасаюсь, что затеянная нами серия биографий будет неудачна, если дело пойдёт так, как начато. Надобно что-то сделать для оживления этой затеи. Как Вы думаете — что можно и должно сделать? Сообщите.

Я не вижу в списке Ломоносова. Написать его биографию хорошо может Георгий Шторм, автор повести: «Труды и дни М. Ломоносова». Нужно просить, чтоб он писал по материалу своей повести, дополняя его данными из биографии, написанной Мушкетовым, в которой имеется хорошая оценка значения научных работ Ломоносова.

Не помню, писал ли я Вам о необходимости дать биографию почвоведу Докучаева, как человека, работа которого повела к созданию Вернадским геохимии, новой научной дисциплины.

В списке нет Лассалья, Менделеева, Байрона, Фарадея и ещё очень многих. Я очень советую авторам пользоваться в работе материалом биографических романов, этот материал оживит изложение. Нужны хорошие биографии Лютера Бёрбанка и нашего Мичурина. Напишу Далмату Лутохину, может он сделает что-нибудь хорошее, человек он весьма грамотный и живой.

Затем необходима серия биографий большевиков, начиная с В. Ильича, кончая типичным рядовым партии, вроде Петра Скороходова.

Прочитал 3-й № «За рубежом», это — хорошо. В статейке о Круппе не отмечены его подвиги с мальчиками на о-ве Капри, разоблачение этих подвигов социалистической прессой и приказ Вильгельма Круппу — застрелись! Что старикашка и сделал.

Ну, довольно я наворчал. А. Пешков.

30.1.33.

Вместе с этим послал в адрес Крючкова рукопись Пинкевича и пакет вырезок. Среди них есть весьма забавные.

Крепко жму лапу. А. Пешков.

«Возрождение» напечатало мощную ерунду о — якобы — гражданской войне в Сибири. Газета Милюкова опровергла сие сообщение.

Скучно здесь, скучно!

Шторм Г. П. — «Труды и дни Михаила Ломоносова. Обзорение в 9 главах и 6 иллюминациях». ГИХЛ. М. 1932.

...написанной Мушкетовым... — Повидимому, Горький имел в виду книгу Б. Н. Меншуткина «Михайло Васильевич Ломоносов». СПб, типография Академии наук, №11, или его же книгу «Первый русский учёный М. В. Ломоносов». Пг. 1915.

Докучаев В. В. (1846—1903) — русский учёный, основоположник современного почвоведения.

Вернадский В. И. (1863—1945) — академик, основоположник геохимии.

Бёрбанк Л. — Бёрбанк Лютер (1849—1926), прогрессивный американский учёный-ботаник, селекционер-дарвинист.

Лутохин Д. А. (1885—1942) — литературный критик. В 20-е годы жил в Чехословакии, в эмиграции. В 1927 году возвратился в СССР. В 1923—1935 годах встречался и переписывался с М. Горьким. Его воспоминания о Горьком напечатаны в журнале «Ленинград», 1940, № 11—12.

В статье о Круппе... — С. Гальперин. «Политика меня не интересует». «За рубежом», 1933, № 1 (3), 5 января, стр. 16.

...рукопись Пинкевича А. П. — О какой рукописи идёт речь, не установлено.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 24 февраля 1933 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

посылаю вырезки из эмигрантских и буржуазных газет, сумбурный фашистский «Октябрь» для ознакомления, небезинтересное, — хотя и неумное — письмо эмигранта по поводу «наших достижений» и перевод рассказика «В Женеве», м. б., он годится для «Огонька» или «За рубежом».

Второй № «За рубежом» интересен. Как относится читатель к этому журналу?

Очень живо сделан 1-й № «Наших достижений», но — почему тираж снизился до 30-ти т.?

Сердечный привет

А. Пешков.

24.II.33.

Появился в Париже роман «Отечество» Таманина и делает шум. Гиппиус и Милюков — расхвалили его, Ходасевич — обругал. Герой романа нечто родственное Самгину. Роман пошл и глуп, да ещё и подл, так же, как герой. Хочется написать о нём, но — едва ли найду время.

А. П.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

(Москва. 21 августа 1933 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Пересылаю записку И. Лежнева о газете (журнале?) «За культуру». Если Лежнев Вам понадобится — он в Москве.

Ваш

Мих. Кольцов.

21/VIII

1933

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Москва. 26 августа 1933 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

«соображения» Лежнева — красноречивы, но не совсем «на тему».

Мне кажется, что наша тема такова: рассказать самим себе обо всём, что мы сделали и делаем в области культуры, в науке, технике, искусстве, в направлении охраны здоровья населения, воспитания детей, дорожного и городского строительства, в области агротехники, изобретательства и т. д.

Короче говоря: рассказать населению, как оно богатеет материально и умственно.

На-днях я попрошу Лежнева о свидании со мной и, вероятно, мы договоримся о программе издания.

Привет.

М. Горький.

26.VIII.33

...«соображения» Лежнева... — Речь идёт о записке И. Г. Лежнева «Соображения о газете «За культуру». В Архиве А. М. Горького хранится экземпляр записки с заметками А. М. Горького.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Москва. Январь — февраль 1934 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

посылаю материалишко, который можно очень хорошо использовать, как мне кажется. Прилагаю два кусочка из моих «Заметок», — если понравятся — буду очень рад.
Жму руку. А. Пешков.

...два кусочка из моих «Заметок»... — вероятно: «Туман» и «Пейзаж с-фигурой». «За рубежом», 1934, № 6, 25 февраля.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 4 марта 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

было бы весьма важно послать телеграмму за Вашей подписью в редакцию «Фольксцейтунг» в связи с начавшейся кампанией за освобождение Тельмана.

Ваш Мих. Кольцов.

...телеграмму за Вашей подписью... — Горький в тот же день отправил телеграмму следующего содержания: «Я считаю позором Германии годичное пребывание в тюрьме вождя германских рабочих Эрнста Тельмана. Я надеюсь, что деятели культуры, науки и искусства всего мира подымут голос протеста против бесчеловечного пленения Тельмана и готовящейся над ним расправы».

В Советском Союзе впервые опубликовано М. Е. Кольцовым в журнале «За рубежом», 1936, № 18, 25 июня, с авторской датой — 4/III. 1934 г.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Тессели. Начало 1936 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

книга «День мира» затеяна для того, чтоб показать читателю нашему, чем наполнен день мещанства, и противопоставить картине этой содержание нашего, советского дня. Зачем это нужно?

Мы пишем, что буржуазия гниёт, разлагается и т. д. Это звучит голословно, ибо не подтверждается фактами, — в нашей прессе нет места для бытового материала, который дал бы наглядное, ясное представление о том, как именно разлагается дряхлый, отживший мир мещанства. Журналисты и литераторы наши, поугайски повторяя слова: «гниёт», «издыхает» и пр., не умеют, да как будто и не считают нужным показать, что гниёт, как гниёт, кого и насколько глубоко заражает? Зарубежные литераторы выпустили уже десятки книг, изображающих разложение своего общества, но у нас до сего дня ещё не догадались дать сводку немецкой антифашистской литературы, хотя изданы переводы доброго десятка таких честных книг. При тиражах в 10 тысяч они, конечно, не дойдут до нашего читателя массового.

Итак: «День мира» — сводка всего, что творится мещанством Европы в его стремлении удержаться на завоёванных позициях. Интересно показать, как мещанин, создатель психологии бандинизма — штирнерианства, нитzscheанства — заражает этой психологией мелкое мещанство, создаёт фашизм, углубляет бесчеловечность мещан.

Показать влияние безработицы: усиление «преступлений», детской проституции, самоубийств, потерю чувства человеческого достоинства, — последнее особенно характерно выражается в публичных выступлениях разных утешителей и развлекателей мещанства.

Дать примеры разжигания национальной и расовой вражды. Примеры грандиозных мошенничеств вроде Стависского — и примеры мошенничества судей. Семейные драмы на почве недоедания, а также и распутства. Понижение ценности жизни, выражаемое в убийствах из-за ничтожных пустяков и т. д.

Особенно же чётко надобно показать репетиции гражданской войны в разных странах. Наша молодёжь ничего не знает о героических днях Вены, Антверпена, о событиях в Испании, в Польше, и о том, чтоб она знала всё это — не видно ничьих забот.

* * *

Материал, присланный Вами, вызвал у меня впечатление грустное.

Разве для Англии характерен только Лондон, а для Лондона — только Уайтчепель? А почему бы не показать трагикомическую трусость англичан, которые видят: надо воевать и — бояться воевать? И — где Ирландия? Почему так много дано места Палестине, а 300 миллионов индусов — как бы не существуют? Алжир, Тунис — в наши дни — котлы, где закипают большие события, но это упущено из вида. А Марокко, — совсем нет!

Не освещены факты истребления безоружных абиссинцев итальянцами, нет ничего о Китае, в его отношении с Японией, ничего о Советском Китае, мало об Индо-Китае.

В общем: всё сделано поспешно, непродуманно, кое-как. Допущено и смешное, но не то, какое допустимо и даже обязательно.

Смешное дано в форме сведений о погоде 27 сентября.

На мой взгляд, материал в данном его виде, ничем не связанный и никак не организованный, не имеет значения, это — бросовый материал. Совершенно ясно, что тема не увлекла работавших над нею, не поколебала их равнодушия.

Рассказы литераторов о том, как они провели день 27 сентября, что чувствовали, о чём думали — рассказы, которые я, конечно, не решусь назвать пустыми, но назвал бы пустынными. Они не все таковы, но в большинстве вызывают представление именно о пустынных людях, живущих вдали от кровавых безобразий фашизма, от подготовки хищников к войне, живут в некой Фиваиде и смотря на жизнь далёкую от них, сквозь некую мглу. Возможно, что это — мгла сознания пустынноками их мудрости, их величия.

Не знаю, что можно сделать с этими рассказами. Издать их отдельной книгой? Но их очень мало, да и маловажны они.

О материале советского дня скажу, что это — сырьё, надобно выжать из него воду, высушить казённое словословие и тогда зажечь — он самосильно вспыхнет ярчайшим костром и покажет горение миллионов людей, которые в прекрасном героическом труде освещают весь мир новым ярчайшим огнём, — новым смыслом жизни.

Помните — я говорил, что 27-й день — или какой-либо другой — для нас только опорный пункт и что наша работа — не только работа с конкретностями, с реальностями, но и работа воображения.

Умея планомерно создавать новый мир, мы должны уметь разрушать старый, показать картину желаемой нами гибели врага.

Привет горячий.

М. Горький.

Датируется предположительно по вступительной статье М. Кольцова к книге «День мира». Письмо частично опубликовано в журнале «За рубежом» под заголовком «О книге «День мира».

...книга «День мира»... — Рукопись «День мира» после критического разбора её М. Горьким была в работе ещё год и вышла после его смерти («День мира». Под редакцией М. Горького и Мих. Кольцова. Жургазобъединение. М. 1937).

...мошеничеств вроде Стависского... — банковский делец А. Ставиский выпустил во Франции фальшивые банковские облигации при участии министра колоний, ряда депутатов парламента и полиции.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

(Москва, 28 марта 1936 г.)

Поздравляю желаю сил и радости берегите себя для многих лет и книг Обнимаю крепко целую Вас

Михаил Кольцов.

Датируется предположительно. Телеграмма передана из Москвы в Форос, повидимому, ко дню рождения А. М. Горького.

17 июня 1932 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КУЛЬПРОП ЦК ВКП(б)

Копия — Журнально-Газетное Объединение
(О реорганизации журнала «За рубежом»)

Международная обстановка становится всё острее и напряжённее. Угнетение и классовая борьба принимают новые острые формы. Упадочность и вырождение правящих кругов, в частности обслуживающей их интеллигенции, проявляется всё ярче и нагляднее. Эта потрясающая по яркости и революционной поучительности картина кризиса старого мира и борьбы с ним мирового рабочего класса заслуживает пристального наблюдения советского читателя — не только на страницах газет, но и более обобщающего показательного журнального освещения.

Журнал «За рубежом», к сожалению, в данный момент не соответствует всем этим требованиям. Он отстаёт от всего происходящего в странах мира. Отстаёт из-за методов своей работы, да и потому, что благодаря полной пассивности его многочисленной редколлегии журнал попросту не выходит по целым месяцам. Этому виной ещё и негодная постановка издания журнала в ГИХЛе.

Сейчас ГИХЛ передал «За рубежом» в Журнально-Газетное Объединение. Есть основание считать, что этот переход обеспечит бесперебойный выпуск журнала со стороны издательско-технической.

Но этого мало. Форма журнала, его периодичность, характер обработки материала и организационная структура редакции себя не оправдали. Я предлагаю:

- 1) «За рубежом» в его нынешнем виде закрыть и редколлегию считать распущенной.
- 2) Выпускать журнал в новом виде отныне два раза в месяц, по обновлённой расширенной программе, возможно даже под новым названием, под редакцией моей и тов. Мих. Кольцова, согласие которого имеется.
- 3) Подписчиков «За рубежом» компенсировать новым изданием.

М. Горький.

В. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

★

ПИСЬМА О КИТАЕ

Воин Андреевич Римский-Корсаков (1822—1871), старший брат великого композитора, крупный деятель русского флота, контр-адмирал, исследователь Татарского пролива и низовьев Амура, соратник Г. И. Невельского, был талантливым писателем. Многие его труды опубликованы в «Морском Сборнике».

Передовые общественные взгляды В. А. Римского-Корсакова, высокое чувство патриотизма, гуманизм, уважение к народам, угнетаемым англо-французскими и американскими колонизаторами, нашли яркое выражение в его неопубликованных письмах к родным из дальнего плавания. Письма эти содержат яркие описания природы, быта, нравов, культуры народов Африки, Японии, Англии, Италии, Испании, Дании и других. Большую историческую ценность представляют письма, посвящённые Дальнему Востоку и защите Петропавловска-на-Камчатке от нападения англо-французской эскадры в 1854 году.

В 1852 году В. А. Римский-Корсаков принял командование над шхунной «Восток», сопровождавшей фрегат «Паллада», где находился И. А. Гончаров. Письма В. А. Римского-Корсакова из Китая и Японии не только дополняют книгу писателя, но и представляют глубокий и самостоятельный интерес.

Во время пребывания русской эскадры в Шанхае (1853—1854) революционное движение в Китае достигло огромного размаха. Это были годы великих побед революционной армии тайпинов над маньчжурскими войсками, годы создания тайпинского государства. В Шанхае вспыхнуло восстание, организованное тайным обществом «Саньхой», близким к тайпинам. Длительное время императорские войска тщетно пытались разбить повстанцев: население Шанхая оказывало деятельную поддержку революционной армии, захватившей город.

В. А. Римский-Корсаков, бывший свидетелем этих событий, отнёсся с глубоким сочувствием к китайским революционерам и в своих письмах оставил ряд ценных сведений о борьбе китайского народа за свободу.

Письма В. А. Римского-Корсакова свидетельствуют о его высоком уважении к китайскому народу. В этом отношении он разделял взгляды передовой общественности России, которая в лице Чернышевского и Шевченко относилась с глубокой симпатией к движению тайпинов. В. А. Римский-Корсаков с возмущением и негодованием пишет о грабительской колониальной политике, проводимой в Китае английскими, американскими, французскими захватчиками. Несомненный интерес представляют письма В. А. Римского-Корсакова из Гонконга (1857), посвящённые развязанной Англией войне против Китая. Китайские власти в Кантоне наложили арест на китайское контрабандистское судно, плававшее под английским флагом. В наказание за «оскорбление английского флага» британский флот разрушил кантонские форты и бомбардировал город. В результате, по словам Маркса: «...утихший было огонь ненависти к англичанам, загоревшийся в Китае во время войны из-за опиума, вспыхнул теперь новым пламенем ярости...»¹.

Рисуя как очевидец зверства колонизаторов, В. А. Римский-Корсаков в то же время убедительно разоблачает измышления английских и французских газет о мнимой жестокости китайцев. Он защищает право китайского народа бороться любыми средствами против своих врагов. Вспомним, что писали К. Маркс и Ф. Энгельс о событиях в Кантоне: «...вместо того, чтобы читать проповедь по поводу ужасных жестокостей китайцев, как делает рыцарственная английская пресса, было бы лучше, если бы мы признали, что это... война народная, ради сохранения китайской национальности...»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. 1-я, стр. 157.

² Там же, стр. 166.

Письма В. А. Римского-Корсакова печатаются по подлинникам, хранящимся в семейном архиве у сына композитора — В. Н. Римского-Корсакова. При публикации сделаны небольшие купюры, опущены мелкие бытовые подробности. Географические названия, приводимые автором, даются в современной транскрипции.

1 февраля 1854 г. Китайское море; на пути от Шанхая к Лючжоу

Я теперь спешу на соединение с эскадрой, а между тем примусь за продолжение рассказа о моих peregrinations¹. На пути от Нагасаки к Шанхаю (в ноябре) я должен был следовать за фрегатом при свежем боковом ветре и, чтобы не отстать, нёс всю возможную и даже форсированную парусину.

12 ноября стали мы на якорь у Седельных островов, а 13-го я отправился в Шанхай. Вам, конечно, известна царица китайских рек и не то третья, не то четвёртая по величине из всех рек мира — Янцзыцзян, или Синяя река. Впадает она в Китайское море между 31 и 32 градусами широты. Земля, окружающая низовья, есть огромная, совершенно плоская и очень низменная долина, занимающая тысяч десять квадратных вёрст пространства и, вероятно, сформированная в течение многих тысяч оседанием речного наноса. Пространство это считается плодотворнейшим, населённейшим и обработаннейшим во всём Китае. Стоит взглянуть на карту этого клочка, чтобы прямо видеть, что для торговли и промышленности это сущий клад, и, следовательно, удивляться нечему, если скажут, что на таком пространстве поселилось около восьми миллионов народу и что на нём установилось четыре огромных города, имеющих каждый от трёхсот до пятисот тысяч жителей. Города эти — Ханчжоу, Сучжоу, Нинбо и Шанхай. Первые два суть главные фабричные города Китая, а вторые два — одни из самых важных торговых.

Чтобы дать вам понятие о величии водной системы Чжэцзяна, покрывающей его превосходными сообщениями, довольно сказать, что небольшая река Усун, впадающая в Янцзыцзян, вёрст на сорок вверх от устья так же широка, как Нева у Троицкого моста, и доступна для самых больших судов. Канал Императорский², нарочно проведённый от городов Ханчжоу и Сучжоу поперёк Янцзыцзяна к Пекину, имеет более восьмисот вёрст в длину. Нинбо и Ханчжоу для больших европейских судов недоступны, но против них на взморье лежит Сусанский архипелаг³ с множеством прекраснейших гаваней, который, без сомнения, перебьёт у Шанхая весь европейский товар. Словом сказать, Пекин в своей пустынной провинции Пе-Чи-Ли⁴ не мог бы существовать, если бы не соединился он с Чжэцзянской провинцией посредством Императорского канала. Там, где канал этот пересекает реку Янцзыцзян, стоит большой укрепленный город Чжэцзянфу, и город этот натурально есть ключ сообщения между Пекином и Чжэцзяном. Теперь, когда ключом канала овладели инсургенты китайские, Пекин находится в критическом положении, так что если бы не многочисленное маньчжурское войско императора, он давно уже был бы взят.

Итак, Шанхай есть один из главных городов Чжэцзянской губернии, и притом, так как европейская торговля в нём не терпит тех стеснений, каким она подвержена в Кантоне, то натурально, эта торговля в нём год от году возрастает. Главная цифра этой торговли — чай, которого в последний год вывезено семьдесят миллионов фунтов и американцами до двадцати пяти миллионов.

Главный и важный прибыльный предмет ввоза есть опиум, для склада которого держатся англичанами и американцами восемь больших кораблей. Корабли эти стоят постоянно в устье Усуна, имеют многочисленные команды, хорошо вооружённые, и, назло всем китайским властям, ежегодно вваливают в Китай до 30 тысяч ящиков яду⁵. И этим бессовестным торгом занимаются самые богатые, самые почтенные торговые дома. Так, например, американский дом Росселль и Комп., имеющий конторы и в Лон-

¹ Странствиях.

² Великий канал.

³ Острова Чжоушань.

⁴ Печжили, Чжили, ныне Хэбей.

⁵ Торговля опиумом, насильно навязанная Китаю, составляла одну из самых выгодных статей дохода для Англии и Америки.

доне, и в Нью-Йорке, и в Калькутте, и в Маниле, и в Капштадте, дом, конечно, известный всему торговому миру, имеет целых два опиумных судна в Усуна и ввозит ежегодно не менее восьмисот тонн зелья, и представители сго, тем не менее, пользуются тем же самым уважением и доверием, как если бы они наживались самыми честными средствами. Во всякой другой стране, например любой европейской, где есть и таможи и правильные сборы пошлин, эти господа были бы сочтены контрабандистами и сообразно тому их бы и трактовали и осуждали, а в Китае, где некому их пугнуть, они честные и достойные люди. Вообще по всему видно, что Китай, как и вообще Тихий океан, это золотое дно для европейских спекуляторов, которым стоит только здесь показаться, чтоб собирать пригоршнями доллары.

Берега Усуна так же низменны, как и у Янцзыцзяна, так же, как и те, оторочены земляною плотною сажени в две вышиною, в защиту от наводнений, иногда случающихся после продолжительных дождей. Так же, как и там, плотина скрывает от глаз всякие признаки жилья, но стоит только подняться сажени на три на ванты, чтоб глаз был выше плотины, и тогда тотчас же откроются тысячи домов, селения, поля, деревья, словом, всё то, чего только можно ожидать от прославленного трудолюбия китайцев. Весною или летом, когда вся зелень на полях и на деревьях свежа, вид плоского прибрежья Усуна должен быть восхитителен. Это суший сад с бесчисленным множеством дорожек, тропинок, клумб, лужаек и беседок в китайском вкусе. Я жалел, что мог это представить себе только в воображении, потому что в исходе ноября большая часть деревьев уже потеряла листья и только никогда не отдыхающий рис да озимая пшеница зеленели. По реке большое движение: пропасть джонок, сампанов, лодок из Нинбо и тому подобных скорлупок, оригинальных и оснасткою, и окраскою, и управлением. Тут сейчас же видишь, как ошибаются, судя о китайских мореходах по картинкам и описаниям. Казалось, для чего бы им натягивать паруса на бамбуковые трости? Это, думалось, так тяжело, неуклюже и может служить разве только в попутный ветер, когда хоть доску на мачту повеси, так и та будет парусить. Но как взглянешь на эти лодки, ботки и джошки, так нельзя не признать, что для местных требований ничего лучшего выдумать было нельзя и что никакая европейская лодка не возьмёт столько груза и так свободно не будет расхаживать по отмелям Усуна, как произведения китайских кораблестроителей, которые у наших, конечно, ничего не занимали.

Шанхай открывается уже тогда, когда подойдёшь к нему вплоть; и то собственно города не видно, потому что все его низенькие деревянные строения совершенно скрыты за каменною стеною сажени в шесть вышины, которою он обнесён. Поэтому прежде всего бросаются в глаза его два приречных предместья, из коих одно принадлежит европейцам по праву купли и продажи. Предместье это занимает пространство по крайней мере квадратную милю и всё застроено великолепными каменными домами той же архитектуры, что и в прочих английских колониях тёплого климата, т. е. с галереями или верандами кругом всех этажей. Трудно понять, как успели всё это воздвигнуть в какие-нибудь 10 лет, ибо не прежде того дозволено иностранцам тут селиться, и это одно уже должно доказать, что тут вращаются огромные капиталы. И теперь европейский квартал продолжает расти, новые дома строятся за новыми, церкви, гулянья, гостиницы — всё тут есть. Вообще положение европейцев в Шанхае вовсе не такое жалкое, как в Кантоне, и в китайском народонаселении вовсе нет той ненависти к иностранцам, что в Юго-Восточном Китае; оно здесь гораздо смирнее. Зато европейцы гораздо храбрее: гадко смотреть подчас, как иной гражданин свободной и филантропической Англии тусит с плеча какого-нибудь слугу-китайца¹. Хозяин гостиницы, в которой я жил, особенно часто нас угощал подобными зрелищами, а между тем куда какой он строгий пресвитерианец: в воскресенье у него даже и миллиардная заперта. Теперь, на время беспорядков в Китае, все живущие в Шанхае европейцы образовали из себя муниципальный батальон в двести человек, который сверх того подкрепляется всегдашним присутствием трёх или четырёх военных судов английских, французских и американских, и образовали среди чужой земли общину, которая не

¹ В своём дневнике В. А. Римский-Корсаков записывает 1 декабря 1853 года: англичане считают, что китайцев «можно бить и даже убивать безотчётно (безнаказанно). Граждане свободного государства в этом отношении хуже наших помощников».

хочет признавать ничьих законов, кроме тех, которые могут быть поддержаны влиянием их же собственных консулов. Пользуясь слабостью и междоусобиями китайцев, они решительно распоряжаются как хотят. Например, когда в сентябре прошлого [1853] года Шанхай взят был инсургентами, то натурально вся городская администрация расстроилась. Первым лицом в городе считался губернский казначей, или таутай¹, которого главная должность состояла в сборе податей и пошлин. В этом звании он был и начальником таможни Шанхайской, и, следовательно, все пошлины с ввозимых и вывозимых товаров выплачивались ему. Принуждённый по взятии города [восставшими] бежать, таутай, однакож, не бросил своего поста без борьбы. Говорят, будто бы инсургенты оставили его в живых потому только, что он дал слово не показываться более в Шанхае, а отправиться на свою родину — в Кантон, но до этого, конечно, европейцам и дела нет, так что они разве только партикулярно, по-человечески, могли осуждать таутая, когда он, собрав сколько мог войска, купив у европейцев несколько судов и образовав из них эскадру, явился обратно, чтобы отнять Шанхай. Надо вам сказать, что инсургентами занят только собственно город, т. е. только то, что заключено внутри стен, а в предместьях и во всей окрестности старый порядок остался неприкосновенным, и, между прочим, здание таможни, находящееся в пределах фактории, осталось, как было; только, разумеется, с бегством начальника сбор на время прекратился. В начале ноября таутай явился с войском и флотом и осадил Шанхай и с моря, и с суши и, разумеется, нуждаясь в деньгах для военных издержек, первым делом принялся за восстановление таможенного сбора с европейцев.

Для ясности повторю опять, что всею окрестностью города власть его признаётся, а инсургенты только и владеют тем, что внутри стен. Казалось бы, по справедливости, что иностранным негодьятам, покуда не ниспровергнуто окончательно правительство, признаваемое их государствами, следует признать и те местные власти, которые этим правительством были установлены; и в отношении этих властей они до конца должны бы выполнять те обязательства, какие наложены на них трактатом; и потому чего бы, кажется, проще и согласнее с здравым смыслом — продолжать выплачивать пошлины с товаров таутая? Но таутай не был в силах настоять на своём требовании, и европейцы этим воспользовались. Английский консул объявил, что при сомнительном и шатком положении дел в Китае, при беспрестанных и быстрых успехах инсургентов он не знает, на что рассчитывать, и что поэтому считает обязанностью собирать пошлину с британских судов, но удерживать её у себя, чтобы выдать после тому правительству, которое окончательно возьмёт верх и упрочится. Американский и французский консулы сначала поступили честнее и начали выплачивать пошлины за свои суда таутая, а прочие консулы разделились между этими двумя партиями.

На беду, в исходе декабря вдруг появилось в Шанхае небывалое до того судно — австрийское. Сомнения, впрочем, нет, что судно было английское или американское, но только подняло флаг австрийский. Я забыл упомянуть, что таутай по возвращении в Шанхай, имея пребывание не на берегу, а на купленном европейском судне, обращённом в вооружённый корвет, не счёл нужным устраивать таможню в прежнем здании и в прежнем порядке, а собирал пошлину на одном из судов своей эскадры, обращённом таким образом в временную таможню; и так как судно это стояло под китайским флагом, то, разумеется, дело от того несколько не должно было терпеть, потому что, кажется, судно и здание в этом случае всё одно, — но в этом именно и состоял его промах, как увидите из следующего.

Прибывшее австрийское судно, не имея своего консула и не найдя местной таможни, не заблагорассудило навести дальнейшие справки о том, кому оно должно заплатить пошлину, а таутай, занятый воинственными предприятиями против инсургентов, не поспешил его о том уведомить. Пользуясь таким порядком или, лучше сказать, беспорядком вещей, австрийское судно в два-три дня выгрузилось, взяло новый груз и беспорядочно ушло. Только что такой скандал случился, тотчас же все европейские консулы уведомили таутая, что вследствие шаткого положения дел и вследствие того, что таутай допускает суда таких наций, которые по трактатам не должны иметь никаких

¹ Любопытные подробности о таутаяе Самквэ сообщает И. А. Гончаров в своей книге «Фрегат «Паллада».

преимущества перед прочими, ввозить и вывозить товар без пошлины, они с своей стороны также прекращают плату пошлин до тех пор, пока политические обстоятельства страны не примут больше остойчивости. И вот таутай остался, что называется, на бобах. Каковы поступки и каковы резоны? Нужно ли прибавлять, что английский консул поступил совершенно в духе политики своих соотечичей? В последнее моё пребывание в Шанхае в тамошней газете напечатано было одобрение поступков консула со стороны министра-секретаря колоний, сообщённое официально от гонконгского губернатора, как главноуправляющего британскою торговлею в Китае.

Итак, мы застали Шанхай в осадном положении. Инсургенты, запершись в стенах его, никого не пускали в город, кроме самых известных им лиц из европейцев. Так, например, однажды нужно было побывать в городе английскому консулу, и для него ворота отперли. Этим случаем воспользовался адмирал наш¹ и вместе с консулом прошёл по городу, но, естественно, большой компании туда бы не пустили, а если бы и пустили, то неловко было заставлять английского консула о том хлопотать. Впрочем, по рассказам адмирала, нечего там и смотреть, потому что все лавки и дома заперты, всюду караулы и обходы, так что ни о чём нельзя составить себе понятия, кроме только о наружности улиц и домов.

Я, со своей стороны, пытался однажды попроситься в город, но караул у ворот решительно мне отказал, и даже не согласился никто доложить обо мне караульному начальнику. Я должен был удовольствоваться тем, что поглазел на разноцветные наряды и разнокалиберное оружие мятежного воинства. Многие из караульных были вооружены европейскими ружьями и пистолетами, но большая часть довольствовалась грубо сделанными копьями, ножами, бердышами и тому подобным ручным оружием. Главное отступление их от общепринятого китайского наряда состоит в том, что они не бреют голов и не носят кос; волосы отпущены во всю длину, обвиты вокруг лба и маковки и поддерживаются повязкою вроде чалмы из куса красной или синей ткани. Широкие балахоны заменены коротенькими обтяжными камзолами, перевязанными широким красным кушаком. Словом, они настоящие *bonnets rouges*². Физиономии их показались мне довольно бойкими. Как говорят, это всё более народ из южной губернии — из Кантона и Фокиена, население которых всегда отличалось характером довольно бурливым и заносчивым. И в самом деле, эти инсургенты в сравнении с императорскими войсками молодцы. Несмотря на то, что их наполовину меньше, всего, как говорит, около трёх тысяч, они вот уже четвёртый месяц держатся против семи тысяч войска и пяти судов, очень порядочно вооружённых, да штук двадцати нанятых таутаем пиратских джонок, тоже вооружённых пушками, и даже почасту делают весьма удачные вылазки.

Чтобы вам яснее понять мои рассказы, я приложил в уголке препровождаемой при сем карточки небольшой план Шанхайского порта. Императорские войска расположены в укрепленном лагере, позади европейских факторий, в расстоянии сажен восьмисот, т. е. за пределами дальнего пушечного выстрела от городской стены. Палатки расположены правильными рядами посреди квадратного укрепления, устроенного из мешков с землёю и песком, образующих стену сажен в полторы вышиною, на вид довольно слабую, так что кажется, если бы два-три здоровых парня понатужились да понапёрли в любом месте плечом, так тут бы мигом и брешь была бы готова.

В лагерь [императорских войск] меня не пустили, но позволили только заглянуть в ворота. Это не много прибавило к моим сведениям, потому что, кроме множества китайцев в синих балахонах, множества разноцветных палаток и множества развешанного для просушки платья, мне ничего не удалось увидеть. По обе стороны ворот высывались из-за стены две пушечки дрянного вида; никто не был вооружён, кроме человека у ворот, державшего в руках старое солдатское ружьё европейского изделия. В ясный, солнечный день, когда ветерок раздувает разноцветные значки и флаги, выставленные над каждой палаткой, а солнце играет на вычищенных медных шишках и иглах древков, тогда этот китайский лагерь имеет очень праздничный, весёлый вид, но вот, кажется, и всё его достоинство.

¹ Е. В. Путятин (1803—1883).

² «Красные колпаки» — прозвание французских санкюлотов.

Флот таутая, состоящий из двух судов трёхмачтовых и трёх двухмачтовых, обращённых из купеческих в военные, стоял всегда на том месте, где на плане показано, т. е. неподалёку от того дока, в котором шкуна моя окрашивалась, и я ежедневно имел его перед глазами. По этому случаю я имел даже небольшую переписку с таутаем. Надо вам сказать, что, так как после войны за опиум Россия не заключала никакого отдельного трактата с Китаем, следовательно, в строгом смысле, суда наши не имеют права входить в китайские порты. Но разумеется, что это запрещение может касаться только судов, приходящих с целью торговли, тогда как, разумеется, неужели, если судно нуждается в починке или в провизии, ему идти из Китайского моря в Ситху или в Манилу, когда под боком есть Шанхай? На третий день моего прибытия, когда я уже готовился войти в док, явился ко мне китайский чиновник с визитною карточкою от таутая и от имени его спросил меня, по какой причине я прибыл в Шанхай и какие намерения мои, откуда я прибыл и куда иду после. Вопросы были предложены весьма учтиво, но, разумеется, по смыслу своему они не согласовались с международными правами, и потому я ответил словесно, что шкуна пришла в Шанхай, собственно, для починки и для запасов, что прибыл я из Японии и что не знаю, куда иду после.

В течение месячного моего пребывания в Шанхае таутай сделал три нападения на город, и все три были отбиты или не имели никакого результата. Каждый раз для этого флот снимался и ставился против города, где инсургентами на самом берегу, в приречном или восточном предместье, устроена была батарея, как для помехи сообщениям таутая с верховьем Усуна, так и противодействия флоту. Став на якорь саженьях в двухстах от берега против батареи, флот открывал огонь, батарея ему отвечала, и перестрелка продолжалась обыкновенно до половины отлива, если ветер к возврату был противный, или до сумерек, если дуло попутье. В то же самое время сухопутное войско выходило из лагеря и, рассыпавшись отрядами по садам и полям, прилегающим к северной стороне города, открывало ружейную и пушечную пальбу по городу, а со стен им отвечали тем же. И с той и с другой стороны пальба была далеко не беглая, потому что с одной стороны позиции спрятались за стену, а с другой — за кусты. Бреши осаждающие, разумеется, и не помышляли делать, а о приступе ещё того менее думали. Главную целью их нападений была береговая батарея, обстреливавшая реку и останавливавшая их подвозы сверху. Каждый раз они пытались зайти ей в тыл через северное предместье, но тут-то инсургенты каждый раз и делали из ворот вылазку, которая обыкновенно кончалась поражением и бегством империалистов¹. Суда же со своей стороны гораздо более вредили домам предместья, окружающим береговую батарею, нежели самой батарее. С обеих сторон и порох скверный и соответственно тому плохие снаряды, плохие пушки, плохие артиллеристы, так что урон с обеих сторон никогда не превышал 20 или 30 человек убитыми и ранеными. А впрочем, с обеих сторон начинают к войне привыкать.

Мне сказывал один из английских военных командиров, что он при втором нападении на город смотрел с церковной башни на вылазку инсургентов и что ему удалось видеть очень бойкий рукопашный бой, продолжавшийся не менее десяти минут, между двумя отрядами, человек 50 каждый.

Последнее при мне бывшее нападение империалистов² было самое энергичное из всех прочих, но вместе с тем самое варварское и тоже не имевшее никакого успеха. Отчаявшись взять батарею приступом, таутай хотел её спалить или защитников её выкурить. Для этого при северном ветре он пошёл с эскадрою к батарее, а войска сухопутные произвели нападение прежним порядком; но на этот раз нападение было только диверсиею; настоящее же намерение таутая было зажечь предместья северное и приречное и пожаром принудить инсургентов оставить батарею. Вместе с флотом двинулось вверх по реке штук 15 джонок, большею частью пиратских, нанятых нарочно с целью поджигательства. Главный зажигательный снаряд состоит в банках с чрезвычайно горючим и невыносимо вонючим составом, приготовление которого — их секрет. Банки эти так и называются в о н ю ч и м и г о р ш к а м и, и их бросают обыкновенно

¹ То есть императорских войск.

² В. А. Римский-Корсаков описывает как очевидец бой между революционными войсками и маньчжурами, происходивший 7 декабря 1853 года.

просто с руки, зажёгши фитилём. Горшок, упав на что-нибудь, положим, на крышу дома или на палубу судна, мгновенно разбивается, и горячий вспыхнувший состав разливается по доскам жидким пламенем, издавая такую удушливую вонь, что человек не может подойти к зажжённому месту, чтобы его затушить.

С такими-то вонючими горшками четыре пиратские джонки подошли к северному предместью. С каждой из них отвалило по небольшой лодке с четырьмя или пятью человеками, и люди эти, очень смело и проворно выскочив у набережной, устроенной из свай, в воду, принялись за своё дело. Весь европейский люд, в том числе и мы, высыпал на свою набережную смотреть на эту историю, и нам видно было каждое движение нападавших как нельзя лучше, потому что всё происходило от нас не далее как в двухстах саженях расстояния.

Минуты не прошло после того, как зажигатели соскочили в воду, как уже свая набережной вспыхнули, а вслед за ними и стены домов, подступающих к набережной. Через четверть часа вся набережная уже пылала и пожар пробирался далее и далее по дощатым старым хижинам, из которых предместье состоит. Отряд инсургентов и с ними вместе все жители предместья бросились, чтоб воспрепятствовать пожару и отбить зажигателей, но уже было поздно: пожар слишком усилился. Однакож, вероятно, и у этих были зажигательные горшки, потому что из четырёх джонок две вскоре после начала пожара, оставаясь близко от набережной, чтобы принять назад зажигателей, зажгли и в наших глазах взлетели на воздух.

Предместье горело весь вечер и было совершенно истреблено, но желанного результата — уничтожения батареи — таутай всё-таки не добился, хотя сам весьма храбро перестреливался с нею на своём корвете. К его неудаче, ветер после зажжения предместья переменялся и подул с юга, т. е. прочь от батареи, так что она осталась как была, а между тем таутай навязал себе вражду всех жителей предместья, да и конечно городских, за такое варварское лишение имущества людей, вовсе не причастных к войне. Говорят, будто через это силы инсургентов на другой же день увеличились ещё пятью тысячами народу, оставленного без куска хлеба. Кроме того, уничтожением предместья он помог инсургентам в тактическом отношении, потому что теперь очистилась вся эта груда домов, которая могла прикрыть нападение на инсургентскую батарею. Пожар предместья был единственным серьезным делом во всех шанхайских военных действиях, а перестрелка и всё прочее шутство ни малейше не озадачивает и не пугает европейцев. Они объявили свою землю нейтральной для обеих сторон¹, и у них торговое дело идёт безостановочно. С некоторой стороны это несчастное положение страны приносит им выгоды. Так, например, чернорабочие стекаются к ним толпами, и подённая чернорабочая плата теперь ничтожна, а между тем в отношении доставки товаров они так уладили дело, что ни инсургенты, ни империалисты не задерживают того, что к ним адресуется. Европейцы по всем окрестностям Шанхая могут циркулировать, как дома, только, разумеется, нельзя соваться туда, где ядра летают, и консулы объявили, что они слагают с себя поручительство в защите, если с кем-нибудь от того случится несчастье. И действительно, неблагоприятно, например, выходить в те сады, которые отделяют лагерь от города: однажды мне случилось сунуться туда с компаниею, и не прошло десяти минут, как ядро очень близко от нас прожужжало. Но, например, под батарею инсургентов, по реке, всякая шлюпка под европейским флагом может проехать свободно; только инсургенты просят, чтоб в таком случае шлюпки держались возле городского берега, а не противоположного, чтобы им можно было рассмотреть лица едущих. Раз таким образом адмирал ездил с командиром французского парохода в церковь католической миссии, а я за ними следовал на своей гичке, под своим флагом. Мы подъехали вплоть к батарее, рассмотрели её и всех бывших на ней вооружённых инсургентов, а они, со своей стороны, посматривали на нас, прерывающе покуривая трубки и попивая чай. Всякого рода провизия — зелень, живность, дрова, — всё это получалось инсургентами беспрепятственно со стороны европейского предместья. Когда я ходил к воротам города, я застал неподалёку от них весьма оригинальный рынок. Человек 700 городских жителей сидело верхом или иначе на гребне стены, а у подошвы её тол-

¹ Этому «нейтралитету» американцы и англичане вскоре изменили, начав оказывать деятельную помощь маньчжурскому правительству в удушении тайпинов.

пилось человек 200 продавцов всяких жизненных припасов. Со стены спускались ве­рёвки, а внизу вешали на них всё, что требовалось, и таким воздушным путём отпра­влялись на стену петухи, бараны, корзинки с пирожками и пряниками. Шум и толкотня как внизу, так и наверху были настоящие рыночные. Это делалось среди бела дня, и при такой погоде, конечно, шум доходил до самого лагеря империалистов, но ни один отряд с той стороны не показывался, чтоб воспрепятствовать.

Я упомянул выше о церкви католической миссии, и я думаю, вы не без интереса прочтёте несколько строк собранных мною сведений как об этой, так и о прочих христианских миссиях. Миссии эти, о которых мы только мельком слышали и мало помнили в Европе, здесь, на Востоке, играют громадную роль, едва ли не такую же, как торговля. Так как первоначальными путешественниками и колонизаторами в этих морях были испанцы и португальцы, то и первоначальные миссионеры были католики. Во главе этих католических миссионеров были бесспорно иезуиты и по деятельности, и по средствам, и по искусству. Люди в высшей степени практические, они удивительно как хорошо разумели дело первоначального воспитания. Натуры юные, восприимчивые и страстные, конечно, всего скорее ловятся на впечатления внешние, и, действуя этими впечатлениями, они умели приобрести влияние не только на толпу, а даже и на многих императоров китайских, так что, например, в Китае, они достигли многих почётных званий и так деятельно покровительствовали распространению христианства, что оно ни разу не терпело в Китае тех гонений, каким оно подвержено бывало в других краях. Может статься, этому много способствовало и сходство католицизма с буддизмом во внешних обрядах. Главная же причина успехов католицизма состоит в том, что его агенты имеют удивительное искусство подчиняться и обстоятельствам и людям, в среду которых они заброшены. Они тотчас же надевают народный костюм, выучиваются народному языку, заводят больницы, сами в них ухаживают за больными, вообще не только не гнушаются, но стараются смешиваться с народом.

Я немало был удивлён, когда, зайдя к французскому консулу, увидел у него в го­стиной китайца в полной форме — в синем балахоне с широкими рукавами, в китайских башмаках, с бритой головою и с косою, — свободно и шегольски объясняющегося по-французски. С четверть часа я был в том убеждении, что это настоящий китаец, веро­ятно, воспитанный в Гонконгской или иной духовной академии и приготовленный для миссионерского подвига, и, только уже внимательно взглядевшись и в тип физиономии, мог наверное заключить, что это француз. То был действительно иезуит père Mathias, один из духовных шанхайского епископства.

В северных губерниях христианство имеет больше последователей, нежели в южных. Католическая епархия здесь процветает, видимо. В нынешнем году окончена и освяще­на соборная церковь, воздвигнутая на берегу реки, в южном предместье Шанхая. Церковь эта не показалась бы маленькою даже в европейском городе, а в Шанхае она решительно самое капитальное и большое здание, в котором может поместиться, наверно, человек до 700 или 800. К церкви пристроен очень просторный квадрат одно­этажных каменных флигелей под одну крышу, окружающих большой двор и служа­щих жильём для братии, а также и помещением для школы, больницы и странноприим­ных келий. Всё это устроено на большую ногу, прочно и просторно, хотя без роскоши.

Протестантские миссионеры появились в Китае, как и везде, гораздо позже католи­ческих. Средство их пропаганды — безденежная раздача библий, переведённых или ими самими, или от Лондонского библейского общества, которое печатает их на каком угодно языке во множестве экземпляров, школы для детей, больницы и, наконец, рас­пространение европейских вкусов и европейских понятий с помощью европейских това­ров, потому что рачение о спасении душ заблудших дикарей не мешает им заботиться и о своём кармане. Они обыкновенно от общества, от которого посылаются, снабжены хорошими средствами, так что по прибытии на место могут с комфортом устроиться, обзавестись необходимым, а там далее или фермерствовать, или торговать, или то и другое вместе, и, главное, никто из них не упускает, если только может, приобрести политическое влияние в своём уголке. Без раздачи библий и без торговли едва ли бы они могли иметь успех, потому что горячности и увлечения в них нет ни на грош. Это спекуляторы и политические агенты;

В многолюдном и деятельном Китае влияние этих господ, разумеется, далеко не заходит, но, например, на островах Тихого океана, где народ и малочисленное и легковернее, говорят, тошно смотреть, в каких жалких объёмах они превратили этих простодушных первобытных людей. И там они готовы рассыпать благодать только у народов смиренных и безобидных, каковы, например, сандвичане и таитяне, но ни один не сунется к свирепым островитянам, например, архипелагов Фиджи или Ново-Гебридского, а этим, кажись, спасение нужнее бы, нежели первым, которые и без внушений миссионеров были смиреннее всяких христиан.

В нынешней революции китайской миссионеры деятельного участия не принимают, но в ней отзывается влияние их усилий по распространению христианства. Последователи новой династии, перебивающей Маньчжурскую¹, избрали христианские идеи и верования одним из главных орудий своей пропаганды. Они по-своему их коверкают и толкуют, применяя их к своим политическим целям, но, тем не менее, сущность их остаётся. В прокламациях Тайпингуанга и его соумышленников имя Иисуса Христа беспрестанно упоминается, признаётся его божественное происхождение, рассказываются его деяния, Глава возмущения, Тянь Дэ, то и дело что называет себя его братом, точно так же ниспосланным на землю для низвержения неправды и водворения истины, но, разумеется, не внушает, что царство его несть от мира сего, и действует не кротким убеждением, а попросту силою.

Люди, знакомые с Китаем и следящие за его делами, сказывали мне, что этот господин Тянь Дэ, или, как его тоже называют, Тайпин-ван—по имени его династии,— по всем признакам должен быть человеком гениальным. Это, впрочем, согласно и с фактами, потому что иначе нельзя себе и представить человека, умевшего в какие-нибудь два года перевернуть вверх дном царство с двумястами миллионами жителей, закоснелое в отвержении всякой новизны и всякого прогресса. Ему не более 25 лет от роду, и говорят, будто бы он первоначальное образование своё получил от известного миссионера Гуцлафа², но это мнение не все разделяют. Действительно ли он потомок династии Мингов или самозванец — этого также наверное никто не знает, но достоверно то, что он родился и вырос в нищете. Характер ему приписывают серьёзный и мрачный. Повидимому, он не отступает ни перед какими мерами для достижения своих целей, имея, как кажется, первее всего в виду истребление дотла всех маньчжуров, которых он намерен преследовать даже в их собственных пределах. Табаку и опиуму он объявляет немилосердное гонение; не знаю, удастся ли англичанам с ним уладить опиумное дело так, как до сих пор оно улаживалось. В нём они найдут врага энергичного.

Я уже упоминал, кажется, ещё в описании Кантона и Гонконга, что китайцы несравненны, как ремесленники. С ними рядом не ужиться никакому европейскому мастеру, потому что в дешёвизне и проворстве работы за ними нет возможности угнаться. В Шахае по обеим сторонам европейских факторий — два китайских предместья, состоящих из низеньких, грязных, тесно слеplенных между собой лачуг из бамбука и тростника, кое-где обмазанных глиною, наполненных китайскими мастеровыми и лавочниками. Обыкновенно лавочка или мастерская есть не что иное, как плохой навес, не более как в четыре квадратные сажени, на улице открытой, а по трём прочим стенам снабжённый или полками для товара, или скамьями для рабочих. Сзади навеса небольшой дворик отделяет жилую половину, обыкновенно очень тёмную и грязную, которая, видимо, имеет одну только цель — пристанище на ночь.

Эти собрания лачуг прорезаны улицами не шире сажени, вымощенными плитами, по которым с утра до вечера, несмотря ни на какую погоду, течёт взад и вперёд толпа народу в синих, подстёганных ватой бумажных балахонах, в чёрных и серых низеньких поярковых шляпах с приподнятыми полями, в суконных башмаках с голстейшими подошвами, с длинными косами, с реденькими бородками и длинными, книзу опущенными усами. Кожа у шанхайца более, чем у кантонца, подходит цветом к южно-европейскому; ростом он выше и складом посильнее.

¹ Объявив низложенной Маньчжурскую династию, китайские революционеры провозгласили создание государства Тайпин-Тяньго, то есть Небесного государства великого благоденствия.

² Гуцлов Карл (1803—1851) — немецкий миссионер в Китае, агент английского правительства. Никто из тайпинских вождей не был с ним связан.

Часто сквозь эту безобидную трудолюбивую толпу прорывается энергическою поспешною поступью дюжая, вскормленная фигура англо-саксонского типа, без церемонии оттаскивает одних в сторону за косы, других подталкивает пинками, третьим топчет ноги. Впрочем, я уже раз упомянул о назойливости здешних европейцев в отношении к китайцам.

Во всех закоулках этих предместий, а особенно вдоль набережных, помещены съестные рынки, и на каждом углу видны съестные лавочки с разными произведениями китайской кухни, которые тут же готовятся на небольших походных кухнях и тут же съедаются.

Я хотел вам сказать кое-что о китайских ремесленниках и в особенности хотел к этому приплести то, что подмечено мною насчёт смышлѣности китайцев и изобретательности их. За недостатком паровых и водяных машин, заменяющих сотни и тысячи рук, китайцы, видимо, заботились о том, чтобы каждый мог свои две руки употребить с наибольшей выгодой, и в этом роде изобретательности они превзошли европейцев. Все машины у них такие, что один человек может свободно с ними носиться и сам один — много сам-друг — с ними управляться. Китайская кузница — это просто небольшая железная печурка, которую ребёнок унесёт за спиною; вместо мехов у неё небольшой четырёхугольный продолговатый ящик, в котором движется деревянный четырёхугольный поршень, действующий, как воздушный насос. Ящик свободно отнимается от печки и может носиться подмышкою. Наковальню заменяет железный цилиндр с расплющенной головкой на одном конце и с заострённым хвостом на другом. Хвостом он вколачивается в землю, а на головке может коваться всякая мелочь. Китайская помпа состоит из деревянного жѣлоба с двумя поперечными валами с обоих концов. Кругом валов обнесена деревянная цепочка с деревянными дощечками, которые, проходя по жѣлобу, становятся вертикально и гребут по дну его. Если нижний конец жѣлоба вставить в воду, то дощечки, нереваливаясь через нижний вал, зачерпывают воду и провозают по жѣлобу до верху. Это нечто вроде нашей так называемой к е т е н с, или ц е п н о й помпы, только в неё не входит ни куска железа и ею управляет один человек, как бы кофейною мельницею.

В доке, в котором [наша] шкуна починалась и красилась, испортилась водокачательная паровая машина и не успела выкачать всей воды, так что осталось её футов на три на дне дока. От этого дело не остановилось нисколько: через час явилось 24 китайских помпы, хоть медленно, но уже надёжно в течение 16 часов выпили док до дна, будто соломинками. В том же доке нужно было вытащить на берег для починки якорь нашего фрегата в 160 пудов весом. И я и хозяин дока, капитан Поттер, кажется, уже на своём веку повозились с подъѣмом тяжестей и, казалось бы, должны уже на том руку набить, но тут местность берега нас поставила в тупик, и мы после долгих толков истощили всю свою изобретательность, чтобы придумать несколько способов, как водится, один другого неудобнее и сложнее. Наконец, капитан Поттер позвал одного из десятников своих китайских чернорабочих и спросил его, может ли он вытащить якорь на берег. «Могу, сэръ». — «Ну, так распорядись». Тот немедленно скликнул человек 30 своего народу, взяли они, и не прошло четверти часу, как из разных негодных брёвен, валявшихся на дворе, устроены были козлы, стрелы и ворот, а ещё через четверть часа якорь по двум толстым стелюгам, будто по железным рельсам, выехал с плашкоута на двор к капитану Поттеру...

2 января 1857 г. Гонконг

Совсем неожиданно и негаданно мы нашли Гонконг и Кантон в войне между собою. Из-за совершенных пустяков, под самым вздорным предлогом, якобы оскорбления британского флага, по самому несправедливому и неосновательному поводу и доводу англичане разорили все китайские форты по Кантонской реке, осадили Кантон и бомбардируют его и окрестности. Китайцы, со своей стороны, как я нахожу, справедливо озлобленные, отплачивают им по мере сил, стараются поджечь их суда и выжечь Гонконг. Беда только в том, что их озлобление падает слепо на всех европейцев. Американские военные суда уже имели одну перепалку с китайцами и уже разрушили им два форта, тоже по самой пустой причине.

Теперь я приехал в Гонконг собственно для разных заказов по корвету («Оливуца»). Так как в трактирах здесь решительно нет помещений по множеству собравшихся сюда иностранцев из Кантона, я занял комнату у поставщика, с которым имею дело, по его же предложению. Поставщик этот — североамериканец, и в его доме я встречаю пропасть его соотчичей, которые все заклятые враги англичан и наперерыв стараются мне выказать своё расположение к русским. Сначала меня забавляло, как каждый шкипер либо приказчик лезет рассуждать о политике, но потом уже стало надоедательно слушать одно и то же разглагольствование, большею частью нелепое.

16 января 1857 г. Около Гонконга

...Пишу к вам в запас, чтобы не смущали вас какие-нибудь нелепые слухи, на которые так горазд наш Кронштадт, потому что с этою же почтою я посылаю Врангелю¹ форменное донесение о том, как китайцы накормили меня мышьяком, и наперёд уверен, что эта весть снежным комом дойдёт до Кронштадта и там меня непременно уморят. Лучше всего, если я расскажу вам это происшествие в подробности. В день отправления почты, 3 января, я немедленно после завтрака присел за письменный стол, чтоб дописать несколько строк рапорта Врангелю, как вдруг почувствовал тошноту. Сначала я этому не удивился и приписал тошноту непривычному для меня американскому завтраку, но вскоре послышалась по всему дому беготня, и ко мне явился некто капитан Эндикотт, один из партнёров моего поставщика, с озабоченным и встревоженным лицом.

— Вы чувствуете что-нибудь? — спросил он.

— Да, тошноту.

— Так и есть; вы ели хлеб за завтраком, а хлеб отравлен. Давайте скорее пить тёплую воду.

Я пошёл с ним к буфету и там нашёл всех живущих в доме; все пили тёплую воду. Я к ним присоединился. Через полчаса явился доктор... Опасность скоро миновала...

Как только пронеслась весть об отраве, сейчас хватились за булочника, но он в то самое утро в осьмом часу отправился на пароходе в Макао. Немедленно Эндикотт дал в распоряжение полиции один из своих пароходов, и за булочником отправлена погоня. Его настигли в Макао за несколько минут перед тем, как он готовился ехать на берег, и привезли в Гонконг. Все теперь ждут с нетерпением открытия срочных заседаний суда, ибо тогда начнётся формальный допрос булочника. Если откроется виновный, то любопытно будет узнать, сам ли он это затеял или действовал по внушению кантонского императорского намсстника. Последнее вероятнее, ибо намсстник в форменной прокламации обещал 150 долларов награды за каждую английскую голову, и уже не одна голова таким образом пропала. Кто уважает справедливость, тот, конечно, не обвинит китайцев, потому что надо видеть, как с ними обращаются эти западные либералы, которые так кричат о свободе и правах человечества, чтоб понять, как должна в них [китайцах] кипеть злоба. Например, после отравы я сам видел, как человек 20 [китайцев], ещё не обвинённых, но только подозреваемых причастными к делу, вели от допроса либо к допросу связанных по четверо их собственными косами. В ожидании поджога правление колонии в числе прочих мер предосторожности требовало, чтоб живущие в Гонконге китайцы по вечерам ходили не иначе, как с билетами от полиции или от кого-нибудь из европейцев и с фонарями. Всякого из них, нарушающего это правило, разрешено каждому из европейцев застреливать, и надо было видеть, как все эти господа радовались такому разрешению. Видно, что у них и тени нет помысла о том, что китаец тоже человек. Все они в один голос называют китайцев негодьями и подлещами и с отвращением говорят о том, как китайцы ведут войну, т. е. стараются ловить оплошавших. Но никто и не думает сообразить, что англичане действуют отнюдь не благороднее, бомбардируя и выжигая предместья Кантона, тогда как китайцы при своих отсталых военных средствах не в состоянии ни на волос им нанести вред. Без сомнения, они уже сгубили несколько тысяч китайцев. в том числе и жён и детей, тогда как китайцам едва ли удалось вывести у них в расход человек 30 всего. Эту безвозмездную

¹ Ф. П. Врангель (1796—1870) — адмирал, выдающийся русский мореплаватель, исследователь Арктики. В 1855—1857 годах был управляющим Морским министерством.

[Безнаказанную] бомбардировку они не считают убийством, и подстреливание китайцев также для них нипочём, а ежели китайцы по праву войны подожгут Кантон или вместо бомб и ракет вздумают употребить яд, они их будут считать злодеями и разбойниками.

29 января 1857 г. На прежнем месте

Всё здесь покуда было спокойно, Гонконг не выжжен, да, кажется, и не будет выжжен, о чём, признаться, я жалею, потому что не мешало бы, чтоб китайцы отплатили хорошенько англичанам. Эти разбойники в настоящее время оставили Кантон и держат только реку в блокаде, но не прежде сделали это, как выжгли всё предместье и значительную часть самого города.

Мало-помалу выводятся на чистую воду самые постыдные поступки со стороны английских офицеров. Довольно сказать одно: в начале бомбардировки Кантона англичане, между прочим, веледствие отказа наместника вступить в переговоры с английским адмиралом сделали брешь в стене и, свезя десант, проникли во дворец наместника, имея самого адмирала¹ во главе. Там, не найдя никого, они ограбили всё, что было ценного, и положительно известно, что некоторые английские капитаны возвращались на суда, таща на себе вазы и тому подобные редкости.

И что, пожалуй, ещё хуже — этого общее мнение не клеймит, как следовало бы. Все рассказывают об этом без негодования, без тех выражений презрения, какими все чествят какого-нибудь жалкого булочника, который имел дерзость отравить европейцев.

Публикация, предисловие и примечания А. Гозенпуда.

---

¹ М. Сеймур (1802—1887) — английский адмирал, спровоцировавший войну с Китаем в 1857. году.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ю. ДОЛМАТОВСКИЙ

★

СУТКИ НА АВТОМОБИЛЕ

(Критические путевые заметки)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В этих заметках очень мало сказано о красотах природы и достопримечательностях городов. Речь будет идти только о путешествии, в буквальном смысле этого слова, точнее — об автомобильном путешествии: о водителях и пассажирах, об автомобилях и дорогах, о гостиницах и многом другом, с чем приходится сталкиваться в пути автомобилисту.

Так что, если кому-либо всё это неинтересно, пусть не читает.

Однако я убеждён, что в наше время существует мало людей, которых не интересовали бы автомобили и то, что с ними связано.

Автомобиль прочно вошёл в народное хозяйство, в экономику страны, в быт людей. Да и может ли быть иначе, если в автомобильной промышленности и на автотранспорте непосредственно занято несколько миллионов советских людей; если автомобили перевозят значительную часть всех сухопутных грузов в стране; если на каждого жителя страны приходится ежегодно десятки автомобильных и автобусных поездок; если, наконец, не единицы — сотни тысяч людей: рабочие, колхозники, артисты, педагоги, инженеры, учёные — владеют автомобилями, а миллионы ежедневно наблюдают работу автомобилей, пользуются плодами этой работы и... хотели бы приобрести автомобиль.

Среди них особое место занимают «болельщики» автомобиля.

Став автоболельщиком, человек делается как будто несколько ограниченным. Размышляя, наблюдая, читая или беседуя, на улицах и в кино, он сосредоточивает своё внимание почти исключительно на том, что имеет отношение к автомобилю. Оказывается, что к автомобилю причастны самые разнообразные вещи и обстоятельства.

Дух «автомобильной болезни» наложил свой отпечаток и на эти заметки.

Автору довелось совершить ряд служебных и личных поездок на автомобиле по дорогам и городам нашей Родины. Одним из последних был рейс по западным союзным республикам, с заключительным перегонем Ленинград — Москва. Об этом-то перегоне — с небольшим вступлением и с некоторыми отклонениями в воспоминания о других поездках — и будет рассказано.

ГЛАВНОЕ «ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО»

У подъезда стоит дымчато-серая «Победа» выпуска 1953 года, ещё совсем новая по внешнему виду. Она добросовестно возит владельца каждый день через всю Москву на работу и с работы, заменяет мне и моей семье и поезд, и дачу, и книгу с описаниями путешествий. И ничего не требует, кроме ежемесячной профилактики, небольшого количества бензина, воды и масла. Да ещё пришлось покрасить ей обода колёс алюминиевой краской, чтобы легче было отыскивать автомобиль на стоянках среди других таких же серых «Побед».

Известно, что каждый водитель восторгается преимущественно маркой своего собственного автомобиля. Но все хвалят «Победу» — и сельские, и городские жители, и водители такси, и даже обладатели машин иных марок. И не только в Советском Союзе,

но и за границей. В западноевропейских странах, импортирующих наши автомобили, владельцы «Побед» служат предметом всеобщей зависти; английский журнал «Мотор», в своё время пользовавшийся каждым случаем, чтобы чем-нибудь ущемить советскую автомобильную технику, всё-таки не смог не признать отличных качеств «Победы».

«Секрет» успеха «Победы» — в самих принципах конструирования автомобиля. Конструкторы поставили себе целью не повторение уже освоенных моделей, а создание машины, опережающей достигнутый уровень мировой техники и особо выносливой. Надёжность этого автомобиля исключительная. Хоть это и не очень показательно: моя «Победа» прошла «всего» около 35 тысяч километров без какого бы то ни было ремонта, в условиях безгаражного хранения, ежедневной напряжённой городской езды и нескольких дальних рейсов по самым разнообразным дорогам — до непролазного бездорожья включительно. А посмотрите, как работают «Победы» в качестве такси не в столичных городах, а в небольших населённых пунктах, где асфальт положен только на главной улице, где поездки приходится совершать по району, всегда с полной нагрузкой, иной раз с перегрузкой, на плохом бензине, под палящим солнцем, в сплошной пыли!

И при всём том «Победа» — комфортабельный автомобиль, с мягкой подвеской, с хорошо защищённым от пыли, жары и холода кузовом, с вентиляцией и отоплением, с отличной маневренностью, достаточно «резвый» и, несмотря на отдельные досадные «атавизмы» (примитивная решётка радиатора, плоское ветровое окно и чрезмерно наклонённое заднее, слишком округлая хвостовая часть боковин и другие), довольно изящный по внешности.

Из этого не следует, что «Победу» не надо улучшать и не надо заменять новой, более современной и перспективной конструкцией, — ведь она находится уже на производстве почти десять лет, а техника не стоит на месте. Однако делать это следует не методом налепливания облицовки радиатора, как это было сделано в 1955 году, или комбинированием из конструкций разных машин, а основываясь на тех же передовых принципах анализа направлений развития, которые были применены конструкторами первой «Победы».

А пока — в путь, на доброй старой «Победе», уже побывавшей, кроме Москвы и Подмосковья, в Крыму, Горьком, Минске, Вильнюсе и только что прибывшей в Ленинград из Прибалтики.

ЗА РУЛЕМ ПО ЛЕНИНГРАДУ

Ранним солнечным (или туманным) августовским утром... Так принято начинать рассказ о дальней поездке. Но мы не можем придерживаться этого «обычая» хотя бы уже по одному тому, что старт был дан под вечер. И не случайно.

Как правило, путешественники-автомобилисты намечают выезд на шесть-семь, а то и на три часа утра, короче говоря, на рассвете. На семейном совете утверждается примерно такой план:

— Упакуем всё заблаговременно, спать ляжем пораньше и чуть свет, как следует позавтракав, отчаливаем. За день мы спокойно доедем до...

Также, как правило, этому плану не суждено бывает осуществиться. Я убеждался в этом не раз на собственном опыте. Выспаться получше накануне, естественно, не удаётся — день предотъездный, всё время кажется, что что-то ещё не сделано, приходят с пожеланиями счастливого пути и советами друзья и знакомые, до позднего вечера звонит телефон. В итоге, если подъём назначен на раннее утро и это, вопреки здравому смыслу, выполняется, путешественникам ничего не остаётся, как дремать в машине. А одному из них — водителю — мучительно зевать, тереть глаза и виски, отсчитывать километры до пункта отдыха. И в конечном счёте удаётся пройти за день в полтора раза меньший отрезок пути, чем это было намечено по графику. Причём радости автомобильного путешествия, красоты природы — всё идёт насмарку.

Учитывая этот опыт, я предпочитаю выезжать в тот час, когда всё как будто готово к отъезду, безотносительно — утром, днём, вечером или даже ночью, как придётся. Лучше всего выехать под вечер, проехать до наступления темноты километров 150—200 до какого-нибудь городка или просто красивого места около дороги и заночевать. Если маршрут занимает день и ещё сколько-то часов езды, на восток выгоднее

ехать в течение двух вечеров и одного утра, так как встречные лучи утреннего солнца затрудняют работу водителя, да и пассажирам не доставляют удовольствия.

Вот почему мы выехали из Ленинграда вечером, с расчётом быть в Москве через сутки (пройти все 720 километров в один приём утомительно).

Но прежде, чем описывать поездку, надо сказать коротко о самом Ленинграде с точки зрения приезжего автомобилиста.

Почти каждый город имеет свои «автомобильные» особенности. Они сказываются прежде всего в облике потока машин на улицах. Если, например, в Москве, не считая автобусов и троллейбусов, в уличном потоке господствуют «Победы» и «ЗИМы», а грузовики выглядят довольно непривлекательно, то в Ленинграде «ЗИМы» встречаются редко, «Победы» — реже, чем «Москвичи», грузовые же автомобили имеют подтянутый вид; даже старенькие (а их немало) блестят свежей краской, почти на каждом зеркало, указатели поворотов, номера машины чётко написаны на бортах кузова.

Видимо, не дождавшись от автозаводов достаточного количества современных автобусов и не удовлетворяясь машинами старых типов, ленинградцы создали на базе грузовых автомобилей (с незначительными их переделками) автобусы вагонного типа — не слишком красивые, но вместительные и маневренные. Чтобы дать полное представление о подвижном составе ленинградских улиц, нужно упомянуть о заметном количестве отживающих свой век, но тщательно подновляемых машин зарубежных марок — всяких «Мерседесов», «БМВ», «Шевроле», «Вандереров» — и, конечно, о трамваях.

Трамваев в Ленинграде несметное множество (метро в те дни ещё не функционировало). Трудно поддаются перечислению их разновидности — маленькие с большими окнами, большие с маленькими окнами, угловатые и с претензией на обтекаемость, с дверями складными и раздвижными, с прожекторами на крыше... Не знаю, как персонал депо справляется с обслуживанием этого разношёрстного парка, но вижу в этом стремление ленинградцев и здесь найти какие-то наилучшие решения.

Весь этот поток транспорта движется весьма резво и по величественным просторным проспектам красавца города и по узким старинным боковым улочкам, по необъятным площадям и бесконечным набережным, через мосты и перекрёстки, ныряет под арки. Приезжего удивляет быстрота, с которой сменяются направления движения на перекрёстках. Заторов почти не видно. В этом большая заслуга регулировщиков. Они не прерывают надолго потока в обоих направлениях «жёлтым» сигналом — поднятым жезлом, как это делается в Москве. Вот дан сигнал движению трамвая, и трамвай набирает скорость. Регулировщик не ждёт, пока весь поезд прогромыхает на перекрёстке, — мелькает жезл, и когда хвост трамвая освобождает путь поперечному транспорту, получено уже и разрешение на проезд. За это время как раз успеваешь включить передачу и тронуться с места. Ни одной секунды простоя!

Говорят, что в Москве с её новыми широкими магистралями такие темпы неприемлемы: пешеходы не успевают перейти улицы. Это, быть может, и верно, но нам кажется, что проблема легко решается устройством «островков безопасности», надземных или подземных пешеходных дорожек. Об этом уже много лет подряд пишут в газетах и журналах профессор А. Е. Страментов и другие специалисты городского транспорта. Но ни одного такого перехода и даже ни одного островка безопасности мы пока в Москве не видели. Зато на магистралях, реконструированных для быстрого движения машин, последние простаивают иногда по нескольку минут на перекрёстках, а средняя скорость движения составляет 25—30 километров в час.

В Ленинграде введены особые сигналы светофоров для поворота налево (зелёный и жёлтый огни включены одновременно) и направо (красный и жёлтый). Такое устройство проще и не менее наглядно, чем появившиеся недавно в Москве «четырёхглазые» светофоры. Ленинградскую систему светофоров можно применить повсюду.

Хуже обстоит дело со знаками на ленинградских улицах. Они разного калибра, выполнены кое-где очень неразборчиво. Между прочим, как я заметил, водители здесь не очень-то жалуют их своим вниманием. Так же, к сожалению, не очень уважают введённое недавно по всему Союзу мудрое правило — не злоупотреблять звуковыми сигналами. Во многих городах мира сигналить вообще запрещено. Мне пришлось как-то долгое время ездить на автомобиле, у которого сигнал отказывал в сырую погоду. Потеряв веру в него, я просто перестал им пользоваться. Оказалось, что скорость пере-

движения отнюдь не пострадала, причём ход машины стал более плавным. Сперва было трудно, но вскоре я настолько привык к «бессигнальному» вождению автомобиля, что и теперь, на «Победе» с безотказно действующим сигналом, применяю его в исключительных случаях. Спешу поделиться опытом с ленинградскими водителями. Зачастую они сигнализируют, что называется, «почём зря»: и пробивая себе дорогу в толпе прохожих и двигаясь по совершенно свободному проспекту. Кстати сказать, прохожим всё равно не угодишь: дашь сигнал (особенно «победовский», пугающий людей своим громким и резким звуком) — ругают, не дашь сигнала — тоже ругают, но всё же, кажется, во втором случае не так сердито. А сигналы автомобилей настолько нарушают покой города, что этим вопросом как будто начали заниматься учёные-акустики из Ленинградского института охраны труда.

Путешествуя по Ленинграду, изучая его бесчисленные красоты и достопримечательности, особенно остро ощущаешь необходимость в путеводителе. Вспоминаются изданные массовым тиражом указатели маршрутов и так называемые «проездные планы» городов (Durchfahrtsplan), которыми приходилось пользоваться на дорогах Германии. Это схема города с указанием кратчайших маршрутов, бензозаправочных колонок, выездов к памятным местам, историческим зданиям и т. д. Как такой план помогает автомобилисту в большом городе! Давно пора выпустить хотя бы открытки со схемами проездов, если издание путеводителей уж такая сложная «проблема».

Плана Ленинграда у меня не было, и пришлось порядком поколесить по незнакомым местам, иногда в полтора-два раза удлиняя намеченный маршрут. Извлёк из этого пользу: освоился не только с главными, но и с второстепенными улицами, не только с местами «обязательного» посещения, но и с не менее достопримечательными уголками города, которые ускользают от туристов. Для выезда на Москву мне уже не пришлось спрашивать дорогу у прохожих.

Последний тур по городу. Мерцают в вечерних сумерках купол Исаакия и шпиль Адмиралтейства. Горбатые мосты отражаются в воде Фонтанки. Зажглись огни рекламы на Невском, и широкие тротуары разлились на мостовую толпами гуляющих. Колоннады и арки старых домов провожают нас на проспект Сталина, а шеренги его новых домов выводят машину на «околицу». И вот великий город остался позади, мы на развилке двух автомагистралей: Ленинград — Москва и Ленинград — Киев. По первой можно доехать до Москвы почти напрямик через Новгород — Калинин, по второй — круглым путём через Псков — Витебск — Минское шоссе. По какой магистрали лучше ехать?

ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ. НОЧЛЕГ ПОД ЧУДОВО

Двумя годами ранее мне пришлось участвовать в автопробеге по маршруту Москва — Ленинград и обратно. Среди машин пробега была новая, опытная, которую мы до поры до времени берегли, и я позвонил в Управление шоссейных дорог, чтобы узнать о состоянии дороги. Уже тогда я слышал, что автомобильная дорога Москва — Ленинград реконструируется, возможны объезды. А время было осеннее, целую неделю шли дожди. В Гушосдоре сначала не очень уверенно сказали: «Проедете», потом добавили: «Всё же лучше поезжайте в объезд, через Витебск — Псков». Мы прислушались к этому совету дорожников и не пожалели. Если не считать сотни километров разбитого гравийного, но всё же терпимого шоссе и нескольких десятков километров булыжника (впрочем, отличного), мы ехали всё время по асфальту, среди лесов, озёр, по холмам, мимо новостроек и старинных строений. От этого маршрута остались хорошие воспоминания. Поэтому за несколько дней до описываемой в этих заметках поездки (то есть на пути в Ленинград) я включил в маршрут Псков.

Как это было неосмотрительно! Вот уже два или три года, пока идёт строительство прямой дороги Москва — Ленинград, поток автомобилей устремился с основной на объездную псковскую дорогу. Тяжёлые колёса грузовиков и автопоездов разбили её вдребезги. Местами кто-то приводит её в порядок (кто — не видно), есть даже неплохие куски по десятку километров. Но в основном это твёрдая дорога, сплошь состоящая из ям и наростов с острыми, ступенчатыми порогами. Кое-где идёт или готовится ремонт — навалены кучи гравия, видны катки, уныло накренившиеся к кюветам, асфальтовые заводики, камнедробилки. Но какой может быть ремонт, если по дороге непрерывными вереницами в обоих направлениях идут машины?!

Мы проходили в среднем около 30 километров в час. Последние два часа езды в темноте перед Ленинградом превратились в пытку: исчезающая вдаль цепочка встречных ослепляющих фар, облака висящей в воздухе пыли, а в черноте справа — невидимые ямы и бугры, песчаные насыпи, бревенчатые завалы.

После этого вечера я решил, что не может быть дороги худшей, чем псковская, и от упомянутой развилки поехал из Ленинграда в Москву по основной трассе — через Новгород. По крайней мере, думал я, на 500 километров короче.

Сначала всё шло как будто хорошо.

Тотчас же за заставой мы увидели на щите схематическую карту «автомобильной магистрали Москва—Ленинград». Вслед за схемой, в сотне метров, стоял ещё один щит, вежливо предупреждавший водителей тяжёлых машин и автопоездов, что сквозной проезд на Москву для них закрыт. Если при этом подразумевалось, что тяжёлые машины должны направляться через Псков, мы не завидуем их водителям. Но об этом составители щита скромно умолчали. Езжай как хочешь! Поскольку к нам предупреждение не относилось, мы смело покатали в Москву по асфальту, обильно обставленному и обвешанному ограничивающими и предупреждающими знаками. Попадались строящиеся мосты и насыпи, около которых были сооружены асфальтированные (!) объезды. С такой заботой об автомобилистах со стороны дорожников мы встретились в первый, но, как вскоре обнаружилось, и в последний раз на этой трассе.

Счастье длилось недолго. Через час асфальт кончился (хотя знаки остались), и пошло засыпанное гравием и песком полотно, без ям, но пересечённое как нарочно сделанными, аккуратными поперечными гребнями. Машина дрожала, словно на железнодорожных шпалах, и поднимала за собой густое облако пыли. Пришлось снижать скорость, закрывать окна, тащиться на значительном интервале от других машин или обгонять их на свой риск и страх сквозь пыль, тряску и грохот.

Вскоре лёг туман, стемнело. Промаявшись ещё с полсотни километров и потеряв надежду найти гостиницу, постоялый двор или хотя бы площадку около закуской, мы съехали на обочину в какой-то деревне вскоре после Чудово, закусили «чем бог послал» (обычный холодный ужин неудачливых путешественников — хлеб, крутые яйца, огурцы и помидоры) и расположились на ночлег..

Автомобилист имеет преимущество перед другими путешественниками, в особенности если в кузове предусмотрено устройство спальных мест: всюду у него есть кров. Ведь даже в населённом пункте проезжий чаще чувствует себя покинутым. Негде приютиться, нет заботливой руки, которая приготовила бы ему, утомлённому дорогой, постель и ужин, кругом незнакомые люди, занятые своими делами. Не всякий умеет сразу найти себе место в чужом городе. К тому же многие наши гостиницы плохо помогают приезжему. Вот несколько типичных вариантов сцен, разыгрывающихся на подступах к гостинице.

Вариант первый: на дверях висит объявление — «мест нет». Бывает, что это тщательно оформленная застеклённая вывеска; очевидно, её подготовили давно и пользуются ею всегда; вывеска вызывает уважение к хозяевам гостиницы, но не спасает путешественника. Бывает, что это клочок бумаги со свеженачертанными корявыми буквами; уважения бумага не вызывает, однако заставляет предположить, что отсутствие мест — дело временное, быть может, исключительное.

Вариант второй: сообщение об отсутствии мест делается устно привратником. В больших городах — благообразным швейцаром с галунами на фуражке и куртке, в городах поменьше — тоже с галунами, но без благообразия, в совсем маленьких городах — без галунов и вообще без фуражки, а в платочке до бровей.

Третий вариант: вы узнаете об отсутствии мест уже из уст портье.

Конечно, встречаются и другие случаи. Но о них ниже. Применительно же ко всем перечисленным вариантам, заверяю вас: места есть. Так или иначе — есть!

Например, в Минске, в весьма respectable гостинице «Беларусь», как я и ожидал, портье отрезал:

— Мест нет.

— А хорошие, дорожные номера есть?

— Но вы же не возьмёте дорогого номера?

— Почему не возьму? Возьму, если нет дешёвых,

Тут, очевидно, сыграла роль моя внешность — спецовочные брюки и куртка.

Другой пример: в Вильнюсе, в не менее солидной гостинице «Нямунас». Швейцара на месте не оказалось. Позднее мы узнали, что он пошёл разводить приезжих, не получивших места в гостинице, по частным, известным ему квартирам. Это тоже выход, когда мест действительно нет. Так или иначе, я попал к портье и получил отказ. Тогда на приступ портье пошёл мой слутник, отличавшийся от меня не только костюмом (он был в пиджаке, фланелевых брюках, при галстуке), но главным образом большой напористостью. Через пять минут он вернулся к машине с бланками анкеток для постояльцев. И не в дороге номера, а в общие, устраивавшие нас на одну ночь.

На худой конец вас помещают на дополнительных местах, на диванах и даже в коридорах. Но это — худой конец. Лучше спать в кузове автомобиля.

Гостиниц у нас ещё мало, но их недостаток был бы не так ощутим, если бы места в гостиницах не предоставляли «вечным» постояльцам, как, например, в городе Горьком, где многие номера переданы постоянным работникам местных предприятий, по каким-то причинам не имеющим жилищной площади. А также, если бы наши учреждения и предприятия посылали в командировки меньшее число толкачей и агентов снабжения. Но это уже из другой области.

Гостиниц мало, но они есть, и бывают среди них и очень неплохие и совсем хорошие, и подчас в таких пунктах, где этого меньше всего ожидаешь. А иногда они не носят названия гостиницы.

Так было в Гатчине. При въезде в тёмный, ночной город я затормозил машину и спросил у запоздалых прохожих, нельзя ли где-нибудь переночевать. Мне охотно ответили, что можно; хотя гостиницы и нет, но есть Дом крестьянина, дальше по главной улице, около яркого фонаря. Яркого фонаря я не нашёл, не увидел и вывески, но сам дом после нескольких дополнительных расспросов был обнаружен. Он оказался добротным двухэтажным строением в глубине поросшего травой двора. На неожиданно действовавший звонок вышла дежурная в белом переднике. Пахло Домом (с большой буквы) — теплом, уютом, чистотой, тишиной. Общие и отдельные комнаты для приезжих и проезжих, с хрустящими белоснежными простынями на никелированных кроватях, с чайником кипятку, стаканами; яркая лампа над общим столом посредине комнаты и слабая настольная на письменном столе; свежее чернила в чернильнице и цветы перед окнами. Панно на стенах были рассчитаны на невзыскательного зрителя, но что они путнику, если есть кров и уют?

Нашлось даже и надёжное, затенённое с утра место для машины и вода для её мойки. Спасибо этому дому!

Спасибо также крохотной гостинице в Невеле и большой в Пскове и турбазе под Ригой, в Сигулде, где мне пришлось останавливаться во время других поездок.

Между прочим, отметим, что за хранение автомобиля в Гатчине спросили пять рублей, а в Минске — все двадцать пять, хотя во всех случаях автомобиль одинаково стоял под открытым небом и под символической охраной в лице дежурного, спавшего в нескольких десятках метров от автомобиля, в закрытом помещении. Кстати, и о таксе «за хранение человека». Эта такса колеблется от шести до двенадцати рублей в сутки, причём в ином месте за шесть рублей путник получает большие удобства, чем получал днём раньше за двенадцать...

Но всё это не относится к ночлегу на трассе Ленинград — Москва, в районе Чудово. Ночлег был абсолютно бесплатный под штампованной стальной крышей «Победы» и под неподвижно свисавшими ветвями берёзы. С поля доносился далёкий рокот трактора, только подчёркивавший ночную тишину. Время от времени по шоссе, раскачивая на ухабах полосы света фар, проплывали на волнах дороги машины — последний местный автобус с «ключущими» носом пассажирами, дребезжащий, как молотилка, уже старенький «Москвич», спешащий, видимо, из дальней поездки в Ленинград, современные «возы», нагружённые сеном, мощностью в 100 лошадиных сил... Потом всё стихло.

Раздвинул сиденье, задёрнул занавески, выключил свет, приоткрыл форточку. Тикают электрочасы. Чем не дом? И никаких мытарств в поисках пристанища, не говоря уже о материальных затратах.

Едва рассвело, солнце ещё было скрыто в тумане, когда мы двинулись дальше всё по той же щебёнке.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ДОРОГА

Некоторые мои знакомые конструкторы считают, что советские легковые автомобили должны быть особо прочными. Им — автомобилям — приходится, мол, работать в условиях бездорожья. Существование такой, с позволения сказать, теории свидетельствует о том, что конструкторы и их заказчики (именно заказчики, а не потребители) не знают действительных условий работы наших машин.

Обычный автомобиль не предназначен для бездорожья — там он вообще не может пройти, а если иногда и «проходит», то, в основном, на буксире или на плечах пассажиров. Для бездорожья, как известно, существуют специальные машины повышенной проходимости. Приспособить обычные автомобили для мало-мальски быстрого и безостановочного движения по плохим дорогам — значило бы сделать их тяжёлыми, неэкономичными, то есть потерять их преимущества.

Но бездорожье — явление сезонное или относящееся к участкам с неинтенсивным движением. Вряд ли имеет смысл из-за этого уродовать (в техническом смысле) все легковые автомобили. Что же касается сухого просёлка (его иногда тоже относят к бездорожью), то такая дорога для водителя не представляет больших затруднений: достаточно снизить скорость, во-время переключать передачи и быть внимательным. Сложнее с булыжником, который (даже ровный) вызывает вибрации всех узлов машины, её быстрый износ и усталость материала деталей. Однако статистика показывает, что булыжные покрытия почти полностью вышли из употребления. Выходит, что наши автомобили должны быть рассчитаны в основном не на бездорожье, не на булыжник, а на более распространённые виды дорог — асфальтовые, бетонные, не считая просёлочных.

К великому сожалению, некоторые эти, так называемые усовершенствованные, дороги не заслуживают такого эпитета. Вот здесь, как говорится, и «зарыта собака». Вместо того, чтобы прямо заявить об отвратительном состоянии многих наших автомагистралей, строители дорог замазывают свои грехи в этой области. А работникам эксплуатации автомобилей («заказчикам») ничего не остаётся, как требовать от автомобильной промышленности сверхпрочные машины.

Конструкторы силятся решить неразрешимую задачу: создать современный быстходный автомобиль, пригодный вместе с тем для движения по бездорожью, в святой наивности думая, что бездорожье это где то там, в глубинке, в стороне от главных дорог. Дорожники, не заботясь по-настоящему о приведении «усовершенствованных» дорог в порядок, объясняют, ни мало не смущаясь, износ и неэкономичность эксплуатации автомобилей... слабостью наших конструкторов. Не подумайте, что я считаю конструкторов безгрешными, — они виновны по меньшей мере в том, что не знают, по каким дорогам ходят наши автомобили.

Дорога Москва — Ленинград, вероятно, значится в сводках под номером первым. На этой дороге я встретил в 1955 году асфальт, асфальтобетон, бетон, булыжник хороший, плохой и никуда не годный, сравнительно ровное и сплошь разбитое щебёночное покрытие, грунтовую дорогу и даже «историческую» мостовую с торчашими торцами брёвен, ту самую, про которую писал А. Радищев: «Брёвёшками вымощенная дорога замучила мои бока...» Быть может, её и сохраняют как музейную редкость?

Границы между видами дорог отмечены отнюдь не предупредительными знаками, а глубокими ухабами и гребнями. На каждом участке, независимо от его качества, невозмутимо стоят знаки поворотов, скоплений людей и прочих «опасностей», хотя главную угрозу для автомобилей представляет сама дорога. И совсем уж как издевательство над автомобилистами воспринимаются подновлённые щиты с торжественной надписью: «Гушосдор. Автомобильная дорога Москва — Ленинград».

Мне могут возразить, что, мол, шоссе это реконструируется, строится. Отвечу, что такая же картина на автомобильной магистрали Ленинград — Киев и на многих других, не реконструируемых. Огорчительно не только настоящее, но и будущее этой дороги: даже самые лучшие участки строящейся дороги — узкие (ширина покрытия — не более семи метров), и всякий водитель с тревогой думает о том, насколько трудна будет здесь езда, когда откроется движение всех машин, в частности тяжёлых, широких, с прицепами, и особенно в ночное время.

Далее, ближе к Москве есть большой перегон, где дорога только поддерживается, а не строится заново. Это значит, что кое-как положенный когда-то на примитивное основание асфальт оседает, образует ямы и волны, и его периодически вновь и вновь перекрывают; впадины исчезают на некоторое время, а затем «восстанавливаются» колёсами автомобилей.

В последние годы для поддержания дорог и чтобы не прерывать движение при ремонте покрывают свежезалитый асфальт толстым слоем гравия, иногда довольно крупного. Это не только не ликвидирует ямы и волны, но при проезде по такому покрытию днище, крылья, механизмы, кузов автомобиля подвергаются подлинной бомбардировке камнями, летящими из-под колёс как собственных, так и машин впереди идущих, обгоняемых и обгоняющих. Моя «Победа» была жертвой такого случая: камень из-под колеса встречного грузовика разбил левое ветровое стекло.

Ещё о темпах, какими строится новая дорога. Как уже упомянуто, вечером и утром мы уныло плелись по десяткам километров хребтовидной щёбёнки. Спросили у дорожников: как понимать такое состояние дороги?

— Это подготовка к покрытию дороги асфальтом.

— А когда же здесь будет асфальт?

— Наверное, в будущем году.

Так вот какой была в 1955 году добрая половина «автомобильной дороги» Москва — Ленинград. Что же можно сказать о менее важных магистралях?! О них, впрочем, уже немало писали. Но главная беда — в состоянии наиболее оживлённых магистралей. Здесь, где от машины не требуется, казалось бы, особой прочности и проходимости, именно здесь изнашиваются, ломаются, терпят аварии и гибнут наши автомобили.

В чём корни безобразного состояния, в котором оказались наши дороги? Говорят, не хватает дорожных машин, асфальта, бетона, рабочей силы и так далее. Нам кажется, что дело не в этом, а в стиле работы дорожников.

Прежде всего, дороги обслуживаются и ремонтируются в сезонном порядке, в основном летом, как раз тогда, когда автомобили более чем когда-либо должны ехать по дороге, а не объезжать её. Затем, хотя всем известно, что многие старые дороги уже непригодны для современного движения — они имеют слабое основание, они узкие, извилистые, с большими уклонами, — всё же новые дороги прокладываются не по новой трассе, а как бы накладываются на старые. Это не только предопределяет низкое качество дороги, но и затрудняет движение по ней в период реконструкции, который длится иной раз годами. Тому примером шоссе Москва — Ленинград.

Но основная причина, по нашему мнению, в отсутствии единого руководства дорожным делом.

У семи нянек дитя без глазу. В населённых пунктах покрытием улиц и дорог, в том числе транзитных, ведают местные Советы; в крупных центрах — ещё и особые тресты (строительные, ремонтные, уборочные) и районные учреждения; на главных трассах — дорожные участки, зачастую подведомственные разным областным и республиканским организациям; на железнодорожных переездах — железнодорожные власти; на второстепенных трассах — сельсоветы, колхозы. Дело доходит до комических положений. Довелось видеть тракт, соединяющий город с соседним районным центром. На участке в два-три километра покрытием этого тракта ведают: город (брусчатка, разбитый асфальт), железная дорога (переезд и засыпанные шлаком подходы к нему), машиностроительный завод (недавно положенный асфальт, но испорченный в течение одного сезона из-за соседства с грунтовой дорогой) и дорожное управление (грейдер). У каждого ведомства — свой «сезон», свой бюджет, свои методы работы.

А вот ещё и такой штрих. Несмотря на существование общесоюзных стандартов на дорожные знаки, на разных дорогах они разные. Москва встречает путника на Минском шоссе славянской вязью, на Ленинградском — строгим рубленным шрифтом. На Минском шоссе надписи белые на голубом фоне и голубые на белом, в Прибалтике — чёрные на жёлтом, на трассе Ленинград — Киев — чёрные и темносиние на белом. Надписи бывают крупные и мелкие, в иных местах условные знаки делаются с ободком, в других — без ободка. То через каждые 10—20 километров большие щиты сообщают вам оставшееся число километров до конца трассы, то едете много часов и узнаете о расстоянии, лишь оглядываясь на мелкие цифры верстовых столбов.

И дело здесь не в том, что местные власти стремятся разнообразить впечатления автомобилистов, но именно в отсутствии единой системы. А такая система необходима, чтобы водитель мог отличить дорожный знак от прочих надписей и вывесок.

Но знаки и надписи мы, так и быть, простили бы дорожному начальству. Но вот отсутствие хороших дорог там, где это абсолютно необходимо, извините, простить никак не можем. Пора всерьёз, со всей ответственностью взяться за это дело!

АВТОМОБИЛЬ И ПЕЙЗАЖ. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ...

После Вадая километр за километром пошла сравнительно хорошая дорога. Сперва мы думали, что это ненадолго, но в дальнейшем установили, что до Москвы. Теперь можно было ехать по-настоящему, нормально расходовать топливо, смотреть не только на дорогу, но и на пейзаж и на другие машины.

Иногда приходилось слышать и от художников и от людей, сравнительно далёких от искусства, что автомобили (да и вообще техника) «портят» пейзаж. На мой взгляд, как раз наоборот — не портят, а оживляют.

Вот стелется по лесистым холмам лента автомобильной дороги, исчезает в низине, пунктиром минует белые столбики моста или насыпи, лёгкой дугой взлетает на возвышенность, ныряет в лес и снова появляется. Она не только манит вдаль, она зовёт к движению, к скорости, к завоеванию пространства. С прежними дорогами гармонировали безлюдные просторы, одинокие человеческие фигуры, телеги. С современной дорогой хорошо сочетается сверкающий лаком, обтекаемый, стремительный автомобиль или массивный, доверху нагруженный, трудолюбивый грузовик.

Но автомобили бывают красивые и некрасивые. Красив автомобиль тогда, когда в его внешности соблюдены динамические пропорции, когда всё в нём — и форма, и гладкая поверхность, и строгость накладных декоративных деталей — акцентирует движение вперёд. Не все наши автомобили отвечают этим требованиям. Тонконогим жучком выглядит «Москвич» прежнего выпуска, нагромождением ступенчатых объёмов и линий не радуют глаз «ЗИМ» и «Волга».

Иной раз всё изящество формы машины сводится на нет безобразной окраской. Вспомните, например, ядовито-зелёный цвет многих «Побед» выпуска 1954—1955 годов, да ещё в сочетании с розовато-кофейными колёсами. Оправдываются: нет нужных «колеров». Чепуха! Нет у некоторых людей желания (а может быть, и вкуса) сделать машину действительно красивой. Каких усилий стоило заставить отдельных работников автозаводов и химиков согласиться на окраску колёс в цвет, отличный от кузова, сколько доводов приводилось против этого! Оказалось, что такая окраска ни на копейку не удорожила автомобиль, но зато значительно оживила его внешность.

На междугородных трассах больше всего грузовиков. По внешнему виду они резко делятся на две категории: выглядящих прилично и выглядящих неприлично. Немало ещё машин, на которые буквально тошно смотреть, — помятые облицовки радиаторов и крылья, треснутые стёкла в кабинах, зазубренные края досок платформы, тусклые глаза фар. Можно не сомневаться, что состояние механизмов таких автомобилей не уступает состоянию их видимых частей. Почему же органы автотехинспекции, особенно на периферии, не осуществляют своих прав в этом отношении, не требуют от водителей приведения машин в пристойный вид?

Теперь снова о пейзаже, но уже под другим углом зрения. Значение хорошей видимости пути из автомобиля не требует доказательств. Для наблюдения важна не только площадь окон, но и их конфигурация. Вспоминается такой случай. Несколько лет назад мне пришлось проехать на автомобиле из Москвы в Ульяновск, причём до Горького я ехал на «Паккарде» с округлыми контурами окон, а дальше — в кабине грузового автомобиля «ЗИС-5» с прямоугольным ветровым окном. И вот пейзажи на перегоне Москва — Горький казались какими-то слащавыми, подчас декадентскими, как сувениры на плоских круглых крымских камнях или лубочные картинки в витиеватых рамках, а на перегоне Горький — Ульяновск на каждом повороте дороги вставали законченные композиции, многие из которых запомнились на всю жизнь. Не сразу я сообразил, что разница получалась из-за контуров окон, обрамлявших пейзаж.

У «Победы» форма окна несколько устарела, но всё же даёт достаточный обзор. Можно не только следить за дорогой, но и видеть всё вокруг. Хорошо, что у «Волги» и у нового «Москвича» введены ещё большие окна.

УЗАКОНЕННАЯ БЕССМЫСЛИЦА

Тяжёлая дорога первой половины дня заметно подкосила мои бензиновые запасы. С тревогой поглядываю на указатель уровня бензина. Стрелка вздрагивает около нуля. Ещё 50—70 километров протяну, а дальше?..

В Ленинграде перед выездом я пытался заправить резервный канистр, но это не удалось. Меня спросят: почему? Ведь повсюду в больших городах есть бензинораздаточные колонки, есть они, вероятно, и на шоссе.

Дело в том, что существует и действует — назовём её своим именем — бессмысленная система снабжения бензином. В крупных населённых пунктах в определённых местах продаются талоны на бензин, так называемые коммерческие. В Москве их продают в некоторых магазинах хозяйственных товаров, в других городах (говорят) — в кассе магазинов «Гастроном» (?!).

За литр рубль — цена подходящая. Но... московские талоны недействительны в Ленинграде или в другом городе, иногородние недействительны в Москве и так далее... Если вы хотите купить талоны, вы должны, во-первых, узнать, где они продаются, во-вторых, выяснить, как добраться до этого места в незнакомом городе, в-третьих, попасть туда в служебные часы (а из Ленинграда я выехал в воскресенье).

Не следует очень огорчаться, если вы не купите бензин «по системе». Выехав из крупного центра, вы обнаружите в первом же населённом пункте, что бензин там продаётся без каких бы то ни было талонов в керосиновой лавке. Правда, не всегда он есть, да и лавка торгует только днём. Можно приобрести бензин без хлопот прямо у заправочной колонки. В некоторых колонках эта продажа происходит как бы на законном основании и по законной цене, в других — незаконно; иногда даже по пониженной цене, якобы за счёт неиспользованных талонов самосвалов и грузовых автомобилей или ещё за счёт чего-то.

Но колонок на трассах крайне мало (на шоссе Москва — Ленинград я их не заметил вовсе), и бывают случаи, что вы оказываетесь на перегоне «на нуле». Но и тогда положение не безвыходное. При этом имеется в виду не товарищеская помощь попутных автомобилистов, а самая неприглядная спекуляция бензином.

Тут требуется разъяснение. Среди водителей встречаются нечестные люди, которые используют явно завышенные нормы на расход бензина в личных интересах или делают приписки ездки, если счётчик пробега не работает. На машинах, например автокранах, самосвалах, часто движущихся задним ходом и работающих на стоянках, расход бензина и вовсе трудно проверить (кстати, не пора ли установить на этих автомобилях соответствующие контрольные приборы?). И вот такие шофёры ведут бойкую торговлю государственным бензином. Им на руку безалаберная «система» продажи бензина и недостаточное количество действующих колонок.

Кое-кто из работников торговли, как это ни странно, не видит в спекуляции бензином ничего плохого. Хотите факты? Пожалуйста. В Пскове одна из бензоколонок находится рядом со старинным храмом (очень хотелось его внимательно осмотреть, но этому мешали хлопоты по добыванию бензина). «Частникам» бензин не отпускают и направляют в «коммерческую» керосиновую лавку. В лавке обеденный перерыв. Скопилось несколько машин. Дождавшись конца перерыва, узнаём, что бензина сейчас нет, а когда будет — неизвестно.

— А вы заправьтесь у самосвала, — невозмутимо рекомендует продавец. — Что вы, дети, что ли!

Такому безобразию, наносящему вред и государству, и владельцам автомобилей, и всему развитию автомобильного дела, должен быть положен конец. Сделать это очень просто. Нужно установить приемлемую и исключающую возможность спекуляции единую цену на бензин и продавать его всем без различия за деньги.

На наше счастье, на пути попадает керосиновая лавка.

ОБЕД В ВЫШНЕМ ВОЛОЧКЕ

Мы едем уже восемь часов. Пора «подзаправиться» и нам.

В конструкциях некоторых старинных экипажей, которые можно теперь увидеть в музеях, были предусмотрены буфеты, откидные столики, бачки для воды; существовали особые дорожные провиантские ящики.

В наши дни многое стало иным. В автомобилях нет обеденных приспособлений, резко возросла скорость передвижения, неизмеримо увеличилось число путешественников. Но с чайными, закусочными, буфетами, кафе, столовыми, ресторанами положение обстоит не очень хорошо. Повидимому, те, кому надлежит заботиться о питании проезжих, разные «торги» и «питы», во-первых, считают, что добывание пищи в пути — дело самих путников и, в частности, автомобилистам достаточно питаться только на старте и финише, а во-вторых, учитывая трудности, связанные с отдалением «точки» от центра, предпочитают не затруднять себя заботой о содействии расцвету торговли на автомобильных магистралях.

Стихийно возникшие — в результате, скромно выражаясь, неповоротливости организаций общественного питания — «базары» в виде лотков у самого полотна дороги, где инициативные старушки в белых платочках и босоногие ребятишки предлагают вам незатейливую снедь, не спасают положения. Как правило, более или менее «солидные» места питания находятся в крупных населённых пунктах. Расположены они отнюдь не всегда на магистрали; въехав в город или село, надо ещё искать столовую или чайную. Пропускная способность многих из них недостаточна — там очереди, толчея. Меню чаще всего носит несколько однобокий, так сказать, питьевой характер, хотя именно автомобилистам более необходимы питательные блюда, нежели горячительные напитки и холодные закуски. Наконец, вся обстановка подчас выглядит настолько непривлекательно, негостеприимно, что и аппетит пропадает.

Может быть, такова специфика работы закусочных? Может быть, действительно нельзя как следует наладить торговлю и общественное питание вдали от центров? Может быть, трудно угодить слишком уж придиричивым туристам? Нет, конечно, суть не в этом. Неопровержимым свидетельством могут служить, например, столовая недалеко от поворота с Минской автострады на Смоленск, чайная на магистрали Рига — Псков, рестораны на шоссе Москва — Симферополь и многие другие.

Вот буфет на перегоне Невель — Опочка. В 1953 году мы ехали из Невеля. Изредка встречались небольшие селения. До ближайшего города десятка километров. И вдруг на поляне — чистенький дом с верандой и свежей вывеской. При входе нас не «шибануло» запахом кухонного чада и спиртного. Однако была и кухня, было и спиртное. В меню числилось полтора десятка блюд — на любой вкус. Две приветливо поздоровавшиеся официантки (обе!) навели чистоту на и без того опрятном столе, быстро расставили закуски, пока для нас разогревали суп и жаркое. На столе не только хлеб и соль, но и горчица и красный перец. Мы спросили чёрного перца — нашёлся и чёрный перец. За зеркальным гнутым стеклом буфетной стойки поблёскивали пёстрые этикетки кондитерских изделий, фруктовых вод и вин. Что ещё нужно путнику?

Резкий контраст с таким идиллическим (но реально существовавшим и, надеемся, существующим) приютом являло так называемое «кафе» в городе Вышнем Волочке. Оно находится в стороне от трассы, на довольно оживлённом и пыльном перекрёстке. Большой зал, когда-то светлый, но теперь омрачённый давно не стиранными занавесками и невымытыми окнами. Посетителей не много. Несмотря на это, минут десять ожидаем официантку — она занята вместе с другими оживлённой беседой с буфетчицей.

Используем время для изучения меню, стараясь не прикасаться одеждой к скамьям, густо покрытой разноцветными пятнами. На карточке указано добрых полсотни наименований, половина из них — различные сорта спиртных напитков. Во второй части перечислены блюда, большинства которых, как вскоре выяснилось, «уже нет». Водка? О да, водка, безусловно, есть!

Впрочем, об этом можно было не спрашивать — достаточно окинуть взглядом зал кафе. В наиболее тёмном углу дремлет перед опустошённым графинчиком какой-то забулдыга. Около окна шумная компания (судя по доносящимся фразам, снабженцы или работники торговой сети) угощает водителя грузовика. Видно, он в чём-то помог

им, и теперь они в свою очередь оказывают ему «услугу», явно медвежью. Поодаль некий дядя делит пол-литра с двумя едва ли достигшими совершеннолетия паренками, которых он взял с собой из колхоза в город. Входит группа молодых людей. Девушки пытаются не замечать окружающего, а юноши, стараясь показать, что и они «не хуже» других, заказывают себе «два раза по двести и две кружки пива», каковые тотчас же с явным отвращением выпивают.

На нас, не потребовавших вина, смотрят, как на дикарей, чуть ли не бросают нам на стол тарелки с остывшими дежурными, кое-как сработанными блюдами, откровенно обсчитывают на три целковых и провожают с усмешкой.

Из этого «кафе» на бойком месте мы поспешили выбраться как можно быстрее. Будем думать, что буфеты невелико-опоченного типа вытеснят с наших автомагистралей безобразие наподобие вышневолоцкого.

ПОПУТЧИКИ

Идёт вторая половина нашего пути.

Через каждые несколько километров вдали, на правой обочине, в поле зрения появляется чёрная точка, которая быстро увеличивается в размерах и вблизи оказывается человеком с поднятой вверх рукой. Нередко «голосующих» собирается сразу несколько.

Только проехав порядочное расстояние по шоссе, начинаешь по-настоящему понимать, как велика нужда в загородных пассажирских и грузо-пассажирских перевозках. Во избежание кривотолков сразу же заметим, что автобусный транспорт находится, как говорится, на высоте: строго по расписанию, с максимальной скоростью катят по шоссе нарядные яркие автобусы с аккуратными маршрутными табличками; автобусные остановки расположены часто и снабжены красивыми (не чета московским) вывесками, а нередко и крытыми павильонами.

Но транспорта мало, чтобы удовлетворить потребности нашего народа в перевозках. И вот на краю дороги стоят колхозники с бидонами и корзинами, школьники, механизаторы, работники сельских учреждений и организаций, спешащие в районный центр. Стоят часами и терпеливо «голосуют». Кое-где образовались своеобразные посадочные площадки; установилась неписанная такса «благодарности водителю» за проезд на определённое расстояние.

Как будто перевозка двух-трёх дополнительных пассажиров в легковой или в грузовой машине не составляет особого труда для водителя. Вместе с тем, на каком основании должен водитель расходовать хотя бы лишний литр топлива на сто километров на одного пассажира, убирать кузов после перевозки посторонних людей и так далее? Помимо всего прочего, водитель, перевоза пассажиров, совсем по-иному ведёт машину, чувствует особую ответственность. Поэтому мы склонны думать, что какая-то, пусть скромная, оплата проезда должна иметь место.

В самом деле, почему можно и должно грузить на автомобили попутные грузы, как это делается на всех шоссе (причём для этого предусмотрены специальные контрольные пункты на выезде из городов, и машины нередко делают солидный крюк за «попутным» грузом), но нельзя и не нужно перевозить советских граждан, которые не попали в автобус или их не пустили из-за громоздкости багажа? Есть в этом только один обоснованный мотив — непригодность грузовых автомобилей к перевозке людей. Однако достаточно снабдить кузова машин несложными приспособлениями, установить на них соответствующие знаки и продумать форму оплаты (в пользу государства) проезда, чтобы задача перевозки людей была решена. Что же касается легковых машин, то здесь и говорить не о чем.

Лично я охотно приглашаю «попутчиков», считая ценной оплатой за проезд разговор с ними, но не обижаюсь, когда предлагают деньги (хотя и не беру). Было обидно только один раз. В кузов влезло целое местечковое семейство, члены которого устроили тут же домашний скандал по какому-то пустяковому поводу, курили мои папиросы, проехали полсотни километров, успели за это время испачкать коврики, оборвать поручень и перекрутить затвор оконной форточки, а при выходе не сказали ни слова благодарности, но... положили на сиденье грязную рваную трёшницу с полувопросом:

«Будет достаточно?» Да, мне было вполне достаточно! Во всех остальных случаях спасибо мог сказать и я — за хорошую беседу.

Разговор в автомобиле с незнакомым человеком всегда очень душевный, особенно если других пассажиров нет. Каких только тем мы не затрагивали! То об успехах и неудачах механизаторов в крупном колхозе (рассказ механизатора, недавно обосновавшегося в этом краю и едущего за семьёй, а автобус прошёл, не останавливаясь, переполненный), то о захватывающих судебных делах (рассказ молодого следователя, возвращающегося с областной комсомольской конференции и опоздавшего на автобус), то повесть о труде сельского учителя, то мечты о будущем, творческие планы, наконец, личные радости и горести...

Водители, приглашайте попутчиков! Они заменят вам интересную книгу. Из осторожности — лишь один совет: не увлекайтесь беседой, если дорожные условия требуют напряжённого внимания.

К МОСКВЕ. НЕПРИЯТНОСТИ В ТЕМНОТЕ

С наступлением сумерек езда по шоссе превращается в мучение для водителя, даже если дорога хорошая. Чтобы понять это, достаточно хоть раз совершить вечернюю поездку за рулём автомобиля по шоссе с оживлённым движением.

Все достоинства автомобиля — его быстрходность, плавность хода, лёгкость управления и другие, все качества дороги — ровное покрытие, виражи на поворотах, чёткие знаки, красивые пейзажи — всё это отходит в сумерках на задний план, теряет своё значение. Больше того, подчас превращается в недостатки перед лицом грозного врага автомобильного движения — ослепления водителей светом фар встречных машин. Резко снижается скорость, всё внимание приковано к тщетным попыткам увидеть что-либо перед автомобилем. Справа — чернильная тьма, слева — ослепительный тысячевечный блеск, потоком льющийся прямо в глаза.

В довершение всего в своеобразную психическую и оптическую атаку на водителя идут и природа и люди. Накатанная поверхность зимней дороги и мокрая — в дождь — становится зеркалом, помощником ослепляющих фар. Беззаботные деревенские девушки и парни, стайками гуляющие в тёплый летний вечер по шоссе и при естественном свете разбегающиеся (к сожалению, не в одну сторону, а в разные) по звуку сигнала, ночью оказываются перед самым буфером машины, вынырнув из тьмы в такой момент, когда сигналить уже поздно. Водитель, остановивший грузовик или прицеп на краю дороги, что днём вызвало бы лишь досаду проезжающих, ночью очень часто (подчёркиваю: очень часто) превращается в убийцу людей на следующей за ним машине: неосвещённый грузовик абсолютно не виден в момент ослепления встречными фарами. Я не склонен расписывать «страсти» — миллионы водителей подтвердят то, что здесь сказано.

Конструкторы снабдили автомобили переключателями света — на так называемый городской, или стояночный, на ближний и дальний. Работники ОРУД установили около дорог красивые щиты с надписью: «Непереключение (есть ли такое слово в русском языке? — Ю. Д.) света ведёт к аварии», и с другими указаниями на тему о необходимости остановки машин на обочине, а также ввели в правила движения пункты о том, когда и какой свет должен быть включён водителем. Водители стараются, во-первых, по возможности не ездить по шоссе вечером; во-вторых, если уж необходимо ехать не днём, едут не вечером, а ночью, когда движение стихает (французы по этому поводу говорят: «Надо путешествовать тогда, когда другие спят или едят»); в-третьих, в темноте ведут машину ближе к осевой линии дороги, так как ослепление настагает их одинаково на любой части узкой дороги, а наибольшая опасность — люди, стоящая неосвещённая машина — находится в темноте справа (этот приём относится к опытным водителям); наконец, в-четвёртых, исполняют (в большинстве) директивы по переключению света.

Как будто всё в порядке. И всё-таки ослепление (независимо от переключения или «непереключения» света) ведёт к авариям и, во всяком случае, превращает поездку в уже описанный выше ночной кошмар. В чём же дело? Цело прежде всего в устройстве дорог. А дорожники отмахиваются и даже новые магистрали строят без учёта проблемы ослепления встречным светом.

Дороги слишком узки и не имеют ровных, крепких обочин. Узкая дорога небезопасна уже и днём при теперешнем движении, а в перспективе — возрастание и скорости и интенсивности автомобильного движения. Вот, собственно говоря, и всё. А пока что куда укрыться от света фар на узкой дороге? Где поставить повреждённую машину — не в кювете же, если нет обочины? Где пройти пешеходам или проехать велосипедистам, особенно в темноте, да ещё в дождливую погоду, как не по асфальту шоссе?

Эти и другие подобные вопросы должны задать себе строители дорог и должны ответить на них только делом: строить более широкие дороги с хорошими обочинами, велосипедными и пешеходными дорожками. А на особенно оживлённых магистралях лучше делать две неширокие полосы, каждая для движения в одном направлении, разделённые зелёными насаждениями, чем одну широкую. Всё это достаточно элементарно и известно. Однако мы видим, что даже одна из основных магистралей страны — Москва — Ленинград — имеет почти на всём протяжении ширину лишь около семи метров, на многих перегонях нет достаточных обочин.

Но введение широких дорог — дело нелёгкое и нескорое, даже если строители прислушаются к нашему, вероятно вовсе не одинокому, ходатайству. Поэтому позволим себе сделать несколько замечаний об ослеплении светом фар на теперешних дорогах.

Существуют разногласия по поводу того, какой свет включать при встрече — «городской» или «ближний». Заявляем категорически: «ближний», для того он и существует. Включение «городского» света ведёт к полной потере видимости на неосвещённой дороге. С включённым же «ближним» светом можно благополучно разъехаться, если дорога не слишком уж узка. В этом я убедился на последнем перегоне Ленинградского шоссе: встречные водители добросовестно переключали свет на «ближний», и я тоже, при этом не приходилось даже снижать скорости.

Но вот что, коллеги-конструкторы: «ближний» свет нужно сделать ещё менее ярким — он всё-таки ослепляет водителей и вводит их в заблуждение. Это происходит так: встречные машины идут с «ближним» светом, но водители думают (каждый про встречного), что это «дальний» свет, и включают настоящий «дальний» в качестве призыва к переключению; вместо безопасного разъезда происходит ослепление. Необходимо заметная разница между «дальним» и «ближним» светом.

Вторая дополнительная вечерняя неприятность — насекомые. Они залепляют ветровое окно, конечно, не подчиняются никаким правилам и не поддаются истреблению. Эти самоубийцы устремляются на свет, а раздвигаемая автомобилем масса воздуха прижимает их к стёклам, к облицовке радиатора. За какой-нибудь час езды в летний вечер стекло покрывается сплошным налётом из маленьких трупов.

Тут нельзя не упрекнуть вновь конструкторов, и особенно оформителей автомобилей. Опытами доказано, что небольшая пластинка над передней частью капота создаёт такое течение встречного воздуха, что насекомые отбрасываются в сторону. Пластинке можно придавать самые разнообразные формы. Но оформители предпочитают лепить на капот фигурки любой (и не всегда удачной) формы или выполнять капот голым, как лысина, не учитывая реальных нужд водителей автомобилей. Пока такое положение с оформлением не изменилось, советуем водителям при вечерней езде чаще останавливаться и промывать стекло. Кстати сказать, промывка стекла — тоже не новое дело в конструкции автомобиля. Существует немало машин с фонтанчиками, опрыскивающими стекло для того, чтобы щётка очистителя могла стирать со стекла насекомых и засохшую грязь. Но почему-то на наших серийных моделях автомобилей эти простые приспособления не предусмотрены.

В недостатке внимания к подобным нуждам автомобилистов виновны не только конструкторы, но и работники некоторых БРИЗ и другие, от кого зависит реализация новаторских идей. Вспоминается простое и остроумное изобретение одного инженера, который несколько лет тому назад предложил ставить на автомобиле дополнительную фару, светящую в сторону и освещающую дорогу перед встречной машиной, не ослепляя её водителя. Эта фара должна включаться лишь при встречах. Всеми была признана эффективность предложения, а результаты не видны до сего времени. Не заметно движения и в другой важной области. Речь идёт о внедрении поляризованного стекла в фарах и в ветровых окнах. Это было бы коренной мерой по борьбе с ослеплением

водителей. Поляризованное стекло фары пропускает только часть световых волн, причём именно таких, какие не проходят через соответственно поляризованное стекло ветрового окна. Думается, что существующие здесь трудности всё же можно преодолеть.

На тему о потере видимости пути водителем, вероятно, можно написать научно-популярные, фантастические, приключенческие рассказы. Но это не входит в нашу задачу. Ограничимся, в дополнение к уже сказанному, несколькими рекомендациями.

Кроме плакатов о «непереключении» света, нужны плакаты, разъясняющие пешеходам особую опасность их пребывания в темноте на проезжей части шоссе. Водителям, вынужденным ночью оставить неосвещённую машину на узкой дороге, нужно вменить в обязанность навешивать на углы кузова белые тряпки, а Министерству автомобильной промышленности (чтобы этого не приходилось делать) — ввести на всех автомобилях и прицепах отражатели света фар.

Но самый главный совет, точнее — просьба, а вернее — требование ко всем, от кого зависит устройство дорог: дайте советскому автомобилю широкую дорогу! И в самом прямом, а не в переносном смысле.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОКОНЧЕНО

Москва!.. Она встречает вас ещё издали стройными, как бы прозрачными силуэтами высотных зданий, врезающихся в вечернее небо. Движение на шоссе становится всё более оживлённым. В секторе света фар мелькают заборы дач, бесчисленные асфальтовые ответвления дорог.

Застава. Пора выключать фары и включать подфарники.

Светлые улицы, сияние бесчисленных фонарей, окон, реклам, в котором почти не видны огни светофоров. Тысячи автомобилей, отражая в лакированной поверхности кузова, в стёклах и хромированных буферах все эти огни, катят в несколько рядов, сдвигают и раздвигают ряды, поток их омывает автобусные и троллейбусные остановки, усьстрояется на широких проездах, замедляется на узких.

В период, который переживает сейчас наш автомобилизм, регулирование движения в больших городах особенно необходимо. Движение стало настолько уже интенсивным, чтобы быть весьма опасным и для пешеходов и для машин. Но оно не дошло ещё до такой интенсивности, когда в значительной мере само себя регулирует. Такое «саморегулирование» наблюдается только на центральных улицах наших столиц. Попробуйте, например, пересечь Садовое кольцо по площади Маяковского в Москве «на красный свет». Вы этого не сделаете из чувства самосохранения, да и просто не сможете сделать, так как поток машин полностью преграждает дорогу. Попробуйте хотя бы там же, управляя автомобилем, перекочевать из одного ряда в другой. Вы немедленно получите удар в бок кузова, как бы ни были ловки в вождении машины.

Но таких мест пока ещё не много, а в большинстве других можно при известном искусстве перейти из ряда в ряд, обогнать машину, а пешеходу — перебежать улицу. Здесь регулирование движения обязательно. В последнее время наблюдается некоторый прогресс в этой области — введены более разумные знаки и правила, меньше стало бессмысленных придирок со стороны инспекторов, но всё же наше регулирование движения далеко от идеала.

Встречаются дикие знаки: «15 км в час». Они никем не соблюдаются, так как это потребовало бы совершенно ненужного для безопасности торможения и включения второй передачи. Есть знаки, висящие перед уличными фонарями так, что их нельзя разглядеть на световом фоне, даже выйдя из машины. До недавнего времени около въезда на Новое шоссе, что ведёт к Тимирязевской академии, был знак, который водитель увидеть не мог (знак был закрыт столбом), но за обгон на этом участке ежедневно взимали с водителей штраф. На площади Пушкина водитель, едущий на улицу Чехова, обязательно дважды простаивает. Таково «взаимодействие» светофоров.

В других городах существуют и другие приёмы «регулирования», правда, совершенно безопасные и даже полезные для водителей, но ничем не оправданные с точки зрения интересов движения машин. Так, в Литве водитель обязан быть бритым, оде-

тым чуть ли не в парадный костюм, при головном уборе, и не имеет права курить за рулём. Аналогичные правила вы встретите и в Харькове и на Кавказе.

...Веду машину осторожно, всматриваясь в новые знаки, появившиеся за время моего отпуска. Всё обходится благополучно.

И вот мы дома.

* *
*

Для конструктора автомобилей отпуск, проведённый за рулём, служит не только отдыхом, но и накоплением опыта. Появляются новые мысли о наиболее рациональной компоновке машины, о целесообразной в наших условиях конструкции некоторых узлов и деталей, о желательных приборах оборудования, которых ещё нет на наших автомобилях. Вероятно, когда подобным образом проводят отпуск другие владельцы машин — работники дорожного дела, автомобильной инспекции, торговой сети, коммунальных предприятий, — они тоже делают свои выводы.

Но, быть может, не всем перечисленным и другим категориям работников удалось в этом году попутешествовать на автомобиле. Поэтому я счёл своим долгом поделиться с ними соображениями, затрагивающими их области. Конечно, затронуты далеко не все автомобильные вопросы — ничего не сказано об обслуживании автомобилей, о гаражах, о шинах и многом другом. Отмечено только то, с чем пришлось встретиться на сравнительно коротком пути.

Несколько слов в заключение.

Заметки названы критическими. Поэтому в них, возможно, больше отрицательных моментов, чем положительных. Да будет это понято правильно — неприятности автомобильного путешествия в наши дни не могут служить причиной отказа от таких путешествий, не могут затмить их радостей. В путевых трудностях таится особая прелесть, какой нет в размеренном движении поездов, пассажирских судов и самолётов.

Путешественник на автомобиле — не праздный наблюдатель, а творец мгновенных решений, следопыт, труженик. Советского автомобилиста, в дополнение к этим благородным функциям, не покидает сознание, что встреченные им препятствия настойчиво устраняются и будут устранены — возможно, не без его участия (отметим, что за время подготовки этих заметок к печати кое-что изменилось в лучшую сторону в автодорожном деле). Движимый этим сознанием, автомобилист не только ворчит на своих «противников» и воюет с ними, но деловито беседует со строителями дорог, даёт советы официантам и буфетчицам, безотказно выплачивает «десятки» автоинспекторам и подвозит их.

И, наконец, покупает в книжных магазинах всё — ценное и второстепенное, — что только написано об автомобилях — машинах, которые интересуют всех. Это, быть может, служит и некоторым основанием для опубликования моих заметок.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

НИКОЛАЙ ДУБОВ

★

КАК ГУБЯТ МОРЕ

Для сохранения и увеличения рыбных запасов в водоёмах страны осуществить в больших масштабах проведение комплекса рыбоводно-мелиоративных работ, имея в виду улучшение естественных условий воспроизводства рыбных запасов, дальнейшее развитие промышленного рыбозаведения и акклиматизации ценных промысловых рыб.

(Из Дирентив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы).

Единственное в мире.

Воды его не радуют глаз прозрачной глубокой синевой, изумрудными переливами. Мутные, желтоватые, под ветром они становятся оловянными, тусклыми, а при сильном волнении ил, поднятый со дна, делает их и вовсе непривлекательными. Но посмотрим на них не с точки зрения художника, радующегося живописным эффектам или дачника, отыскивающего в природе подобие олеографическим открыткам. Прозрачные воды — мёртвые воды. Здесь речь идёт о живом, насыщенном жизнью Азовском море.

Оно — единственное. Нигде более природа не создала ничего похожего. На площади в 38 тысяч квадратных километров распростёрся единственный в мире естественный питомник, богатейшее пастбище для рыб. «Пастбище» — это не для красного словца, а точное определение. Не случайно рыбную массу того или иного вида называют «стадом». Это самые настоящие стада, только их не определяют поголовьем, а исчисляют сотнями тысяч и миллионами центнеров. Рыба поднималась на сотни километров вверх по рекам для нереста. Мальки скатывались затем по течению в свой «детский сад» — Таганрогский залив, — а подростки, для нагула, расходились по всему морю.

В Азовском море образовалось счастливейшее сочетание естественных факторов. Реки служили не только местом для нереста, они несли, по преимуществу весной, десятки кубических километров воды, насыщенной продуктами распада тканей, солями — питательными веществами для планктона (мельчайших растительных и животных организмов, взвешенных в воде). Вся толща вод (предельная глубина моря — 14 метров) прогревается солнцем, а при малейшем ветре перемешивается и насыщается кислородом. Солёность его не одинакова — от 2—3 промилле (это десятая часть процента) в восточной части Таганрогского залива она поднималась до 10,6 в средней части моря и достигала у Керченского пролива 17 промилле, то есть солёности Чёрного моря.

Благодаря этому счастливому сочетанию условий все звенья пищевой цепи: планктон — бентос (ракообразные, моллюски) — рыба — достигали необыкновенного, невиданного развития и продуктивности. В жаркую безветренную пору лета воды Азовского моря совершенно теряли прозрачность и становились похожими на «зелёные щи», так бурно развивался планктон. Бентос — основная пища рыб — давал в год около 20 миллионов тонн биомассы. А последнее звено пищевой цепи — рыба — давало «урожай» в 80 килограммов с гектара. Самые богатые открытые моря мира дают: Японское — 28—29 килограммов, Северное — 24,5 килограмма, Каспийское даёт

в восемь раз меньше, всего 11—12 килограммов, а Чёрное — 1,6 килограмма рыбы с гектара, то есть в пятьдесят раз меньше, чем Азовское!

Следует добавить, что Азовское море служит местом откорма для части черноморских рыб — сельди, кефали, барабульки, хамсы и других. Отъевшись на обильных азовских кормах и разжирев, они уходят на зимовку в незамерзающее Чёрное море.

В самый «уловистый» 1936 год Азовское море дало свыше трёх миллионов центнеров рыбы, причём большую половину улова составляли ценные породы — лещ, судак, осетровые, прозрачные от собственного жира рыбец, шемая, знаменитая керченская сельдь и другие. Однако эти деликатесы современному потребителю более известны по литературе и меланхолическим воспоминаниям пожилых людей, чем по собственному опыту. Азовская рыба славилась как самая вкусная и жирная. Год от году слава эта меркла, а потом начали раздаваться вопли: «Где знаменитая керченская сельдька? Куда девалась рыба?»

Преображение рек.

Огромные сооружения в бассейне Дна, гидротехническое строительство в бассейне Кубани и, как следствие этого, изменение и уменьшение стока речных вод, прежде беспрепятственно стекавших в море, серьёзно изменили и продолжают изменять гидрологический режим и биологическую продуктивность моря. Цимлянская плотина отрезала все нерестилища белуги, более половины нерестилищ осетра, сельди, чехони и так далее. Резко сократилась площадь займищ, служащих нерестилищами для крупного частика.

Уменьшение стока речных пресных вод влечёт за собой повышение солёности моря. По подсчётам специалистов, она повысится на 40 процентов, а в случае наступления длительного маловодного периода (каким был, например, период 1930—1940 годов, когда сток равнялся 25 кубическим километрам вместо среднего в 39 кубических километров в год) солёность Азовского моря может сравняться с солёностью Чёрного. Осолонение такого характера может серьёзно подорвать рыбное хозяйство, так как поведёт к исчезновению значительной части фауны, некоторых промысловых рыб, прежде всего леща.

Однако сток не только уменьшился количественно, он переменялся качественно. Донская вода поступает теперь в море после отстоя в Цимлянском водохранилище. Количество питательных веществ для планктона в ней теперь в два раза меньше, нежели прежде. Уменьшение стока повлекло за собой ослабление течений и засолонение, а обеднение его резко повысило прозрачность воды (теперь море в тихую погоду просматривается до дна!), что означает уменьшение количества растительного и животного планктона, то есть пищи для рыбы. Говорят, что «корма в Азовском море хватит». Далеко не так! Корма стало меньше, и это сразу сказалось на планктоноядных рыбах — жирность тюльки и хамсы уменьшилась, рост их замедлился. Естественно, что падает и упитанность, замедляется рост рыб, кормом для которых служат хамса и тюлька.

Изменение и ограничение стока рек в результате гидротехнического строительства, которое рыбаки определяют ставшим привычным, но абсолютно неправильным словом «зарегулирование», — серьёзный фактор, с ним нельзя не считаться. Но действие его сказывается только с 1952 года, падение же запасов и промысла началось значительно раньше.

Промысел или истребление?

Что сказали бы о мясозаготовителях, которые в припадке рвения перерезали бы не только выделенных для того коров, но и всех телят и быков-производителей? Или о специалистах по птицепоставкам, кои, обуреваемые таким же рвением, начали бы в инкубаторах выковыривать из яиц ещё не вылупившихся цыплят?

Не вызывает сомнений усердие работников Министерства рыбной промышленности — они хотят выполнить план. Но хотят ли они снабжать население рыбой?

С 1945 года число ставных хамсово-тюльчных неводов непрерывно растёт и достигало в 1954 году рекордной цифры — 1950 штук! Море сплошь утыкано, перегорожено

ставными неводами у берегов, то есть в местах нереста и нагула. Невода с делью в 6 миллиметров гребут всё, что не может проскочить в крохотную ячейку. Практически только планктон благодаря своим микроскопическим размерам спасается от этого ставникового бедствия. Рыбаки с яростью, чуть не со слезами вычерпывают из ставников котлов живой «студень» — личинок, мальков ценной рыбы. Это повторяется и возрастает из года в год.

С конца тридцатых годов всё чаще раздаются предостерегающие голоса — появляются статьи в местных газетах, рыболовы обращаются к учёным, работникам министерства. Ничто не помогает. Подорванный промысел крупной рыбы не даёт уловов? Дави хамсой и тюлькой, выполняй план!. «Давили» усердно, но уловы падали, и ещё разительнее падал выход товарной рыбы. Давили так усердно, что подорвали даже запасы хамсы, которые исчислялись миллионами центнеров, и тогда министр рыбной промышленности А. А. Ишков дал указание ловить «нитку» — малька хамсы, которую рыбаки с тех пор называют «ишковой». Слава? Да, но какая?!

Пищевая ценность тюльки так мала, что потребители окрестили её новым выразительным именем: «жуй-плюй». «Нитка» вообще никакой ценности не имеет. Зачем, во имя чего вычерпывается из моря огромное количество бесполезного для человека, но необходимого для крупной рыбы корма? Как можно терпеть, чтобы вместе с бесполезной тюлькой вычерпывались из моря почти начисто личинки, молодь красной рыбы, крупного частичка, в том числе и выращенные рыбободными заводами?! Во имя плана? Но план лишь тогда план, когда он имеет в виду не только сегодня, но и завтра и послезавтра.

Козьма Прутков говорил, что «усердие всё превозмогает». Безоглядное выгребание из Азовского моря всего живого — не есть ли это случай, когда усердие превозмогает и рассудок?

Министерское браконьерство.

В цирковых программах встречается такой номер: гимнастка стоя запрокидывает голову назад, перегибается посплам, голова её опускается ещё ниже, пока наконец между ногами не появляется обращённое к публике лицо с вымученной улыбкой. Называется этот номер «каучук». Женщина-каучук может делать горизонтальный и вертикальный «шпагат», согнуться колесом и в ту и в другую сторону, только что не вывернуться наизнанку... Некоторым нравится.

Какое отношение цирк и цирковые номера имеют к морю? Имеют. И здесь есть свой «каучук». Этот «каучук» называется Правилами рыболовства.

Тридцать две статьи Правил рыболовства в Азовском бассейне, утверждённые министром рыбной промышленности, устанавливают места, меру, сроки и орудия лова. Наблюдает за их выполнением Главное управление рыбоохраны и рыбободства (Главрыбвод), подчинённое министру рыбной промышленности. Районные и участковые инспектора Главрыбвода, как правило, самоотверженные работники, в пределах своих возможностей следят за соблюдением Правил. Правда, возможности эти не так уж велики. Например, участковые инспектора Ждановского района обслуживают участки по 50 километров (береговой линии) и не имеют никаких средств передвижения ни по суше, ни по морю. Районный инспектор располагает катером, который по очереди и обслуживает участковых инспекторов. Участковому инспектору остаётся «голосовать» на дорогах или ходить пешком и из милости напрашиваться в спутники рыбакам, уходящим в море.

Инспектора ведут борьбу с браконьерами, штрафуют, даже отдают под суд рыбаков, бригадиров. Но не одиночки браконьеры, так сказать кустари от браконьерства, наносят наибольший урон рыбному хозяйству. Значительно серьёзнее, а главное, совершенно безнаказанно браконьерство, проводимое самим министерством, а с ним ни Главрыбвод, ни участковые инспектора ничего поделать не могут. Вот несколько примеров.

Статья 8 Правил запрещает лов бычка в Таганрогском заливе в течение всего года, а в Азовском море — с 15 по 30 июня. Правила утверждены министром А. Ишковым.

вым 8 апреля 1955 года, но уже 19 мая была разослана телеграмма: «Разрешаю текущем году лов бычка восточной части Азовского моря границах от реки Берды до мыса Хрони. Ишков».

На запросы в Главрыбвод оттуда последовал ответ: «Лов бычка восточной части моря период общего запрета разрешить нельзя. Бабаян».

Но кто же внемлет запрету товарища Бабаяна, начальника главка, если сам министр разрешает? И бычка ловили. Ловили совершенно варварски. Палубы судов были залиты выдавленной из самок икрой. В период нереста самец бычка-кругляка остаётся возле отложенной икры, охраняет и «вентилирует» её: без этого икра погибнет. Механизированными драгами их выгребали подчистую, сдирая и отложенную самками икру. В период с 1951 по 1953 год сроки запрета на лов бычка сокращались до двух недель, в 1954 году — до 25 дней. Сокращён был срок запрета и в 1955 году.

В 1954 году на техническом совете Министерства рыбной промышленности работники научно-исследовательского института (АЗЧЕРНИРО) поставили вопрос о запрете хамсово-тюлечных неводов в Таганрогском заливе. В сентябре министр издал приказ, запрещающий хамсово-тюлечные невода. Но в план на 1955 год включили 630 тысяч центнеров тюльки, и уже в феврале министр снова разрешил невода. В ставники в огромном количестве попадала молодь тарани и судака. Работники Главрыбвода запротестовали. Министерство образовало комиссию, которая установила: да, прилов молодки большой, ставники надо снять. Сняли? Как бы не так! На каждый колхоз, на каждое государственное рыболовецкое предприятие оставили по два «контрольных» ставника, иными словами, сотни неводов продолжали истреблять молодь. В результате протеста была образована новая комиссия. Комиссия пришла к такому же заключению, но время-то шло, и незаконный лов продолжался до 12—13 июня!

На совещании в Министерстве рыбной промышленности УССР в июне 1955 года было решено: в Таганрогском заливе ставников не допускать вовсе, а в Азовском море количество их сократить. Но план вылова тюльки на 1956 год установлен, орудия лова остались те же, и, стало быть, истребление молоди ценных пород будет продолжаться.

Насколько научны Правила, свидетельствует хотя бы такой пример. Хамсу измеряют от начала рыла до начала развилки хвостового плавника. Но промысловая мера в с е х крупных рыб «определяется от середины глаза до конца переднего или заднего луча анального плавника». Почему у крупной рыбы хвост, на котором столько мяса, что десятками хамсинок не заменишь, в счёт не идёт и рыбакам нужно обязательно отыскивать анальный плавник? Долгое время никто не мог объяснить странной привязанности к анальному плавнику, и только потом выяснилось, что эта мера сохранилась от дореволюционных времён. До революции не было холодильников, мороженую рыбу навалом грузили на сани и везли за десятки, а то и сотни вёрст. Во время такой перевозки хвосты частенько обламывались по этот самый злополучный плавник, но и с обломанным хвостом рыба попадала в «меру». Давным-давно забыта такая перевозка, в рефрижераторах рыбы хвосты остаются при рыбе, но Правила бережно охраняют анекдотическую меру. Так, по крайней мере, было ещё несколько месяцев назад.

Правила рыбоводства в настоящем их виде не имеют биологического и экономического обоснования. Протесты работников рыбоохраны заглушаются хором промысловиков, которые твёрдо знают, что за Правила им не отвечать, а вот если они план не выполняют — не поздоровится... Не в обиду будь сказано, совещания, на которых обсуждаются и утверждаются Правила, более всего напоминают собрание щук, которым пескари пытаются объяснить похвальность умеренного аппетита.

Наука на задворках.

Чуть в стороне от лестницы, ведущей на гору Митридата, на полугоре стоит крохотный трёхэтажный домик. В старой Керчи это был рядовой жилой дом со скрипучими деревянными лесенками, выгоревшими бумажными полосками на окнах, будто бы защищающими от мух, и домашней жизнью, от тесноты и жары выплескивающейся на улицу.

Осторожнее входите в узкий тёмный коридор. Осторожнее, потому что порвёте брюки или набьёте синяки о множество ящиков, в которых стоят бутылки, закрытые резиновыми детскими сосками. Нет, вы не в детских яслях... Это Азово-Черноморский научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии, сокращённо — АЗЧЕРНИРО. А в пивных бутылках с детскими сосками не молоко, а пробы. Иной посуды, иных пробок у института нет — не снабжают.

Пройдите по кабинетам. Крохотные комнатки, в которых сидят по три-четыре человека, не меньше, чем коридоры, загромождены приборами, всевозможными пробами и препаратами. Но, предположим, большие кабинеты не нужны: научный сотрудник — не руководящий товарищ, и зачем ему кабинет, похожий на стадион? Меньше будут заседать, и то к лучшему... А где же лаборатории? Вот эти загромождённые чуланчики и служат лабораториями.

Мелочи? Допустим.

До войны промысловой разведкой ведал этот институт. В его распоряжении были суда, самолёты. Институт мог проводить и тактическую разведку, то есть указывать рыбакам скопления рыбы, и, так сказать, стратегическую, то есть фундаментально изучать море, запасы рыбы и давать долгосрочные прогнозы. Теперь Азчеррыбпром-разведка — самостоятельная организация, вернее, целиком подчинённая прикладным, сегодняшним задачам добычи. В сущности, вся разведка сводится к «наводке» промысловых сейнеров на косяки. Большого она делать не может, так как научных сил там нет, оборудование отсталое, примитивное, новое осваивать некому, да и не торопится министерство снабжать новым. Кое-как вывозит пока эхолот. Эхолот позволяет обнаружить рыбу только по вертикали. Набрédёт такой «разведчик» ощупью на косяк — хорошо, сейнеры бросаются по его следу, нет — они отстаиваются, ожидают. А море велико, его иглой лучика эхолота не перещупаешь, да и рыбы косяки не стоят на привязи в ожидании разведчика...

В институте есть отдел техники добычи. Его задача — разрабатывать, конструировать новые орудия лова и внедрять их в производство. Полезный, нужный отдел? Очень. Но, подобно подпоручику Куже, он «фигуры не имеет» — экспериментальной базы нет, средств нет и материалов нет. Изучают, конструируют, изобретают, а сделать и, тем более, внедрить не могут. В 1954 году министерство выделило 400 тысяч рублей на изготовление снастей, но материальных фондов не выделило. Деньги остались неиспользованными. В 1955 году выделили материалы, но денег на их приобретение не дали. Что это, игра в бирюльки? Правда, институт нашёл выход: вступил в «кооперацию» с колхозом «12 лет Октября» — у него есть деньги, а у института материалы. Колхоз согласился построить. Повезло!..

Между тем в Керчи есть экспериментальная база. Она считается цехом моторно-рыболовецкой станции, но подчиняется и областному управлению этих предприятий и Министерству рыбной промышленности УССР. При таком тройственном подчинении она практически никому не подчиняется и никто ею не руководит. Штат её — около семидесяти человек, но в немалой части это люди случайные. На должности инженера-механика состоит, например, товарищ Будников. По специальности он техник-паровозник. Техником-наблюдателем состоит товарищ Грабарь. Он действительно техник, но техник-металлург... На протяжении нескольких лет база приносит государству большие убытки, рыбодобывающие организации не знают, как от неё избавиться, а институт не может получить базу.

Работники института с гордостью покажут вам своего «Гонца». Будут всячески его расхваливать. Правда, это всего-навсего логгер, трюм которого разгорожен на клетушки-каюты. Правда, зимой плавать трудновато: холодно, а с отоплением из рук вон плохо, включают лишь тогда, когда научные сотрудники начинают взапуски сморкаться и кашлять. Правда, лаборатории нет, делаем «станции», а обрабатывать приходится потом дома. Правда, оборудования мало, и оно очень отсталое. Но всё-таки!..

Нельзя не восхищаться этим «всё-таки», энтузиазмом учёных, ведущих свою работу, несмотря ни на что. Однако, как ни велик, как ни горяч этот энтузиазм, результаты научной работы могли быть серьёзнее, значительнее, если бы для этого были созданы надлежащие условия.

На совещании в Киеве летом минувшего года угрожающее положение на Азовском море стало очевидным для всех. И тогда руководители рыбодобывающих организаций повысили голос: «Наука оказалась недалёковидной! Наука нас не предупредила!»

Скажем по возможности мягко: это неправда! Наука была дальновидной. Она предупреждала, предостерегала, взывала. В научных трудах, в отдельных статьях, выступлениях ещё с тридцатых годов и особенно в послевоенные годы учёные предсказывали (и эти предсказания оправдались!), как изменится гидрологический режим Азовского моря в результате изменения стока речных вод, к каким это приведёт последствиям и что нужно сделать, чтобы нежелательных последствий избежать. Сделано далеко не всё, а то, что делается, выполняется недопустимо медленно.

Ежегодно АЗЧЕРНИРО даёт прогнозы промысловых запасов и желательные нормы вылова. Эти рекомендуемые учёными нормы никогда не утверждаются министерством, а всегда значительно повышаются. Ближайший пример. По прогнозу АЗЧЕРНИРО, бычка в 1955 году следовало выловить 150 тысяч центнеров. Министерство установило план в 240 тысяч центнеров. Его перевыполнили. Можно было выловить и 300 тысяч, можно, наконец, выловить всего бычка за один сезон. Азовское море мелкое, оно как тарелка. При современном вооружении рыбодобывающих организаций и за один год из него можно выгрести всё живое, поразить всех грандиозным перевыполнением плана и... превратить богатейший водоём в пустыню.

Нет, не наука виновата. Наука — глаза и уши, мозг рыбной промышленности. Но наука барственно-бюрократически отодвинули на задворки производственной жизни, лишили возможности работать в полную силу, то есть заткнули собственные уши и завязали глаза.

Что делать?

Продуктивности Азовского моря нанесён серьёзнейший ущерб. Исправление нынешнего положения вещей — дело, не терпящее никаких отлагательств. Здесь не время и не место перечислять всё, что нужно сделать в полном объёме и во всех подробностях, но главное следует сказать.

Для того, чтобы охрана рыбных запасов стала действительно эффективной, Главрыбвод должен быть выделен из системы Министерства рыбной промышленности. До тех пор, пока министерство само устанавливает для себя правила и законы, отменяет и заменяет их по своему произволу, ни о какой серьёзной работе по сохранению и увеличению рыбных запасов в водоёмах речи быть не может. Главрыбвод необходимо преобразовать в комитет или управление при Совете Министров, подобно Комитету по охране лесов или Управлению по заповедникам. Работники, инспектора рыбоохраны должны обладать более широкими возможностями и правами, чтобы осуществлять жёсткий контроль за всем промыслом и всеми рыбными угодьями.

В короткие сроки необходимо выработать новые, биологически и экономически обоснованные правила рыболовства, и решающий голсс при этом должен принадлежать учёным и работникам рыбоохраны.

Вылов бесполезной тюльки и «нитки» даёт только фиктивное «валовое» выполнение планов рыбодобычи, но означает уничтожение запасов корма для крупной рыбы и истребление молоди ценных пород. Не ожидая новых правил, следует запретить по всему Азовскому морю, без всяких исключений, применение хамсово-тюльчных неводов и сетей, вообще каких-либо мелкочейных орудий лова.

Работу по рыборазведению, которая сейчас ведётся недопустимо медленно, давно пора усилить и ускорить. Однако только рыбхозов и рыбоводных заводов недостаточно. Лиманы — нерестилища частика — запущены, зарастают подводной растительностью. Колхозы и предприятия Гослова несут ответственность за выполнение плана добычи, но практически не отвечают за состояние займищ, покоев и лиманов, которые за ними закреплены. Они не проводят подводной мелиорации, серьёзных планов этой работы нет, и средства на неё не отпускаются. Должна быть введена ответственность за состояние лиманного хозяйства не меньшая, а большая, чем за выполнение плана рыбодобычи.

Без отлагательства необходимо поставить широкие опыты акклиматизации в Азовском море новых пород рыб, например, каспийской сельди, подобно тому, как в своё время в Каспийское море была переселена черноморская кефаль.

Кстати сказать, рыборазведение уже сейчас во всю ширь должно быть поставлено и на Каспийском и на Аральском мрях, так как и там в результате гидротехнического строительства на Волге, Сыр-Дарье и Аму-Дарье изменяется гидрологический режим, условия нереста рыб и их нагула.

Восстановление биологической продуктивности Азовского моря упирается в «солевое голодание», то есть в недостаток нитратов и фосфатов, которые приносили воды Дона и Кубани. Этот недостаток может и должен быть возмещён путём внесения удобрений. Удобрять море? Не всё ли это равно, что отапливать «божий свет»? Вовсе нет. Мы привыкли к ежегодным многократным и обильным удобрениям земли и извлекаем из этого немалую пользу. При меньших затратах огромную пользу принесёт и удобрение моря. По подсчётам старшего научного сотрудника АЗЧЕРНИРО Я. К. Гололобова, причём вынужденно только теоретическим и приблизительным, для этого не потребуется устрашающего количества удобрений.

Разумеется, пока необходимо провести в экспериментальном порядке опыты. Они не требуют никаких капиталовложений, нужно лишь выделить должное количество удобрений, а распыление их могут с успехом произвести самолёты сельскохозяйственной авиации. Эти опыты следует провести прежде всего на полузакрытых участках, менее подверженных течениям и сгонным явлениям, например, в Обиточном заливе, у Бердянской, Белосарайской кос.

Переход к удобрению всей площади Азовского моря обязывает решить практически уже неоднократно поднимавшийся вопрос об ограничении водообмена между Чёрным и Азовским морями. Это ограничение необходимо для того, чтобы предотвратить вынос питательных веществ из Азовского моря в Чёрное, и для того, чтобы приостановить засолонение Азовского моря.

По подсчётам профессора Самойленко, опубликованным в 1947 году, чтобы предотвратить всякое изменение солёности Азовского моря, водообмен с Чёрным морем необходимо сократить в пять раз. Для этого достаточно живое сечение Керченского пролива уменьшить в три раза. При нынешней технике это не столь уж трудно.

Разумеется, речь идёт о дамбе между Опасной и косой Чушкой, а отнюдь не о закрытии Тузлинской «прорвы», так как не эта промоина определяет объём водообмена между морями.

В ближайшее время необходимо создать специальную конференцию учёных, работников рыбоохраны и рыбоводства, чтобы разработать программу работ по Азовскому морю. Надо надеяться, что теперь, когда угрожающее положение стало очевидным, участники оценят его с суровой реалистичностью, так как здесь опаснее всего ведомственный оптимизм. Известно, что эти вопросы уже обсуждались, но так и не были решены. А решить их необходимо.

Учёным, научно-исследовательским учреждениям (и прежде всего АЗЧЕРНИРО) надо предоставить все условия для важнейшей работы, которую они ведут, и, конечно, голос учёных должен стать главенствующим при решении всех промысловых задач.

Азовское море — полностью наше, внутреннее море, мы единственные в нём хозяева, и пора в нём начать вести рыбное хозяйство, а не дикой промысел, как делало до сих пор Министерство рыбной промышленности. Прекращение хищнического лова, проведение акклиматизации новых пород, рыборазведение, подводная мелиорация, удобрение моря, уменьшение водообмена — иными словами, реконструкция моря — не только восстановят славу продуктивнейшего в мире моря, но превратят его в культурный водоём, и вместо былых 80 килограммов оно будет давать сотни килограммов рыбы с гектара.

Первое из морей земного шара — Азовское море будет целиком и полностью поставлено на службу человеку. Сделать это можно, должно, и начинать следует без промедления.

Керчь — Жданов.

Т Р И Б У Н А П И С А Т Е Л Я

АЛЕКСАНДР ИВИЧ

★

УЧЕБНИКИ ПИШУТСЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ...

1

«**О**тчего в природе всё так весело, ярко, живо, а в книге то же самое скучно, трудно, бледно и мертво? Неужели это — свойство речи человеческой? Я не думаю. Мне кажется, что это — вина неясного понимания и дурного изложения». Так писал Герцен, начиная свой знаменитый «Опыт бесед с молодыми людьми».

И сколько поколений молодых людей задавали себе, задают и поныне тот же вопрос! Как много скучных и бледных книг приходится им преодолеть, чтобы добраться до живой науки. Ведь прежде, чем взяться за произведения крупных учёных, созидателей науки, нужно получить общее представление об отрасли знания, к которой они относятся, познакомиться с основными понятиями, терминологией, кругом проблем. Это знакомство начинается с детства, со школьных учебников. Огромно их значение, велика ответственность авторов и редакторов.

Сознание детей теснее связано с эмоциями, чем у взрослых, воображение развито необычайно, а навыки отвлечённого мышления только складываются. Неинтересно, вяло рассказанное усваивается ими туго. Зато самая небольшая зацепка, дающая пищу воображению, установление связи отвлечённого с конкретным и знакомым позволяют легко разобратся и в сложных понятиях.

Не только добротность научного материала и правильная методика определяют качество учебника, но и характер изложения. Об этом и говорил Герцен. Только ли он! Посмотрите, как революционные демократы, рецензируя учебники, постоянно обращали внимание на их литературное качество.

Белинский, приводя неудачные фразы из грамматики Половцова, восклицал: «Что за охота приучать детей к такому варварскому слогу?», Погодина он упрекал в том, что язык его учебника русской истории неправильный и необработанный, хвалил Русскую историю Полевого за то, что она написана сжато, просто и поэтому легко воспринимается, отмечал, что слог учебника всеобщей истории Кайданова «дурен до крайности». А говоря о достоинствах книги по русской истории Ишимовой, критик на первое место ставил «превосходный рассказ и прекрасный язык».

Добролюбов возмущался учебником словесности Архангельского: автор «сам не знает даже русского языка и правильно писать по-русски не умеет». В одной из рецензий на учебник географии он указывал, что в преподавании этого предмета необходимо устранить сухость, о другом учебнике говорил, что уроки географии написаны «очень живо, просто и занимательно».

Чернышевский был недоволен Историей средних веков Стасюлевича, в частности, потому, что факты изложены сухо, бесцветно.

Эта острота интереса к стилистическим качествам учебника, к его занимательности и живости в значительной мере утрачена нашей критикой.

Советские учебники резко отличаются от дореволюционных в самых существенных, принципиальных чертах. Они опираются на учение Маркса — Ленина, они пропагандируют материалистическое миропонимание, готовят борцов за коммунизм. Но ведь единственное средство выражения мысли — язык. Недостатки изложения неизбежно отражаются и на идейной ясности книги и на её научном содержании, затрудняют понимание и усвоение материала. Между тем работа над языком и стилем учебника ведётся зачастую очень небрежно.

2

Передо мной стопка учебников для учащихся средней школы. Открываю «Географию СССР» С. В. Чефранова для 7-го класса (редактор М. В. Козлов. Учпедгиз, 1955). Стараюсь понять фразу:

«Её (Западной Сибири.— А. И.) природные богатства: громадные запасы каменного угля, металлов, химического сырья и водной энергии, равно как и возможности развития сельского и лесного хозяйства, способствуют быстрому развитию её хозяйства и в первую очередь промышленности».

Есть ли смысл в сообщении о том, что возможности развития хозяйства способствуют быстрому развитию хозяйства? Верно ли, что развитие хозяйства области составляет часть её природных богатств? Ведь именно это означает двоеточие, поставленное после слова «богатства». Фраза грамматически неправильна и запутана.

Редактор учебника не замечает, что самые простые сведения нередко изложены в книге тяжеловесно, иногда и неграмотно.

«Эта страна... представляет наиболее обширную, редко населённую и до сих пор менее освоенную часть СССР». Наиболее — менее. Какое неудачное сочетание! Как можно говорить «менее», не указывая, менее чего? И кого страна представляет? Очевидно, нужно было сказать «представляет собой».

А вот и совсем невозможная фраза: «З а м е р з а н и е рек и их вскрытие сопровождаются ледоходом, за которым наступает половодье, а затем обмеление рек» (разрядка в цитатах везде моя. — А. И.). Получается, что половодье наступает и после замерзания рек. Это перепечатывается из года в год!

Разумеется, такие выражения, где смысл совсем утерян, встречаются редко. Но языковыми неточностями пестрит весь текст. «На Севере климатические... условия в прежнее время при слабом развитии агротехники задерживали развитие земледелия. Поэтому оно не имеет здесь такого значения, как в центральных и южных областях». Между этими двумя фразами нет логической связи. У школьника может возникнуть естественный вопрос: почему же теперь, при изменившемся уровне агротехники, земледелие попрежнему не имеет большого значения? Мы уже не говорим о том, что опять слабость развития задерживала развитие.

Стиль «Географии СССР» — не исключение. Учебник для 6-го класса Г. И. Иванова и А. С. Доброва (редактор Н. П. Смирнова. Учпедгиз, 1955) в общем несколько лучше по языку, но и здесь много неуклюжих фраз, канцеляризмов, неточных выражений мысли. Любимый глагол авторов — «иметь». Только на двух соседних страницах (69—70) находим: «территория Франции... имеет... морской климат», «Юг Франции... имеет субтропический... климат», «Франция имеет меньше жителей, чем Британия», «рабочие имеют давние революционные традиции», в Париже «имеются настоящие трущобы», и, наконец, даже «дома имеют разнообразную архитектуру».

Дело тут не только в усыпляющем однообразии. В большинстве случаев самый глагол выбран неудачно. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова специально указано, что глагол «иметь» — книжный и «соответствует по знач. более живым оборотам». Так зачем же столь усердно предлагать его детям, описывая страны и города?

И в этом учебнике обилие громоздких причастных оборотов, затрудняющих понимание фразы, и здесь авторы словно забывают, что книга написана для двенадцатилетнего ребёнка. «Широко используется электричество, производимое на основе энергии альпийских рек», «Польша имеет довольно большую береговую линию, омываемую Балтийским морем».

Так же мало заботится о стиле и Н. Н. Баранский в своей «Экономической географии СССР» для 8-го класса (редактор П. Г. Терехов. Учпедгиз, 1955). Школьнику приходится преодолевать гору придаточных предложений в фразах, насчитывающих иногда 50—60 слов (например, на стр. 141).

Вот как в книге говорится о Крыме: «Южный берег, представляющий собой узкую... полосу, заключённую между морем и круто обрывающимися к морю горами, особенно ценен своим климатом, не знающим зимних холодов и летних дождей, и живописностью своего положения между горами и морем». Ну, как тут разобраться между горами и морем, как примириться с выражением «берег ценен... живописностью своего положения»!

Вы узнаете из учебника, что Северо-Запад имеет (и тут «имеет»!) «сравнительно удобные морские выходы в виде Ленинграда и Мурманска...» Выход в виде города! Откроешь главу о Закавказье, и приходится распутывать такое сочетание слов: «Создание на базе собственных источников сырья и энергии металлургии с машиностроением и автомобилестроением...» Сколько энергии должен затратить подросток, чтобы осилить нагромождение стольких существительных в родительном падеже!

Подчёркиваю: я не затрагиваю научных качеств учебников. Речь идёт только о характере изложения и стиле школьных руководств.

3

Учебники нужно писать ясным, доходчивым, литературным языком. На это не раз обращали внимание наша партия, правительство.

В постановлении СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) в 1934 году говорилось о необходимости преподавать историю в живой, занимательной форме. В другом постановлении отмечалось, что один из крупнейших недостатков преподавания географии в школе — отвлечённость и сухость изложения. Спустя два года снова указывалось, что изложение истории в учебнике для начальной школы «должно быть ярким, интересным, художественным...»

И всё же забота об увлекательности учения до сих пор почти полностью лежит на педагогах и на литературе «внешкольной». В этом важнейшем деле авторы учебников далеко не всегда сотрудничают с учителями. Преподаватели русского языка справедливо требуют от учащихся ясности изложения, свободного владения литературной речью, хорошего стиля. А научиться этому, читая учебники, школьники не могут.

Почти каждый взрослый человек с благодарностью вспоминает своих учителей, которые заставили его в школе увлечься той или иной наукой, иногда и помогли определить жизненный путь. Но многие ли отзовутся с тем же тёплым чувством признательности, не угасающим всю жизнь, о школьном учебнике? Приходилось ли вам встретить подростка,

который любил бы свой учебник так же горячо, как внешкольные книги по геологии, физике, астрономии или географии?

С болью и страстью писал Б. Житков: «Невозможно, чтоб было трудно учиться: надо, чтоб учиться было радостно, трепетно и победно». О том, чтобы удовлетворить это естественное стремление детей, редко заботятся авторы учебников.

Быть может, скажут: ничего не поделаешь, учебник должен быть лаконичным, дать много знаний в книге малого объёма. Но разве сжатость изложения несовместима с его занимательностью, мешает писать хорошим стилем?

Вернёмся на минуту к географии. Сравните выписанную выше фразу из учебника С. Чефранова о хозяйстве Западной Сибири с таким абзацем:

«Как за спиной машиностроительного Харькова стоят уголь и металл Донбасса, так за спиной Новосибирска стоят уголь и металл Кузбасса. Хлопок приходит сюда по Турксибу в тех вагонах, которые отвозят в Среднюю Азию сибирский лес и хлеб. Дешёвый водный путь Оби подаёт Новосибирску древесину и пшеницу».

Это взято из книги Н. Н. Михайлова «Земля русская».

В учебнике упомянуты уголь, металл, химическое сырьё, водная энергия. У Михайлова — уголь, металл, хлопок, лес, хлеб, водный путь и, кроме того, дано сравнение Западной Сибири с Украиной, показаны связи края со Средней Азией. Вместо невнятной, грамматически сомнительной фразы учебника — у писателя интересный, понятный и легко запоминающийся рассказ. Он богаче содержанием и притом короче. Несложный образ («за спиной Новосибирска») и сравнение с другим, похожим по хозяйственному облику краем очень облегчают усвоение.

Воспитательная роль учебника тем значительнее, чем интереснее он написан, чем смелее автор показывает общее и типичное в частном, в конкретном. Удачно найденная деталь поможет школьнику почувствовать реальное значение всего, что кроется за цифрой или перечислением, установит лично заинтересованное, эмоциональное отношение к изучаемому материалу. Мало того, что такая подкреплённая средствами литературного изображения цифра надолго запомнится, — она возбудит мысли, стремление к новым знаниям. Учебник, где значительная часть важных сведений дана в живой, иногда образной форме, может оказать такое же влияние на выбор профессии, какое оказывает хороший педагог.

И это особенно важно в связи с политехнизацией нашей школы, с необходимостью создать кадры рабочих и колхозников, получивших среднее образование. Иначе говоря: забота о приближении учебников к потребностям политехнизации школы — это забота не только о научном материале, включённом в учебные книги, но и о форме его изложения.

4

Почему бы автору учебника зоологии не вспомнить, что шестиклассники читали много превосходных литературных произведений о животных? Им знакомы, хотя бы по хрестоматиям, рассказы и очерки русских классиков, они знают книги Пришвина, Бианки, Житкова, Чарушина, Сетон-Томпсона, Джека Лондона, Киплинга. Почти во всех этих книгах множество точных наблюдений. У подростка, когда он берёт в руки учебник зоологии, уже есть конкретное и в основных чертах верное представление о многих диких зверях, о птицах, насекомых, о домашних животных — их повадках и образе жизни.

Казалось бы, какая благодарная задача для авторов учебника подкрепить научными сведениями это знакомство ребёнка с животным миром. Но, к сожалению, многие главы учебника написаны так, что не заинте-

ресуют школьника, не помогут ему связать новые знания с прежде известным из книг или личного опыта.

Авторы учебника зоологии В. Ф. Шалаев и Н. А. Рыков (редактор Н. Т. Рыбакова. Учпедгиз, М. 1954) рассказывают учащимся об организме млекопитающих. Пример — кролик. Разумеется, он выбран потому, что хорошо известен всем детям и, как пишут авторы, школьники нередко сами разводят кроликов.

И вот, в добавление к личному знакомству, начинается знакомство научное. Не будем много говорить о том, что кролик не прыгает, а «делает прыжки», что шерсть защищает его не от холода, а от «охлаждения», что у кролика «различают» голову, шею, туловище, — словом, обо всех по меньшей мере необязательных штампах «научного» языка, затрудняющих понимание. Они беспрестанно напоминают о резком отличии учебника от любой литературно написанной книги.

Читаем:

«Движения кролика разнообразны и не ограничиваются прыжками. Он чистит лапками мордочку, приподнимается и двигает головой, осматривая окрестность, или шевелит ушами, прислушиваясь к звукам. При разжёвывании пищи кролик двигает челюстями.

Все эти разнообразные движения совершаются при помощи мышц или мускулов».

Это хоть и тяжеловесно, но всё же согласуется с непосредственными наблюдениями подростка. Вслед за цитированными строчками идут фразы: «Мышцы кролика можно увидеть, если снять с него шкуру. Тогда видно, что тело кролика имеет много «мяса». Мясо это и есть мышцы».

Позвольте, ведь мы читали о живом кролике — он лапками мордочку чистит, — с него же нельзя снять шкуру, как пальто!

Научно всё правильно, а серьёзная литературная погрешность несомненна. Ребёнок любит кролика, и внезапное предложение снять с него, живого, шкуру, чтобы посмотреть мясо, — неприятно. Наши дети спокойно примут сделанное в своём месте деловое сообщение, что кролик «даёт вкусное мясо и хороший мех». Только не надо снимать с него шкуру тотчас же после описания милых каждому ребёнку повадок живого кролика.

И в других главах встречается множество нескладных выражений, иногда неясных, иногда и грамматически неправильных.

«Крот хорошо известен многим, если не по внешнему виду, то по кучам земли, которые он выбрасывает на лугу». Крот известен по кучам земли!

«П р и п о м о щ и к о н е ч н о с т е й крот быстро бежит в подземных ходах, отыскивая добычу».

«При наличии короткой шеи хобот является для слона незаменимым органом». Не говоря уж о «наличии шеи», приходится сделать заключение, что все органы слона, кроме хобота, заменимы.

Подобные стилистические ошибки недопустимы ни в каком произведении, а уж в стандартном школьном учебнике, казалось бы, прежде всего.

Первый вывод прост. Очевидно, нужно, чтобы требования к литературным достоинствам учебников были так же высоки, как к идейным и научным. Очевидно, необходимо очень тщательно и квалифицированно редактировать учебники по всем предметам. И столь же очевидно, что Учпедгиз не уделяет достаточного внимания этому отнюдь не второстепенному делу.

Хороший литературный редактор исправит грамматические и стилистические ошибки, которые зачастую приводят к ошибкам смысловым, устранив слишком уж громоздкие фразы. В лучшем случае он поможет

автору обогатить язык книги, уговорив его разнообразить глаголы и прилагательные, отказаться от условно научных и канцелярских оборотов речи.

Но никакой редактор не сделает скучный учебник интересным.

Горький, размышляя о научно-популярной литературе для детей, о том, как сделать просветительную книгу действенной и эмоциональной, пришёл к выводу, что она должна быть художественной. «Только при непосредственном участии подлинных работников науки и литераторов высокой словесной техники мы можем предпринять издание книг, посвящённых художественной популяризации научных знаний», — писал он.

Эта идея Горького давно стала руководящей для наших детских книг о науке.

Много важного, хорошего сделала за три десятилетия советская научно-художественная литература, в частности детская. Она завоевала широкую народную аудиторию и получила мировое признание. Вспомним хотя бы, какую огромную роль в популяризации первой пятилетки сыграл «Рассказ о великом плане» М. Ильина. Книга была написана для детей, но её читали люди всех возрастов, почти на всех языках мира. Совершенно точная в изложении фактов, в то же время темпераментная, насквозь публицистичная, она с мастерским лаконизмом (в книге меньше шести печатных листов) давала достаточно полное представление о политическом и техническом значении пятилетки, о масштабе и содержании работ, о преимуществах плановой социалистической экономики. Над выбором и композицией материала работал художник; строил фразу и отбирал слова художник. Эта «деловая», познавательная по теме книга говорит одновременно разуму, воображению и чувству читателя, убеждает его в правоте выбранного народом пути и вдохновляет на труд.

В одной из своих статей М. Ильин писал:

«В чём сила и значение образа в познавательной книге? В том, что он мобилизует воображение читателя на помощь способности рассуждать... Науке нужны не только формулы, ей нужны и зримые образы, которые помогают мысли... Но образ делается совершенно необходимым, когда наука идёт к народу, когда она хочет стать доступной многим».

Это очень убедительно, а последняя фраза, конечно, в полной мере относится и к юному поколению — к школьникам.

Да ведь каждый хороший педагог пользуется на уроках образом, художественной речью. Почему же так подчёркнуто бестемпераментны многие учебники, почему их авторы так скупы, боязливо обращаются к образу, почему их политические обобщения и экскурсии не перерастают в художественную публицистику, апеллируют только к разуму, но не к чувствам, не задевают воображения?

Научно-художественная литература совмещает просветительную и воспитательную задачи. Преподаватели широко пользуются и материалом научно-художественных книг и их методом, обращаясь одновременно к разуму и эмоциям подростка. А на учебники вся наша богатая художественная литература о науке не оказала сколько-нибудь заметного влияния.

Задача их иная? Лишь отчасти. В учебнике должно быть систематически изложено всё, что нужно знать школьнику в данной области науки. Автор книги научно-художественной не обязан давать весь комплекс знаний, предусмотренный программой, не обязан излагать материал в строгой, выработанной методистами последовательности. Не обязан, но может! Такая задача по силам писателю, хорошо ориентированному в науке, которой он посвящает свою книгу.

Примером могут служить хотя бы произведения Н. Михайлова. Их познавательные и литературные достоинства, их воспитательное значение не раз отмечались критикой. «Над картой Родины» даёт сведения по эко-

номической географии СССР в объёме, близком к школьному курсу, хотя материал иначе расположен. Социалистическая экономика показана в этой книге не статично, а в развитии, в движении. Есть всё основное, но есть и детали, наблюдения, которые определяют эмоциональность рассказа, портретность, а не фотографичность литературного изображения. И при этом размеры книги меньше учебника экономической географии для 8-го класса.

Именно то, что книги Н. Михайлова по характеру и объёму материала близки к школьной программе экономической географии, что их воспитательное значение гораздо большее, чем учебника, заставляет подумать: интересен и важен был бы опыт создания учебников научно-художественных.

Бесспорно, такие писатели, как В. Бианки, В. Сафонов, Г. Фиш, Г. Скребицкий, Н. Плавильщиков и многие другие, чьи произведения с увлечением читают подростки, могли бы с большой пользой принять участие в работе над учебниками по биологическим дисциплинам. А разве Л. Успенский, автор интересной и своеобразной книги «Слово о словах», не обогатил бы учебник грамматики примерами и экскурсами, которые оживят правила, заставят запомнить их легко и навсегда?

История. Вот наука, прямо призывающая к художественному письму. Каждое историческое событие — сюжет, каждое историческое лицо — характер. Какая великолепная традиция научных и в то же время художественных исторических обзоров существует в нашей литературе со времён Карамзина. Некоторые крупнейшие русские историки были авторами школьных учебников. Радостно, что эта традиция продолжена советскими учёными.

«История СССР» для 8-го класса (до XVIII века), написанная коллективом авторов под редакцией А. М. Панкратовой, удовлетворяет и высоким литературным требованиям.

Книга возбуждает патриотические чувства, пропагандирует высокие этические принципы, даёт благородные примеры для подражания потому, что характеристики исторических событий и деятелей не только точны, но и красочны. Учебник воздействует на воображение, его интересно читать, и материал легко запоминается. Авторы не избегают изобразительности, находят живые детали, отказались от всяческих «рассмотрим», «является», от казённого языка, который сразу выводит книгу из литературного ряда.

Школьникам 6—7-х классов повезло меньше, чем их старшим товарищам. Учебник истории средних веков написан Е. А. Косминским просто, грамотно, но этим его литературные достоинства почти исчерпываются. Нетрудно, например, понять содержание и политическое значение деятельности Яна Гуса или Жижки, прочитав посвящённые им параграфы учебника. Но нет ни одного эпизода, который воссоздал бы их человеческий, этический облик, никак не переданы страсть, напряжение, с которыми они вели неравную борьбу против реакционных сил, — словом, нет ничего воспитывающего подростка. Не появится у него желания ввести этих замечательных людей в семью своих любимых героев.

Не узнает школьник из учебника ни о героизме, ни о трагедии Колумба, потому что героизм выражен только в словах: «После многих неудачных попыток Колумб сумел...», а трагедия его — только фразой: «Он умер в нищете, всеми забытый». Это не значит, что необходимо рассказывать о Жижке или Колумбе гораздо длиннее. На многих страницах учебника Истории СССР можно найти характеристики такие же короткие, как и в Истории средних веков, но несравнимые по выразительности.

6

Пионер нашей детской научно-художественной литературы Борис Житков говорил в письме к И. Халтурину:

«Я думаю, что надо наконец начать кому-нибудь писать настоящие учебники. Учебники — для детей. Это ведь тоже, выходит, детская книжка. И, скажите мне на милость, почему с беллетриста такой спрос: если на первой полустранице «ничего не начинается», то всякий вправе захлопнуть книжку и обругаться. А с «руководства» (учебника. — А. И.) — никакого спросу, лишь бы вмещал курс.

Я... хочу завернуть курс дифференциального исчисления с цветными картинками для рабфаковского человека. Чтоб читалось, как роман, как Рокамболь, и чтоб ни на волос не отходить от математических догматов, а не то что математика для бедных».

В самом деле, мы как будто готовы забыть, что школьный учебник — тоже детская книжка. Спроса занимательности с него нет. А какая тому причина, кроме привычки?

Возьмём такую сухую материю, как математические задачки. Могут они быть интересными, могут они играть воспитательную роль? Думаю, и то и другое возможно.

Не только школьники, но и взрослые знают книги Я. Перельмана — «Занимательная алгебра», «Занимательная геометрия», «Занимательная физика». На них есть постоянный спрос в детских библиотеках. Значит, велика тяга школьников к науке, изложенной занимательно. Книги Перельмана, в сущности, сборники задач. Но в отличие от школьных задачников, которые вряд ли кто возьмёт в библиотеке без учебной нужды в них, каждая задача связана с простеньким сюжетом, забавным случаем или интересным школьнику вопросом. Некоторые задачи Перельмана вызывают эстетическое наслаждение — так просто и изящно они решены.

И в существующих учебниках многие задачи так или иначе откликаются на вопросы обыденной жизни или производства. Но связь эта обычно чисто формальная — конкретизация условий задачи недостаточна, чтобы за решение её ученик взялся с интересом. Почему в задачах на движение фигурируют только поезда, а не более интересные детям автомобили, велосипеды, коньки или ракетные самолёты? Вряд ли для этого есть серьёзные резоны у методистов. Дело просто в том, что задачи сконструированы много десятилетий назад, когда не было автомобилей и самолётов.

«Задачно» творчество — один из видов фольклора. Народными задачами увлекался Л. Н. Толстой, любил их предлагать знакомым. Условия этих задач всегда конкретны, иногда сюжетны. А с задачей: «на колхозном рынке продали столько-то телятины и столько-то баранины» — воображению школьника делать нечего. Меньше всего его интересы связаны с рынком или бараниной, и отличается такая задача от очень старых только тем, что перед словом «рынок» поставлено «колхозный».

Но всё сказанное — только о занимательности. Что же касается задач, воспитывающих учащегося, расширяющих его кругозор, то об этом писал ещё К. Д. Ушинский:

«В швейцарских школах мне удалось видеть пример, как наставник может воспользоваться арифметическими задачами, чтобы ввести детей в понимание экономической деятельности. Я слышал, например, как один швейцарский наставник рассчитывал с классом, что стоит хлеб, который дети съели за завтраком, и отчего он столько стоит. Это был самый занимательный урок и притом самый полезный...»

Здесь, может быть, есть намёк на комплексный метод, давно и справедливо забракованный советской педагогикой. Но есть и хорошее сочетание целей учебных с воспитательными.

Может быть, полезно создать, например, алгебраический учебник, в котором задачи служили бы сравнению социалистической и капиталистической экономики, раскрывали бы некоторые методы социалистического планирования. В интересах политехнического образования важно было бы показать в задачах, какие увлекательные проблемы, требующие сообразительности и творческого решения, возникают перед рабочими. Над составлением подобных задачникoв могли бы трудиться совместно математик, экономист и литератор.

Целесообразно ли такое предложение, могут судить методисты, педагоги. Но нам представляется, что это было бы первым приближением к мечте Житкова об учебнике математики, интересном, как роман, и, прибавим, учебнике, более активно содействующем коммунистическому воспитанию.

Разумеется, не только в задачниках, и даже не в первую очередь в задачниках, нужно усилить политехническую направленность учебника. Какой в связи с этим полезно дать дополнительный материал в школьных руководствах по физике, химии, по другим дисциплинам, определяют специалисты. Но как изложить этот материал, чтобы повысилась интерес школьников к заводской работе и колхозному производству, к гармоничному сочетанию умственного и физического труда,— тут важен и голос литераторов, накопивших опыт художественной популяризации.

7

Кроме совершенно очевидной необходимости гораздо тщательнее редактировать учебники — их грамматический строй и стиль,— всё остальное, сказанное здесь,— предмет для размышлений и споров.

Впрочем, вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что учебники по самой сути своей — книги народные. А ведь простота и литературность изложения — необходимые признаки народности произведения.

Русские учёные-демократы стремились приблизить к науке широкие массы. И для этого они настойчиво работали над стилем, характером изложения своих научных трудов.

Достаточно вспомнить одну из лучших в мировой литературе научно-популярных книг, в которой глубокая научность сочетается с полнейшей доступностью,— «Жизнь растения» К. Тимирязева. По следам Тимирязева шли академики Ферсман, Обручев, когда создавали книги для юношества.

Почему же далеко не всегда авторы школьных учебников следуют примеру таких учёных, почему они мало заботятся о том, чтобы пробудить в подростке любовь к науке? Почему авторы учебников пренебрегают методом научно-художественной литературы, действенность которого доказана практикой советских писателей? Неужели лишь потому, что научно-популярную и научно-художественную книгу будут читать, только если она интересна, а изучение учебника обязательно, независимо от того, интересен он или скучен!

Возможен ли учебник, который приближался бы к таким блистательным образцам популяризации, как книги Тимирязева, Мечникова, Ферсмана, Обручева? Думается, что всё зависит от энергии и желания организаторов, от характера требований, которые предъявляются к авторам учебника.

Добиваться создания увлекательных учебников, свести до минимума разрыв между учебником и литературной книгой о науке для детей — задача, решение которой кажется осуществимым и необходимым. Право же, пора отказаться от мысли, будто образный рассказ неуместен в школьных руководствах.

Так ли уж трудно сочетать методические требования к учебнику с воздействующим на воображение, вызывающим эмоции изложением материала? Это как будто вполне возможно, но точный ответ, конечно, даст только широкий и, очевидно, очень нужный эксперимент: работа над школьными учебниками по различным дисциплинам, использующими достижения нашей научно-художественной литературы.

В конечном итоге: в той своеобразной области детской литературы, которую мы называем школьными учебниками, нужно того же рода смелое новаторство, какое создало славу, определило огромное воспитательное значение советской литературы для детей, в частности научно-художественной.

Было бы очень важно знать мнение нашей педагогической общественности о сказанном здесь — мнение учителей, деятелей педагогической науки, авторов и редакторов учебников.

ОТКАЛКИ И КОММЕНТАРИИ

По страницам иностранных литературных журналов

ЕЩЕ РАЗ О ВЗАИМНОСТИ

США

В февральской книжке «Нового мира» была напечатана статья Р. Орловой об американском литературном еженедельнике «Нью-Йорк таймс бук ревью». Характеризуя облик одного из американских литературных журналов, автор статьи ратовал за щедрый и обоюдно благожелательный обмен правдивой информацией. Статья, написанная в дружественном тоне, содержала в себе...

«Нью-Йорк таймс бук ревью» («Книжное обозрение Нью-Йоркского времени»), еженедельник. № 14. 1 апреля. 1956. Год издания 36-й. Нью-Йорк. Редактор-издатель Артур Хейс Сульцбергер. Редактор Гарви Брейт

★

Впрочем, чтобы нас не могли заподозрить в предвзятости, охарактеризуем статью Р. Орловой эпитетами, принадлежащими отнюдь не нам. Итак, эта статья, опубликованная «Новым миром», —

«написана в дружественном тоне...»;

она содержит «пространный, тщательный и весьма глубокий» анализ «Нью-Йорк таймс бук ревью»;

в ней нет «ни одного слова поношения или клеветы...».

Заключённые в кавычки характеристики статьи Р. Орловой принадлежат перу редактора американского еженедельника г. Гарви Брейта. Его небольшую заметку о нашей статье мы имели возможность прочитать в одном из апрельских выпусков редактируемого им «Нью-Йорк таймс бук ревью».

Казалось бы, всё хорошо. Советский журнал дружественно анализирует американский журнал; последний отмечает это с удовлетворением и столь же дружески и так же серьёзно, без каких-либо слов поношения и клеветы, опровергает или поправляет те или иные положения, высказанные советским критиком.

Это был бы плодотворный и добрый спор о том, что и составляло предмет статьи в «Новом мире».

Действительно:

может быть, «Новый мир» ошибся, и в «Бук ревью» были напечатаны отзывы на книги прогрессивных писателей Америки?..

Может быть, Р. Орлова дала неверный анализ литературного кредо «Бук ревью», считая, что еженедельник дорожит только литературой, «оторванной от жизни, от чаяний масс, от социальных движений эпохи»?..

Может быть, наконец, ошибочно и последнее критическое замечание нашей статьи о том, что «Бук ревью» почти не даёт рецензий на произведения советской литературы, хотя почти в каждом номере печатает рецензии на враждебные Советскому Союзу книги перебежчиков и на антисоветские произведения американских авторов?

Действительно, прав ли «Новый мир»? Справедлива ли его критика? Что думают об этом наши американские коллеги?

К сожалению, такой спор не состоялся, ибо к ответной заметке г. Гарви Брейта неприложимы эпитеты, какими сам он охарактеризовал статью Р. Орловой.

Желая, видимо, придать солидность своей заметке, г. Гарви Брейт ссылается на помощь «одного русского друга и эксперта», привлечённого им к прочтению статьи «Нового мира», и затем на консультацию «трёх русских экспертов» для её оценки.

Стоит напомнить о том, сколь многократно доказывала свою несостоятельность «экспертиза», на которую ссылается г. Гарви Брейт. «Русские друзья и эксперты» жестоко подвели свою клиентуру в 1919 году, когда они, сойдя с борта кораблей, увозивших их от берегов Кавказа и Крыма, сообщили с полным знанием обстоятельств,

что Советская власть продержится не более трёх месяцев. В 1929 году те же «друзья и эксперты» с не меньшим апломбом предрекли неизбежный крах первой пятилетки. Двенадцать лет спустя они без колебаний пророчили лёгкий успех гитлеровским планам «блицкрига». После второй мировой войны они утвердили о технической отсталости Советского Союза — вплоть до того времени, когда в американской печати появились статьи американских же специалистов, знакомившихся с постановкой технического образования в СССР, фотографии «ТУ-104» на лондонском аэродроме и сообщения о приобретении американской фирмой советского патента на турбобур для нефтяной промышленности. С таким же успехом эти «эксперты» давали и дают консультации по вопросам культуры и литературы. Не они ли подсказали г. Брейту и те эпитеты, которыми он характеризует в своей заметке советских писателей, — «мрачные, меланхолические шолоховы и хитрые эренбурги»?

Вряд ли об этих эпитетах можно сказать, что они не содержат в себе поношения и клеветы.

Нет, право не стоило г. Брейту полагаться на заведомо ненадёжную «экспертизу», если бы он хотел откликнуться на призыв к доброжелательному и обоюдному обмену информацией.

Но этого, к нашему удивлению, он и не хочет.

Напротив, в заметке, опубликованной им на страницах своего журнала, г. Брейт отстаивает.. закономерность своего стремления «закрывать» от американских читателей советскую литературу.

Он оправдывает это право выпадами против советского строя. Ссылаясь уже не на консультацию «русских друзей и экспертов», а на «точку зрения некоторых» в самой Америке (думается, это не самый точный метод определения источников, из которых почерпнута характеристика «общественного мнения»), г. Брейт самокритически говорит о том, что «мы (то есть «Нью-Йорк таймс бук ревью». — *Ред.*) недостаточно закрывали всё это».

Вот тебе и отклик на призыв к взаимной беспристрастной информации!..

Впрочем, г. Гарви Брейт отнюдь не склонен подобными самокритическими оговорками всерьёз умять свои собственные заслуги. «Мы всё время говорили», замечает он, что при «советском тоталитаризме» «литература обречена на гибель». Можно было бы сказать в ответ г. Брейту, что такого рода утверждения давным-давно опровергнуты самой жизнью и воспринимаются ныне не только советскими читателями, но и здравомыслящими, мало-мальски непредубеждёнными людьми во всём мире как утверждения клеветнические, вздорные. Хорошо известно, что советская литература вопреки пророчествам «экспертов» так и не «погибла» за сорок лет своего существования, а, напротив, здравствует и набирается новых творческих сил. Можно было бы напомнить г. Брейту, что лучшие произведения советских писателей обрели благодарную многомиллионную аудиторию за пределами Советского Союза. Можно было бы, наконец, сослаться на отзывы американских же критиков, которые отнюдь не находили произведения М. Шолохова «мрачными и меланхолическими», а И. Эренбурга — «хитрыми».

Однако, как говорят немцы, из всякого свинства можно вырезать кусочек ветчины. Из заметки г. Брейта мы можем усмотреть только, что никаких существенных возражений и поправок к статье, напечатанной в «Новом мире», он привести не мог, а потому и вынужден был прибегнуть к клевете и поношению.

Но, чтобы не уходить в сторону от главного предмета нашего разговора, нам хочется обратить внимание г. Брейта лишь на одно, на наш взгляд, непримиримое противоречие в его отклике. В начале своей заметки г. Брейт пытается обосновать стремление «закрывать» и дальше советскую литературу от американских читателей. А в конце он пишет: «Дорогой «Новый мир»! Мы верим в честный обмен информацией. Ведь всякий раз, когда происходит честный обмен, демократия выигрывает».

Со своей стороны, мы вправе сообщить вам, г. Брейт, что наши журналы продолжают давать своим читателям объективную информацию, даже если она пока не подержана взаимным обменом на страницах вашего издания.

В течение последних трёх месяцев, кроме перечисленных в статье Р. Орловой, опубликованы в СССР следующие произведения американских писателей:

роман Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой»; пьеса Артура Миллера «Человек, которому так везло» («Смерть коммивояжёра»); рассказ У. Фолкнера «Победа»; после журнальной публикации вышла отдельным изданием повесть Э. Хемингуэя «Старик и море»;

в одном из лучших театров страны — в Московском Художественном театре — идёт пьеса Лилиан Хеллман «Осенний сад».

Кроме того, на журнальных страницах публикуются такие, например, посвящённые американской литературе работы советских литературоведов, как статья И. Кашкина «Перечитывая Хемингуэя».

Из месяца в месяц специальный журнал «Иностранная литература» сообщает своим читателям о книжных новинках США, бродвейских театральных премьерах и голливудских фильмах.

Планируется ещё более широкий выпуск вновь переводимых книг американских авторов и материалов о США наряду с переизданиями классиков американской литературы.

Пусть поймёт нас правильно г. Брейт: наша информация останется, какой он сам её определил, — «дружественной», «тщательной», «лишённой клеветы», — не в зависимости от отношения г. Брейта к советской литературе и к нашему социальному строю, а из чувства уважения к советскому читателю.

Если же мы столь настойчиво продолжаем говорить о пользе взаимности в информации такого рода, то это вызвано непоколебимым и не нуждающимся в какой-либо «экспертизе» убеждением, что только действительно честный обмен способен принести улучшение нарушенного «холодной войной» климата в культурной жизни всего человечества.

Дорогой «Нью-Йорк таймс бук ревью»! Вера без добрых дел мертва. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы вы подкрепили свою веру в «честный обмен информацией» сообщением о том, что делаете вы и ваши коллеги, чтобы познакомить американских читателей с советской литературой, с новинками советского книжного рынка, с творческой работой деятелей советской культуры. К сожалению, нам остаётся лишь повторить слова, которыми оканчивалась наша статья «Кое-что о взаимности»: «Такому серьёзному журналу, как «Нью-Йорк таймс бук ревью», не пристало продолжать «закрывать» СССР. Всё равно ведь из этого ничего не выйдет».

P. S. Наши комментарии к ответу г. Гарви Брейта были уже сданы в печать, когда пришло сообщение из Нью-Йорка, которое может послужить ещё одной иллюстрацией к тому, как весьма своеобразно понимается иной раз «честный обмен» информацией. Почтовая служба США сочла необходимым конфисковать «заказные отправления за №№ 219, 107, 12, 513, 965, 499, 105» — номера «Нового мира» за 1955 год. Нам стало также известно, что подобная судьба постигла некоторые номера журнала за 1953 и 1954 годы. Все эти номера были высланы в адрес нью-йоркской Universal Distributor company — фирмы, занимающейся, в частности, распространением периодических изданий. Разве не ясно, что от подобных дискриминационных мер, говоря словами г. Брейта, ни «честный обмен», ни «демократия» не выигрывают?

СПЛЕТЕННЫЕ КОРНИ

Шолохов, Альберт Мальц, Ле Нен, Шарль Жиль — эти четыре имени украшают обложку мартовского номера журнала «Эроп». Они расположены так, что составляют рамку к фрагменту картины «Крестьянская семья» французского художника Луи Ле Нена (1593—1648). На фрагменте — пожилой крестьянин с усталым лицом, в сильно поношенной одежде.левой рукой он прижал к себе каравай хлеба, в правой — нож. Всмотритесь внимательно в облик крестьянина, и вы поймёте, почувствуете, что перед вами не просто зарисовка обычной

Франция

«Эроп» («Европа»), ежемесячный литературно-критический журнал. № 3. Март. 1956. Год издания 33-й. Париж. Главный редактор Пьер Абраам.

★

будничной сцены из крестьянской жизни. С замечательным мастерством французский художник создал образ труженика земли: хлеб, который он держит, — это хлеб, созданный его трудом, неотделимый от рук крестьянина, от усталости на его лице, от дыр и заплат на его одежде. Всё здесь подчинено единому замыслу.

Вынося четыре имени на обложку, хотела ли редакция просто сообщить читателям, что Михаилу Шолохову, Альберту Мальцу и Шарлю Жилью посвящена основная часть номера, или она вместе с тем усматривала определённую связь между картиной, созданной кистью Луи Ле Нена, и творчеством представленных в журнале писателей?

Мы не берёмся ответить на этот вопрос, но несомненно, что далеко не все имена писателей прошлого и настоящего могли бы, не вызывая недоумения читателя, стоять рядом с образом труженика, держащего в своих руках хлеб. Имена, значащиеся на обложке «Эроп», имеют на это вполне заслуженное высокое право.

Два из них — Михаил Шолохов и Альберт Мальц — хорошо известны каждому грамотному человеку, третье — Шарль Жиль — почти в равной мере неизвестно и в нашей стране и во Франции, на родине человека, носившего это имя. А между тем оно принадлежит поэту, которого журнал называет «предшественником и учителем» автора «Интернационала» Эжена Потье. Для советских людей, как и для трудящихся всего мира, полно глубочайшего интереса всё, что так или иначе связано с историей создания этого великого пролетарского гимна. И поэтому мы благодарны журналу «Эроп» за то, что он дал нам возможность познакомиться с ещё одной страницей этой истории — с жизнью и творчеством Шарля Жили.

Мы обязаны этим знакомством кропотливым изысканиям французского литератора Пьера Брошона. Исследователю пришлось преодолеть немалые трудности, так как долгое время почти все песни Шарля Жили, наиболее идейно зрелого рабочего поэта революции 1848 года, считались бесследно потерянными. В своё время они печатались в газетах и листовках, переписывались от руки. Но эти редчайшие издания в большинстве своём не дошли до наших дней. Однако было известно, что парижские рабочие и товарищи Шарля Жили очень высоко ценили его песни. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в течение двадцати лет большая группа друзей Жили, отмечая день смерти поэта, собиралась на его могиле, возлагала на неё венок, после чего в одном из кабачков близ Пер-Лашеза хором исполняла его песни. Последняя такая встреча состоялась в 1876 году. На ней присутствовало около пятидесяти человек. Затем, как образно пишет Пьер Брошон, «жизнь и главным образом смерть» рассеяли друзей и почитателей пролетарского шансонье. Один из них, Эжен Байэ, в 1893 году тщательно собрал и опубликовал небольшой сборник произведений поэта-песенника. Но издатель не направил обязательного экземпляра в Национальную Библиотеку. Выпущенная крошечным тиражом книжка быстро стала редкостью, а через некоторое время её уже невозможно было нигде обнаружить. С большим трудом после многих лет поисков исследователь уже в наши дни нашёл её в одной частной библиотеке.

Песни Шарля Жили, опубликованные в журнале вместе с обстоятельной статьёй Пьера Брошона, рассказывающей о полной лишений жизни поэта, воскрешают перед нами героические и трагические июньские дни революции 1848 года. Оружием слова, оружием песни сражался Шарль Жиль за дело своего класса. Ещё накануне революции он был посажен в тюрьму. Выйдя на свободу, он продолжал сочинять и распространять свои произведения.

Пусть гул восстанья сотрясает небо,
На нашем знамени великие слова:
Вперёд! На бой за равные права!
Война дворцам! В лачугах нету хлеба.

Когда поэта предупреждали, что в случае вторичного ареста ему грозит несколько лет тюрьмы, он отвечал: «Я это знаю, и всё-таки нужно говорить то, что думаешь. Тем хуже!»

Героям июньских баррикад Шарль Жиль посвятил песню «Могилы Июня»:

Они повержены, пять дней велось сраженье,
Историк их имён не сохранит,
Они повержены, но грохот их паденья
Ещё и ныне их врагов страшит...

. . . . .
 В темницах, где томятся наши братья,
 Огонь надежды греет их сердца:
 Предъявит время грозный счёт к оплате,
 Сын отомстит тиранам за отца!

Всю жизнь Шарлю Жилью приходилось бороться за право печатать свои песни, за право сделать их достоянием народа. Поэт оставил нам любопытное свидетельство об этой борьбе в одном из своих стихотворений, адресованном префекту парижской полиции:

Я чту закон, но как порой некстати
 Он у меня встречается на пути:
 За всё несёт ответственность издатель,
 И я не смог издателя найти.
 Но я — певец народный, мне известно,
 Как поступить, чтоб стих увидел свет:
 Я написал сто копий этой песни...
 Опасны песни, господин префект!

Мы рассказали читателям о Шарле Жиле лишь самое основное. Несомненно, что наших историков французской литературы, которым, кстати сказать, отдельные данные об этом поэте были известны и ранее, заинтересует исследование Пьера Брошона, основанное на новых и очень ценных сведениях.

Рассказ о Шарле Жиле заставил нас обратиться к событиям XIX века, и, как это ни покажется странным, переходя к материалам, связанным с публикацией в «Эроп» глав из второй книги «Поднятой целины» Михаила Шолохова, мы не сразу попадаем в наше столетие. Дело в том, что не будь одного французского закона, принятого 29 июля 1881 года, возможно, произведение Шолохова и не увидело бы свет на страницах рецензируемого нами журнала.

— Хороший закон! — воскликнет читатель. — Он помогает укреплению литературных связей между Францией и СССР!

Не будем торопиться с выводами, ибо всё обстоит не так просто. Согласно одной из статей этого закона министру внутренних дел предоставляется право по собственному усмотрению запрещать распространение во Франции как периодических, так и любых непериодических изданий «иностранный происхождения». С 1951 года такого рода запрет наложен на выходящий в Москве на французском и других языках журнал «Советская литература». В первом номере этого журнала за текущий год были опубликованы главы из второй книги «Поднятой целины». Однако в силу вышеупомянутого запрета они оказались недоступными французским читателям. Поэтому журнал «Эроп» опубликовал их на своих страницах, снабдив обращением, в котором, критикуя меры, препятствующие распространению советской периодики во Франции, пишет: «Сменявшиеся друг друга правительства ни разу не пожелали дать французскому народу объяснения мотивов, на которых основаны эти дискриминационные меры... Журнал «Эроп» высказывает пожелание, чтобы стремление к переменам, так сильно выраженное нашим народом во время выборов 2 января, нашло своё отражение и в культурном обмене и привело бы к снятию запретов, столь же неуместных, сколь и недейственных. Недейственных? Публикация на наших страницах романа Шолохова служит тому доказательством».

К этому пожеланию журнала «Эроп» нельзя не присоединиться, и следует надеяться, что улучшение взаимопонимания между Францией и СССР приведёт к тому, что голос французской общественности будет услышан.

Печатая главы из второй книги «Поднятой целины», редакция журнала опубликовала вместе с тем большую статью Жана Катала «Величие Шолохова» и статью «Михаил Шолохов» советского критика Л. Якименко. Обе эти статьи помогают французскому читателю лучше понять неповторимое своеобразие шолоховского творчества, вводят их в мир героев Шолохова.

Главы из «Поднятой целины» и статьи о Шолохове — не единственные материалы, которыми представлена в журнале зарубежная литература. Интересы журнала в этом

отношении простираются и на весь континент, название которого носит журнал, и далеко за пределы Европы. Читатели журнала помнят специальные номера, посвящённые Чёрной Африке, Китаю, Вьетнаму. В рецензируемой нами книжке журнала напечатана новелла Альберта Мальца «После полудня в джунглях», большая статья Франсуа Кереля о многотомной эпопее Мартина Андерсена Нексе «Пелле Завоеватель», в ежемесячном обзоре «Новые книги» Пьер Гамарра рассказывает о сборнике новелл алжирского писателя Мухаммеда Диба «В кафе», о выходе во Франции очередных томов собрания сочинений Горького и Чехова, книжек Валентина Овечкина «С фронтовым приветом» и «Гости в Стукачах»; в разделе «Заметки при чтении» напечатана рецензия Жана Руссело на сборник «Дар уважения Аттиле Йожефу от французских поэтов».

Этот сборник лежит перед нами рядом с журналом, и нам хотелось бы сказать о нём несколько слов. Каждый, кто имел возможность с ним ознакомиться, не может не пожелать в свою очередь принести дань уважения французским поэтам за то, что они с такой любовью, с такой требовательностью и преданностью работали над переводами стихов венгерского поэта. Не зная венгерского языка, мы лишены возможности судить о текстуальной близости переводов к оригиналу, но мы можем судить о другом: о некоторых принципах, положенных в основу создания сборника. Над ним работали двадцать семь лучших современных французских поэтов. Отдельные переводы выполнены Полем Элюаром, над одним из них он трудился за несколько дней до своей смерти.

Рядом с напечатанным переводом на соседней странице в сборнике публикуются автографы, черновые наброски перевода — нередко они являются убедительным свидетельством «адского» труда переводчика: перечёркнутые строки, новые и новые варианты одной и той же строфы. Замечательна и ещё одна особенность сборника: ряд стихотворений Аттилы Йожефа даётся последовательно в переводах нескольких поэтов. Так, например, известное стихотворение «Мать» можно прочесть в пяти переводах: Жака Гошерона, Пьера Моранжа, Даниэль Ансельм, Франсуа Кереля, Гийевика. Сравнивая их между собой, видишь, как каждый из переводчиков преодолевал трудности передачи чувств и мыслей венгерского поэта, что лучше удалось одному, что другому. Нам думается, что такого рода принцип неплохо позаимствовать в некоторых случаях и нашим издательствам, в особенности когда публикуются переводы поэтов-классиков, чьи отдельные произведения в разное время переводились разными поэтами, и каждый из этих переводов представляет определённый интерес.

Одна из страничек рецензируемого нами номера «Эроп», вероятно, особенно дорога редакционному коллективу, создающему этот журнал. На ней подведены своеобразные итоги большой работы, проделанной «Эроп». Здесь дан перечень двадцати трёх специальных номеров, выпущенных с 1948 года. Они целиком посвящаются тому или иному писателю или деятелю культуры. Вот некоторые из имён, названных в этом перечне: Пикассо, Бальзак, Виктор Гюго, Гоголь, Эмиль Золя, Поль Элюар, Чехов, Ромен Роллан, Барбюс, Мицкевич... Спрос на эти номера был столь велик, что отдельные из них пришлось переиздавать. Какое прекрасное знание запросов читателей! Оно накоплено журналом за тридцать три года борьбы на передовой линии французской культуры.

Обращаясь к тому времени, когда создавался журнал, основатель «Эроп», Ромен Роллан, писал: «Почва вокруг меня была истощена, иссушена. Но я протянул свои корни и достиг под почвой Европы плодородных пластов русского народа, необъятной жизни, пробуждённой в глубинах СССР. Как раз в конце этой подземной работы мои корни встретились с корнями Горького. И они братски сплелись с ними». В наши дни журнал «Эроп», верный заветам своего основателя, продолжает эту работу. Он сплетает корни передовой французской культуры с корнями культуры нашей страны, с корнями всего живого, всего пробуждающегося к жизни во всём мире.

Н. РАЗГОВОРОВ.

ДУХ ВРЕМЕНИ

Несколько месяцев назад в Западной Германии произошло одно скандальное событие, пролившее свет на некоторые неприглядные факты литературной — да и не только литературной — жизни Федеративной Республики. Это было так называемое «дело Форестье».

Что же это за «дело» и кто такой Форестье?

Имя Георга Форестье впервые появилось на страницах западногерманской печати в 1952 году, после того как в дюссельдорфском издательстве «Эйген Дидерихс» вышла небольшая книжечка его стихов «Я вписываю своё сердце в пыль дорог». Стихи эти были настолько подражательны и беспомощны, что книжка Форестье, несмотря на её претенциозное название, едва ли была бы замечена, если бы издательство не предпослало ей специальное предисловие, извещавшее читателей, что автор стихов в годы второй мировой войны добровольно вступил в войска СС, чтобы принять участие «в борьбе с большевизмом». Не ограничившись красочным описанием «подвигов» Форестье на Восточном фронте, издательство сообщало, что после войны храбрый стихоплёт сражался «против большевизма» в рядах иностранного легиона во Вьетнаме, где и пропал без вести осенью 1951 года.

Этих фактов биографии Георга Форестье было вполне достаточно, и сразу, как по сигналу, реакционная западногерманская печать начала усердно рекламировать Форестье и его книжку. Газета рурских промышленников «Рурнарихтен» прославляла его как подлинного «сына Европы» и бесстрашного «защитника западной цивилизации». Буржуазный западногерманский романист Стефан Андрес называл Форестье «немецким Рембо». «После Рильке никто из наших поэтов не пользовался такой популярностью», — умиленно вторил ему западногерманский поэт Гейнц Пионтек.

Отдельные трезвые голоса, высказывавшие здравые суждения о том, что стихи Форестье не имеют ничего общего с поэзией, тонули в хоре крикливых похвал и восторгов. Тиражи книжки Форестье неудержимо росли. Издательство «Эйген Дидерихс» едва успевало подсчитывать свои барыши.

Дело оказалось настолько прибыльным, что в 1954 году издательство выпустило вторую, «посмертную» книжку стихов Форестье «Сильна, как смерть, и ночь и любовь». И снова началась рекламная шумиха. Стихи Форестье передавали по радио, включали во всевозможные сборники и антологии. И, конечно, огромной популярностью пользовались они в кругах западногерманских милитаристов. Особенно смаковались эти вирши, прославляющие войну, грабежи и насилия, на собраниях, устраиваемых многочисленными союзами «бывших фронтовиков», «бывших легионеров».

Не прошло и года, как другое западногерманское издательство — «Бюхнерферлаг», — решив, видимо, что упустить столь доходное предприятие было бы непростительно, опубликовало сенсационное сообщение о том, что Форестье жив и здоров и собирается печатать у них свои новые произведения. И вскоре появилась в свет новая книга Форестье — «Письма к незнакомке».

Но тут разразился скандал. Неизвестно, какую роль в этом сыграло издательство «Эйген Дидерихс», ущемлённое в своей монополии на Форестье, но так или иначе в западногерманскую печать проникли сведения, способствовавшие разоблачению непристойной аферы. Выяснилось, что один предприимчивый делец, некто Карл Кремер, который в гитлеровские времена подвизался на литературном поприще, издал под именем Форестье свои собственные вирши, а чтобы обеспечить им успех, придумал «модную» биографию мнимому автору.

Об этой истории рассказал западногерманским читателям журнал «Гейст унд цейт». Комментируя «дело Форестье», журнал справедливо отмечает, что сам по себе факт разоблачения литературного проходимца не заслуживал бы особого внимания, если бы он не был связан с политическими спекуляциями. Журнал выражает глубокую тревогу по поводу того, что по сей день в Федеративной Республике Германии окружают ореолом героизма эсэсовцев и ландскнехтов и что большая часть прессы

ФРГ

«Гейст унд цейт» («Дух и время»), двухмесячный журнал по вопросам искусства, литературы и науки. №№ 1, 2. 1956. Год издания 1-й. Дюссельдорф. Главный редактор Герберт Бургмюллер.

★

негодует только потому, что разрекламированный ею автор не был ни эссовцем, ни легионером.

«Гейст унд цейт» — один из самых молодых журналов Западной Германии. Рождение его было тихим и скромным. Оно не сопровождалось ни шумной рекламой, ни торжественными напутствиями. Западногерманская буржуазная печать проявила несвойственную ей сдержанность и сделала вид, будто журнал «Гейст унд цейт» вовсе и не существует. Впрочем, это не удивительно. Вышедшие в свет номера «Гейст унд цейт», проникнутые стремлением к демократизации общественной жизни Федеративной Республики Германии, расширению дружеских и культурных связей между Западом и Востоком, не могли вызвать сочувствия реакционной печати.

Отражая взгляды передовых кругов западногерманской интеллигенции, журнал выступает в защиту национальных интересов немецкого народа и его культуры. Опубликованные в нём произведения при всём различии творческих направлений авторов отличаются широтой и смелостью мысли, верностью жизненной правде. Таковы, например, новые стихи талантливого немецкого поэта Фридриха Хагена. Это прекрасный образец боевой гражданской лирики. Охваченный тревогой за судьбы своего народа, поэт горячо протестует против враждебной человеку капиталистической действительности, в условиях которой

каменные руки нужды — публичный скандал,
окровавленные ноги свободы — вход воспрещён,
правда, голая, как утреннее солнце, — измена родине.

И вместе с тем стихи Хагена глубоко оптимистичны. «Я перевожу любовь, голод, гнев и молчание на язык надежды», — говорит поэт. Он неколебимо верит в человека, в его духовные силы, в его возможности по-новому переделать жизнь. «Наступит утро», пишет Хаген, когда люди, осознав свои силы, «похоронят несправедливость» и «поставят над ней камень забвения».

Будущее принадлежит людям труда, утверждает поэт. Уверенностью в этом дышит его стихотворение «Город слов». «Как прекрасны слова «труд», «митинг», «возмущение» и «свобода», — восклицает Хаген.

Стихи Хагена волнуют своей искренностью и мужеством. Поэт находит запоминающиеся образы, умеет перейти от лирической теплоты и нежности к сатирической остроте и гневу.

Значительный интерес представляет напечатанный в журнале отрывок из ещё не опубликованной пьесы Лиона Фейхтвангера «Вдова Капет». В короткой сцене с подлинно трагической силой показано столкновение двух противоположных миров — Франции революционной и Франции феодально-абсолютистской. Представитель революционного Конвента Сен-Жюст приходит в тюремную камеру к Марии-Антуанетте, чтобы сообщить ей о смертном приговоре. Он хочет объяснить ей, в чём её вина перед страной, но, ослеплённая ненавистью к французскому народу, Мария-Антуанетта не хочет и не может понять совершённого ею тягчайшего преступления.

«Предательство, совершённое Марией-Антуанеттой», — писал Фейхтвангер о своей пьесе, — неопровержимо доказано ныне документами и письмами. С другой стороны, из многочисленных документов столь же неоспоримо явствует, что до последней минуты Мария-Антуанетта была уверена в своей правоте. Именно это противоречие между субъективной невиновностью и объективной виной привлекло меня к этому событию».

Западногерманский писатель Петер Мартин Лампель, автор известной немецкому зрителю антимилитаристской пьесы «Битва за Гельголанд», опубликовал в журнале небольшую сцену для радио «Мания убийства» («Амок»).

Перед глазами читателя встают мрачные картины последних дней «тысячелетней империи». Карательный отряд военно-полевой полиции беспощадно расправляется со всеми, кто уже по горло сыт войной и не хочет больше жертвовать своей жизнью за безнадежно проигранное дело.

Видимо, не случайно напечатал журнал эту небольшую, но выразительную сцену, напоминающую о неисчислимых преступлениях гитлеровской клики не только по отношению к народам других стран, но и к немецкому народу. За последнее время в за-

падногерманской печати всё чаще появляются сообщения об «оправдании» гитлеровских военных преступников. Так, совсем недавно в Асбахе был «оправдан» по суду бывший генерал войск СС Макс Зимон, который, подобно персонажу из произведения Лампеля, жестоко расправлялся в последние дни войны со своими соотечественниками.

Антифашистская тема представлена в журнале и стихотворением известного немецкого писателя Герберта Эйленберга «Последний автопортрет», написанным им незадолго до смерти и впервые опубликованным журналом. Эйленберг раскрывает в нём свою душу, свои горькие переживания в годы гитлеровского господства в Германии. Всё это время он чувствовал себя как бы заживо похороненным, его имя не появлялось в печати, книги его были запрещены, пьесы, шедшие когда-то с успехом на сценах немецких театров, забыты. Но Герберт Эйленберг продолжал писать. Он писал, твёрдо веря, что наступит день, когда его произведения станут доступны немецкому читателю. Мечта его сбылась. В своём стихотворении он даёт торжественную клятву сделать всё, что в его силах, чтобы никогда не повторились чёрные дни фашизма и войны. «Мир — самое священное из всех благ», — пишет Г. Эйленберг, ему он «оставался верен на протяжении всей своей жизни».

Наряду с писателями старшего поколения журнал привлекает и молодых литераторов. Несомненным талантом отмечен рассказ западногерманского писателя Ганса В. Пумпа «Кувшин». Это трагическая история двух западногерманских школьников, детей, лишённых радостей детства и ставших преступниками.

Угловатый подросток Герберт, по прозвищу «Кувшин», живёт с семьёй в убогой лачуге в лагере для переселенцев. Нищета, унижения, голод сопутствуют мальчику на протяжении многих лет. Единственным доступным для него развлечением являются американские фильмы, которые показывают в лагере. Вместе со своим другом Руди он смотрит на похождения американских гангстеров и убийц, спрятавшись в тёмном углу кинотеатра, читает ярко раскрашенные «комиксы», в которых «сильные личности» «сверхчеловеки», безнаказанно совершают грабежи и насилие. И страшный яд этой изошённой пропаганды преступлений постепенно отравляет юные души. Герберт вместе с Руди начинает воровать. Когда сверстница Герберта — Гиза — пытается уличить его, он её убивает.

Сюжет этого рассказа взят из жизни. Западногерманские газеты ежедневно сообщают о детской преступности, о глубоком моральном упадке учащейся молодёжи. Отражая серьёзную озабоченность передовой западногерманской общественности этими тревожными фактами, журнал «Гейст унд цейт» публикует большую и содержательную статью, посвящённую проблемам воспитания подрастающего поколения в ФРГ. Автор этой статьи Ганс Якобс убедительно показывает, что сама система воспитания, сложившаяся в западногерманских школах, влияние американских кинофильмов и «комиксов» толкают учащихся на гибельный путь. В отличие от многих западногерманских «специалистов», объясняющих рост преступлений, совершённых малолетними, «биологическим перерождением» молодёжи и недостаточной строгостью статей уголовного кодекса, Ганс Якобс подчёркивает, что только решительное изменение политики, проводимой реакционными западногерманскими кругами, может оздоровить молодёжь ФРГ. «Мы требуем, — пишет он, — отказа от политики, которая попеременно стремится то к «холодной», то к «горячей» войне».

Обличению реакционной западногерманской литературы, распространяющей яд милитаризма и вражды между народами, посвящена статья Берта Холла «Литературные троглодиты». «Спустя десять лет после разгрома национал-социалистического государственного аппарата, — пишет автор статьи, — лицо немецкой литературы снова искажено фашистской и милитаристской идеологией».

Берт Холл указывает на серьёзную опасность, особенно для молодого немецкого поколения, нигилистической литературы, парализующей духовные силы людей, убивающей в них волю к сопротивлению реакции и милитаризму. Ведущим представителем этого литературного течения Б. Холл называет западногерманского писателя Готтфрида Бенна. Когда-то Г. Бенн был одним из родоначальников немецкого экспрессионизма. Звучавшие в его произведениях бунтарские мотивы способствовали его популярности среди литературной молодёжи. Теперь же Готтфрид Бенн призывает к не-

противлению, воспеваает смерть, как единственную избавительницу от житейских трудностей и невзгод. Недавно он обратился с открытым письмом к молодым писателям Федеративной Республики Германии. С сомнением литературного «мэтра» он поучает: «Не забывайте о равнодушии и эгоизме — это входит в вашу задачу». Он пытается внушить молодым западногерманским литераторам мысль о тщете жизни, о бесполезности и бесцельности творческого труда. «Вы будете одинокими, как ореховая скорлупа на волнах моря,— пророчествует Г. Бенн,— но не зывайте о помощи, ибо... никто не услышит вас».

С неослабевающим усердием продолжают отравлять общественное мнение Западной Германии «литературные троглодиты» типа Эрнста Юнгера, которого реакционная печать называет «выдающимся представителем немецкой духовной жизни». В их произведениях проповедуются тупая вражда к странам социалистического лагеря, ненависть к народам, взявшим власть в свои руки.

Не меньшую опасность, подчёркивает в своей статье Б. Холл, представляет и так называемая «мемуарная литература», возрождающая агрессивные планы западногерманской военщины. В качестве авторов воспоминаний о годах гитлеровского господства и второй мировой войне выступают, пишет Б. Холл, «верные Гитлеру офицеры высшего ранга или знаменитости бывшей имперской камеры писателей», как именовала себя фашистская писательская организация.

Типичной для такого рода «литературы» является вышедшая недавно в Западной Германии книга бывшего гитлеровского фельдмаршала Манштейна «Проигранные победы». Манштейн развязно рекламирует в ней свои «заслуги» перед «западной цивилизацией» и, полный злобной ненависти к демократическим силам, открыто призывает к реваншу. Излишне говорить, что его книга встретила самый сочувственный приём в милитаристских кругах ФРГ и была рекомендована чуть ли не в качестве учебного пособия для солдат западногерманской армии.

«Гейст унд цейт» резко выступил против книги Манштейна. Западногерманский публицист Вальтер Венцель в статье «От литераторов к генералам» изобличил автора книги как убеждённого фашиста и военного преступника, на совести которого многие тысячи загубленных жизней мирных жителей европейских стран и Советского Союза. «Я был глубоко возмущён, прочитав книгу бывшего фельдмаршала Эриха фон Манштейна,— писал В. Венцель,— и думаю, что все те, кто не забыл, что всего лишь десять лет отделяют нас от самой страшной во всей истории трагедии, разделяют моё мнение о том, что эта книга является позором для немцев».

Журнал «Гейст унд цейт» вступил на путь борьбы за национальные интересы немецкого народа, за демократическую немецкую культуру. Путь этот не лёгкий. Но хочется верить, что мужественный и правдивый голос журнала будет услышан в Западной Германии.

В. СТЕЖЕНСКИЙ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Б. БЯЛИК

★

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ А. М. ГОРЬКОГО

О жизни и творчестве А. М. Горького написано так много книг и статей, что один их перечень заполняет несколько толстых томов. Среди этих статей и книг есть немало интересных и ценных, освещающих важные стороны творческого опыта писателя, в котором передовая литература нашего времени видит своего родоначальника и вдохновителя, живую связь с лучшими литературными традициями прошлого. Однако в этой почти необъятной критической литературе о Горьком есть весьма существенный пробел. Можно назвать лишь считанные работы, посвящённые той теме, которая всегда волновала самого Алексея Максимовича и к которой он настойчиво возвращался в своих статьях: творческая лаборатория писателя. Мы знаем содержательные работы о творческой истории отдельных горьковских произведений; знаем ценные публикации рукописного наследия писателя. Отдельные наблюдения и соображения, связанные с названной темой, разбросаны по многим критическим статьям. Но пока ещё не делалось попыток дать общую характеристику творческой лаборатории Горького, общую характеристику выработанных им приёмов работы, сложившихся у него навыков. Такие попытки крайне затруднены тем, что ещё далеко не все необходимые для этого материалы собраны, а собранные — крайне медленно публикуются. И всё же откладывать дальше решение или хотя бы постановку этой задачи нельзя — слишком важна она для воспитания нашей литературной молодёжи, для повышения её мастерства.

Предлагаемые заметки следует рассматривать как попытку самой первоначальной постановки этой большой и сложной задачи.

Надо сразу же оговориться, что ни один из приёмов работы Горького, о которых речь идёт ниже, не выдвигается здесь в качестве универсального, для всех обязательного и всем полезного. Значение Горького как основоположника социалистического реализма слишком велико, чтобы надо было прибегать к таким преувеличениям и упрощениям. Меньше всего следует канонизировать характерные черты творческой лаборатории Горького: они неразрывно связаны с особенностями его развития и роста, с неповторимым своеобразием всего его писательского облика. И всё же изучение этой лаборатории может принести огромную пользу. Горький всегда протестовал против понимания литературного творчества как какой-то сверхработы, как чего-то чисто интуитивного, не поддающегося изучению и освоению. Он был против злоупотребления самим термином «творчество», предпочитая этому «церковному словцу» простые рабочие слова: техника, ремесло, мастерство. Призывая понимать творчество как труд, а вдохновение — как любовь к труду, Горький не признавал никаких «секретов» мастерства и никаких «тайн» психологии творчества, которые один художник не мог бы открыть и передать другому. Сам Горький неустанно делился с другими своим опытом и умением. Опираясь на произведения, рукописи переписку великого писателя, мы должны коллективными усилиями продолжить эту его благородную работу.

1

Изучая творческую лабораторию писателя, исследователи обращаются прежде всего к тем документам, в которых отражены

наиболее ранние стадии его работы над произведениями, самое возникновение их замыслов и первоначальное накопление впечатлений: к записным книжкам и дневникам. Известно, какую огромную познавательную ценность имеют дневники Льва Толстого, где пристальное наблюдение за всей окружающей жизнью соединено с постоянным, бесстрашно правдивым самоанализом. Черновые тетради Достоевского раскрывают всю сложность творческой истории его романов, замыслы которых так часто менялись, смешались, ломались в процессе работы. Скупые строки записных книжек Чехова и ещё более скупые строки его дневников дают необыкновенно много для понимания его произведений, их порой едва уловимого подтекста. Рукописное наследие Горького вызывает в этом отношении особенно большие ожидания у исследователей. Ведь большинство горьковских произведений построено на материале его личных воспоминаний; есть среди этих произведений немало и непосредственно автобиографических; есть здесь и очень интересная, своеобразная книга: «Заметки из дневника. Воспоминания». Однако ожидания исследователей оправдываются далеко не полностью. В архиве писателя сохранилось более десяти записных книжек, но почти все они (за исключением одной, относящейся к 1906 году, ко времени поездки в Америку) прерваны в самом начале. Можно, конечно, утешаться тем, что отсутствие повседневных дневниковых и иных записей Горького возмещается его богатейшим эпистолярным наследием. Некоторые его письма, например, к Е. П. Пешковой, являются, в сущности, замечательными страницами его дневника. И всё же возникает вопрос: как объяснить столь неожиданный пробел в архиве писателя?

Согласно ранней автобиографической заметке Горького, написанной ещё в 1897 году, он начал вести дневники с десяти лет, записывая в них «впечатления, выносимые из жизни и книг». Отвечая в 1930 году на анкету, предложенную ряду писателей (ответы были опубликованы тогда же в книге «Как я пишу»), Горький указывал, что писать он начал лет с двенадцати и что сначала он записывал пословицы, поговорки, прибаутки, которые формировали его личные впечатления, а затем стал придумывать поговорки сам. В статье Горького «О сказках» (1935) есть указание, что лет с пятнадцати он начал делать записи более

сложного характера: он заносил в свои тетради наиболее понравившиеся ему песни бабушки. Из сохранившихся записей восьмидесятих годов чрезвычайно интересна одна, воспроизведённая Горьким в «Беседах о ремесле»: своеобразный отчёт Алексея Максимовича о лекции казанского шекспироведа Анатолия Кремлёва (Горький сообщил, что тетрадь, из которой он извлёк эту запись, была «наполнена выписками из разных книг, топорными попытками писать стихи и описанием — в прозе — рассвета на «Устье», на берегу Волги...»). В 1935 году Горький переслал Ирме Яунзем тексты крестьянских песен, записанных им в Нижегородской и Самарской губерниях в 1893—1895 годах. Можно ещё напомнить о сохранившихся юношеских стихотворениях Горького. Но в основной своей части горьковские записи и черновые материалы той поры не дошли до нас. Часть тетрадей была утеряна во время многотрудных хождений Горького по Руси, часть отобрана жандармами при обысках. Не исключено, что Горьким были утеряны или уничтожены и некоторые его тетради более позднего времени. Однако сохранившиеся записные книжки Горького, которые, как уже сказано, обычно им были лишь начаты и сразу оборваны, позволяют сделать предположение, что с течением времени эта форма закрепления впечатлений и замыслов вообще всё меньше удовлетворяла писателя. Во всяком случае, несомненно, что главное значение для него приобрела другая форма, очень своеобразная, несущая на себе яркую печать горьковской индивидуальности.

В рукописном наследии писателя сохранилось довольно много (согласно описанию, сделанному сотрудником Архива А. М. Горького А. Я. Таракановым, около 1200) маленьких листков различной формы с краткими записями отдельных фраз, обрывков диалога, сюжетных положений, картин природы и т. п., а также с записями дневникового характера. Как вспоминает Н. А. Пешкова, Горький каждый день заполнял такие листки и подкладывал их под покрывавшую его письменный стол промокательную бумагу, а примерно раз в неделю рассортировывал их по конвертам, отведённым для определённых тем и замыслов. Записи на этих листках он делал чернилами и цветными карандашами, причём в употреблении этих карандашей и в ряде условных пометок (это относится и к правке Горьким рукописей и к его замечаниям на

полях книг) чувствуется какая-то система, нуждающаяся в расшифровке. К сожалению, до нас дошла только очень небольшая часть этих листов, ибо у Горького было одно правило, которому он почти всегда следовал: осуществив какой-либо замысел, он уничтожал конверт со всем его содержанием. Быть может, такая форма записей и такой порядок их уничтожения, во многом обездолившие исследователей творчества Горького, психологически объяснялись тем, что феноменальная память писателя нуждалась не столько в закреплении тех или иных фактов, сколько в разгрузке от уже использованного материала.

Как бы то ни было, сохранились почти исключительно листки, связанные с горьковскими неосуществлёнными замыслами. Здесь мы находим записи, содержащие целые сюжеты рассказов, например, рассказа о пьяном военном писаре, которого взяли в качестве балласта в полёт на аэроплан и который, протрезвев от сильного сквозняка (аэроплан был открытый), уверовал в великое назначение авиации. Есть здесь и пейзажные зарисовки (белая чайка на красном баке), и много афоризмов (например, афоризм: «жить, как все — скучно, а иначе, чем все — трудно», использованный Горьким в одном из его рассказов двадцатых годов), и цитаты из книг. Записи эти требуют ещё систематизации, так как на те листки, которые не истребил безжалостный автор, свалилось иное испытание. Кто-то, разбирая после смерти Горького его архив, высыпал эти листки из конвертов и перемешал их. Теперь конверты хранятся сами по себе, а листки — сами по себе, и потребуются длительные усилия, чтобы хоть отчасти восстановить нарушенную связь.

Тот, кто хочет составить более полное представление об этих листках, может прочесть статью В. А. Десницкого «Неосуществлённый художественный замысел М. Горького — роман о российском Жан Вальжане, добродетельном каторжнике» (в сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. III, 1941). За год до смерти Алексей Максимович передал Десницкому конверт с вложенными в него двумя газетными вырезками и девятнадцатью листками, ценными не только тем, что они освещают замысел одного ненаписанного Горьким романа, но и тем, что они дополняют наши представления о творческой истории пьесы «Старик» (где был отчасти реализо-

ван сюжет романа о беглом каторжнике), а также «Дела Артамоновых» и «Жизни Клима Самгина» (где были использованы некоторые мотивы и образы этого же неосуществлённого замысла). Особенно интересны записи Горького, связанные с фигурой нижегородской купчихи Болотовой — прототипа Марины Зотовой в «Жизни Клима Самгина». Из числа других сохранившихся в архиве писателя листов можно выделить те, которые связаны с задуманной им пьесой о кулаке, — над этой пьесой он работал в 1935 году (она должна была продолжиться или завершиться драматический цикл, начатый «Бульчовым» и «Достигаевым»). Можно обнаружить здесь и другие интересные записи.

С особенным волнением рассматриваешь листки, относящиеся к последним дням жизни писателя. Ослабевшей рукой делал он записи о своей борьбе с болезнью и смертью, а после того, как рука совсем перестала служить, продиктовал последние заметки.

2

Почти не имея в своём распоряжении записных книжек и дневников, которые освещали бы день за днём духовное развитие и литературную работу Горького, исследователи лишены и некоторых других материалов, помогающих изучать творческую лабораторию писателя. Горький не любил закреплять на бумаге планы своих произведений и был вообще против предварительного составления таких планов. В ответе на уже упомянутую анкету (в книге «Как я пишу») Горький утверждал: «Плана никогда не делаю, план создаётся сам собою в процессе работы, его вырабатывают сами герои». Действительно, до нас дошло очень мало подобных горьковских планов, да и те, что дошли, относятся к ранним периодам его творчества. Однако из этого отнюдь не следует, что разработка характеров, сюжета, композиции начиналась у Горького лишь вместе с рождением рукописи произведения. До своего осуществления замыслы произведений жили иногда в сознании Горького долгие годы, даже десятилетия, пересекаясь, сливаясь, оттесняя друг друга или отдавая друг другу часть своего содержания. За это время — порой без участия пера и бумаги — уточнялись характеры, намечался сюжет, начинали определяться контуры будущего произведения.

Поучительна творческая история романа «Жизнь Клима Самгина». Истоки этого замысла можно увидеть ещё в творчестве Горького девяностых годов, в таких его рассказах о буржуазных интеллигентах-рenegатах, как «Встреча», «Варенька Олесева» и другие (любопытно, что в черновых рукописях романа Самгин имел фамилию персонажа рассказа «Варенька Олесева»: Полканов). К концу девяностых или к началу девятисотых годов относится один из немногих составленных Горьким планов произведений — план романа «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина». Характеризуя героя этого романа как интеллигента-разночинца средних способностей, которому «происхождение и воспитание внушают... высокое мнение о силе и оригинальности своего интеллекта и, совершенно скрывая его дилетантство,— развивают в нём честолюбивые желания быть чем-либо в жизни», Горький так намечал его эволюцию: «Радикальство— народничество—оппортунизм, консерваторство— декадентство. Полный моральный крах». Как далёк ещё был этот замысел, при многих чертах сходства, от будущей «Жизни Клима Самгина», видно по следующей наметке финала романа о Пенкине: «Сознание. Раскаяние. Смерть». Роман этот не был тогда написан. Вместо него Горький написал пьесу «Дачники», задуманную им в 1901 году и законченную в 1904 году,— она открыла целый цикл пьес об интеллигенции и, повидимому, «отобрала» у Пенкина часть предназначенного для него материала. Завершая пьесу «Дачники», Горький снова вернулся к прежнему замыслу — в июне 1904 года он сообщил Е. П. Пешковой, что собирается написать повесть в форме «дневника или записок», раскрывающую «психологию современного интеллигента, человека демократического происхождения, постепенно отравляемого мещанством». Но и на этот раз повесть не была написана. Некоторые связанные с ней наблюдения и выводы нашли отражение в публицистике Горького 1905—1909 годов — в статьях «Заметки о мещанстве», «О цинизме», «Разрушение личности» и других.

Годы реакции, наступившие после поражения первой русской революции и повлёкшие за собой массовое ренегатство буржуазной интеллигенции, снова вернули Горького к его старому замыслу. Вспоминая впоследствии о том, как была им задумана «Жизнь Клима Самгина», Горький указывал именно на годы реакции, раскрывшие

с особенной полнотой тип социального выродка. В одном из своих писем тех лет Горький сообщал, что пишет «Дневник никудышника», и дело не ограничилось на этот раз планами: в те годы им был создан ряд глав повести «Записки доктора Ряхина». Повесть эта осталась неоконченной; некоторые её образы, в частности образы доктора Ряхина и Любови Матушкиной, были перенесены Горьким в произведения окурковского цикла. В 1913—1923 годах Горький осуществил замысел, который владел им с самого начала его творческого пути: написал цикл автобиографических повестей, показывающий трудный путь человека из низов жизни к высотам идейного сознания. Отвечая на вопросы одного из своих друзей, почему в «Моих университетах» пропущен ряд важных фактов восьмидесятых годов и не захвачены девяностые годы, Горький указывал: «Написать об этих годах я мог бы и ещё много, но сознательно придушил себя, ибо питаю намерение написать нечто вроде хроники от 80-х годов до 918-го». Так замысел «Жизни Клима Самгина» вмешался в процесс работы Горького над автобиографическим циклом. Всё же Горький не сразу приступает после окончания «Моих университетов» к созданию этого романа. Он ещё делает необходимые подготовительные шаги к нему — пишет ряд рассказов двадцатых годов, где процесс «разобщения» человека, разрушения его личности показывается как бы сквозь призму сознания такого человека. Горькому ещё предстояло завершить другой свой давний замысел — написать роман о трёх поколениях деградирующей буржуазной семьи.

И вот в 1924—1925 годах роман этот — «Дело Артамоновых» — был закончен (можно предположить, что и в данном случае Горький кое в чём «придушил» себя, сохранив часть материала для задуманной широкой эпопеи; возможно, именно этим объясняется некоторая скороговорка во второй половине «Дела Артамоновых»). Только после этого Горький смог наконец непосредственно приступить к работе над «Жизнью Клима Самгина», используя часть заготовок к ненаписанному роману о «российском Жан Вальжане», материалы, оставшиеся от автобиографического цикла, и все наблюдения, раздумья, заметки, накопившиеся за двадцать с лишним лет формирования этого грандиозного замысла. Однако только ли необходимостью такого накопления объяснялась продолжительность творческой

истории, вернее, предистории «Жизни Клима Самгина»? И только ли завершением этого процесса надо объяснять начало работы над романом? Нет, дело обстояло гораздо сложнее. Широко известно, что осуществление замысла «Дела Артамоновых» (и это можно целиком отнести также к «Жизни Клима Самгина») Горький отложил на послеоктябрьский период по совету В. И. Ленина: только социалистическая революция могла дать необходимый финал для такого произведения. В двадцатые годы, когда в ожесточённой борьбе решался вопрос «кто — кого» и когда перед Горьким-публицистом и художником встала задача бороться с самгиными новой породы, его давние замыслы приобрели новый смысл и новую остроту. В сознании писателя произошло то взаимодействие между опытом прошлого и опытом настоящего, которое играет такую большую роль при создании эпических полотен.

Таким образом, если мы хотим восстановить весь процесс рождения романа «Жизнь Клима Самгина», мы должны начинать не с того периода, когда создавались его черновые наброски, а с тех лет, когда автор обдумывал и «обговаривал» свой замысел, делясь им с близкими и с товарищами по «литературному цеху». Нередко бывало, что Горький предлагал другим писателям свои замыслы и материалы, например, он настойчиво советовал ряду литераторов написать роман на тему, разработанную им позднее в «Деле Артамоновых». К счастью, собеседники Горького редко использовали его щедрость, но один такой случай — и случай очень печальный — известен. Ещё в 1897 году Горький задумал написать пьесу о былинном богатыре Василии Буслаеве, которого он считал своеобразнейшим созданием русского фольклора; повидному, тогда же им был написан знаменитый монолог Буслаева о человеке, украшающем своим трудом землю. Живя в годы реакции на Капри, Горький снова взялся за этот сюжет и, как он вспоминал впоследствии, «многажды говорил о нём с Амфитеатовым». А. В. Амфитеатов «соблазнился» этим замыслом и написал пьесу «Василий Буслаев». Пьеса Горькому не понравилась, он счёл свой замысел безнадежно испорченным и больше к нему не возвращался. Обычно же собеседники Горького, которым он рассказывал о задуманных произведениях, ограничивались ролью слушателей. В этой роли они приносили ему большую пользу, так как он

испытывал органическую потребность рассказывать свои произведения устно до того, как начать их писать. Известно, что в наиболее короткие сроки (в один-два дня, а иногда даже в несколько часов) Горький написал самые замечательные свои рассказы, такие, как «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Двадцать шесть и одна», «Рождение человека», «Страсти-Мордасти». Написать так быстро эти гениальные произведения, отличающиеся не только глубиной содержания, но и изумительной филигранной отделкой формы, Горький мог только потому, что они неоднократно обрабатывались и шлифовались им прежде в устной передаче.

Мало можно назвать в мировой литературе произведений, которые так сильно ударили бы по сердцам миллионов людей, как это сделал маленький рассказ Горького «Рождение человека». На нескольких страничках была раскрыта огромная тема рождения нового человека, «нового жителя земли русской», рождения его для жизни более достойной, чем рабская жизнь его матери и отца. Кажется чудом, что Горький мог внушить читателям веру в светлое будущее «человека неизвестной судьбы» такими скупыми и такими простыми средствами — в сущности, одним характером изображения крестьянки-матери, героя-рассказчика, прекрасной природы. Здесь выверено каждое слово, отшлифована каждая деталь; точно вспомнить о том, как борются в глазах матери, измученной родами и ещё больше мыслями о судьбе ребёнка, два цвета — серый, мутный цвет боли, тоски и отчаяния и синий ясный цвет радости, счастья, любви. И вот об этом рассказе Горький говорил, что писал его «...три часа. Даже, кажется, меньше» («Как я пишу»). Это находит подтверждение в переписке, относящейся ко времени создания «Рождения человека»: 19 марта 1912 года Горький сообщил в одном из писем, что откладывает на несколько дней поездку в Париж, так как должен написать рассказ для журнала «Заветы», а 20 марта 1912 года — не через несколько дней, как он предполагал, а уже на следующий день — отослал рассказ в редакцию журнала. Но если «Рождение человека» было написано в несколько часов, то создавалось оно гораздо дольше. Известно, что событие, описанное в этом рассказе, Горький пережил в 1892 году, когда странствовал по кавказскому побережью Чёрного моря. Позднее Горький признавался, что в действительности всё было не

совсем так, как изображено в рассказе: Алексей Максимович догнал группу крестьян, оставивших беременную женщину на произвол судьбы, и попытался уговорить их вернуться к ней и оказать ей помощь. За это его сильно избили, после чего он вернулся к женщине сам (Горький обычно умалчивал о своём активном вмешательстве в события; так он поступил и в рассказе «Вывод»). Об эпизоде рождения «буйного орловца» писатель рассказывал потом многим своим близким и друзьям. В 1903 году, путешествуя с Е. П. Пешковой по Кавказу, Горький привёл её на место этого события и подробно описал всё, что здесь произошло. 17 мая 1910 года он рассказал эту же историю И. Бунину, когда они гуляли ночью по Капри, глядя на

Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,—

как писал позднее об этой комете Александр Блок.

Трудно сказать, почему грозный огненный призрак заставил Горького вспомнить о ребёнке, родившемся на берегу Чёрного моря. Может быть, зазвучавшие в связи с кометой предсказания о близящейся мировой катастрофе — может быть, именно эти пессимистические пророчества заставили его рассказать полную веры в будущее, радостную историю о рождении человека? Бунин настойчиво уговаривал Алексея Максимовича написать этот рассказ. Это и произошло в 1912 году, почти в то же самое время, когда Горький выступил со статьёй против Арцыбашева и других проповедников пессимизма, заявлявших, что лучше детям совсем не рождаться на свет, чем рождаться «на жизнь несчастную и бесцельную». Начался новый общественный подъём, повеяло близкой революционной бурей и стало особенно важно бороться против упадочничества и пассивности, внушать веру в завтрашний день. Рассказ «Рождение человека» был прочитан Горьким в апреле 1912 года в Париже на митинге, посвящённом Ленским событиям, и, хотя в этом рассказе не было ни слова о революции, до многотысячной толпы слушателей преркрасно дошёл его революционный смысл. Так творческие замыслы, зарождавшиеся в сознании Горького под влиянием властных толчков действительности, превращались в художественные образы, в законченные произведения под влиянием ещё более мощных её толчков.

3

Выше речь шла о тех творческих замыслах, которые вынашивались Горьким в течение ряда лет или даже десятилетий. Но так было далеко не всегда: нам известно немало его произведений — рассказов, повестей, пьес, — созданных по горячим следам событий. При этом, быть может, ещё более явно, чем в отмеченных выше случаях, проявлялись замечательные особенности Горького как художника: необыкновенное богатство жизненного опыта и многообразие впечатлений, придававших его замыслам огромный размах и в то же время наполнявших их плотью и кровью. В очерке «О том, как я учился писать» Горький заметил, что его всю жизнь питали впечатления двух порядков: непосредственно от жизни и от книг. Горький не противопоставлял их друг другу в смысле жизненности. Он сравнивал «первый порядок» впечатлений с сырьём, второй — с полуфабрикатом. Очевидно, однако, что впечатления от книг могут тем больше содействовать познанию действительности, а не искажению её, могут тем больше связывать с нею, а не отрывая от неё, чем плотнее окажется тот пласт, на который они должны лечь, — пласт впечатлений, почерпнутых непосредственно из гущи жизни. Великому книголюбу Горькому меньше всего угрожала опасность «книжности». Тургенев считал, что только тот русский писатель может быть назван подлинно народным, кто «по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни как бы вторично сделался русским, проникнулся сущностью своего народа, его языком, его бытом». Горький обладал и тем особым даром, о котором говорил Тургенев, и тем необыкновенно глубоким и всесторонним знанием своего народа, своей страны, которое дала ему его многотревожная и разнообразная жизнь, может быть, самая разнообразная и самая многотревожная из всех, какие только пришлось пережить писателям всех времён и народов.

Основы глубочайшего знания действительности заложило в Горьком его детство, когда он начал свою богатую событиями и переменами трудовую жизнь. Знание это он затем расширил в юности, предприняв в пору страшного голода миллионов людей свои хождения по Руси. С новой стороны открылась для него жизнь, когда он работал письмоводителем у адвоката А. И. Ланина, разбираясь в судебных делах

«железных» и иных людей Нижнего, и когда в качестве корреспондента «Самарской газеты» и «Нижегородского листка» каждодневно с головой погружался в социальный быт Поволжья. Став профессиональным писателем, Горький меньше всего хотел жить лишь накопленным капиталом впечатлений. Соединив свою судьбу с судьбой Коммунистической партии, с В. И. Лениным и его соратниками, Горький неизмеримо расширил свой идейный горизонт и почувствовал ещё большую потребность в познании действительности. Оказавшись в годы реакции временно вдалеке от родины, он жадно читал сотни писем из России и ещё более жадно слушал приезжавших из России людей. Конечно, интерес писателя не ограничивался родной страной, но сердце его принадлежало прежде всего ей, и он воспользовался первой возможностью, чтобы вернуться в Россию, поехать по родной стране и увидеть собственными глазами многие её уголки. Можно было бы ещё долго развивать эту тему, вспоминая о том, как и впоследствии, в 1928—1929 годах, Горький ездил по тем местам, где бродил когда-то в юности, и по тем, где не успел в юности побывать. Можно вспомнить и о том, как он жалел, что возраст и многообразные обязанности не позволяют ему странствовать, как когда-то, пешком по новой России, по стране Советов. Вся его жизнь была героической поэмой познания действительности, неустанного изучения человеческих душ и дел.

Из этой огромной темы хочется выделить небольшой, но существенный вопрос — об одной характерной особенности работы Горького-художника. Для Горького, как и для некоторых его великих предшественников, было характерно, что отправной точкой при создании человеческих образов у него обычно являлось впечатление от какого-либо живого лица, от одного или нескольких знакомых ему людей. Речь идёт не о персонажах мемуарных произведений и литературных портретов Горького и не о его публицистических очерках, где, естественно, изображаются конкретные люди и где художественное обобщение, проявляющееся в отборе материала и в характере его освещения, как правило, нимало не нарушает фактической точности описания. Речь идёт о галерее людей, нарисованных в рассказах, пьесах, повестях Горького, о созданных им типах, многие из которых имели прототипов в действительности. Известно, что прототи-

пы есть почти у всех героев повести «Мать»; что существовал в действительности жадный до денег и до жизни, но тяжело больной и умиравший на глазах у Горького купец Егор Булычов, у которого писатель взял отдельные черты для своего одноимённого героя; что, создавая второй вариант «Вассы Железновой», Горький вспоминал о знакомой ему нижегородской купчихе Кашиной, которая дала своему мужу «порошочек», чтобы не состоялся позорный для семьи судебный процесс; что другая купчиха, Болотова, кормчая нижегородского хлыстовского «корабля», показавшая Горькому однажды радения, подсказала и жизнью своей и смертью многое для замечательного образа Марины Зотовой. Известны и другие факты этого рода, но ещё больше их неизвестно, во всяком случае мало известно.

Многие ли читатели обращают внимание на то, что в пьесе «Мещане» старик и старуха Бессеменовы имеют имена и отчества деда и бабушки Горького — Василия Васильевича и Акулины Ивановны Кашириных? А между тем это сделано писателем не случайно. Меньше всего здесь можно говорить о портретах живых лиц; это особенно ясно при сопоставлении чудесной бабушки Горького, талантливой народной сказительницы, человека большой души, с ограниченной, пугливой мещанкой Бессеменовой. Но всё же кое-что от близких ему людей Горький для своих героев несомненно взял. От своей бабушки он взял для Бессеменовой только одну черту, именно ту, влияние которой он должен был (как об этом рассказано в его автобиографических повестях) преодолевать: стремление всех и вся примирить. От деда для старика Бессеменова взято гораздо больше — взята самая природа его стяжательского характера. А тот, кто хочет дорисовать в своём сознании другой образ из пьесы «Мещане» — образ Елены, пусть прочтёт одно из мемуарных произведений Горького, рассказ «О первой любви». Любопытно, что даже такой гротесковый герой, как Глинкин в «Фальшивой монете», имел прототипа в реальной жизни. Этот ничтожный и наглый человек, доказывающий своё происхождение то от французской, то от английской аристократии, весьма схож с племянником Горького Александром Кашириным, яркий портрет которого писатель нарисовал в одном из своих писем к И. А. Груздеву (этот отпрыск каширинского рода был «высокомерен и труслив, деспоти-

чен и подхалимоват, к людям не дворянской крови относился пренебрежительно, почти брезгливо»; отец с почтением называл его «бароном»).

Возможен вопрос: стоит ли заниматься выискиванием прототипов и выяснением тех конкретных событий и фактов, которые Горький мог так или иначе использовать в своей литературной работе? Ведь все частные наблюдения подвергались в лаборатории писателя коренной переработке и обобщению. Ведь сам Горький считал главным содержанием литературной техники типизацию жизненного материала. Всё это, разумеется, правильно, и в будущих работах о творческой лаборатории Горького основное внимание будет, несомненно, уделено приёмам, способам, технике создания литературных типов. Однако эта тема, требующая анализа мировоззрения и творческого метода писателя, слишком широка, чтобы её можно было осветить в статье, где даётся самая первоначальная постановка вопроса о некоторых общих особенностях его творческой лаборатории. Что же касается прототипов, то изучать их надо не для того, чтобы доказывать портретность горьковских образов, а для того, чтобы, напротив, стала ясна их глубочайшая типичность. Когда В. В. Воронский выступил с ошибочным утверждением, что Ниловна — «тип надуманный, маловероятный», Горький возразил, что «Ниловна — портрет матери Петра Заломова». Этим он хотел сказать только то, что такие матери уже были в действительности; он добавлял, что Заломова не была исключением, что он мог бы назвать ещё с десяток подобных ей женщин. Вот почему не было никакого противоречия в том, что в одном из своих писем советских лет Горький отрицал портретный характер образа Ниловны, заявляя при этом: «Когда писатель работает книгу, он изображает в ней не портрет того или другого знакомого ему человека, а старается изобразить в одном человеке многих, похожих на этого, одного человека...» Но хотя впечатления от конкретного лица или нескольких лиц являлись у Горького лишь отправными пунктами при создании типических образов, он потом всю жизнь хранил память об этих «пунктах» и живо интересовался судьбой тех людей, которые послужили прототипами для его героев. Даже судьба человека, с которым Горький расстался, когда тому был один день от роду, — судьба ребёнка, родившегося в 1892 году на берегу Чёрного

моря, — постоянно интересовала писателя, и он неоднократно предпринимал попытки узнать что-либо о нём. Известно, как внимательно следил Горький за жизнью Заломовых и многих других встречавшихся на его путях и перепутьях людей. Здесь сказывался и страстный интерес к людям, который вообще был присущ Алексею Максимовичу как человеку, и ещё его особый, творческий, «профессиональный» интерес: желание узнать, в какой мере оправдались запечатлённые в его образах оценки, догадки, предвидения, в какой мере удалось ему как художнику осветить настоящее светом будущего.

В ответ на звучащие когда-то заявления о «выдуманности», «сочинённости» многих описанных им событий и людей Горький высказал намерение дать фактический комментарий к своему творчеству, чтобы «документально — со ссылками на лица и места» — оправдать «все, иногда как будто невероятные события и состояния душ» в его произведениях. Он замечал при этом: «Я недурно знаю русский быт и русскую литературу, и я, не без сожаления, скажу: никто не выдумывает меньше меня». Часть подобных комментариев Горький, в сущности, написал — мы находим их в его мемуарных произведениях, статьях, беседах, письмах. Но многое ещё нуждается в пояснении, и эту задачу должны выполнить исследователи горьковского творчества. Они должны это сделать для того, чтобы — вопреки утверждению Горького, высказанному им с таким сожалением, — наглядно показать смелость его домыслов и широту его обобщений, чтобы стало отчётливо видно, какую силу придаёт художественной фантазии глубокое знание жизни. И здесь возникает новая задача: изучать не только жизненный материал, являвшийся у Горького непосредственным предметом изображения, но и другой, определявший ту идейную атмосферу, в которой рождались его произведения. Для понимания пьесы «На дне» полезно узнать о прототипах её героев и ещё полезнее — о всех тех многолетних наблюдениях Горького над жизнью «дна», которые были обобщены в этой пьесе. Но ни то, ни другое ещё не даст полного представления о жизненном материале, из которого выросла пьеса «На дне», если мы не обратимся к русской действительности начала девятисотых годов, к новому (после 1891—92 года) страшному голоду и кризису, потрясшему Россию и вызвавшему целую бурю чувств у миллионов людей, брошенных «на дно жизни». Одним

из главных вопросов действительности стал вопрос о том, какие из этих чувств окажутся сильнее: чувство отчаяния или чувство протеста, стремление спрятаться от ужаса жизни или стремление восстать против него, пафос примирения или пафос борьбы? Надо с головой погрузиться в страшную правду дня, отразившуюся в пьесе Горького, чтобы увидеть воплощённую в этой пьесе правду века, чтобы понять непреходящее значение этого гениального произведения.

О том, как неразрывно были связаны друг с другом у Горького эти две правды и как злободневны, в лучшем смысле этого слова, могли быть даже те его произведения, которые строились на «вечных» образах фольклора, показывает следующий пример. Первый опубликованный Горьким рассказ, «Макар Чудра», был воспринят в пору его появления читателями не просто как красивая романтическая сказка, а как произведение глубокого социального пафоса. Это объяснялось прежде всего характером самой рассказанной здесь легенды о людях, для которых не было ничего страшнее рабской покорности и которые предпочитали смерть утрате свободы. Это объяснялось и характером обрамления рассказа, где ироническое изображение лицемерного проповедника покорности связывало переживания легендарных героев Лойко Забара и Радды с весьма актуальными переживаниями читателей рассказа. Но есть в этом рассказе ещё одна деталь, значение которой далеко не всем ясно. В рассказе «Макар Чудра», напечатанном в сентябре 1892 года, дважды патетически прозвучало почти запрещённое тогда в России имя Кошута — героя венгерской революции 1848 года. Эта деталь раскроется для нас в своём истинном значении, если мы вспомним, что рассказ Горького был написан и опубликован в те дни, когда передовая общественность многих стран готовилась торжественно отпраздновать девяностолетие со дня рождения Кошута. Связи Горького с действительностью, его постоянные соприкосновения с живой жизнью были так многообразны, что даже десятки обширных исследований не смогут исчерпать эту поучительную и увлекательную тему.

4

В процессе типизации жизненного материала у Горького принимал активное участие и «второй порядок» впечатлений: впечатления от прочитанных книг. Необходи-

тельство это ни в малой степени не ослабляло жизненности его образов, ибо литература воспринималась им как важная составная часть общественного бытия, как мощный аккумулятор человеческой мысли и энергии. Можно сказать, что Горький относился к книгам как к живым существам — существам добрым или злым, приносящим пользу или вред и требующим поддержки или отпора. Трудно назвать другого писателя, который так глубоко и непосредственно чувствовал бы «материальную силу» книг, как Горький, и который так всесторонне использовал бы их в процессе художественной обработки впечатлений «первого порядка». Чтобы пояснить сказанное, обратимся снова к творческой истории «Жизни Клима Самгина». Разъясняя в 1931 году в одной из бесед тип Самгина, Горький говорил: «Я его знал лично в довольно большом количестве, но, кроме того, я его знал исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии». В письме к Р. Роллану от 30 января 1933 года Горький прямо указывал, что он связывает Самгина с такими героями литературы прошлого, как стэндалевский Жюльен Соррель, гётевский Вертер, «сын века» Мюссе, «ученик» Бурже и др., то есть с тем рядом героев, о котором шла речь в статьях Горького об «истории молодого человека XIX столетия». Намёки на эту связь даны в самом тексте романа «Жизнь Клима Самгина», например, в описании библиотеки Марины Зотовой, где широко представлены романы о «молодом человеке XIX столетия». Показывая эту библиотеку Самгину, Зотова говорит ему: «Все — на одну тему, — о нищих духом, о тех, чей «румянец воли побледнел под гнётом размышления», — как сказано у Шекспира». Из дальнейшего выясняется, что Зотова не случайно показала эту библиотеку Климу: к «нищим духом», к тем, кто раздвоен и отравлен безверием, она относилась и его самого. Вспоминаются в этой связи и такие эпизоды романа, как попытка Самгина усвоить печоринскую позу, как повторение им психологического эксперимента героя романа Бурже «Ученик», как обнаружение им неприятного сходства с кругом своих идей и чувств в романе Арцыбашева «Санин» и т. п. В одном из своих писем Горький замечал, что надо описать историю «молодого человека» — «от Печорина до Санина и далее». В Самгине он показал именно это «далее», показал, до какого падения может дойти окончатель-

но выродившийся «лишний человек». Почему Горькому было важно, чтобы у читателя образ Самгина вызывал сложные ассоциации со столь непохожими на него, во многом противоположными ему образами Жюльена Сорреля, Печорина и других «молодых людей XIX столетия»? Подобно Добролюбову, доказывавшему, что всякий становящийся в эпоху общественного подъёма шестидесятих годов в позу Онегина или Рудина неизбежно приобретает обломовские черты, Горький доказывал, что всякий, кто станет в новую эпоху в позу «молодого человека XIX столетия», неизбежно превратится в Самгина.

На примере «Жизни Клима Самгина» видно, что «второй порядок» впечатлений был нужен Горькому не только для того, чтобы показывать своих героев, помимо всего прочего, и как читателей (это, несомненно, одна из примечательнейших особенностей многих горьковских произведений), но и для проникновения в самую суть изображаемых характеров и типов. Критика уже давно отметила, что многие горьковские герои и сюжеты, при всей их глубочайшей жизненности, полемичны по отношению к героям и сюжетам других писателей, по отношению к определённым идейным системам, философским учениям и т. п. Сам Горький расшифровал в своих «Беседах о ремесле» тот приём, с помощью которого был создан один из самых глубоких, самых замечательных его художественных типов — тип Маякина. Горький не встречал человека «оформленного психологически» так, как Маякин. Те «хозяйева жизни», которых он знал, не давали достаточно материала для фигуры «мозгового» купца, претендующего на политическую власть в стране и развивающего целую «науку философии» — науку о том, как с помощью народа отобрать власть у дворян, а затем обуздать и беспощадно подавить народ. Чувствуя, что такая фигура должна появиться в жизни, что к этому ведёт логика развёртывающейся классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом и что зародыши такого типа заключены во многих более мелких фигурах буржуа, Горький «приписал» Маякину кое-что от философии Ницше, книги которого к тому времени он хорошо знал. Критики обвинили Горького в «подлоге», но жизнь подтвердила его правоту, правомерность употреблённого им приёма: когда русская буржуазия увидела революционный подъём в стране и убедилась в силе боль-

шевистской партии, она повторила многие из тех идей, которые прежде высказал испуганный германской социал-демократией, до безумия испуганный марксизмом Ницше. Этот пример отчётливо показывает, как и при каких условиях творец литературных типов может и должен пользоваться не только «сырьём» действительности, но и её «полуфабрикатами», учитывать не только факты жизни, но и литературную их обработку.

В своё время критика — и русская и зарубежная — сразу же отметила полемическую направленность ряда страниц повести «Трое» против романа «Преступление и наказание». Полемика с Достоевским даёт себя знать и во многих других произведениях Горького, вплоть до «Жизни Клима Самгина». Не только с Достоевским, но и с Львом Толстым, Лесковым, Короленко и другими писателями ведёт Горький спор в цикле «По Руси», в чём-то соглашаясь с ними, а в чём-то расходясь в понимании русского национального характера, судьбы русского народа. Приведём один пример, показывающий, какой глубокой полемической подтекст имели иногда горьковские образы. Уже много раз указывалось, что рассказ «Ледоход» был написан Горьким в порядке творческой переключки с рассказом Короленко «Река играет», причём некоторые исследователи были склонны видеть в горьковском Осипе подражание короленковскому Тюлину. В качестве одного из подтверждений этого вывода приводилось то место из рассказа «Ледоход», где об Осипе говорится словами, которые можно принять за прямую цитату из рассказа «Река играет»: «Он играл рекою... Кажалось даже, что это он управляет ходом льда...» Между тем это не «цитата», а, возможно, самое полемичное по отношению к короленковскому герою место рассказа Горького. Тюлин «просыпался» только в тех случаях, когда не проснуться нельзя было, когда его вынуждала к этому «разыгравшаяся» Ветлуга. Другое дело — Осип: он сам идёт навстречу опасности, и не река им играет, а именно он играет рекой, ведя людей вперёд.

Но с Короленко Горький спорил дружелюбно, многое от него принимая. Иной характер носила полемика в другом рассказе из цикла «По Руси», посвящённом критике анархическо-нигилистического отношения к действительности, критике идеи «неприятности» мира, неучастия в его волнениях и бурях. В фигуре Алексея Калининна, сначала

привлекающей к себе симпатии героя-рассказчика своей необычностью, а потом вызывающей у него острую неприязнь своей внутренней пустотой, разрывом связей с людьми, Горький воплотил тип, близкий к таким типам его раннего творчества, как Шахро из рассказа «Мой спутник», Промтов из рассказа «Проходимец» и другие. Борясь против анархического отношения к жизни, Горький нанёс в рассказе «Калинин» удар тем идеям, которые были воплощены в рассказе Леонида Андреева «Тьма». Центральное место этого произведения Андреева, слова его героя: «Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем в тьму» — получают прямой ответ в финале «Калинина». Говоря устами героя-рассказчика о том, что с каждым днём всё более растут его связи с миром, всё больше растёт чувство любви к жизни, желание идти той тропой, по которой прошли, «теряя плодотворно горячую кровь, лучшие люди мира», Горький так кончает этот рассказ: «Иду во тьме и сам себе свечу; мне кажется, что я живой фонарь, в груди моей красным огнём горит сердце, и так жарко хочется, чтобы кто-то боязливый, заплутавшийся в ночи — увидел этот маленький огонь...»

Если огромный труд составляет обнаружение всех тех нитей, которые связывали Горького с множеством людей и событий, отразившихся в его произведениях, то не меньшего труда требуют поиски других нитей — тех, что связывали его мысль с мыслью его предшественников и современников в литературе. Большую помощь в решении этой задачи могут оказать книги личной библиотеки Горького, многие из которых хранят на своих страницах его пометки и замечания — следы его протестующей или утверждающей мысли. Изучение этой сокровищницы только начато. Перечень 953 томов, пожертвованных Горьким в 1900—1910 годах Нижегородской городской общественной библиотеке, издал в 1948 году в г. Горьком профессор Д. А. Балика (им же была опубликована в № 8 «Нового мира» за 1938 год статья о пометках Горького на полях этих книг). Описание библиотеки писателя в Горках, сделанное сотрудником Музея А. М. Горького И. М. Касаткиной, ещё ждёт опубликования. Ещё не завершено описание большой библиотеки Горького в его квартире на б. М. Никитской — около 10 тысяч томов, из

которых примерно три тысячи имеют его пометки (в том числе произведения ряда советских писателей). Но мало дать описание этих книжных богатств — они требуют самого тщательного изучения: когда Горький читал эти книги, у него уточнялись некоторые его образы, возникали некоторые его суждения и целые концепции.

Тщательного изучения требуют и те рукописи, которые многие писатели посылали на просмотр к Горькому и которые он прочитывал с карандашом в руках; чтение их было также одной из составных частей его творческой лаборатории. Приведём пример. Найдя в одной из присланных рукописей изображение некоего Семикова, мучимого своей недостаточно звучной фамилией и ищущего другую фамилию, более звучную, Горький поспорил с автором этой рукописи о социальной ценности такого персонажа. Затем он продолжил этот спор в пьесе «Сомов и другие», в нарисованной здесь фигуре хлопика Семикова. Кстати, образ Семикова позволяет сделать одно наблюдение, показывающее, какую сложную историю имеют иногда не только произведения Горького, но и отдельные его выражения и обороты. Помимо мучительных поисков эффектной фамилии, Семиков ещё занимается у Горького сочинением стихотворений в пессимистическом духе, причём одно из них звучит так:

Года за годами бегут,
А людям жить всё трудней,
И я понять не могу
Бешеный бег наших дней.
Куда они мчатся, куда?

Одна из слушательниц Семикова говорит ему по поводу этих стихов: «Как это, Ванечка, в башке у тебя заводятся такие скучные слова. [И какие это стихи? Всё у-у-у!] Пахинида какая-то». При отделке текста пьесы Горький вычеркнул приведённые в квадратных скобках слова, но повторение звука «у» в «произведении» Семикова осталось, и эта деталь не случайна. Ещё в 1896 году, говоря в статье «Полю Верлен и декаденты» о стремлении декадентствующей молодёжи связывать с каждой буквой определённое ощущение, Горький замечал, что с буквой «у» связывают чувство страха. Позднее в статье «Разрушение личности» Горький, ссылаясь на статью К. И. Чуковского, писал, что существо творчества многих буржуазных писателей может быть выражено криком толстовского Ивана Иль-

ича, криком животного ужаса: «у-у-у!» Вот какую длительную литературную пред- историю имеет аллитерация стихотворения, придуманного Горьким для Семикова!

5

Никогда не расставаясь с книгами, читая и перечитывая русских и зарубежных мастеров литературы, Горький с особенной тщательностью изучал их язык. У него была особая, выработанная им за долгие годы литературного труда система изучения языка писателей, помогающая расширению собственного лексикона. Он делился этой системой с товарищами по работе и радовался, видя по их произведениям реальные результаты усвоения его советов. О системе этой Горький писал К. А. Тренёву в 1911 году: «...Позвольте посоветовать следующее: проштудируйте богатейших лексикаторов наших — Лескова, Печерского, Левитова купно с такими изящными формовщиками слова и знатоками пластики, как-то Тургенев, Чехов, Короленко». Горький добавлял: «Совет сей, м. б., покажется Вам эксцентричным — ничего! Всё ж таки попробуйте. Многим этот совет был дан, и многими оправдан. Возьмите язык Куприна до «Поединка» и после, — Вы увидите, в чём дело и как вышеназванные писатели хорошо учат нас». Был оправдан этот совет и Тренёвым, ставшим одним из самых богатых по лексикону советских писателей. Разделяя художников слова на «знатоков пластики», с одной стороны (к ним Горький относил, кроме названных писателей, ещё Гоцарова, Льва Толстого и других), и на «лексикаторов» — с другой, Горький в статье «Н. С. Лесков» указывал, что у первых слова были глиной, из которой они «богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана», а у вторых (это особенно относилось к Лескову) — нитями, из которых сплеталось «нервное кружево» разговорной речи. Сам Горький творчески усваивал оба эти способа работы над языком, соединяя в своих произведениях пластическое изображение действительности с живой, почти всегда отчётливо звучащей интонацией рассказчика.

Но как ни ценил Горький художественную литературу в качестве сокровищницы отборного, выверенного языка, больше всего он учился языку у народа, радуясь каждому услышанному им меткому слову или крылатому выражению и спеша поде-

литься этой радостью с товарищами по работе. Приводя в цитированном письме к Тренёву полюбившееся ему изречение Келлермана: «Благословен закон брэнности, обновляющий дни жизни!» и восклицая: «Эко, как хорошо иногда говорят люди, а?», — Горький здесь же привёл и хорошие, мудрые слова одного старика, сектанта из Сибири: «Не опускай крылий, птица божия, в непогожий день легче летать и выше взлетишь». Сам великий мастер афоризма, Горький умел ценить это качество в других. Как важна была для Горького его «охота» за характерными словечками и выражениями, в которых ярко отразился строй мыслей того или иного слоя людей, видно из того, что некоторые услышанные им выражения стали у него исходными пунктами больших творческих замыслов. Горький говорил, что первым толчком для создания им пьесы «Дети солнца» была услышанная им фраза знаменитого русского учёного П. Н. Лебедева: «Ключ к тайнам жизни — химия». Фраза эта, вполне невинная сама по себе, приобрела особый смысл в тех условиях, когда загадки жизни решались на улицах, на баррикадах. Иногда дело было даже не столько в самой фразе, сколько в её интонации. В начале девятисотых годов Горький услышал злорадное восклицание одного ялтинского часовщика: «Ваш золотой — фальшивый». Он больше десяти лет хранил эти слова в своей памяти, пока не начал (чтобы объяснить самому себе злорадство этих слов) обдумывать пьесу «Фальшивая монета».

Считая язык таким же художественным средством писателя, каким являются глина или мрамор у скульптора, краски у живописца и т. п., Горький оценивал слова и словосочетания по их пластическим, живописным, музыкальным качествам, по присущей им самой образности. Он недаром определял литературу как «живопись словом» или как «искусство пластического изображения посредством слова» и всегда чутко вслушивался в «музыку» речи. Но язык был для него прежде всего непосредственной действительностью мысли; его постоянно беспокоило «смысловое и образное наполнение слова». Он никому не прощал неточного употребления слов, не прощал и себе самому. Напомним хотя бы, что он подверг суровой критике, как «пример непродуманного пользования словами», свою фразу из рассказа «Сторож»: «Я страдал тогда фанатизмом знания». Он указал, что

слово «страдал» неприменимо к процессу познания, которое является наслаждением, и что нельзя соединять такие несоединимые понятия, как «знание» и «фанатизм». Можно, конечно, не согласиться в данном случае с Горьким, сославшись на право писателя сближать «далековатые понятия», — тем более, что выражение «фанатизм знания» взято в рассказе «Сторож» в кавычки. Но пример этот наглядно показывает, как заболтался Горький о смысловой точности употребления слов. Эта забота превращалась у него в настойчивое изучение каждого слова, в стремление извлечь из каждого слова все оттенки его значения или значений. Горький призывал советских литераторов развивать в себе «способность анализа понятий» и сам показывал пример подобного вдумчивого анализа, о чём свидетельствуют его сохранившиеся черновые записи и особенно его законченные произведения.

Для Горького было характерно, что он, употребляя определённое слово, стремился особенно утвердить в сознании читателя одно из присущих этому слову значений. В статье «О пьесах» Горький сделал попытку внести порядок — путём разграничения значений — в употребление слов «мироощущение», «миросозерцание», «мировоззрение» и «миропонимание». Но попытка эта не получила продолжения даже у самого Горького. Такое же разграничение смысловых значений Горький стремился осуществить и по отношению к словам «прохожий» и «проходящий» — последнее им было взято из рассказа Короленко «Река играет» и использовано в ранней печатной редакции повести «Хозяин» и в цикле «По Руси». Если прибавить к этим двум словам третье, вынесенное в заголовок одного из ранних горьковских рассказов — «проходимец», то получится следующая система употребления этих слов у Горького: прохожий — человек, не оставляющий после себя никаких следов, ничего не вносящий в жизнь; проходящий — тот, кто оставляет после себя хороший след; проходимец — кто оставляет плохой. Эта «система» не получила широкого распространения, но для Горького она характерна, и только в том случае, если мы знаем её, для нас звучит в полную силу слово «проходящий», определяющее героя-рассказчика в цикле «По Руси». Тогда нам понятнее и следующая словесная «игра» в пьесе «На дне»:

«В а с и л и с а. Ты кто такой?..

Л у к а. Проходящий... странствующий..

...В а с и л и с а. Пачпорт!

Л у к а. Можно...

В а с и л и с а. Давай!

Л у к а. Я тебе принесу... на квартиру тебе приволоку его...

В а с и л и с а. Прохожий... тоже! Говорил бы — проходимец... всё ближе к правде-то...»

Но были у Горького и такие «системы» употребления слов, которые выходили за пределы индивидуального своеобразия его языка, отражая важные процессы, происходящие в языке всего народа. Горький настойчиво употреблял в положительном и притом в очень высоком значении эпитет «гордый». Несколько раз зьучит в таком значении этот эпитет уже в первом рассказе Горького «Макар Чудра», ещё чаще — как своеобразный рефрен — повторяется он в элегии «Часы». Горький противопоставил трусливому ужу «гордую птицу» — Сокола; робким пингвинам — Буревестника, который «гордо реет между молний». Своё представление о человеке-борце Горький с особенной силой выразил в пьесе «На дне» — в словах, что человек — «звучит гордо», и в поэме «Человек», где воспета «святая Гордость». Во всех этих и многих других случаях «гордый» значило у Горького: мужественный, непокорный, избирающий путь борьбы, а не путь смирения и терпения. Разумеется, Горький знал и другое значение этого слова — отрицательное, связанное с представлением человека о своём превосходстве над другими людьми. В рассказе «Старуха Изергиль» Горький противопоставил друг другу два вида гордости — тот, который был присущ «гордому сердцу» народного героя Данко, и другой, присущий Ларре, который был «наказан за гордость» народом. Горькому было особенно важно утвердить в сознании читателя положительное значение этого слова, ибо он боролся с реакционными, церковными толкованиями человеческой гордости («Смирение паче гордости») и полемизировал с тем пониманием гордости, которое было характерно для Достоевского — писателя, любившего показывать столкновения «гордых» и «кротких» людей, кончающиеся моральной победой последних. «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость», — призывал Достоевский. Возмутись, покорный человек, — и прежде всего разбуди свою гордость, — учил Горький. Нельзя не согласиться с Говардом Фастом, сказавшим в одной из своих статей, что если надо обо-

значить одним словом сущность горьковского пафоса, то это слово — гордость.

Напротив, эпитет «мягкий» особенно часто употреблялся Горьким в его отрицательном значении. «Мяжкими» он называет лицемерных или «искренних» лгунов — утешителя Луку («Мяли много, оттого и мяжок», — говорит о себе Лука; эта игра слов продолжена далее в сатинском определении Луки: «мякиш для беззубых»), обывателя Басова, буржуазного либерала Захара Бардина и других. «Мяжкими» называет он и людей, раздавленных жизнью и неспособных бороться, — Лизу Протасову, Якова Бардина и им подобных. «Мяжкий» характер противопоставляется в данном случае не жёсткому, а твёрдому, способному бороться. Такое понимание «мягкости» было раскрыто уже в раннем программном рассказе Горького «Об одном поэте», где сказано: «Мало любить и смягчать; нужно ненавидеть и быть твёрдыми». Характерно, что эпитет «мягкий» часто вступает у Горького во враждебные отношения с эпитетом «гордый». Например, в повести «Мать» история «воскрешения души» Ниловы выражается между прочим в том, что в этой женщине, которая была сначала вся «мягкая, печальная, покорная», стала расти «разбуженная гордость». Такое употребление слов «гордый» и «мягкий» было характерно не только для Горького, но и для ряда его предшественников, а особенно современников — носителей революционного сознания. Не только Горькому принадлежало и ироническое употребление слов «умник», «мудрец», «зритель», которыми он так часто обозначал расчётливых, трусливых, пассивных мещан и которые понадобились ему все в конце его творческого пути для характеристики Климса Самгина. В. И. Ленин решительно отвергал «мягких» и «твердомягких» примиренцев и издевался над выдвинутым ими «лозунгом мягкости». В. И. Ленин разоблачал и психологию «пассивного зрительства».

В стихотворении С. Маршака «Словарь» хорошо сказано:

На всех словах — события печатать.
Они дались недаром человеку.

Горький, как никто, умел «прочсть» печатать событий, лежащую на многих словах, умел разглядеть изменения, происходящие под влиянием событий в языке. И можно только удивляться, что наши толковые словари, даже академический словарь со-

временного русского литературного языка, так мало учитывают сделанное в этом отношении великим писателем и филологом. Горький сталкивал со старым значением слова «хозяин» (собственник) новое («Хозяин тот, кто трудится!»); со старым значением слова «дело» (предприятие) новое (общественный долг), — на столкновениях различных значений этих слов построены диалоги Нила и Бессеменова, Рашели и Вассы Железновой. С огромной силой раскрыл Горький новое значение слова «товарищ» — и в сказке «Товарищ!», и в повести «Мать» (характерно, что одно из первых её изданий — на английском языке — вышло под заглавием «Товарищи»), и в пьесе «Враги», где прокурор Скроботов и рабочий Рябцев, употребляя одни и те же слова, говорят как будто на разных языках, ибо слова эти — и прежде всего слово «товарищ» — имеют для них далеко не одинаковый смысл.

Конечно, когда речь идёт о творческой лаборатории писателя, то важно изучать те приёмы его работы над языком, которые связаны с формой произведений. Но и всё то, о чём шла речь выше, имеет прямое отношение к нашей теме. Горький протестовал против отождествления понятий «форма» и «литературная техника»; последнее понятие он считал гораздо более широким, охватывающим собой познание и типизацию действительности, анализ понятий, наблюдения за процессами, происходящими в языке. Наблюдения этого порядка играли такую большую роль в литературной работе Горького, что есть все основания назвать их «третьим порядком» впечатлений, питавших его творчество.

6

Таким образом, садясь за письменный стол, чтобы начать непосредственную работу над произведением, Горький обычно имел уже многое в своём распоряжении. Во-первых, у него был более или менее длительно созревавший замысел — идейно-тематическое ядро будущего произведения, связанное с наметившимся характером или группой характеров. Во-вторых, у него к этому времени накапливалось некоторое количество листовок-заготовок, запечатлевших отдельные черты будущих героев и самые зачаточные сюжетные ходы. В-третьих, его память уже извлекала из своих недр впечатления всех трёх отмеченных порядков,

окружая ими — пока ещё невидимо — каждый листок с черновыми заметками. И вот приходило, по словам Горького, самое трудное: начинались поиски первой фразы. «Она, как в музыке, даёт тон всему произведению, — говорил он, — и обыкновенно её ищешь весьма долго». У Горького выработался ряд навыков и правил, которыми он делился с молодыми литераторами: как надо и как не надо начинать рассказ или повесть. Не надо, по Горькому, начинать с диалога или с авторской сентенции, надо — с портрета или пейзажа. Конечно, было бы неверно возводить эти советы Горького в закон, тем более, что и сам Алексей Максимович не всегда им следовал. Но внутренний смысл их был очень глубок: Горький требовал пластичности изображения. Читатель, слушая речь персонажа, должен ясно видеть, кто, где и при каких обстоятельствах говорит. Может быть, поэтому Горький заменил первую фразу самого раннего варианта «Жизни Клима Самгина»: «Скучно жилось в России восьмидесятих годов...» — другой, которая непосредственно вводит читателя в мир главных персонажей, их характеров и устремлений: «Иван Акимович Самгин любил оригинальное...» Эта фраза действительно сразу даёт тон всему произведению, повествующему о «выдуманных» и «выдумавших» себя людях.

Сразу же начинались и поиски правильного расположения материала, поиски необходимой архитектоники. Предварительного плана не было, и поэтому план создавался в процессе работы над текстом, по мере того как развёртывались характеры героев. По первоначальному замыслу, у Клима Самгина должен был быть постоянный антагонист, с которым он приходил бы в частые столкновения, — Борис Варавка. Уточнение характера Самгина и введение фигуры Кутузова сделало ненужным дальнейшее существование Бориса Варавки, и он был безжалостно утоплен Горьким в проруби, — при этом родилась фраза, ставшая одним из лейтмотивов эпопеи: «Да — был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» В ранних вариантах у Самгина был роман с революционеркой Елизаветой Спивак. Уточняя характер Самгина, всё более «снижая» его, Горький отказался и от этого эпизода. А одновременно с уточнением характеров и сюжета определялась и композиция романа. Вначале роман имел название «История пустой души»; позд-

нее — «Сорок лет»; затем это название перешло в подзаголовок, подчинившись окончательному заглавию — «Жизнь Клима Самгина». Смена этих заглавий весьма показательна: в ней получили отражение разные стадии работы Горького над первой частью романа. В ранней редакции исторический фон занимал ещё сравнительно скромное место, и вся композиция первой части (например, деление на главы) была подчинена «истории пустой души». Затем Горький стал расширять исторический материал, подчиняя ему в ряде случаев композицию, — в своих письмах он всё чаще называл роман «исторической хроникой». В конце концов определился главный принцип сложной архитектоники произведения, в котором соотнесены друг с другом «история пустой души», история «разрушения личности» Самгина и ему подобных, с одной стороны, и логика исторического процесса, «хроника» сорока лет русской жизни — с другой.

Рукописи произведений Горького хранят на себе следы огромной работы — работы над характерами, композицией, стилем, языком. Чтобы удобно было править рукопись, Горький писал обычно на больших листах бумаги, оставляя для исправлений и дополнений широкие, отделённые линией поля. Но бывало, что даже таких полей ему не хватало, и тогда он заклеивал забракованные части текста и писал новый вариант на наклейках. Так он поступил, например, создавая пьесу «Мещане». Только недавно, при подготовке этой пьесы к печати для последнего тридцатитомного собрания сочинений Горького, текстолог В. С. Нечаева, осторожно отделив наклейки, обнаружила под ними неизвестные ранние варианты пьесы (в частности, эпизод, где говорится о постановке Нилом и его товарищами «Рюи Блаза» Гюго). Пестрящая вычерками и вставками рукопись нередко переписывалась Горьким набело и правилась снова («Жизнь Клима Самгина» переписывалась от руки три раза, «Дело Артамоновых» — пять раз). Потом рукопись перепечатывалась на машинке и подвергалась новой правке, после чего её приходилось иногда перепечатывать во второй и третий раз. Затем уже шла правка гранок, правка вёрстки... Здесь нет возможности проиллюстрировать сказанное: каждая рукопись требует особого и большого разговора. Следует только высказать сожаление, что горьковские рукописные материалы публикуются

крайне медленно и что из-за косности издательств (особенно повинно в этом издательство Академии наук СССР, которое почему-то вообще отказалось от публикации томов Архива А. М. Горького) уже долгое время лежат без движения подготовленные к печати тома рукописей «Жизни Клима Самгина» и черновых вариантов ряда пьес Горького. А ведь каждый из этих томов может стать замечательной школой мастерства!

Следует напомнить, что работа Горького над своими произведениями не прекращалась после их появления в печати. Многие из них имеют по нескольку печатных редакций, как это уже не раз показывали исследователи: С. В. Касторский — на примере «Матери», Н. Л. Бродский — на примере «Челкаша», Н. П. Белкина — на примере «Фомы Гордеева» и т. д. Важно отметить, что время от времени Горький предпринимал массовую правку своих произведений. Первая такая правка была им предпринята в 1898—1899 годах, когда он издавал самые ранние сборники своих произведений — «Очерки и рассказы». Правда эта имела не только стилистический характер; она была прежде всего направлена на углубление содержания. Это видно хотя бы на примере рассказа «Мой спутник», который лишь в этих сборниках обогатился философскими отступлениями о «спутнике», имя которому «легион», но особенно — на примере «Песни о Соколе», которая только в 1899 году, во втором издании «Очерков и рассказов», получила гениальную концовку о «безумстве храбрых». Следующую массовую правку своих произведений Горький произвёл в начале девятисотых годов, готовя к печати собрание своих сочинений в издании «Знание». Последняя из таких массовых правок была предпринята им в 1922—1923 годах при подготовке собрания сочинений в издании «Книга». Правка эта касалась почти исключительно стиля и языка, но была столь глубокой и всесторонней, что есть основание говорить о серьёзном художественном перевооружении Горького в ту пору. Стремясь ещё больше, чем прежде, усилить реалистичность письма, Горький устранял из своих произведений всё то, что мешало предельной конкретности и предметности образов (злоупотребление гиперболами, приёмом антропоморфизма и т. п.), а также всё то, что могло помешать простоте и ясности языка (излишние, с точки зре-

ния Горького, эпитеты, причастные обороты и т. д.).

Вот образец горьковской правки 1922 года — правки рассказа «Макар Чудра», который и до этого неоднократно редактировался Горьким, начиная с издания сборника «Очерки и рассказы» в 1898 году. Приведём начало рассказа с указанием исправлений, внесённых автором в оригинал набора в издании «Книга»: «С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой (исключено «иззябшие») сморщенные (исключено «и») жёлтые листья и бросали их в костёр, раздувая пламя (исключено «отчего»); окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — (исключено «массивную») фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил (вместо тире и последних двух слов было «сторожившего») коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас». Кроме сокращения эпитетов, в этом отрывке характерно изменение синтаксической конструкции: отчётливо видно тяготение к переходу от сложно-подчинённых к сложно-сочинённым предложениям. Горький довольно последовательно исключал при правке своих произведений для издания «Книга» неопределённые местоимения: «кто-то», «что-то», «какой-то» и т. п. (например, в том же рассказе «Макар Чудра» из фразы «Ветер выл о чём-то жалобно и тихо...» было вычеркнуто «о чём-то»). Приведём образец ранней горьковской романтической стилистики — место, исключённое при правке рассказа «Старуха Изергиль» в 1922 году: «Я созерцал всё это, и во мне рождались фантастические желания: хотелось превратиться в пыль и быть разнесённым повсюду ветром; хотелось разлиться тёплой рекой по степи, вливаться в море и дышать в небо опаловым туманом; хотелось наполнить собой весь этот чарующе-печальный вечер... и было грустно почему-то».

Можно без всяких преувеличений утверждать, что после каждой из таких массовых правок Горький писал иначе, чем прежде, поднимая на новую высоту своё мастерство. Впрочем, на тот же самый процесс можно взглянуть и с другой стороны: можно сказать, что идейное и творческое развитие Горького создавало у него в определённые

моменты насущную потребность пересмотреть, «переписать» всё сделанное им прежде. Иногда Горький и буквально переписывал заново свои произведения, как это было с его пьесой «Васса Железнова», во втором варианте которой остались лишь одна-две фразы из первого варианта, да и то изменившие свой смысл в новом контексте!

Следует сказать, что ни одна из отмеченных массовых правок, явившихся важной составной частью всей литературной работы Горького и потребовавших от него стольких усилий, ещё не изучена. Не приходится поэтому удивляться, что во многих театрах до сих пор не знают о существовании разных печатных редакций большинства пьес Горького и ставят эти пьесы по любому попавшемуся под руку изданию, иногда не отражающему последней воли писателя. Удивительно другое: даже авторы некоторых книг и диссертаций упускают из вида указанное обстоятельство, анализируя стиль и язык раннего Горького по текстам позднейших изданий, прошедшим через многократные авторские правки. Это лишний раз показывает, как мало ещё изучена творческая лаборатория Горького.

* *
*

В этих беглых заметках затронуты лишь отдельные стороны большой и сложной темы. Чем больше мы изучаем литературную работу Горького, тем яснее видим, какой многосложный характер имел у него процесс создания художественных произведений и как много знаний, культуры, труда вкладывал он в каждое из них. Достойны особого изучения тот порядок и та организованность, которые царили в его работе и

которые позволили ему, постоянно занятому разнообразной общественной деятельностью, создать так много замечательных художественных ценностей. Из писем Горького мы знаем, что он работал обычно не менее десяти часов в сутки и что только очень серьёзные причины могли заставить его изменить этому правилу. Считая, что труд художника должен быть так же дисциплинирован, как и всякий другой труд, Горький установил строгий распорядок дня. Как рассказывает Н. А. Пешкова, этот распорядок был следующий: в 8 часов утра Горький вставал и до 8.30 просматривал газеты, отмечая те статьи, которые следует потом внимательно прочесть; с 8.30 до 9 — завтракал; с 9 часов утра до 2 часов дня — работал над своими произведениями; с 2 до 2.30 — обедал; с 2.30 до 4.30 — читал газеты и гулял; с 4.30 до 5 — пил чай; с 5 до 8 — снова работал, на этот раз над чужими рукописями (читал, писал отзывы, редактировал), и занимался перепиской; с 8 до 8.30 — ужинал; с 8.30 до 11 у Алексея Максимовича бывали встречи и беседы; в 11 часов вечера он уходил к себе, чтобы побриться (ему не хотелось отнимать ни одной лишней минуты у самых ценных утренних часов) и почитать перед сном. Таков был рабочий день этого великого труженика, влюблённого в литературу, глубоко понимающего её огромную идейную роль.

«Я, видите ли, не токмо мастеровой-литератор, — писал Горький К. А. Федину 23 апреля 1926 года, — но прежде всего человек, верующий в литературу и — простите слово! — даже обожающий её. Книга для меня — чудо».

И ещё большее чудо — творец чудесных книг, так могуче влияющих на души миллионов людей.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. Шумский. Новый том горьковского архива.— **Е. Книпович.** Жизнь, устремлённая в будущее.— **Владимир Огнев.** Лирика Леонида Мартынова.— **Евгений Воробьёв.** Всемогущие руки.— Заслуженный артист РСФСР **А. Орфёнов.** Так работал Станиславский.— **М. Живов.** Мировое признание.— **Д. Гранин.** Роман Уилсона «Брат мой, враг мой».

ПОЛИТИКА И НАУКА

Ефим Дорош. Дело в организаторах.— **И. Манарьев.** Воспоминания о Марксе и Энгельсе.— Кандидат исторических наук **Е. Черняк.** Лейбористский журнал о единстве рабочего движения.— Кандидат исторических наук **Г. Стратанович.** Жизнь Никиты Яковлевича Бичурина.— **Р. Кинжалов.** О чём рассказали египетские иероглифы.— Профессор **Л. Калужнин.** Серьёзное в забавном.

Литература и искусство

Новый том горьковского архива

Русская литература знает немало блестящих мастеров эпистолярного жанра. Письма Пушкина, Герцена, Л. Толстого, Чехова — не только яркие человеческие документы различных эпох, но и превосходные прозаические этюды, которые доставляют читающему их подлинное эстетическое наслаждение.

То же самое можно сказать и о богатейшем эпистолярном творчестве М. Горького. Последние три тома нового собрания его сочинений, содержащие свыше полутора тысяч писем (значительная их часть опубликована впервые), читаешь, не отрываясь, не замечая времени, словно перед тобой увлекательный роман. Вышедший недавно в свет пятый том «Архива А. М. Горького», посвящённый переписке писателя с женой, Е. П. Пешковой, ещё более расширяет наше представление об идейном богатстве и художественном совершенстве эпистолярного наследия Горького.

Перед нами первая часть наиболее крупного собрания горьковских писем к одному

адресату. Почти сорок лет, порой изо дня в день, Алексей Максимович делился с Е. П. Пешковой своими думами о современной ему общественной жизни, рассказывал о многих своих литературных делах, творческих замыслах, переживаниях, встречах с политическими деятелями, писателями, людьми из народа. Эти его тёплые, сердечные послания воспринимаются как обстоятельные записи в дневнике, тем более ценные, что они позволяют увидеть внутренний мир гениального художника на разных этапах его творческой деятельности.

Вот письма, написанные Горьким в 1895—1896 годах, в возрасте 27—28 лет, когда он, фельетонист Иегудилл Хламида, работал в редакции «Самарской газеты». Читая их, убеждаешься, что уже тогда, только вступив на избранный им нелёгкий путь, Горький ясно сознавал своё высокое писательское призвание. С молодых лет он воспитывал в себе черты неустрашимости, готовился перенести самые тяжёлые лишения во имя тех высоких идеалов, которые рано овладели его умом и сердцем. В письме от 25 февраля 1896 года, говоря об отправленном им в столичный журнал рассказе «Читатель», заключающем его раннюю эстетическую платформу, он пишет такие многозначительные строки:

А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1895—1906. Академия наук СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том V. Подготовка писем и комментарий Е. П. Пешковой. 311 стр. Гослитиздат. М. 1955.

«...Тема этой вещи очень важна. Я писал её, не щадя себя, и вложил в неё много моей правды. У меня, Катя, есть своя правда, совершенно отличная от той, которая принята в жизни, и мне много придётся страдать за мою правду, потому что её не скоро поймут и долго будут издеваться надо мной за неё».

Эти мужественные слова, как нам кажется, перекликаются с тем, что говорил своей невесте перед женитьбой Н. Г. Чернышевский. Честный, прямой по натуре, Алексей Максимович тоже считал своим долгом предупредить девушку, с которой решил связать свою судьбу, о предстоящих тяжёлых испытаниях.

И испытаний и трудностей на жизненном пути Горького действительно было очень много. На первых порах писательской жизни довелось ему перенести большие материальные лишения. Из Тифлиса, Ялты, Петербурга, Москвы, Гельсингфорса и других мест, куда он приезжал по литературно-общественным делам, Алексей Максимович сообщает жене об изощрённых издевательствах над ним царских цензоров, жандармов, реакционеров различных мастей.

Старания мракобесов, однако, не могли заставить революционного художника свернуть со своего пути, они только закаляли его сердце, волю к борьбе. Сообщая Е. П. Пешковой о том, что роман «Фома Гордеев», печатавшийся в 1899 году в журнале «Жизнь», «цензура изувечила страшно», Горький пишет: «Я получил корректуру и взбесился до белого каления. Но чёрт с ними! Чем сильнее будут бить по камню, тем больше искр он даст. Я не из слабых, и булавочными уколами меня не убьют».

Ряд писем написан Горьким в тюрьмах, куда не раз заточали его за активную революционную деятельность. В этих посланиях наиболее полно ошутим несокрушимый горьковский дух, неиссякаемый его оптимизм. Не случайно именно в них так часто обнаруживаешь задорную шутку, каламбур или остроумный афоризм. Вот, например, какие юмористические строки читаем мы в письме Горького из нижегородской тюрьмы:

Как медведь в железной клетке,
Дрыхнет в башне № 3-й
Государственный преступник
Алексей Максимов Пешков.
Спит и — видит: собрались

Триста семь клопов на сходку
И усердно рассуждают,
Как бы Пешкова сожрать.

Так шутить мог лишь человек, смеявшийся над своими палачами!

Страстно рассказывает Горький в своих письмах о событиях 1905 года. И мы видим, как сам он в эту кипучую, горячую пору предсказанной им революционной бури с особенной силой чувствовал полноту жизни, счастье борьбы, посвящённой великой цели.

Превосходный знаток народной жизни, убеждённый сторонник Ленина, Горький хорошо понимал значение первой русской революции. Характерно в этом отношении его письмо от февраля 1905 года: «Прохвост Витте рекомендует меня иностранным корреспондентам как одного из главных деятелей «смуты». «Смуты» — каково? Они всё ещё полагают, что это смута, а не начало новой русской истории».

Ярко, с большой непосредственностью отражена в новом томе горьковского архива эстетическая, литературная позиция пролетарского художника на различных этапах предреволюционной русской жизни, его настойчивая и последовательная борьба за идейное, реалистическое искусство, утверждающее социалистические идеалы. Перед нами раскрывается процесс работы писателя над такими его произведениями, как «Фома Гордеев», «Дачники», «Мать». Мы узнаём также о целом ряде неосуществлённых, ранее не известных нам творческих замыслов писателя.

Много дополнительных штрихов вносит новая публикация горьковских писем и в историю русской литературной жизни первого десятилетия нашего века. Ещё яснее и чётче вырисовывается в опубликованной переписке поистине грандиозный размах неутомимой, плодотворной деятельности Горького — собирателя и организатора демократических писателей, инициатора бесчисленных культурных дел, революционного наставника молодёжи из трудовой среды.

Велико не только познавательное, но и эстетическое значение писем, включённых в пятый том «Архива А. М. Горького». Они оставляют глубокое впечатление своей образностью и эмоциональностью, живостью нарисованных сцен и картин, миниатюрными портретными зарисовками.

Пятый том «Архива А. М. Горького» за-

вершается письмом, написанным Горьким 12 октября 1906 года на пароходе, шедшем из Америки в Италию. Публикации остальных писем к Е. П. Пешковой будут посвящены следующие выпуски этого издания.

Настоящий том закрываешь со светлым чувством, ощущая всю справедливость пушкинского изречения: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Можно не сомневаться, что эта умная, по-настоящему человеческая книга привлечёт к себе внимание широкого читателя.

В этой связи нельзя не высказать пожелания, чтобы в будущем публикация ценнейших архивных материалов классика советской литературы приобрела более регулярный характер.

Судя по первому тому «Описания рукописей М. Горького», выпущенному Институтом мировой литературы Академии наук СССР ещё в 1948 году (кстати сказать, до сих пор почему-то не последовало обещанное продолжение этого ценного каталога), в личном архиве писателя сохранилось немало его неопубликованных прозаических набросков и стихотворений. Исключительный интерес в этом фонде представляют начатые, но не завершённые произведения Горького, посвящённые Советской стране, новому герою, рождённому социалистиче-

ской эпохой. Пора, давно пора познакомить читателя с этими любопытнейшими замыслами великого писателя!

Что касается характера издания томов «Архива А. М. Горького», то нужно заметить, что подбор и комментирование помещаемых здесь материалов не всегда удовлетворяют читателя. Наиболее крупные собрания горьковских писем, адресованные общественным деятелям, писателям, учёным, артистам и художникам, следовало бы, думается, публиковать вместе с письмами последних к Горькому. Образцом в этом отношении служит помещённая в последнем томе «Горьковских чтений» переписка Алексея Максимовича с Шаляпиным. Почему-то такой тип публикации ещё крайне редко практикуется Архивом А. М. Горького.

В примечаниях к пятому тому горьковского архива, принадлежащих Е. П. Пешковой, содержатся некоторые, к сожалению, весьма лаконичные её мемуарные свидетельства. Следует пожелать, чтобы при дальнейшей публикации собрания писем писателя к Е. П. Пешковой интереснейшим воспоминаниям её о Горьком было уделено значительно большее место. В примечаниях к изданию, о котором идёт речь, они будут вполне уместны и оправданны.

А. ШУМСКИЙ.

★

Жизнь, устремлённая в будущее

Повесть о детстве исторического лица или вымышленного героя можно написать в любом возрасте. Повесть о детстве, в которую в той или иной степени вложен свой опыт, свои воспоминания, в ранние годы не пишут.

Надо пройти немалый путь и подвести некоторые итоги для того, чтобы возникла потребность вернуться вспять и по-новому увидеть всё то, что встает перед человеком при «открытии мира».

Из этого не следует, что художник имеет право подменить детское сознание своим зрелым, сегодняшним; напротив, это самая серьёзная опасность, которая встает перед автором повести о детстве. Зрелое сознание лишь призвано помочь ему в понимании того, что было главным в детстве, в

чём заключалось то зерно, из которого вырос человеческий характер и родилась биография человека. Это драгоценное зерно отчётливо видно в повести о детстве Тимы Сапожкова, написанной Вадимом Кожевниковым.

Так что же было главным в детстве Тимы?

С этим человеком, десяти примерно лет, мы знакомимся в последние месяцы 1916 года, почти накануне Февральской революции, и расстаёмся с ним уже после Октября, который пришёл в сибирский город, где семья Сапожковых осела после ссылки, несколько позже, чем в Центральную Россию.

Мы узнаём и недлинную предисторию жизни героя, на долю которого выпало столько невзгод, что и взрослому в пору.

Он родился в ссылке, в Нарыме, а затем вместе с родителями попал уже вовсе к

Вадим Кожевников. Заре навстречу. Повесть. «Знамя» №№ 2, 3 за 1956 год.

чёрту на кулички, в чукотское селение Медвежья Лапа, перед которым и Нарым — нечто вроде курорта.

И позже, в сибирском городе, он узнал и нужду и тревогу за родителей, ушедших в подполье в дни власти Временного правительства. На его глазах жандармы хватали близких, контрреволюционеры убивали друзей. Он видел, как люди умирают от тифа, он переносил голод и одиночество, он побывал в лапах охранки и в приюте, больше похожем на арестантские роты, чем на детское учреждение.

И всё-таки Тима не был несчастным, как не были несчастными и его родители — ссыльные-большевики и их друзья.

С рождения Тима вошёл в среду самых чистых и самых смелых людей России, стал участником стремительной и гордой жизни, подчинённой непреложному закону — «так надо»; жизни, добровольно отданной великой задаче — приблизить революцию, завоевать будущее народа и всего мира.

«Ссыльные не выглядели несчастными и печальными», когда Тима увидел их на самом краю света. И герои повести с Тимой во главе ни при каких условиях не становятся несчастными.

Вся повесть по идейному смыслу своему отнимает у человека право чувствовать себя жертвой, вызывать жалость, покоряться обстоятельству.

Жизнь, устремлённая в будущее, делает осмысленным и наполненным настоящее, даёт людям — рядовым революции — силу и возможность встать над обстоятельствами. В сущности, и в судьбе родителей Тимы и в судьбе их друзей много тяжёлого, даже трагического. Но как гордо несут они эту тяжесть, оставаясь молодым, крепким, трудовым коллективом в условиях ссылки или подполья, сочетая высокую идейную непримиримость с величайшим уважением к человеку, со стремлением разъяснить, воспитать, направить любую силу в нужное для революции русло. И представителей народной массы — солдат, рабочих, крестьян — В. Кожевников также видит и изображает не как достойные народолюбческой жалости «жертвы». Нет, в согласии со славной горьковской традицией для В. Кожевникова самые главные люди те, которые живут и растут в сопротивлении среде, люди злые на зло, ершистые, непокорные.

После Февральской революции Тима заметил, что родители его, работавшие в гос-

питале, «особенно заботливо относились к самым злым и громко выражающим своё недовольство солдатам». И самые привлекательные представители народных масс в повести — от друга Тимы, Якова, первого драчуна в околотке, до солдата Егорова, механика Капелюхина с затона, деревенских бедняков Анкудинова и Копытова — принадлежат к этой славной породе.

Все те, кто больше помнит не поражения, понесённые в борьбе, а удары, которые удалось нанести врагу, все те, кто «на тихость людскую зол. На... безроптность», находят в повести пути к организованной революционной борьбе. Недаром же после Февральской революции, в дни острейшей классовой борьбы, Рыжиков — признанный руководитель местных большевиков — так учит молодого Кудрова использовать для агитации уроки 1905 года: «Ты исходи из объяснений Ульянова-Ленина, что такое девятьсот пятый. Ты больше вспоминай не как народ били, а как народ тогда за самую власть уже ухватился».

В изображении событий, жизни, быта, характера героев повести проявились новые стороны дарования В. Кожевникова.

В повести есть и та резкость письма, та острота и краткость, которые отличают лучшие произведения писателя — от повести «Март — апрель» до рассказов о китайских лодочниках и тянульщиках барж. Но в повести есть и глубокий лиризм и юмор — гневный, когда он обращён против мира эксплуататоров, мягкий — когда он касается жизни и отношений любимых героев.

У того лирического дыхания, которым овевана повесть, есть свой источник. Это образ матери — ещё один новый и прелестный образ матери в нашей литературе. И здесь, в судьбе и характере этой простой «технички» партни, с большой силой воплощена основная мысль произведения: значителен и счастлив тот, кто нашёл своё место на переднем крае исторических событий, кто живёт в согласии с теми силами, которые ведут народ к будущему.

Если смотреть с обычной точки зрения, то Варвара Николаевна Сапожкова — неудачница. Женщина с «прекрасным строгим лицом, со светящимися голубыми глазами», чьим голосом восхищалась сама Нежданова, не использовала своего исключительного дара. И вместо славы, богатства, успеха пошла жизнь по тюрьмам и ссылкам, с тяжёлыми материальными лишениями, тревогой за близких. И как же

она умеет быть счастливой, несмотря на это!

В ней ни на гран нет аскетизма, но прелестьную её женственность вполне удовлетворяет батистовый воротничок, купленный на дешёвой распродаже, а природную весёлую щедрость — бессмысленная, с точки зрения «бюджета» и «экономии», растрата своего копеечного жалования статистика городской управы. Ей и в голову не приходит, что сидеть на картошке и чёрном хлебе — это нужда. Её чудесной лёгкости не нужны обстановка, вещи.

Её разум, её убеждения в полном ладу с чувствами. И революционная работа естественно связана для неё не только с будущим народа, но и с будущим сына. Она борется и за то, чтобы Тима жил в мире, где не будет лжи, мерзости, угнетения человека человеком. И так же естественна, пряма, нестремима и любовь её к мужу, Петру Сапожкову.

Нет, отец — человек гораздо менее гармоничный, чем мать. Разум нередко приходит у него в разлад с чувством, он склонен к мудрствованиям, которые жена справедливо называет «интеллигентскими бреднями». Он и в воспитание Тимы пытается привнести некие довольно замысловатые и отвлечённые принципы. Он гораздо более, чем жена, мягок и нерешителен в своих отношениях с людьми, в своих мнениях.

Подруга матери, суровая Эсфирь, утверждает даже под сердитую руку, что он «болтается где-то между Плехановым и Мартовым». Но, когда дело доходит до главного, в этом интеллигенте вдруг проявляется та железная принципиальность революционера, то абсолютное бесстрашие, которое и позволяет матери сказать: «Пётр, какой ты у меня такой настоящий! Как я счастлива!»

Двух настоящих людей связывает и настоящая любовь — крепкая, помогающая переносить всю тяжесть и невзгоды избранного пути, и весёлая, молодая, потому что все герои повести, рядовые революции, будущие хозяева нашей страны в ту пору были ещё очень молоды.

И эту молодость, проявляющуюся во всём — в угловатой резкости споров, в застенчивой любви, в по-мальчишески немногословной дружбе и, наконец, после Октября, в смелом и порой неуклюжем освоении «техники» построения нового общества, — автор рисует с глубокой любовью, волнением, ласковым юмором.

У семьи, связанной естественными и крепкими узами, и «очаг» так же молод и чист. Милый дом, нищий дом, где Тима растёт, учится, дремлет с ощущением тепла и уюта под вой сибирской пурги и стук ветвей в окошко: «Тима тоже просыпался от жалобного стука ветвей в обледеневшее окошко. Ему хотелось сказать дереву: «Войдите». И он видел, как дерево входило к ним в комнату, нагибая под притолокой крону, увешанную хрустальными сосульками, и, застенчиво останавливаясь, отряхивало землю с корней у порога».

Если мир семьи Сапожковых, их друзей — большевиков и всех людей труда ясен, правдив и поэтичен, то совсем в ином освещении предстаёт перед нами мир эксплуататоров и их прихвостней.

Ложь, звериная жестокость, лицемерие — вот его основные приметы. И пользуясь всеми средствами «оскорбления зла» — от иронии до свирепой сатиры, — автор рисует и бывшего ссыльного-меньшевика адвоката Савича, «сделавшего карьеру» прихвостня буржуазии, и сибирских купцов и промышленников, и буржуазных сынков, охраняющих «порядок» в городе во время власти Временного правительства, и жандармов, и охранников.

В повести, особенно в первой её части, хорошо найдено равновесие между субъективным отражением событий в восприятии ребёнка и объективной исторической картиной этих событий. (Правда, порой к детскому восприятию всё же примешиваются мысли и чувства, свойственные совсем другому возрасту. Так, например, не по-мальчишески осмысливает Тима сложную личную судьбу жены Савича — Софии Александровны.) В судьбе Тимы, в каждом эпизоде, из которых складывается эта судьба, есть та ниточка, которая связывает его с большим миром исторических дел и вопросов. Так, например, в набитой плюшевой мебели, коврами, аляповатыми картинками квартире Савича, где Тима чувствует себя до крайности скверно и неловко, он видит и людей, которые вызывают у него такое же чувство неловкости и отвращения. И тогда автор уже имеет право повести читателя за закрытую для Тимы дверь кабинета, куда ушли гости, и показать, насколько обоснованным было чувство ребёнка. Именно там, в кабинете будущего городского головы Савича, вершат свои тёмные дела зубры буржуазной контрреволюции, кушцы и про-

мысленники Мачухины, Пичугины, Золотарёвы.

Малая судьба Тимы исторична. И В. Кожевников сумел это показать без авторского насилия и натяжек. Тиме приходится покинуть дом, когда родители ушли в подполье. Но он находит новый дом у сапожника Яна Витола — добродушного великана, работающего на то же великое дело, что и родители Тимы. И когда в связи с условиями революционной работы Яна Витола Тиме приходится идти «в люди», как мало похоже это пребывание «в людях» на горькую судьбу Алёши Пешкова! Хозяева Тимы — люди революции. Скорняк-татарин Мурзаев, гравёр-еврей Изааксон, сибирский крестьянин-бедняк Анкудинов — в жизни и труде всех этих людей и их семей Тима участвует как брат и сын, на личном опыте узнавая, что такое великая сила солидарности трудящихся и пролетарского интернационализма.

Но если во всей первой половине повести судьба Тимы естественно сплетена с судьбой взрослых героев и с основной темой произведения, то во второй половине связи эти ослабевают.

Пребывание Тимы в страшном «благотворительном» учреждении — в детском приюте, куда он попал после ареста Яна Витола, — клинивается в повествование, как совсем другое, не очень связанное с главным произведением.

Первая и вторая части повести не сливаются воедино. Столь полюбившийся читателю мир семьи Сапожковых и их друзей отходит куда-то вдаль. И образ Тимы, вырванный из мира, уже ставшего для читателей живым и близким, также теряет свою отчётливость и яркость. Во второй части повести его нередко заслоняют более активные и более «броские» фигуры приютских воспитанников.

Мы не говорим, что эта часть повести вовсе неудачна. Нет, и здесь в изображении буржуазной благотворительности, эксплуатации детского труда и неслыханного издевательства над детьми есть много сильного, яркого, своеобразного. И здесь есть приметы времени и подлинная историчность. Более того, можно понять, почему автору пришлось отделить судьбу Тимы от судьбы взрослых героев. Вести ребёнка в большевистское подполье не позволяла историческая правда. Но всё же эта вынужденная необходимость не только сделала повесть менее цельной, но и сказалась на художественном качестве второй её части. В главах, посвящённых пребыванию Тимы в детском доме, есть беглость, торопливость, порой переходящая в простой пересказ событий. Упрёк этот мы делаем автору именно потому, что художественная и идейная ценность повести, а также воспитательное её значение очень высоки.

Е. КНИПОВИЧ.

★

Лирика Леонида Мартынова

В издательстве «Молодая гвардия» вышла тоненькая книжечка стихов Леонида Мартынова. Примерно десятилетие отделяет её от предыдущей книги «Лукоморье», которая прочно закрепила за её автором славу поэта редкой одарённости, но «странного»... «Странность» Мартынова казалась тем камнем преткновения, который лёг поперёк дороги поэта к читателю. Условный «камень» этот затянуло понизу мхом, и критика, в лучшем случае, робко обходила его стороной. Впрочем, после невнятной разногласицы и более чем странных отзывов о произведениях Мартынова в печати последних лет замолчал и сам поэт: источник для разговоров о «странном» поэте таким образом и вовсе иссяк.

Леонид Мартынов. Стихи. Редактор В. Сякин. 104 стр. «Молодая гвардия». М. 1955.

А между тем «странность» поэзии Мартынова есть не более чем выражение яркой индивидуальности художника. Но в литературной жизни нашей из-под огня критики подчас благополучно уходили серые поэты с серыми стихами, зато доставалось в полную меру тем, кто выделялся над средним уровнем хотя бы таким «незначительным» преимуществом, как талант...

В последние два-три года за декларациями о многообразии поэзии начались и попытки практического знакомства читателей с оригинальными дарованиями.

Выход в свет книги стихов Л. Мартынова поэтому особенно отрадное явление. Современная русская поэзия значительно богаче, разнообразнее и глубже по мыслям, чем если бы о том судить по нашим книгам и журналам, выходившим до недавнего времени.

Если разложить солнечный луч на цветовую гамму, которая называется солнечным спектром, то мы получим бесчисленное количество оттенков. Дарования подобны оттенкам спектра. Их не учёшь, не подсчитаешь их постоянного количества. Но луч, тёплый, жизнедающий луч солнца, у которого «украдены», скажем, ультрафиолетовые лучи, уже не тот целебный луч, какой даёт зелёную жизнь листву и здоровую бронзовость телу. Так и в искусстве. Луч его только тогда целобен и жизнестроителен, когда не опущены составные его части, не затенены ни сложность жизни, ни очарование её. Немногим поэтам дано чувствовать и передать другим в сё богатство жизни. Тем более бережно должно собирать умение разных художников показывать нам многоцветные грани действительности.

Л. Мартынов обладает редким умением проникнуть в сущность явления, найти новые, смелые связи между, казалось бы, далёкими друг от друга фактами действительности. И в этом первая особенность его поэтического дарования. Его поэзия — явный антипод поэзии эмпиризма, приземлённого бытовизма. «Странность» стихов Мартынова — это «странность» стереометрии для ума, привыкшего мыслить на одной плоскости.

Мы стали забывать, что поэзия не всегда то, что уже есть, но иногда и то, что ещё будет. А угадать будущее без смелой фантазии, «отлёта» от реальности, как говорил В. И. Ленин, трудно. Отлёт от реальности, если это реализм, а не маниловщина в искусстве, предполагает мощное дарование, способное «прозреть» сущность явления в формах самой жизни. Одарённый, самобытный художник никогда не копирует жизнь, а творчески переосмысливает её художническим видением.

Вряд ли, конечно, можно признать удачным, а точнее — универсальным, такое определение творчества, какое даёт Мартынов в четверостишии:

Из смиренья не пишутся стихотворенья,
И нельзя их писать ни на чьё усмотренье.
Говорят, что их можно писать из презренья.
Нет!
Диктует их только прозренья.

Ни «смиренье», ни «усмотренье» не вызывают, разумеется, возражений — имеется в виду приспособленчество. Но «презренья» — это жар души. Хотел или нет того поэт, а последнее противопоставление звучит как апология искусства познания мира, но

недооценка искусства переделки его. Впрочем, дело не в декларации. Большинство стихов Мартынова проверяет его нечёткий тезис. Вопреки утверждениям поверхностных людей, которым герой поэзии Мартынова чудился в виде сказочника с лирой в руках, человека не совсем от мира сего, стихи и «Эрцинского леса», и «Лукоморья», и уж в огромной степени последнего сборника говорят о другом: об остром чувстве современности, об активности лирического героя.

В стихотворении «Эхо», открывающем сборник, Л. Мартынов даёт своё понимание лирики как тесного сплава личного и общественного. И то, что разговор об эпохе ведётся тихим, спокойным, «комнатным» голосом, особенно подчёркивает «привычность» сочетания большого и малого, широту мышления простого человека как характерное свойство XX столетия.

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах
И на всяческих пепелищах,
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, — это не плохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо.
Очевидно, такая эпоха!

Ценным качеством поэзии Мартынова является масштабность мышления. Он видит мир в целом, слышит ритмы эпохи, гул миллионов, пробудившихся от вековой рабской спячки. В стихотворении «Что-то новое в мире...» поэт раскрывает гуманистическую сущность искусства: оно немислимо без любви к человеку, без веры в человечество, без свободы и справедливости на земле.

Характерная особенность дарования Л. Мартынова: жизнь видится им символично, реальные отношения — между классами, между людьми одного общества, но разных жизненных устремлений — выступают в лирике Л. Мартынова опосредствованно, в образах аллегорических, а потому собирательных. Мартынов говорит о Человеке, о человечестве, но говорит так и такое, что мы ни на минуту не усомнимся в том, что только советский поэт середины XX столетия мог написать эти стихи.

А у нас часто ещё верят букве стиха, а не духу его! Разве не глашатай идей социалистического общества способен выразить и выражает сегодня передовые идеалы человечества — идеи дружбы между народами, людьми различных рас и племён? Разве затасканным когда-то буржуазно-либеральными фразёрами словам — «свобода», «добро», «равенство», «братство» — не возвращается ныне их коренной, первоначальный смысл? И разве, наконец, идеал гармоничного человека, который переключает свои творческие силы на раскрытие тайн материи, идеал гармонического человечества без классовых и расовых перегородок — разве это всё утопия? Конечно же, нет! Это коммунизм. А нет сейчас на земном шаре большей реальности, нежели воздвигаемый трудом освобождённых народов коммунизм.

В стихотворении «Мне кажется, что я воскрес...» Мартынов воспел Человека, его неугаданные, во многом ещё нераскрытые силы. Геркулес — это каждый человек, как бы говорит поэт, добрый, весёлый, не вырывающийся с корнями лес, не весящий трёх тысяч пудов, даже не ломающий спинку кресел, — и всё-таки он Геркулес, воскресший для иных подвигов во имя мира и счастья всех людей.

Итак,

К какому же решению
Он, человек, пришёл сейчас?
Он, человек, пришёл к решению
Не быть ходячею мишенью
Для пуль, и бомб, и громких фраз!

Как современные эти стихи! Сегодня пропаганда агрессивных кругов западных держав всё труднее находить в простом человеке «ходячую мишень» для «громких фраз» о коммунистической опасности. И тем меньше шансов, что этот человек согласится стать мишенью для «пуль и бомб»!

Поэзия Мартынова живёт предчувствием тепла, доброты, радости, вырастающей в волнуемый символ всемирного освобождения человечества от лжи, войн, социальных потрясений. Мартынов — певец сил добра, света, тепла, гаящихся до поры, но готовых ожить, предстать во всей своей красе («Зной», «Любовь», «Градус тепла», «Мороз», «Бывает так: во время стужи...»).

В причудливых ассоциациях связаны в стихах Мартынова стихии первозданного хаоса и разумной целесообразности подчинённой человеку природы. Кружатся, как

волшебники, вихри холода и тепла. «Какие-то крылатые созданыя» пьют росу из тракторного следа. Над землёй громоздятся «облаков вавилонские башни», «буйствует, врываясь в шлюзы, зеленоглазая вода».

Но в том, что стихии природы одушевлены и персонифицированы, нет никакой мистики, гримас жизни. С природой у Мартынова установлены очень тёплые, «человеческие» отношения. Если для поэзии прошлых веков антропоморфизм был выражением подчинения человека силам природы, то у Мартынова — представителя поэзии нового времени — одушевление неодушевлённого мира есть подчинение его человеком, господство воли раскрепощённого разума.

Рассудок может сдвинуть горы,
Когда мешают эти горы
Увидеть правду наяву.

Человек — главный герой поэзии Мартынова. Природа говорит, дышит, участвует в дуэте с человеком постоянно, но она нужна поэту главным образом для выражения социальной мысли человека, его общественно-го бытия. Когда мы читаем о том, как потеплел и смягчился закатный луч, как он «перестал на всё коситься», — в этом столько чисто человеческого подтекста, что переосмысление первичного значения («коситься» — уменьшать угол наклона луча) в переносное («коситься» — смотреть недоверчиво, злобно, подозрительно) абсолютно естественно. На наших глазах рождается свежая метафора. «Градус тепла» настолько дорог для нас с поэтом, что мы, в сопереживании с ним, создаём образ «птенца», «малютки», заботливо думаем о том, что малютке «градусу» трудно будет дойти «до первопутка». Так градус стал живым существом, отделился от термометра и затопал маленькими ножками... Вот тает снег, обнажая «перчатки, шпильки, ржавые крючки», след колёс, запечатлённый на стынущей осенней земле, «и всё другое, что зимой в сугроб заброшено подалее от жилья». За этим стоит мысль своевременная, заботливая: весной, радуясь теплу, оживает и всяческая гниль, надо учитывать и это.

Поэзия Мартынова дорога и тем, что она расковывает чувства, расправляет крылья человеческой мысли, показывает красоту дерзания, поиска, неутомимого познания мира. Пафосно, страстно зовёт поэт «всё на

земле унаследовать: капища, игрища, зрелища, истины обнажённые, мысли, уже за-рождённые, кисти, уже погружённые в краски, уже разведённые». Здесь явственно проступает мысль о наследовании культурных ценностей, о цивилизации как традиции.

Поэту чуждо и ненавистно всё, что закрепощает душу человека. В стихотворении «Страусы» Мартынов создаёт выразительный образ мещанства, которое, даже спрятав голову под крыло, встревожено: «А вдруг кому-нибудь покажутся ножами их подмышки потные, куда, как шпаги, ключи вложены». Ему жаль «дистиллированную» воду, которой не хватает главного — жизни.

Мартынов — певец естественности. Без неё нет красоты. До сих пор во многих стихах природа «переодевается», стилизуется, напоминая постоянный задник декорации провинциального театра: условные берёзки, условные черёмухи и условные закаты. Кажется, пахнет клеем и сырой бумагой. Как тысяча первая копия картины не вдохнёт новой жизни в искусство, так ничего не скажут читателю многочисленные «пейзажные стихи», где луга сравниваются с коврами, мох — с парчой, а роса — с бриллиантами! «Надо без опаски увидеть мир, каков он есть», — призывает поэт.

У Мартынова много гордых, сильных строк о цельности, твёрдости человека. Он знает, что главное — «не продать душу», главное — это вера в принципы человечности и свободы. Надо жить в этом мире честно, свободно, прямо, не теряя самоуважения. Корыстолюбие, расчёт, жизнь скользкая и фальшивая как-то даже удивляют героя Мартынова. Он чист, неподкупен, иногда по-детски наивен. Но эта-то наивность и составляет особое очарование поэзии Мартынова.

Четверостишие о змее на первый взгляд аллегорически примитивно; но это только на первый взгляд.

И вскользь мне бросила змея:
«У каждого судьба своя!»
Но я-то знал, что так нельзя —
Жить извиваясь и скользья.

Одно это определение — «вскользь... бросила», то есть мимоходом, как бы незначай, уже характеризует увёртливость, нежелание «собеседника» поэта останавливаться на скользкой теме. И — в рамках

образа змеи — это «вскользь» приобретает двойной, теперь и образительный смысл, совершенно так же, как в последней строке — «извиваясь» — получает, кроме прямого, зрительного, характеризующего движение змеи, переносный смысл, означающий беспринципность, скрытую мещанской же фразой о «своей судьбе». Стихотворение выводом своим лишает обывателя права на особую от всего общества жизнь — жизнь приспособленца. Четыре строчки — на первый взгляд наивные. Но сколько затаённой тревоги, бдительности и брезгливости, наконец, глубокой убеждённости («Но я-то знал, что так нельзя...») в этих четырёх строчках!

Она очень светла, внутренне празднична, поэзия Мартынова, хотя напряжение, борьба, диалектика чувства присущи ей непременно. Жизнь идёт в верном направлении, как бы говорит поэт, и какие бы ни были «перебои» в «такте жизненном простом», всё в конце концов встанет на нужные места: «и шум листвы, и свет, и мрак». Но главное: «навек ясен разум». Не кажется случайным, что свет всегда торжествует над мраком в стихах Мартынова. Ночь зреет, набухает светом грядущего дня; середина века обещает торжество разума на земле; дыхание людей в сорокаградусный мороз вырастает до символа надежды на «лето, величайшее на свете», посреди столетья, одетого в цветы. Может быть потому, что предощущение весны всего человечества, «нового в мире» постоянно брезжит между строк Мартынова, его стихам свойственны романтические интонации, пафос пророческий, трубный.

Если напряжённо-взволнованная речь ранних стихов Мартынова была временами чрезмерно аффектированной, клочковатой, подчёркнуто алогичной, то в последней книге отчётливо другое начало: гармоническая ясность, размеренно содержательная речь. Однако внутренний огонь его поэзии не только не погас, но разгорелся мощным пламенем. Мир так же звучен, так же находится в цветении, но он получил большую глубину и перспективу.

В стихотворении «Удача» эта мысль выражена поэтически так:

Жизнь моя всё короче, короче,
Смерть моя всё ближе и ближе.
Или стал я поэтому зорче,
Или свет нынче солнечный ярче,
Но теперь я отчётливо вижу,
Различаю всё чётче и чётче,
Как глаза превращаются в очи,

Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи.

В прошлом мастер исторической темы, Мартынов и в последней книге дал прекрасные образы «оживления» истории («Камин», «Музыкальный ящик»). На стихотворении «Двадцатые годы» хорошо видно, как мастерски решает Мартынов историческую тему, как лаконичные детали, взятые из разных, порой далёких планов, создают цельную картину волнующего времени, когда «строилась, дыбилась», говоря словами Маяковского, молодая Республика Советов.

Помню
Двадцатые годы —
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колочки.

Помню
Недвижные лифты
В неотапливаемых зданиях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданиях.
. . . . .

Помню
Фанерные крылья
И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немы.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколения.

Богатство подтекста — неоспоримо сильная сторона поэзии Мартынова. В хороших стихах так и должно быть: грубо говоря, семьдесят процентов работы поэта и тридцать процентов — читателя. Это значит, что стихи могут быть «недоделаны». Но это значит, что читатель стиха должен самостоятельно подумать и дорисовать что-то в соответствии со своим личным опытом жизни, глубиной понимания и вкуса. Однако у Мартынова есть стихи как бы «недопроявленные» в образах, где читателю остаётся семьдесят процентов работы. А это уже поэтические кроссворды. Так написаны «Листья», «Богатый нищий» (в альманахе «Литературная Москва»). Кажется мне, что не очень глубоко мартыновские «Моря», что

стихотворение «Возвращались солдаты с войны...» выдержано в несвойственной поэту манере нравоучительной притчи.

В начале рецензии я говорил об ошибочной декларации поэта. Описка ли она? Да. Но описка не случайная. Между «прозреньем» и «презреньем» больше звуковой связи, нежели смысловой. Мартынову не чуждо блоковское ощущение мира, как музыки. У него более, чем у какого-либо современного русского поэта, за исключением, может быть, Б. Пастернака, ощутимо интуитивное начало в творчестве. Это не всегда и не везде идёт в помощь таланту. Особое строение стиха Мартынова, когда созвучие распространяется не только на концы строк, но порой и на целые смежные строки, в основе своей — то же следствие господства музыкально-организующего начала. Мартынов не был бы мастером стиха, если бы рабски следовал «колдовству» слов. В лучших стихах мысль поэта выражается органически, а внутренняя созвучность строк не кажется самоцелью. Но там, где мысль стиха не отличается новизной и оригинальностью, манера воспринимается как манерность, а широта подтекста оборачивается беспредметностью. Вероятно, и описка в декларации объясняется этим. Отчасти же мешает поэту, я думаю, и слишком общий взгляд на предмет, который требует именно конкретного, пристального, дифференцирующего взгляда; например, стихотворение о середине века только выиграло бы, если бы Мартынов как-то поточнее определил лагерь «мрази» разной. . .

Я не коснулся и десятой части проблем, какие возникают при чтении этой талантливой книжки своеобразного художника. Но мне хотелось бы подчеркнуть главное: поэзия Мартынова социальна, современна, активна. Современен её стих, пафосный и в то же время аналитически точный, речь — концентрированная и метафоричная (это — в тенденции развития стиха XX века). Современен и самый тип её лирического героя, с его духом познания и благородного беспокойства за судьбы мира.

Владимир ОГНЕВ.

Всемогущие руки

Законмерно и естественно, что маленький читатель так жадно раскрывает книги, которые заселены людьми героических профессий и ремёсел.

Старожилы дрейфующих льдин, обитатели Северного полюса и полярники, живущие в посёлке «Мирный», в белом безмолвии Антарктиды. Водолазы, которые опускаются в плотную, будто спрессованную воду океанских глубин, и отважные охотники за тиграми, следопыты Уссурийской тайги. Радисты высокогорной метеостанции, живущие выше облаков, где-нибудь на Памире, и археологи, ведущие раскопки древнего города, занесённого злыми песками пустыни.

Свежий ветер романтики овеивает страницы таких книг, увлекая за собой маленького читателя в далёкие путешествия и смелые экспедиции, побуждая к подвигам, разжигая его любознательность и воображение, заставляя волноваться и переживать за героев.

Но есть другие ремёсла, профессии, специальности; они лишены яркой романтической окраски, но полны, однако, скрытой героики. Несмотря на кажущуюся будничность, в этих профессиях есть свой пафос, своя заманчивая слава.

Евгений Мар идёт в своей работе по трудному пути: автор хочет возбудить у маленьких читателей интерес к профессиям, к предметам, вещам, зданиям, к утвари и мебели — ко всему, что окружает детей, к улице, на которой они живут, к школе, в которой они учатся, ко всему, что уже примелькалось. Автор старается разжечь у детей горячее любопытство к строительству, которое развёртывается вокруг них.

В многообразной армии строителей есть, оказывается, свои разведчики; к ним на равных правах можно отнести искателей воды для будущих городов, проходчиков туннеля метро и верхолазов-монтажников, которые первыми взбираются по конструкциям на верх будущего здания, прокладывая туда дорогу и сварщикам, и кровельщикам, и облицовщикам.

Евгений Мар. Дом, в котором ты учишься. Редактор С. Миримский. 96 стр. Детгиз. М. 1954.

Евгений Мар. Точка на карте. Редактор М. Зубков. 100 стр. Детгиз. М. 1954.

Евгений Мар. О простом железе. Редактор М. Брусиловская. 79 стр. Детгиз. М. 1955.

Так, например, Евгений Мар знакомит читателей с известным в нашей стране верхолазом Тарунтаевым и показывает романтику его профессии.

Автор расчётливо и умело протягивает ниточки, связывающие верхолаза с лётчиком, моряком, и профессия верхолаза, как она того и заслуживает, представляется маленькому читателю истинно героической.

А разве не заманчиво, например, быть архитектором, проектировать город?

Какой властью обладает проектировщик городов, какая созидательная сила в его остро отточенном карандаше, когда он вычерчивает будущие улицы, жилые кварталы, и какая разрушительная сила в его резинке — вот он стёр только что возведённую школу и нарисовал её сызнова, передвинув поближе к зелени.

Советская современность окружает ребёнка великим множеством ярких, впечатляющих фактов и событий. Но именно потому, что мы так богаты новшествами, что так быстро меняется и пейзаж наших городов и вся география нашей страны, необходим строжайший отбор фактов, умение найти самое значительное. Детскому писателю, работающему в жанре художественно-популярного очерка, нужно повернуть примелькавшиеся факты новыми гранями и столкнуть их между собой так, чтобы при этом высечь искру нового видения. И при яркой вспышке авторского открытия в ином свете предстанут перед маленьким читателем знакомые предметы, вещи, постройки.

Евгений Мар умеет добывать этот животворный огонь, впечатляющий ребёнка, умеет по-своему осветить вещи, предметы и факты. Автор, за редкими исключениями, избегает риторики, утомительной назидательности, которая всегда оскучивает книгу, быстро разочаровывает маленького (да и взрослого) читателя и вносит в отношения между автором и читателем противный холодок.

Книги Евгения Мара заставляют вспомнить о традициях замечательного писателя М. Ильина, искусно помогавшего детям увидеть и осмыслить мир во всём его многообразии.

Книга «Дом, в котором ты учишься» побуждает ребёнка пристально и с жадным любопытством приглядеться к своей школе, с уважением подумать о труде людей, кото-

рые построили её здание, сделали парты, напечатали учебник, составили географическую карту, изготовили перо, карандаш и тетрадь.

Ребёнок с интересом узнаёт о том, как занимаются дети в школах, открытых в Арктике и в пустыне Кара-Кумы, в высокогорном дагестанском ауле и в кочующей школе, созданной для детей оленеводов Крайнего Севера.

С чувством гордости за свою страну узнают дети историю «Тамариной остановки». Так стал называться безымянный разъезд на одной из южных железных дорог. Дочка путевого обходчика Тамара ходила пешком за шесть километров, а после приказа из Москвы на разъезде дважды в день стал останавливаться местный поезд: Тамару подвозили в школу, и затем она приезжала домой.

Ребёнок не останется равнодушным, прочитав в книге о школе под старым дубом, где во время войны занимались дети партизан. Бумагу для ребят партизаны добыли в бою. А учитель, Николай Петрович Васильков, сам сделал школьные счёты. Только вместо костяшек на этих счётах передвигали еловые шишки...

Любопытно, что после первого издания книги «Дом, в котором ты учишься», сами школьники предложили внести много добавлений, которые нашли место в заключительной главе второго издания.

Есть ещё у нас, к сожалению, наивные люди, которые полагают, что мужество можно воспитать одними докладами о мужестве и что можно воспитать в ребёнке упорство и настойчивость одними поучениями, без того, чтобы привить ему трудовые навыки.

Рассказывая о мужестве, Евгений Мар приводит своего читателя к истокам подвига, помогает понять «происхождение» героизма.

Многие ли знают, что знаменитый герой Советского Союза Алексей Маресьев был одним из первых строителей Комсомольска-на-Амуре? «Я никогда не забуду, — вспоминает Алексей Маресьев, — с каким энтузиазмом мы взялись за раскорчёвку девственного леса, за постройку первых жилищ... Целыми днями мы рубили лес, выкорчёвывали краксистые пни, а когда спустилась ночь, раскладывали костры, грелись у их огня».

А многие ли знают, что начальник знаменитого на строительстве Волго-Дона шагающего экскаватора «ЭШ-14-65» Анатолий Усков работал в тех самых местах, где он воевал в годы Великой Отечественной войны?

К сожалению, автор не рассказал нам об Ускове подробнее, чтобы отчётливее проявился его характер.

В книге «Точка на карте» содержится множество интересных фактов, связанных с рождением, ростом, возмужанием и расцветом наших городов, которые становятся всё краше, богаче, наряднее. Но там, где заходит речь о строителях городов, автор иногда ограничивается досадной скороговоркой. Хотелось бы узнать больше достоверных и поучительных жизненных историй, подобно истории верхолаза Тарунтаева, а введённые автором фигуры трёх условных строителей, строящих новый условный город на Волге, не живут в книге, так как лишены плоти и крови. Эти условные строители — Туманов, Новиков и Соловьёв — лишены не только характеров, но, наверное, и теней своих.

Трудную задачу взял на себя Евгений Мар, решив рассказать в книге «О простом железе» детям среднего возраста про металлургию, чугун, сталь, прокат. Может быть, и не весь технический материал книги сможет переварить маленький читатель, но основную задачу автор решает успешно.

Лучшая глава книги — «Враги и друзья железа», где очень выразительно рассказано о ржавчине.

Хочется пожелать Евгению Мару более смелого овладения новыми формами повествования. Как иногда обогатил бы такую книгу диалог! Автор же, даже когда он устраивает на своих страницах переключку металлов, не позволяет каждому из металлов высказаться «самому», но пересказывает их «речи». Скупая сдержанность в описании интересных фактов вовсе не исключает их яркой эмоциональной окраски.

Автор должен уделять больше внимания композиции, овладевать формой, чтобы книга не рассыпалась на множество хотя и добротных, но недостаточно крепко связанных между собой глав.

Евгений ВОРОБЬЕВ.

Так работал Станиславский

Далеко не все сейчас помнят о том, сколько труда отдал Станиславский оперному театру, сколько опер поставил он сам или его помощники по созданному им плану? «Евгений Онегин» и «Царская невеста», «Майская ночь» и «Золотой петушок», «Богема» и «Тайный брак», «Борис Годунов» и «Пиковая дама», «Севильский цирюльник» и «Риголетто»...

Лет тридцать пять назад мне, тогда молодому, начинающему певцу, посчастливилось быть в коллективе энтузиастов оперной студии, а потом и театра имени Станиславского, которыми руководил сам Константин Сергеевич, и с его помощью подготовить партии Ленского, Альмавивы, Эрнесто, Юродивого и герцога Мантуанского. Как человеку, не только участвовавшему во всех спектаклях, но и хорошо помнящему все подробности репетиционного периода, мне особенно приятно было увидеть вышедшую в свет книгу П. Румянцева «Работа Станиславского над оперой «Риголетто».

Эта книга посвящена последним годам деятельности Станиславского в музыкальном театре. Вначале П. Румянцев излагает общие принципы, основные взгляды Станиславского на искусство оперного певца. Автор показывает несостоятельность взглядов тех узких «специалистов» оперы, которые огульно зачёркивают всё то, что сделал великий реформатор сцены в музыкальном театре. А между тем помнить, знать, что именно он сделал, важно сейчас более, чем когда бы то ни было. Застой в оперном искусстве, который сейчас наблюдается, настоятельно требует всё нового и нового возвращения к наследию таких мастеров, как Станиславский. Прибавьте к этому, что ныне, даже в театре его имени, не сохранилось, за исключением редко идущего «Онегина», ни одной его постановки, и вам станет ясно, что выход любой хорошей книги, воскрешающей методы работы и традиции Станиславского, можно только приветствовать.

Станиславский предъявлял к артистам оперы требования куда более широкие и глубокие, чем кто бы то ни было до и после него. «Надо...— говорил он,— чтобы певец знал не только свою вокальную партию, а всю музыку (разрядка моя.— А. О.),

партии всех тех, кто находится с ним на сцене». Он настаивал, что «певец должен быть совершенным в музыкальном отношении, что вокальное искусство и сценическая техника (внутренняя и внешняя) связываются друг с другом музыкой, которая является главным побудителем действия певца на сцене. Только музыка даёт жизнь условному оперному искусству. Она определяет содержание и характер живого человеческого образа...»

Я могу засвидетельствовать, что автор здесь совершенно точно передаёт дух требований Станиславского, который, ставя любые, даже самые смелые, самые неожиданные сценические задачи в опере, исходил из её музыки. Главным для него была гармония различных элементов оперного спектакля, гармония, вне которой вообще нет искусства.

Очень важно, с моей точки зрения, в рассматриваемой книге то, что она подчёркивает правило Константина Сергеевича — приступать к разучиванию вокальных партий только тогда, когда участникам спектакля ясна вся его концепция. Приглядываясь к нынешней работе в театрах, я с прискорбием должен констатировать, что их руководители то ли не знают, то ли забыли это замечательное правило, отсюда — механическое разучивание партий вне общей связи с остальными ролями, с остальными компонентами спектакля.

Станиславский требовал пения, прежде всего пения. Он требовал и «чувства музыки», чувства её ритма и, помню, очень сердился, когда мы на репетициях, не уловив ритма, не «войдя в него», просто «вступали» в нужный момент и начинали свою партию. «Позвольте, — останавливал нас Константин Сергеевич, — вы уже не можете начать петь так, как требует композитор, потому что не живёте его ритмом, ритмом его музыки. Найдите этот ритм! Начните сначала!» И мы начинали сначала, иногда тратя на одну фразу по несколько часов. Но от одной фразы, сделанной и отточенной вместе со Станиславским, шло понимание всего остального. Уже одно то, что Румянцев хорошо показывает этот процесс, поможет его книге стать настоящей у любого оперного режиссёра, дирижёра, артиста, педагога и студента-вокалиста.

В книге приведены слова Константина Сергеевича, свидетельствующие о его глу-

П. Румянцев. Работа Станиславского над оперой «Риголетто». Редактор И. С. Кузнецов. 168 стр. «Искусство». М. 1955.

боком понимании того, что есть главное в оперной музыке: «Речитативы никогда не могут быть сущностью оперы (знают ли это утверждение Станиславского современные композиторы? — А. О.). Это только орнамент. А есть особая прелесть в арии, спетой с музыкальной отчётливостью и так же отчётливо сыгранной во всех движениях. Вот где нужно органическое соединение слова, пения и движения».

Станиславский заставлял петь так, чтобы перед глазами слушателя возникала картина, которую рисует человеческий голос.

Уча нас, он всегда приводил в пример Шаляпина. Шаляпин был именно тем артистом, который органически сочетал пение, игру, слово.

Я не хочу сказать, что методы работы Станиславского над оперой, как какой-то универсальный рецепт, применимы абсолютно во всех деталях ко всем оперным театрам. Но основные положения — об органическом сочетании различных компонентов оперного спектакля, о музыке как главном побудителе действия певца на сцене — очень важны, и если бы наши режиссёры, дирижёры и певцы изучили этот опыт, то наше современное оперное искусство и его вокальная сторона только бы выиграли.

Книга Румянцева ценна ещё тем, что в ней рассказано о работе Станиславского и над другими операми и над романсами, — словом, обо всём том, что было до начала работы над «Риголетто».

Разбирая деятельность Станиславского — режиссёра-постановщика оперы Верди, автор прежде всего показывает, как изучался им творческий замысел композитора и анализировался каждый акт и каждый эпизод, и даёт точную «фотографию» всего репетиционного периода. Это сделано с таким знанием дела, что даже непосвящённый читатель как бы приобщается ко всему трудному и увлекательному процессу работы: он видит, как постепенно обрастал спектакль мускулатурой, как он рос, вызревал, пока не перешёл из зала студии на её крошечную сцену, а потом и на сцену настоящего театра.

И здесь произошли некоторые изменения, о которых почему-то не упоминает Румян-

цев. Как первый исполнитель партии герцога Мантуанского, я могу уточнить, например, что окончательный текст баллады первого акта был не такой, как говорит Румянцев. Кроме канонического и нового текста, представленного Станиславскому, у нас был ещё третий вариант, и он-то и звучал в опере, звучал, как Застольная песня герцога. Причём она оказалась ещё более действенной, более отвечающей сценическому содержанию образов герцога, Чепрано, Риголетто. Были внесены изменения и в костюм, так как условия большой сцены потребовали этого; был отменён проход герцога в третьем акте, который отвлекал зрителя от главного — больших внутренних переживаний Джильды и Риголетто.

Вот об этих изменениях, происшедших при перенесении спектакля из студии на сцену, равно как и о том, что сделал, претворяя замысел Станиславского в жизнь, тогдашний главный режиссёр театра В. Э. Мейерхольд, обязательно, по-моему, надо было сказать. Мейерхольд пришёл к нам по приглашению Станиславского и принёс то, чего так не хватало тогда молодому коллективу: хорошую, яркую театральность, пластичный жест, как бы сливающий ритм движения с ритмом музыки.

Мне кажется спорной и одна частности, о которой я, как вокалист, не могу умолчать. П. Румянцев говорит, что сам по себе процесс пения не может быть искусством. Беру на себя смелость утверждать, что у хорошего вокалиста процесс пения — тоже искусство, высокое вокальное искусство.

Наконец, скажу несколько горьких слов и в адрес наших оперных театров. Когда появляется книга о чём-то новом, необычном в оперном искусстве, она должна вызвать споры, обсуждения, дискуссии. Но, увы, даже в Большом театре книга Румянцева не вызвала никакой реакции, как, впрочем, и вышедшая ранее книга Г. Кристи «Работа Станиславского в оперном театре» и статья И. Козловского «Об опере наших дней», опубликованная «Литературной газетой» ещё в июне 1951 года. Воистину, мы кое в чём ещё ленивы и нелюбопытны...

*Заслуженный артист РСФСР
А. ОРФЕНОВ.*

Мировое признание

Вещё при жизни приобрёл широкую мировую славу. В наши дни слава эта озарилась новым светом. Мицкевич предстал ныне во всём величии революционного поэта и борца не только у себя на родине, где свободный польский народ в героическом труде преворляет в жизнь его лучшие мечты, но и всюду, где простые и честные люди ведут упорную борьбу за свободу и справедливость, за мир и братскую дружбу народов. Всемирный Совет Мира выразил волю этих миллионов простых людей, когда призвал всё передовое человечество отметить исполнившееся 26 ноября 1955 года столетие со дня смерти Мицкевича. Широкий отклик, который этот призыв получил на обоих земных полушариях, ярчайшим образом продемонстрировал огромную популярность польского поэта и любовь, которой пользуются его гениальные творения.

Дань признания великому польскому поэту отдало и ЮНЕСКО — международное объединение по вопросам воспитания, науки и культуры при ООН, — выпустив в свет сборник статей «Адам Мицкевич». Эпиграфом к сборнику взяты слова Виктора Гюго: «Говорить о Мицкевиче — это значит говорить о красоте, о справедливости и об истине; это значит говорить о праве, борцом за которое он был, о долге, который он героически воплотил, о вольности, апостолом которой он являлся, об освобождении, провозвестником которого он был». В этом богато иллюстрированном томе напечатаны прекрасно написанный очерк жизни и творчества Мицкевича, принадлежащий перу известного польского писателя старшего поколения Яна Парандовского, статьи Жана Фабра «Адам Мицкевич и европейский романтизм», С. Советова «Мицкевич в России», Максима Леруа «Адам Мицкевич во Франции», Джованни Мавер «Мицкевич в Италии», Карела Крейчи «Мицкевич и литературы западных и южных славян» и этюд Юлиуша Клейнера «Польша в «Пане Тадеуше». В книге приведены отрывки из поэтических и прозаических произведений Мицкевича и высказывания о нём Пушки-

на, Монталамбера, Мишле, Жорж Санд и Эрнеста Ренана. Сборник заключают обзор переводов произведений Мицкевича на иностранные языки и краткая библиография этих переводов.

Статьи, помещённые в томе, проникнуты явным стремлением возможно глубже осмыслить затрагиваемые проблемы, и, главное, они пронизаны высоким уважением к жизненному и творческому подвигу Мицкевича, к его поэтическому гению. Должно только отметить, что в некоторых статьях имеются суждения и оценки, не учитывающие того нового, что внесло в науку о Мицкевиче польское литературоведение в течение последнего десятилетия. Даже в статье Яна Парандовского мы находим решительно отвергнутое ныне мнение, что в «Конраде Валленроде» есть черты «макиавеллизма», что Мицкевич в течение всей своей жизни, в своём творчестве и в своих политических декларациях, был проповедником мессианских идей. Жан Фабр совершенно правильно подчёркивает воинствующий характер романтизма Мицкевича, целью которого всегда и неизменно было освобождение народов, в первую очередь польского народа. Но нельзя согласиться с его утверждением, что Мицкевич считал Пушкина подражателем Байрона и Вальтера Скотта, а в Байроне будто бы видел лишь «мистическое звено, соединяющее великую славянскую литературу с литературой Запада». В заключительной части статьи Жан Фабр отмечает, что последние двадцать лет своей жизни Мицкевич отдал борьбе, но делает при этом вызывающий недоумение вывод: «Но чего стоят его дела и его слова, если в нём умер поэт?»

Максим Леруа в статье «Мицкевич во Франции» сосредоточивает внимание на деятельности поэта в сороковые годы, на его общественно-политических и философских взглядах. Высказывая ряд интересных и правильных суждений, автор, однако, часто исходит в своих определениях из «религиозности» Мицкевича, причём не даёт должной оценки его революционной роли в период организации польских легионов в Италии и редактирования «Трибуны народов».

Из остальных статей сборника некоторую неудовлетворённость оставляет статья

„Adam Mickiewicz. 1798—1855“. Hommage de l'UNESCO à l'occasion du centième anniversaire de sa mort. 279 p. UNESCO. 1955 («Адам Мицкевич. 1798—1855». Сборник статей к столетию со дня смерти. 279 стр. ЮНЕСКО. 1955).

С. Советова «Мицкевич в России». Статья эта была одновременно напечатана в расширенном виде в польском журнале «Памятник литераки» под названием «К вопросу о формировании реализма в творчестве Мицкевича» с подзаголовком «Период пребывания поэта в Одессе». Статья соответствует заглавию и подзаголовку польского издания, но не охватывает темы, определяемой заглавием в сборнике ЮНЕСКО. Читатель недоумевает, почему в статье даётся подробный разбор «Крымских сонетов» и лишь мельком говорится о «Конраде Валленроде», почему в ней освещён только одесский период и нет ничего о периоде после декабрьского восстания, о трёх годах, прожитых поэтом в Москве и Петербурге. Надо при этом добавить, что в таком сборнике нужна была именно статья, освещающая весь период пребывания Мицкевича в России, рассказывающая о том влиянии, которое оказывало общение с русскими революционерами и с русскими литераторами на всё творчество польского поэта, на развитие его эстетических и политических воззрений.

Значительный интерес представляет статья Дж. Мавер «Мицкевич в Италии». В ней нашли подробное освещение итальянские связи польского поэта, отношение видных представителей итальянской интеллигенции к его творчеству, отклики, которые получила деятельность Мицкевича в Италии в 1848 году. С особенной тщательностью собраны в статье высказывания о Мицкевиче виднейшего итальянского революционера XIX века Джузеппе Мадзини. Многие материалы, привлечённые автором,

оставались до настоящего времени вне поля зрения польских исследователей.

В столь же интересной статье «Мицкевич и литературы западных и южных славян» Карел Крейчи, не раз уже писавший на эту тему, даёт сжатый и краткий обзор взаимоотношений польского поэта со славянскими писателями Яном Колларом, Вацлавом Ганкой и другими. В статье говорится и о переводах произведений Мицкевича на славянские языки. В переводах приняли участие виднейшие поэты всех славянских народов, начиная от Ивана Вазова и Святоплука Чеха и кончая недавно умершим Францишекком Галасом, переведшим «Гражину», «Дядю», «Конрада Валленрода» и оставившим незаконченным перевод «Пана Тадеуша».

Книга о Мицкевиче, выпущенная ЮНЕСКО, безусловно, займёт достойное место среди других многочисленных публикаций и высказываний, которые появились в связи со столетием со дня смерти великого поэта. Самый факт выпуска книги этой организацией, раньше не всегда отстаивавшей в своей деятельности прогрессивные позиции, приобретает немаловажное значение. Материалы, помещённые в сборнике, несмотря на отмеченные недостатки в некоторых статьях, будут содействовать популяризации творчества Мицкевича в западноевропейских странах. В юбилейную литературу о Мицкевиче книга эта войдёт как слово деятеля литературы старшего поколения, проникнутое искренней любовью и уважением к великому польскому поэту.

М. ЖИВОВ.

★

Роман Уилсона «Брат мой, враг мой»

Тема научного творчества, героизм и поэзия создания нового в науке занимают в художественной литературе место удивительно малое в сравнении с их значением в сегодняшней жизни человечества. Вот почему каждая удача на этом пути становится литературным явлением. В зарубежной литературе, известной советскому читателю, к такого рода удачам, на мой взгляд, относятся романы Синклера Льюй-

Митчел Уилсон. Брат мой, враг мой. Роман. Перевод с английского Н. Тренёвой. «Иностранная литература». №№ 2, 3, 4 за 1956 год.

са «Мартин Эрроусмит», Кронина «Цитадель», Белчина «В маленькой лаборатории» и роман Митчела Уилсона «Живи среди молний». Опубликованная недавно в журнале «Иностранная литература» первая книга нового романа Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой» пополняет этот маленький список.

В ветхой автомобильной мастерской-гараже два молодых инженера, братья Мэллори, работают над созданием электронно-лучевой трубки для телевизионной передачи. Идёт 1926 год, время бурного отторчества современной техники, становления ны-

нешней мощной радиотехники, электроники, скоростной авиации, время подступов к штурму атома. Телевидение — чудесные глаза сегодняшнего человека — тогда впервые явилось как технически реальная задача. Проблема создания телевидения в какой-то степени отражала характер расцвета американской техники тех лет, её лихорадочных темпов накануне мирового кризиса 1929 года. Это состояние, пожалуй, лучше всего ощущается в образе Дуга Волрата. Лёгкий, быстрый успех в любом начинании сопутствует Волрату с момента появления его в романе. Есть нечто роковое в том, что Волрат — первый герой, с которым мы знакомимся, открывая роман. Чем дальше, тем яснее проступает в удачливости этого человека какая-то зловещая бессмысленность его метаний.

И Дэви, и Кен Мэллори, и их сестра Марго, и Дуг Волрат, и Вики — все они, в сущности, молодые люди. Но всякий раз убеждаешься, что близость их возрастов усиливает разность их характеров. Общее у каждого из трёх членов семьи Мэллори — их любовь друг к другу. Любят они по-разному. Для Дэви его старший брат Кен — это талант, это всемогущий, обаятельный, блестящий кумир. Дэви влюблён в Кена, слепо верит ему, принося ему в жертву свои чувства. Часто думаешь, что Кен эгоист, собирающий дань с любви к нему брата и сестры. Но он тоже любит их — по-своему, горячо и требовательно. Да, его любовь эгоистична, это любовь собственника, потому что и Марго и Дэви для него часть его души, его мозга, его тела.

Любовь как непрерывное движение, изменение, борьба и как полный неожиданностей драматический процесс составляет одну из двух главных тем романа. Он весь окружён, насыщен атмосферой любви, порождающей и ненависть и счастье, ломающей и изменяющей судьбы и характеры.

Это любовь разных людей, со всеми её тончайшими оттенками и резкими столкновениями, во всём бесконечном разнообразии её проявлений. Отношения Марго к Дугу Волрату больно ранят именно Кена, с его самолюбием, остро чувствующим всю униженность для сестры этой любви к человеку, который стоит неизмеримо выше их на лестнице славы, богатства и удачи. В любви самой Марго причудливо сплетены чистота и чувственность, корыстная мечта о красивой жизни, о прекрасных городах, куда она может мчаться в роскош-

ной машине Волрата, и гордость трудового человека. Эта противоречивость в соединении с не менее сложной противоречивой натурой Волрата порождает непрестанную борьбу чувств с трудно объяснимыми победами и поражениями, которые, тем не менее, ни разу не вызывают сомнений.

Марго слабеет и падает в своей борьбе с Дугом и снова поднимается и снова отстаивает своё достоинство, свою маленькую мечту. Женским инстинктом возлюбленной Марго лучше, чем сам Дуг, понимает двигающийся на него страх, ощущение собственной пустоты. И гибель Марго воспринимается как смерть того лучшего, чистого, что было у Волрата.

Но, может быть, наибольшей художественной силы автор достигает в истории любви Дэви и Вики. Чувство Дэви возникает с момента приезда Вики в их маленький городок. На глазах у Дэви протекает роман Кена и Вики. Для Кена встреча с Вики — очередное увлечение. Он производит на девушку впечатление, не прилагая никаких усилий. Это — то бессознательное обаяние, которое он щедро, без различия расточает окружающим. Заметив откровенно-неумелое волнение Вики, он с удивлением думает: «А ведь легко сделать так, что она в меня влюбится...» И делает это, убеждая себя, что дурачится, не догадываясь о страданиях Дэви. Ему ничего не стоит поручить Дэви уладить свою ссору с Вики, утешать её и врать ей за него. С той же лёгкостью гаснет его любовь, как только он видит Вики сломленной и покорённой. Он жесток, он бессердечен, он даже пошёл. Но это — не разоблачение героя, это узнавание человека, которого есть за что любить и в котором поэтому так ненавидишь его пороки и слабости.

Сцены эти превосходны по своей психологической проникновенности. Как на изломе металла видна его структура, так и здесь, на внезапных поворотах в состоянии героев, обнажается всё существо человека. Вики залепляет Кену пощёчину, называя его негодяем, и тут же, обвив руками его шею, рыдает, не в силах справиться с своим чувством любви. Именно в эту минуту неожиданно для нас и для самого Кена, только что преисполненного гордости за свою любовь к этой девушке, умирает его чувство. «Сжимая Вики в объятиях, выдавливая из себя слова любви и придумывая маленькие ласки, он уже строил планы бегства к своей работе, которая надолго по-

глотит его целиком, но зато не даст запутаться в тонких сетях человеческих чувств, — бегства в тот мир, где вовсе не нужно разбираться в чьих-то душевных движениях, а меньше всего — в своих собственных».

Таков этот человек: душевная мелкость, порой опустошённость уживаются в нём с великой преданностью работе, способной дать ему утешение, прибежище, оправдание.

Рядом с Кеном Дэви всё время внешне проигрывает: он застенчив и неуклюж в отношениях с Вики, он помощник, спутник старшего брата, неуверенный в себе прежде всего потому, что он преклоняется перед Кеном.

Его любовь к старшему брату подвергается непрестанным испытаниям. Они увеличиваются во сто крат после вторичного приезда Вики. Она излечилась от своей безответной, отвергнутой любви. Но Дэви не верит ей, не верит Кену. Подозрительность, мучения ревности не покидают его в лучшие минуты их отношений с Вики. Поразительно осязаемым становится образ Дэви в этом борении с самим собой. Скромный, ушедший в себя, державшийся всегда в тени своего старшего брата, Дэви сейчас борется не только за свою любовь к Вики, нет, это борьба с удушающим его обожанием Кена. Это обожание стало его слабостью, он должен познать себя, стать самим собой. В нём должен победить тот Дэви, который способен видеть недостатки своего брата. И мы страстно желаем победы этому Дэви, потому что мы не раз убеждались в его несправедливо скрываемых достоинствах. Он мужественнее Кена, целеустремлённее, он способен на длительные усилия воли, а главное — он иначе, глубже относится к их общему делу, к их работе. Но об этом позже...

В замечательно человеческом образе Дэви наиболее органично сливаются любовь с творчеством. Мы всё время чувствуем живую, трепещущую связь между сердцем и разумом этого человека. Взаимоотношения его с Вики, с Кеном, с Марго всякий раз чутко отзываются на его работе. Не случайно движущееся изображение на экране — первый итог долгих, отчаянных усилий — появляется перед Дэви тогда, когда он наконец поверил в любовь Вики. Её рука протягивается к нему на мерцающем экране, проникая через всю эту массу стекла и металла, словно сама Вики ощупью

входит в ту неведомую страну, которая была так дорога Дэви.

Научное и техническое творчество — особый, трудно доступный постороннему глазу мир. Это действительно неведомая, огромная страна, где человечество открывает новые силы природы, оплодотворённые пылливой мыслью. Там создаётся многое, начиная от формулы изгиба балки и кончая атомной электростанцией. Жители этой страны внешне обычные люди. Вот они ремонтируют грузовики в своём маленьком гараже-мастерской; вечером они гуляют с девушками. Но в течение этого дня они успели побывать далеко от всех, в неведомом мире, где они, точно могущественные боги, передвигали огромные горы, останавливали и даже переворачивали водоплавы из звёзд. Там действуют особые мерки человеческих отношений и особый спектр человеческих чувств. Что может знать об этой стране тот, кто не создавал нового? Дельцам, подобным Волрату или Броку, известны лишь самые общие приметы той жизни, которая носит такое пышное название: «творчество». Там есть, разумеется, радость открытия, сомнения, но все эти отвлечённые слова бессильны передать чувства, какие владеют человеком, создающим новое.

Новый роман Митчела Уилсона дорог и близок нам именно раскрытием поэзии и героизма творческого труда. И Кен и Дэви — это прежде всего учёные, инженеры, труженики науки. В этом они братья. И в этом они будущие враги.

Как в любви и в быту, так же и в работе они действуют соответственно своим индивидуальностям. У каждого из них свой стиль работы. Дэви — преимущественно теоретик, Кен — экспериментатор. У Кена бывают минуты вдохновения, счастливых озарений, зато у Дэви — уравновешенное упорство, помогающее им в минуты неудач. Шаг за шагом погружаясь в их работу над электронно-лучевой трубкой, мы всё лучше узнаём этих двух таких родных и таких несхожих людей.

Работа — смысл их жизни, она поглощает лучшие силы их души. Но относятся братья Мэллорн к работе по-разному, и это определяет их взаимные отношения. Отсюда растёт основная трещина между ними — главный конфликт романа. Для Кена изобретение — это средство утвердиться в этом мире, положить его себе на ладонь. Он мчится к своей цели, не задумываясь над

путями, лишь бы они были короче, ему важен результат, как возможность удовлетворения честолюбия, материальной свободы. Но это не корыстолюбец, использующий свой талант для наживы. Он сложнее — и, значит, человечнее и, значит, достовернее. Сами по себе деньги не вызывают в нём преклонения. Он слишком независим, самолюбив, он знает себе цену, чтобы не гнуться перед золотым тельцом. Он презирает Дуга Волрата, он издевается над ним. Его ненависть к Дугу вызвана не только оскорблёнными братскими чувствами. В душе Кена звучит скрытая древняя вражда труженика к эксплуататору. Но в то же время здесь и зависть соперника, ещё находящегося внизу. Где-то в облике Волрата проглядывает возможный в будущем вариант судьбы Кена. Может быть, поэтому сегодня Кен с такой яростью отталкивает от себя этого блестящего, беспринципного, безжалостного хищника, неизбежно иссушающего творческое начало в каждом, с кем он сталкивается.

Для Дэви его работа — источник радости первооткрывателя и чудесной творческой силы. Он чувствует, что носит в себе чудодейственный алмаз, искрящийся идеями. Он романтик; самый процесс труда, исследования, конструирования, поисков ему важнее признания и реализации. Он по-своему практичен. Его точный, аналитический ум помогает ему трезво разбираться в финансовых хитростях Бэннермена и Брока. Он умеет постоять за себя и за Кена во имя своей всепоглощающей идеи. Ему безразлично мнение людей. Правда идеи — вот что важно. Существование его на земле будет оправдано, если он будет способен создавать и воплощать...

Каждый из братьев достаточно талантлив сам по себе. В их общении один дополняет способности другого. Они нуждаются друг в друге для проверки своих слабостей. В них бьётся одно сердце, но, как Янус, они всё чаще смотрят в разные стороны. «Почему нас с тобой никогда не волнует одно и то же?» — со страхом спрашивает Кен брата. Это страх грядущего разрыва. До него ещё далеко. Но он неизбежен. Слишком различны их жизненные идеалы. Слишком противоположны стремления, которые они вкладывают в свой труд.

Стремлениями Дэви руководит «всепоглощающий инстинкт творчества». Когда после гибели Марго Кен с горечью утверждает, что в этой жизни царствует бес-

смысленный хаос, где человек ни над чем не властен, где всё ложь и случай опрокидывает любую работу разума, Дэви напоминает ему «о могучем, сладостном стремлении созидать — всё равно что: идею ли, новую машину, дом, платье или растение...»

Созидание для Дэви лишено какого бы то ни было социального или даже общественного смысла. Это, пожалуй, биологический инстинкт, средство сохранить равновесие в этом зыбком лживом мире. Ни разу ему (да и Кену) не приходит в голову мысль о конечном назначении его труда. Для кого он творит? Во имя чего? Хочет ли он оказать пользу человеку, как-то улучшить его жизнь, или работа над изобретением для него средство забвения, утешения, а главное — удовлетворения своего инстинкта? Такие вопросы перед Дэви не встают.

Любовь и творчество — вот две силы, которые определяют весь ход событий в романе. Обе силы проявляют себя, как слепые стихийные силы, оттесняя сознательное начало человека, заслоняя его общественную сущность.

«Я вовсе не могу сказать, что сознательной целью моих работ есть благо народа...» — писал когда-то Гельмгольц. Да, вовсе не обязательно каждый учёный задумывается над социальным содержанием своего труда. Но следует ли отсюда, что наука может развиваться вне этих социальных условий, что она может оставаться «чистой» — наукой ради науки? Писатель, создавая образ учёного, не имеет права уклоняться от ответа на этот вопрос. Дэви Мэллори мог понимать роль творчества так, как он понимает, но тогда мы должны были увидеть всю ограниченность этой философии. Этого не произошло, и это неизбежно нанесло некоторый художественный ущерб картине, нарисованной Уилсоном. На протяжении всего романа мы испытываем так и не утолённую потребность услышать биение пульса времени, выйти из гаража Мэллори, увидеть, что же творится кругом. Фигуры банкира Брока, авиаконструктора Мела Торна, мелкого прожектёра Бэннермена — разрозненные детали машины, по которым в лучшем случае можно понять её назначение, материал, из которого она сделана, но нельзя представить всю систему в движении. Не хватает той жёсткой связи с эпохой, которая так ясно ощущалась в романе «Живи среди молний» и которая позволила ощутить с такой силой и

ясностью место науки в современном капиталистическом обществе, зависимость научной мысли от банков, промышленных концернов и военных штабов.

Советскому инженеру, учёному глубоко чуждо и непонятно отсутствие сознательного осмысления общественной цели своего труда. В нашей науке существует ожесточённая борьба с корыстью, невежеством, рутинной, есть люди, чьи открытия годами замалчиваются, но в самых тяжких условиях советский учёный знает, что он борется во имя великой цели. Ему помогает сознательное чувство ответственности перед своим народом, единственным хозяином его таланта.

Дэви и Кен, да и старый изобретатель Нортон Уоллис показаны как бы изолированно от своего времени и своего общества. Временами кажется, что герои живут на каком-то затерянном острове, хотя тяжкая власть денег над трудом учёного вскрыта течением романа со всей наглядностью и силой.

Перед нами первая часть задуманного Уилсоном романа. Трудно по ней категорически судить о недостатках произведения, которое может получить иной поворот во второй части. Но достоинства его несомненны уже сейчас. Героический труд братьев Мэллори, их мужественная борьба за великое открытие нашего времени, их талант, их любовь возбуждают горячее сочувствие советского читателя, позволяют понять душу талантливого трудового народа.

И ещё одна важная особенность романа привлекает к нему внимание. Переживания учёного неотрывно связаны с конкретностью его труда; чтобы понять их, надо следить за всеми «приключениями» его мысли, знать, над чем она бьётся, что ей мешает, нужно бок о бок пройти с ним весь извилистый путь, только тогда можно оценить всю тяжесть неудач и счастье находки. Когда в 1940 году Макмиллан и Абельсон выделили первый заурановый элемент — нептуний, только несколько сот специалистов восприняли это как событие величайшего значе-

ния. Любому несведущему человеку волнения учёных-физиков казались странными.

Возможность переживания тем полнее, чем больше познание человека в данной области. Перед художником, который берётся за тему научного подвига, всякий раз встаёт проблема — как ввести читателя в эту незведомую страну не путешественником-туристом, а соучастником страстей и событий. Трудности такого рода плюс необходимость самому глубоко изучить предмет нередко отпугивали писателя. Этим отчасти объясняется малочисленность произведений о прекрасной стороне человеческой деятельности — созидании нового в науке. Мои слова, возможно, неточны — попыток было много, мало было удач.

Неутомимая, часто трагическая борьба Кена и Дэви за право на труд, за свободу творческой мысли заставляет с волнением следить за каждым поворотом выключателя на испытательном стенде, чутко прислушиваться к постукиванию вакуум-насоса. Митчел Уилсон — сам учёный-физик, и это, несомненно, помогает ему нарисовать понятную, насыщенную конкретной достоверностью картину хода исследования.

Но Уилсон, кроме того, и большой художник, поэтому, например, самые сложные физические процессы, происходящие в электронной трубке, оживают у него в зримых поэтических образах, доступных чувствам любого читателя.

«Брат мой, враг мой» по сравнению с предыдущим романом — «Живи среди молний» — новый успех писателя, и прежде всего это успех смелого раскрытия красоты научного труда и психологии творчества.

В нашей советской жизни творческая энергия становится неотъемлемым качеством нового человека. Роман Уилсона далёк от нас некоторыми идейными положениями, но своим вдохновенным поэтическим гимном творческому труду он дорог каждому, кто обогащает жизнь усилиями разума, кто извлекает из мёртвых сил природы алмазы знания, украшающие жизнь человека.

Д. ГРАНИН.

Политика и наука**Дело в организаторах**

Название этого небольшого сборника как бы отвечает на один из серьёзнейших вопросов современности, который волнует буквально каждого. В самом деле, кто не озабочен сейчас тем, чтобы раз и навсегда исчезло из нашего обихода печальное понятие «отстающий колхоз»? Кто не думает сегодня о том, как, какими способами и средствами можно добиться в кратчайший срок резкого увеличения производства сельскохозяйственных продуктов?

Об этом думают не одни лишь колхозники и не только те, кто по роду своей деятельности так или иначе связан с положением дел в деревне. С очень давних времён повелось у нас в стране, что каждый мыслящий её гражданин принимал близко к сердцу судьбу крестьянина, но этот кровный интерес к крестьянским делам особенно возрос с тех пор, как у сельского труженика появился могучий союзник и руководитель — индустриальный рабочий.

Думать о крестьянине, как о себе самом, обязывает нас не только благородная национальная традиция, но прежде всего ещё и то обстоятельство, что на союзе рабочего класса с крестьянством зиждется благополучие и могущество нашего государства. Впрочем, если даже иметь в виду человека, в котором слабо развиты интересы общественные, то и он, надо полагать, изредка задумывается над тем, что же способно обеспечить успех любому колхозу, поскольку всё живое жизнью своей обязано хлебу.

Сборник «Дело в организаторах» следует широко рекомендовать. Работники сельского хозяйства найдут здесь множество примеров того, как в сравнительно короткие сроки, в различных, иной раз прямо противоположных, климатических и почвенных условиях можно вывести на путь процветания даже самый слабый колхоз. Что же до читателей, далёких от сельскохозяйственного производства, то их этот сборник познакомит с теми интереснейшими и вызывающими у всех нас большие надежды процессами, какие происходят сейчас в колхозной деревне.

Дело в организаторах! — решительно и

«Дело в организаторах». Из прантини руноводства колхозами. Составитель сборника В. М. Померанцев. Редактор Н. А. Банников. 168 стр. Сельхозгиз. М. 1956.

страстно утверждают все девять авторов сборника: председатели колхозов С. Г. Козачина, И. И. Пионтковский, Д. Ф. Суменов, Г. Л. Сурис и П. И. Лоншаков, секретари райкомов партии Н. М. Востров и В. Ф. Метельский, колхозный агроном Б. С. Фёдоров и бухгалтер колхоза Н. А. Яшук. Утверждение это не голословно, и мы не обязаны брать его на веру; оно напрашивается само собой, когда знакомимся с деятельностью названных товарищей и всех тех людей, о которых они рассказывают. К слову сказать, некоторые из организаторов буквально только вчера стали работать в колхозном производстве.

Хотя каждая из статей сборника по большей части состоит из экономических выкладок, агротехнических рекомендаций, хозяйственных соображений и различного рода критических замечаний в адрес организаций и ведомств — за всей этой сугубо деловой цифирью, за так называемой прозой повседневных дел возникает характер советского человека, волнующая поэзия его деяний. К сожалению, многие современные книги стихов и художественной прозы уступают названному сборнику в поэтичности и конкретности изображения этого человека, и не потому, разумеется, что цифры и факты впечатляют сильнее, нежели образы и обобщения, но потому, что многим и многим литераторам недостаёт ещё знания цифр и фактов, без чего трудно понять, чем живы наши люди, в чём самая глубь их сути.

Я не стану излагать содержание каждой из статей сборника, потому что, надо думать, это сделают те органы печати, которые призваны рекомендовать подобные книги читателю, работающему в деревне, обратить его внимание на то полезное, что он может здесь извлечь для себя. Мне хочется только сказать, что читателя, который по роду своей деятельности не отвечает за производство продуктов питания, сборник этот прежде всего наведёт на мысль о том, что успех в любом деле начинается с того, насколько это дело подчинено интересам народа. Люди, о которых рассказывается в сборнике, сумели преодолеть серьёзные трудности во многом потому, что работали без оглядки на установившиеся шаблоны и правила, работали, прислушиваясь к своей

партийной совести, обращаясь к опыту своих товарищей по общему делу, имея в виду одну только общественную пользу.

Отсюда то мужество, какое приходило к новому председателю колхоза, бог знает которому по счёту, бывшему инженеру или бывшему начальнику областного управления сельского хозяйства, — то мужество и та стойкость, с какими он смотрел в глаза иных разуверившихся колхозников, вместе с ними брался поднимать разорившийся колхоз, причём, как в случае с бывшим начальником областного управления сельского хозяйства, в какой-то мере разорившийся и по его вине. И отсюда же, от партийной преданности народу, та увлечённость, с какой эти люди начинали тяжёлую свою работу.

Но ведь эти черты характера необходимо воспитывать в себе каждому из нас независимо от того, где и кем мы работаем. И точно так же, какую бы работу мы ни делали, нам необходимо то, что угадываешь у людей, поднимавших отстающие колхозы: жёсткость, непримиримость в отношении к своекорыстным хищникам, к равнодушным бюрократам и товарищеская внимательность, уважительность, добросердечие и доверие в отношении к честным труженикам.

Дело именно в организаторах, но не в чрезмерно занятых собой администраторах, пускай и талантливых. Успеха едва ли добьётся тот, кто ни во что не ставит людей, работающих рядом, кто надеется лишь на себя, на своё умение, пренебрегает мнением и советом хотя бы самого скромного из работников, рассматривая его только как подчинённого, но не как товарища по общей работе.

Однако самые чистые побуждения, самые благородные черты характера не принесут сколько-нибудь ощутимого результата, если они не сочетаются с умением работать. В данном случае — когда речь идёт о том, как экономически укрепить отстающий колхоз, — с умением материально заинтересовать людей, разумно спланировать хозяйство, применить наиболее передовые методы выращивания растений и содержания животных, трезво подсчитать, как выгоднее всего вести дело.

Всё это можно найти в сборнике, и всё это важно не только тому, кто непосредственно заинтересован в подобных сведениях, но и всем нам. Суть здесь в том, во-первых, что, следя за ищущей мыслью авторов сборника, подсчитывающих, как снизить себестоимость центнера зерна или мяса, как с наибольшей пользой скормить скоту грубые корма, — следя за этим творческим поиском, испытываешь, я бы сказал, эстетическое наслаждение, какое всегда вызывает в нас знакомство с процессом творчества. Во-вторых, попросту радостно осознать, сколь богата стала деятельными и деловитыми людьми современная колхозная деревня. В-третьих, наконец, этой деловитости, этому умению считать и прикидывать необходимо учиться каждому из нас, поскольку все мы в конечном счёте отвечаем за создание в стране изобилия материальных ценностей.

Можно бы привести ещё и многие другие соображения, позволяющие рекомендовать этот сборник, однако и названные, думаю мне, привлекут к нему внимание самых широких кругов читателей.

Ефим ДОРОШ.

★

Воспоминания о Марксе и Энгельсе

Выход в свет сборника «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, как нельзя более своевременен. Советский читатель давно его ждёт.

Дело в том, что выходявшие ранее у нас отдельные воспоминания близко знавших Маркса и Энгельса людей (П. Лафарга, В. Либкнехта и других), включённые в вышедший сейчас том, давно не переиздавались и стали уже библиографической ред-

костью. Кроме того, в сборнике помещён ряд воспоминаний, впервые печатающихся на русском языке, некоторые же воспоминания вообще впервые появляются в печати. К ним относятся, например, автобиографические заметки жены Маркса Женни Маркс «Беглый очерк беспокойной жизни», внука Маркса Эдгара Лонге «Некоторые стороны семейной жизни Карла Маркса», чрезвычайно ценные воспоминания дочери одного из друзей Маркса Франциски Кугельман «Несколько штрихов к характеристике великого Маркса», воспоминания деятеля I Интернационала Теодора Куно и другие.

«Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Редактор Е. А. Степанова. 424 стр. Госполитиздат. М. 1956.

Конечно, никакой сборник воспоминаний (тем более, что в общем их о Марксе и Энгельсе сохранилось не так уж много) не в состоянии дать полное представление о поистине титанической разносторонней деятельности двух великих основоположников марксизма. Это полное представление возможно только при ознакомлении с сочинениями и перепиской Маркса и Энгельса. Никакие воспоминания, конечно, не заменят того впечатления о Марксе как о мыслителе, которое складывается, когда читаешь «Капитал», или об Энгельсе — при знакомстве с «Анти-Дюрингом».

Элеонора Маркс-Эвелинг пишет в воспоминаниях: «Для того чтобы написать биографию Маркса и Энгельса, — а жизнь и творчество этих двух людей так переплелись, что разделить их невозможно, — нужно было бы написать не только историю развития социализма «от утопии к науке», но также и историю всего рабочего движения на протяжении чуть ли не полувека...»

Составители сборника поэтому правильно сделали, поместив в качестве введения к сборнику, кроме статьи Ф. Энгельса «Карл Маркс», также две работы В. И. Ленина — «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс», дающие сжатый очерк учения Маркса и Энгельса.

И всё-таки без воспоминаний, пусть иной раз бледных, отрывочных, случайных (а иной раз исходящих от людей, идейно далеко стоявших от Маркса и Энгельса), облик великих учителей коммунизма был бы неполным, обеднённым, менее ярким, менее живым.

О великой дружбе Маркса и Энгельса рассказывают прежде всего воспоминания.

«Старинные предания, — пишет В. И. Ленин в своей статье об Энгельсе, — рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе».

Это была дружба принципиальная, идейная, дружба двух мыслителей и борцов. «...эти два человека никогда не были только идейными вождями, только теоретиками, философами, стоящими в стороне от повседневной работы и жизни. Они всегда были борцами и в борьбе неизменно стояли на передовых позициях — они были и солдатами революции и руководителями её гене-

рального штаба», — пишет Элеонора Маркс-Эвелинг.

И в то же время это был образец чудесной дружбы двух людей, каждому из которых «ничто человеческое не было чуждо», дружбы, в которой проявлялись и самопожертвование, и скромность, и многие другие прекрасные человеческие черты.

Маркс и Энгельс всегда высоко держали знамя партийной принципиальности и непримиримости, подчиняя всю свою деятельность работе для человечества, как любил говорить Маркс.

Научное бесстрашие — одна из отличительных черт Маркса и Энгельса как учёных.

«Маркс держался взгляда, — пишет Поль Лафарг, — что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести... Но если Маркс без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он только с определённым намерением распространять результаты своих исследований и с твёрдым, определённым решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него блуждало в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью: способствовать торжеству дела рабочего класса, историческая задача которого, как только этот класс возьмёт в свои руки политическое и экономическое руководство обществом, — создать коммунизм».

Любимой поговоркой Маркса, вспоминает В. Либкнехт, были гордые слова Данте: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!» Дальше В. Либкнехт пишет: «Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом добытые, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в своих книгах показывать себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, неспособный к притворству и к позе, он всегда был самим собой как в своих произведениях, так и в своей жизни».

Авторы воспоминаний отмечают величайшую научную и литературную добросовестность Маркса и Энгельса. Лафарг пишет, что «литературная совесть Маркса была столь же строга», как и научная. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был уверен, но даже не позволял

себе говорить о предмете, которого основательно не изучил. «Он не публиковал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей формы... Показывать свои рукописи, пока в них не закончено всё до последней запятой, было для него чистым мучением».

В. Либкнехт вспоминает, что однажды Элеонора Маркс подарила ему таблицу, которую Маркс набросал для себя, чтобы использовать её в каком-то второстепенном примечании. Таблица эта была вычерчена с такой тщательностью, как будто была приготовлена для печати.

Все знавшие Маркса и Энгельса отмечают, что, предъявляя такие требования к себе, они предъявляли их и к другим. «Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он (Маркс.— И. М.) часто внушал нам»,— пишет В. Либкнехт.

А одновременно Маркс и Энгельс не только учили других, но и учились у них. «Маркс, как и все истинно великие люди,— вспоминает Ф. Лесснер,— совершенно лишён был всякого самомнения... Он всегда стремился услышать мнение простого рабочего...»

Тот же Лесснер пишет об Энгельсе: «Его необъятные знания и его влияние никогда не делали его высокомерным; напротив, в возрасте 75 лет он был так же скромным... как тогда, когда ему было 22 года».

Все авторы воспоминаний подчёркивают в Марксе и Энгельсе простоту, скромность, правдивость, отсутствие тщеславия, нелюбовь к популярности, парадности и всяким почестям. Основоположникам коммунизма был совершенно чужд и враждебен культ личности, и в этом отношении «Воспоминания о Марксе и Энгельсе» сыграют свою положительную роль в проводимой сейчас нашей партией большой работе.

«Среди известных мне людей — великих, малых и средних,— вспоминает В. Либкнехт,— Маркс был одним из немногих, совершенно лишённых всякого тщеславия. Он был для этого слишком велик и слишком силен, да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться... Маркс был исключительно правдивым человеком, это была воплощённая правда... Маркс никогда не лицемерил. Он был просто неспособен на это, так же, как неспособно на это невинное дитя». «Там, где требовалось при-

знать чужие заслуги, Маркс был самым великодушным и справедливым человеком. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тщеславным. Но зато фальшивое величие, поддельную славу, которой щеголяют бездарность и пошлость, он ненавидел смертельно, как всякую фальшь и ложь». «Он ненавидел популярность, и погоня за популярностью повергала его прямо в ярость».

В полушутливой анкете, которую дали заполнить Марксу его дочери, он в ответ на вопрос: «Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение»,— отнюдь не шуточно ответил: «Угодничество», а на вопрос: «Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях»,— ответил: «Простота».

Как противоположен этому облик такого политического противника Маркса, как Лассаль, которому в воспоминаниях Женни Маркс посвящено несколько убийственно-иронических строк! «Он с трудом нёс бремя славы, которую стяжал себе как учёный, мыслитель, поэт и политический деятель... Он не мог разобраться в собственных мыслях и чувствах, и эта внутренняя борьба часто выражалась невероятно бурно... Это была внутренняя борьба «великого» человека, которая выражалась в пронзительных диссонансах... Лассаль поспешил уехать от нас, где его мания величия встречала мало симпатии, в Швейцарию. Там, в кругу «великих мужей», он нашёл то, чего жаждала его душа: большее расположение к себе и большее поклонение. В окружении клеветников и прихлебателей он чувствовал себя как дома... Священный фимиам... одурманил половину Германии...».

Эта характеристика Лассалья вышла из-под пера Женни Маркс, но она как будто написана самим Марксом.

Авторы воспоминаний оставили нам образ Маркса в семейном кругу, прекрасные образы его жены и трёх дочерей — Женни, Лауры и Элеоноры. Все благородные качества, о которых пишут знавшие Маркса, проявлявшиеся Марксом в работе, борьбе и в отношениях с окружающими, с особой силой проявлялись в семье, в отношении к детям, в воспитании их. Сказать, что Маркс был хорошим семьянином, — значит ничего не сказать. Жена и дочери были для него друзьями и товарищами в борьбе за то дело, которому он посвятил всю жизнь. Жена Маркса была до самой смерти верным помощником его во всей его работе. Все три дочери Маркса всю жизнь активно уча-

ствовали в международном рабочем движении. С большой теплотой рисуют также воспоминания Елену Демут, «добротного гения» семьи, прожившей в семье Маркса всю жизнь и похоронённой рядом с Карлом Марксом и его женой на Хайгетском кладбище в Лондоне.

Живыми, непосредственными, отзывчивыми, весёлыми, полными юмора и понимающими чужую шутку, скромными и правдивыми, мужественными и полными оптимизма в лишениях и при неудачах — такими встают перед нами со страниц воспоминаний Маркс и Энгельс. В то же время они находились на вершине знаний своего времени, критически переработав научные достижения предшествующих поколений. Нет такой отрасли науки, в которой они не сказали бы своего слова. Не говоря уже о политической экономии и философии, они всесторонне знали историю, математику, физику, лингвистику, военное дело, литературу. Они прекрасно знали языки (Энгельс владел более чем десятью языками). Э. Эвелинг рассказывает, что в кругу социалистов разных стран Энгельс мог беседовать с каждым на его родном языке. Вдова известного русского писателя-народника Степняка-Кравчинского рассказывает, как в разговоре с ней, не знавшей европейских языков, Энгельс неожиданно перешёл на русский язык и даже процитировал ей по-русски большой отрывок из «Евгения Онегина».

Уже под старость Маркс изучил настолько хорошо русский язык, что читал Пушкина, Гоголя, Щедрина. Впервые печатающиеся воспоминания Франциски Кугельман свидетельствуют, что Маркс давал высокую оценку Лермонтову и Тургеневу. Эти же воспоминания сообщают новые факты об отношении Маркса к Г. Гейне.

Маркс и Энгельс читали по-русски, конечно, не только художественную литературу. Маркс познакомился в оригинале с работами Чернышевского и, по свидетельству Г. Лопатина, «почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он (Маркс.—И. М.) не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что

его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения... что политическая смерть Чернышевского есть потеря для учёного мира не только России, но и целой Европы».

Помещённые в сборнике материалы показывают, что Маркс и Энгельс пристально следили за развитием революционного движения в России и возлагали на него большие надежды. Г. Лопатин приводит в своём письме обращённые к нему слова Энгельса: «Всё зависит теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проникательных людей целой Европы». «Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства...»

Большой радостью для Маркса был перевод на русский язык «Капитала». Горячо приветствовал Энгельс создание в России первой марксистской группы — группы «Освобождение труда». Но рядом с этим, как сообщает в своих воспоминаниях А. Воден, Энгельс «желал бы, чтобы русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в этом смысле слово «марксист» имеет «raison d'être (право на существование)...»

Когда произносились эти слова, в России уже начал свою революционную деятельность двадцатитрёхлетний Ленин, блестяще осуществивший пожелание Энгельса.

Творчески развив великое учение Маркса и Энгельса, Ленин создал могучую коммунистическую партию, возглавившую величайшую в мире революцию и построившую первое в мире социалистическое государство.

Маркс и Энгельс не дожили до этих дней.

Но имена их рдеют на знамёнах победно идущего к высотам коммунизма трудящегося человечества и память о них будет жить в веках.

И. МАКАРЬЕВ.

Лейбористский журнал о единстве рабочего движения

Во время пребывания Н. А. Булганина и Н. С. Хрущёва в Англии руководство лейбористской партии всячески пыталось отравить атмосферу этого визита. Избранный в результате закулисного сговора крупных профсоюзных чиновников на пост лидера лейбористской партии Гэйтскелл и его сторонники с целью заслужить благодарность наиболее реакционных кругов США и Англии пытались использовать приём советских гостей для антисоветской демонстрации.

Эта провокация вызвала не только возмущение со стороны рядовых лейбористов, но и протесты ряда видных деятелей лейбористской партии, включая члена исполкома Э. Саммерскилл, бывшего министра Шинузлла, членов парламента Драйберга, Гринвуда и других. «Социал-демократы,— писал тогда известный лейбористский теоретик профессор Д. Коул,— должны быть готовы протянуть руку дружбы людям, с которыми, несмотря на все их разногласия, они имеют много общего... Для отдельных социалистов и коммунистов пришло время начать весьма серьёзно беседовать друг с другом — и с возможно меньшими взаимными обвинениями — о вопросах, которые разделяют их, в надежде, что им удастся, хотя бы с течением времени, успешно создать, договорившись между собой, базу для объединения международного рабочего класса ради общего дела борьбы против капитализма, империализма и реакции».

Эти слова Коула напечатаны во влиятельном лейбористском еженедельнике «Нью стейтсмен энд Нейшн», который отнюдь не отличается симпатиями к Советскому Союзу.

Ход событий, подсказывающий необходимость объединения сил рабочего класса в борьбе за мир и демократию, оказывается сильнее предвзятых взглядов части лейбористских политиков, застывших на своих старых антикоммунистических позициях. В условиях, когда быстро расширяются контакты между государствами с различным общественным строем, когда руководители великих держав вместе обсуждают важнейшие политические проблемы, когда парламенты социалистических и капиталистических стран обмениваются делегациями

„The new Statesman and Nation“. London. 1955—1956 («Нью стейтсмен энд Нейшн». Лондон. 1955—1956).

и т. д., становится невозможным оправдывать отказ от переговоров между партиями рабочего класса как в национальном, так и в международном масштабе.

В этой связи хочется вспомнить, что солидарность и симпатии в течение десятилетий связывали английское и русское рабочее движение. В царской ссылке В. И. Ленин перевёл книгу Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Пролетарские массы Англии горячо откликнулись на первую русскую революцию, которую они рассматривали как великий шаг на пути социального и политического прогресса. В. И. Ленин в ряде писем, ныне хранящихся в архиве лейбористской партии, выражал благодарность английским рабочим за оказание помощи жертвам царизма. «Все ваши пожертвования,— писал Ленин,— отмечены в нашей газете «Вперед», которую мы вам послали». А через два десятилетия, во время борьбы английских горняков за свои жизненные права и интересы, советские трудящиеся оказали братскую поддержку товарищам в Англии. «Их дар английским горнякам,— писала 8 ноября 1926 года лейбористская газета «Дейли геральд»,— был самой крупной помощью рабочих одной страны рабочим другого государства».

Массы рядовых лейбористов выступили против антисоветской интервенции Антанты. В июле 1920 года, вернувшись из Советской России, лейбористская делегация заявила: «Мир, теперь же, немедленно — вот в чём прежде всего нуждается Россия и весь мир... Продолжать политику блокады и интервенции было бы безумием и преступной глупостью, которые могут только привести Европу к катастрофе». В 1924 году лейбористская печать приветствовала установление англо-советских отношений как «триумф международного рабочего движения».

Лозунг дружбы и сотрудничества с трудящимися Советского Союза был фактором, в большой мере способствовавшим победам лейбористов на выборах и образованию всех трёх лейбористских правительств — в 1924, 1929 и 1945 годах, тогда как в антикоммунистическом и антисоветском курсе правого крыла партии и тред-юнионов справедливо видеть одну из главных причин поражения лейбористов на выборах, например, в 1951 и 1955 годах. «Страх перед

коммунизмом и ненависть к нему, а также ко всему, что может казаться связанным с ним, являются «профессиональными болезнями» современного руководства тред-юнионов... Подобная политика представляет самое страшное препятствие на пути необходимых и практически осуществимых реформ в структуре и деятельности тред-юнионизма в наши дни», — заметил недавно Д. Коул, являющийся постоянным сотрудником журнала «Нью стейтсмен энд Нейшн».

Многие статьи журнала встречают поддержку различных течений английского рабочего движения. Таковы, например, выступления против маккартизма, против «военной партии» в США. Р. Кроссмен писал в «Нью стейтсмен энд Нейшн», что «левые опасаются Америки и стремятся уменьшить нашу зависимость от неё». Журнал осуждает порождаемый антисоветской истерией «новый обскурантизм», который ополчается против всякого прогресса.

В настоящее время особенно возрастают возможности и роль мирового рабочего движения в борьбе против военной опасности. Стремление к единству с коммунистами для борьбы за мир охватило миллионы рядовых социалистов во всех странах. Редактор «Нью стейтсмен энд Нейшн» Кингсли Мартин, побывавший в 1955 году на сессии Всемирного Совета Мира, писал, что в движении сторонников мира участвуют люди самых различных политических убеждений, и выражал сожаление, что отрицательная позиция руководителей социалистических партий мешает многим социал-демократам включиться в движение.

Журнал осуждает отказ западных держав от разоружения. 11 мая 1956 года он писал о закончившейся незадолго до этого сессии Подкомитета Комиссии ООН по разоружению: «Русские... внесли разумный и реальный план значительного сокращения обычных видов вооружения. Запад решительно отклонил это предложение».

«Нью стейтсмен энд Нейшн» положительно оценивал действия миролюбивых стран Азии, отказывавшихся от участия в военных блоках, и выражал убеждение, что подобная политика отвечает интересам мира.

Рабочих-коммунистов и рабочих-социалистов объединяет отрицательное отношение к колониальным войнам, к попыткам сколачивания агрессивных пактов в Азии, к империалистическим пронкам против Китайской Народной Республики. «Что бы ни делал в

будущем Запад, — писал журнал, — он должен исходить в своей политике из того, что Китай не только превратился в великую державу, но и что его население будет воодушевлено ненавистью против каждого, оказывающего помощь Чан Кай-ши или угрожающего реставрировать влияние Запада, иначе говоря, западного империализма». К этой характеристике положения на Дальнем Востоке охотно присоединятся все честные деятели рабочего движения.

В связи с пятидесятилетием лейбористской партии «Нью стейтсмен энд Нейшн» писал, что ей следует стать защитником интересов «колониальных народов, которые требуют ныне равенства, как это требовали английские рабочие в 1906 году». Кто, однако, усомнится в том, что борьба против колониализма получила бы новый мощный толчок при сотрудничестве социалистов с коммунистами, выступающими самыми решительными и последовательными сторонниками освобождения народов колоний и зависимых стран?

На страницах лейбористского журнала всё ещё воспроизводятся обветшалые «аргументы» социалистических лидеров, продолжающих препятствовать установлению связей между партиями рабочего класса. Здесь фигурируют и ссылки на несогласие руководства Социалистического интернационала с государственным строем Советского Союза (хотя, казалось бы, ни один демократ или тем более социалист не может оспаривать право каждого народа устанавливать по своему усмотрению государственный строй у себя в стране), на разногласия в философских и теоретических вопросах и даже на мнимую «неискренность» предложений коммунистов о сотрудничестве с другими течениями в рабочем движении и на то, что такое сотрудничество может подорвать политические позиции социалистических партий.

Хорошо известно, однако, что единство действий партий рабочего класса во Франции в период Народного фронта привело не только к проведению ряда важных прогрессивных мероприятий, но и к укреплению позиций как коммунистической, так и социалистической партий. То же самое следует сказать о времени второй мировой войны и первых послевоенных годах, когда было налажено сотрудничество между обеими партиями. Напротив, отказ от сотрудничества вовсе не привёл, как надеялись некоторые представители правого крыла социалистиче-

ских партий, к изоляции коммунистов, а лишь ослабил влияние социалистов.

Этот разрыв передал власть в ряде стран Западной Европы в руки реакционных, особенно клерикальных, сил, которые перешли в наступление против социальных завоеваний рабочего класса, достигнутых в предшествующие годы. Печальные результаты политики, проводившейся руководством социалистических партий, констатирует Д. Коул в «Нью стейтсмен энд Нейшн»: «Социалистические партии (вернее, то, что осталось от них), не надеясь на завоевание власти собственными силами, были либо втянуты в коалиции, где они имели мало влияния, либо беспомощно стояли в стороне, в надежде избежать ответственности за положение, которое не могли контролировать». В то же время в Италии, где выковалось тесное единство действий коммунистической и социалистической партий, обе они расширяют своё влияние. На парламентских выборах в 1953 году коммунисты и социалисты получили почти на два миллиона голосов больше, чем в 1948 году.

Надо сказать, что «Нью стейтсмен энд Нейшн» долгое время выступал против совместных действий социалистов и коммунистов во Франции.

Однако уроки французских парламентских выборов 1956 года заставили журнал прийти к иным выводам: «Отказавшись от лозунга антикоммунизма и сконцентрировав все силы на атаках против правых, социалисты впервые за десять лет добились увеличения числа поданных за них голосов... Союз с правыми противоречит чувствам рядовых социалистов; теперь они справедливо могут утверждать, что он противоречит и доводам разума». «Нью стейтсмен энд Нейшн» должен был написать и о том, что рабочих — социалистов и коммунистов сближает общность коренных жизненных интересов. Он не мог не сказать, что «пясть миллионов французов, голосовавших за Французскую коммунистическую партию, составляют цвет рабочего класса и, следовательно, левых сил во Франции. Рабочие-коммунисты заводов Рено или доков Сен-Назера выступают против военных действий в Алжире и парламентской коррупции по тем же мотивам, что и их товарищи социалисты. Ни одно подлинно левое правительство не может быть создано, если оно не пользуется их поддержкой и доверием».

Всё это совершенно правильно, и к сказанному можно добавить, что правительство

социалиста Ги Молле получило вотум доверия в Национальном собрании благодаря ста пятидесяти голосам депутатов-коммунистов и что представители обеих партий одновременно выступили против фашистских провокаций внутри и вне парламента. Но что тогда остаётся от «доводов» против Народного фронта, с которыми в ряде статей ещё не хочет окончательно расстаться «Нью стейтсмен энд Нейшн»?

В одной из своих передовых статей журнал писал об «огромном количестве добра», сделанном коммунизмом в России, и о необходимости найти формы сотрудничества в международном масштабе, которые способствовали бы достижению конечных целей рабочего движения. Лейбористский еженедельник высоко оценивает выдвинутую на XX съезде КПСС идею о различии форм перехода разных стран к социализму. «Раз принимается такой тезис, шансы на мир возрастают в огромной мере», — заявляет журнал. Он призывает считаться с тем, что формы социалистических преобразований в Англии должны определяться наличием у неё «больших демократических традиций».

Откликаясь на исторические решения XX съезда КПСС, имеющие громадное значение для преодоления раскола в рабочем движении, «Нью стейтсмен энд Нейшн» указывал: «Западные социал-демократы, надо надеяться, смогут теперь обдумать свою политику без того, чтобы быть постоянно занятыми борьбой против коммунистических партий». Известно, что Бюро Социалистического интернационала, не считаясь с настроениями рядовых социалистов, приняло решение отвергнуть «всякие формы сотрудничества с коммунистическими партиями». Однако и на заседаниях Бюро раздавались призывы положить конец расколу. Член парламента лейбористка Барбара Касль заявила, что Социалистический интернационал должен принять предложение о переговорах, сделанное коммунистами. Журнал «Нью стейтсмен энд Нейшн» также подверг критике решение отгородиться от коммунистов.

Перелистывая комплект «Нью стейтсмен энд Нейшн», ещё раз убеждаешься, что коммунисты и социалисты имеют много связывающих их общих интересов, немало точек соприкосновения во взглядах на различные вопросы международной жизни.

Кандидат исторических наук
Е. ЧЕРНЯК.

Жизнь Никиты Яковлевича Бичурина

Он был монахом. Звали его отцом Иакинфом. А в миру он был Никита Яковлевич Бичурин.

Более ста лет отделяет нас от времени смерти Н. Я. Бичурина — видного представителя российской востоковедческой науки, но труды его не утратили своего значения. К ним до сих пор обращаются при разработке многих проблем, особенно связанных с вопросами этногенеза народов Восточной, Центральной и Средней Азии.

Не меньшее значение имеют и переводы Н. Я. Бичурина с китайского, маньчжурского, монгольского и других языков народов Восточной Азии, открывшие европейцам неисчерпаемые богатства дальневосточной (в первую очередь китайской и монгольской) историографии.

Мы не располагаем стройной, правдивой биографией Н. Я. Бичурина. Совершенно неясны и не документированы его детские годы. Лишь по догадкам и сопоставлению обстоятельств можно предположить о его чувашском происхождении. Неясным остаётся и то, как сын бедного сельского дьячка, не имевший ни высоких покровителей, ни материальной поддержки, мог получить такое образование. Противоречивы и не убедительны домыслы некоторых биографов о причинах пострига его в монашеский сан, вероятнее всего принятого сознательно, добровольно. Неясны причины выбора им для пастырской деятельности далёкой Сибири, а не родного ему Поволжья. Противоречивы и сведения о деятельности Н. Я. Бичурина в качестве главы Российской духовной миссии в Пекине. Наконец, вызывают недоумение обстоятельства смерти Н. Я. Бичурина в нищете, хотя публикация его трудов на русском и иностранных языках должна была принести ему не только славу, но и достаток.

«Друг Чжунго» — биографическая повесть. Эта форма позволила авторам, А. Таланову и Н. Ромовой, свободно использовать факты действительной, документированной биографии и в то же время творчески воссоздать исторический фон. В результате все спорные вопросы биографии Н. Я. Бичурина находят в книге логически обоснованное объяснение.

А. Таланов, Н. Ромова. Друг Чжунго. Редактор Г. Малинина. 216 стр. «Молодая гвардия». М. 1955.

Авторы повести с достаточной убедительностью воссоздают детские годы выросшего в чувашской семье Никиты — сына бесфамильного дьяка Иакова. Честный и прямой по характеру, юноша с первых школьных лет нажил себе врагов среди семинарского начальства. Учение «отсель и досель» не могло удовлетворить его пытливый ум, неизменно стремившийся к живому знанию.

Именно это стремление привело казанского семинариста Никиту Бичурина в семейство Саблуковых. Там, в их «вольнодумной» среде, он познакомился с думами и чаяниями прогрессивной русской интеллигенции.

В доме Саблуковых подкралось к юноше и серьёзное горе, во многом определившее его дальнейшую жизнь: он узнал, что любимая им дочь Саблукова, Татьяна, выходит замуж за его друга. Личная жизнь не удалась. И он решается на постриг, доверившись внешне убедительным доводам своего покровителя и духовного воспитателя епископа Амвросия Подобедова: чего может достигнуть сын нищего дьячка в миру, где всё решается знатностью и богатством? А в монашестве он сохранит поддержку сильного и умного наставника и право следовать по маяющему пути учёного.

Однако служение науке и роль духовного пастыря практически оказались несовместимыми. «Атеист в рясе», «священнослужитель, учёные занятия свои почитающий выше обращения к богу заблудших душ», — таковы отзывы, сообщаемые в Святейший Синод об отце Иакинфе — главе православной миссии в Китае. Отец Иакинф действительно был атеистом в рясе и действительно своё призвание видел не в обращении китайцев в христианство, а в неустанных трудах, служащих сближению двух великих народов: русского и китайского.

Четырнадцать лет напряжённо работал он в Китае. Публикация научных трудов и переводов по собранным в эти годы материалам заняла у Бичурина около тридцати лет. А чем вознаградило его правительство Николая I? Ссылкой в Соловецкий монастырь с категорическим запретом «возвращения в мир» (то есть снятия монашеского сана), хотя монашеский клубок и ряса стали уже невыносимыми. Выдающийся учёный умер едва ли не от истощения в келье Александро-Невской лавры. Надпись на его могиле извещает, что под скромным

надгробным памятником покоится «Иакинф Бичурин род. 1777 ум. 1853 г. мая 11 д.». Продолжение надписи на китайском языке гласит, что это был человек, который «прилежно трудился над увековечившими славу его историческими трудами».

Имя Никиты Яковлевича Бичурина, столь известное в середине XIX века, было незаслуженно забыто. Лишь сравнительно недавно Институт этнографии Академии наук СССР предпринял переиздание его трудов, ставших библиографической редкостью. Появился и ряд статей о деятельности учёного.

Книга А. Таланова и Н. Ромовой о жизненном пути и о научном подвиге Н. Я. Бичурина во многом восполняет пробел в освещении биографии русского востоковеда. Книга написана живым, образным языком. Авторам удалось создать ряд запоминающихся бытовых картин. Обаятелен и полон внутреннего благородства образ самого Никиты Яковлевича. Живому восприятию этого образа содействуют с настроением выполненные иллюстрации (художник И. Вускович).

Каковы недостатки книги? Не всё в ней удачно. Авторы можно упрекнуть в неточностях при переводе китайских и монгольских имён и названий (например, Цаган нор — Белое озеро — переводится как «родные братья»; «сяо шо» — короткие повести, новеллы — как «романы, рассказы»). Встречаются и явные опечатки: Оуян Сю дважды фигурирует как Суян Сю. Но главное, пожалуй, в том, что авторы несколько сгустили краски в изображении «таинственного Китая» и тем исказили отдельные картины китайской жизни. Так, нежная и добрая Гуаньинь — божество милосердия — превратилась в свирепое пучеглазое чудовище. Подчёркивая значение конфуцианства в Китае, авторы заставили отца Иакинфа подчинять свои научные исследования углублению понимания того, что излагается в древних канонах.

Эти замечания не снижают познавательной ценности интересной, ко времени появившейся работы.

Кандидат исторических наук
Г. СТРАТАНОВИЧ.

★

О чём рассказали египетские иероглифы

Широкий простор Нила пронизан яркими лучами горячего солнца. Среди лотосов медленно плывёт лодка. Вдали, за рощами пальм, темнеют пирамиды...

Этот рисунок на суперобложке невольно заставляет читателя вспомнить о древней стране пирамид, о таинственных иероглифических надписях, о бесценных археологических сокровищах, скрытых под песками пустыни. Обо всём этом и о многом другом рассказывает книга египтолога Н. Петровского, написанная в творческом содружестве с литератором А. Беловым, «Страна большого Хапи» (по-древнеегипетски — Нил).

В первой главе «Русские в Египте» авторы знакомят нас с зарождением интереса к Египту в России во времена Ивана Грозного и Алексея Михайловича. Перед читателем встают образы Василия Позднякова, казанского купца Гагары, посла Арсения Суханова, «пешеходца» В. Григоровича-Барского.

Н. Петровский, А. Белов. Страна большого Хапи. Научная редакция и предисловие академика В. В. Струве. 392 стр. Детгиз. М. 1955.

К этой главе тесно примыкает глава «Из истории русской египтологии». Обе они очень важны для оценки книги, так как носят по существу исследовательский характер: в мировой литературе по египтологии этот материал почти не использован.

Многие учёные проявляли живой интерес к далёкому Египту. В главах «Загадка, над которой ломали голову два тысячелетия» и «Подвиг учёного» рассказывается о том, как в конце концов благодаря поистине титаническому труду Шампольона была раскрыта тайна иероглифического письма.

Рассказ об открытии Шампольона не только увлекателен, но и ценен с точки зрения чисто воспитательной: читатель шаг за шагом знакомится с огромными трудностями исследовательской работы, проникается глубоким уважением к знаниям, добытым трудами многих поколений учёных.

«Так цените же знания, — пишут авторы, — которые вы имеете возможность получить в готовом виде из книг и учебников! Помните, сколько тяжких трудов, мучительных раздумий и бессонных ночей

стоит за спиной каждого установленного учёными исторического факта, каждого грамматического правила, каждого научного закона, которые порою кажутся вам такими ясными и простыми.

Главы «Вниз по Нилу» и «Путешествие продолжится» являются тем композиционным решением, которое помогло авторам показать наиболее важные узловые моменты египетской истории в живой и увлекательной форме. Во время воображаемого путешествия читатель знакомится с географией Египта, ролью Нила в жизни страны, с крупнейшими её городами и важнейшими памятниками.

Нужно, однако, сделать одно замечание. В историческом плане эта глава менее удачна, чем в географическом. Поскольку — и это правильно — большой познавательный материал не мог быть подчинён хронологическому принципу (при этом пришлось бы отказаться от принципа географического), следовало бы, на наш взгляд, дополнить рассказ кратким историческим очерком.

Глава «Гнев народа» посвящена древнейшему в мире народному восстанию, которое произошло около четырёх тысяч лет назад, и в ряде картин рисует расстановку социальных сил в Египте. Так как Н. Петровский посвятил этому восстанию специальное исследование, естественно, что мы находим в книге много нового и интересного. Специфика восстания заключалась в том, что оно повело к укреплению и развитию рабовладельческого строя: отстранив от себя угрозу порабощения, широкие массы египетского народа заставили государство искать рабов вне Египта. Этому и посвящена глава «За рабами и добычей», рисующая экономический и политический расцвет Египта времени Нового царства и показывающая причины его ослабления и угасания в дальнейшем.

Излагая наиболее существенные достижения древнеегипетской науки за несколько тысячелетий её существования, авторы в некоторых случаях должны были отметить, что многие замечательные изобретения и открытия древних египтян стали известны в Западной Европе только к концу средневековья. Ряд отраслей науки древнего Египта, таких, как медицина, математика и другие, освещён в книге с достаточной полнотой. Хотелось, чтобы этот раздел был несколько расширен за счёт металлургии, о которой можно было рассказать немало

интересного, и химии, само название которой, возможно, связано с Египтом (египтяне носили название «хеми» — «чёрные»).

Книга хорошо оформлена. Тщательно подобраны многочисленные иллюстрации. Многие из них публикуются впервые и мало известны даже специалистам. К таким иллюстрациям относятся страница из папируса Бутенева, рисунки Григоровича-Барского и другие. Дополняют и оживляют текст многочисленные иероглифы и схематические карты, выполненные Н. Петровским.

Говоря о нетронутом и поистине великолепном материале о путешествиях русских людей в Египет, авторы почему-то не сообщают, что уже в «Повести временных лет» русский летописец счёл необходимым посвятить несколько строк древнему «Еюлету».

Рассказав о рождении египтологии, авторы почти не коснулись её дальнейшего развития на Западе. А следовало бы уделить внимание научным достижениям профессора Берлинского университета Эрмана и профессора Лондонского университета Гардинера и их школам, поднявшим египтологию на новую, современную ступень. Было бы крайне интересно узнать и о вкладе в египтологию египетских учёных, которые, например, год назад сделали в районе пирамид ряд интересных археологических открытий. На многие существенные вопросы читатель не получает ответа. Был ли в древнем Египте театр? Имелись ли там книгохранилища, как, допустим, в Ассирии?..

Иногда подписи под рисунками находятся в явном противоречии с текстом. На странице 184 надпись гласит, что перед нами кошка, сидящая на лотосе. На следующей же странице сообщается, что под тяжестью этой кошки согнулся «стебель цветущего папируса». На странице 383 под изображением написано, что это «бронзовая статуэтка бога Беса, найденная на Алтае», а рядом, в тексте, утверждается, что «на Алтае найдена сильно повреждённая статуэтка египетского бога Беса, сделанная из известняка».

В целом же книга должна быть оценена весьма положительно. Она не только вводит читателя в лабораторию творческой научной мысли, но и на примерах прошлого воспитывает уважение к большому вкладу египетского народа в сокровищницу мировой культуры.

Р. КИНЖАЛОВ.

Серьёзное в забавном

С древнейших времён и до наших дней человек встречается в мире числовых и геометрических соотношений с отдельными явлениями, поражающими его своей неожиданностью и требующими для своего решения тонких и своеобразных рассуждений. На протяжении многих веков возникали многочисленные хитроумные задачи, загадки, фокусы, шутки и игры, передающиеся из поколения в поколение. В своей совокупности они образуют своеобразный «математический фольклор» — отклик народной мудрости на математические явления и проблемы, встречающиеся в непосредственной практической деятельности людей.

Многие из подобных разрозненных фактов были систематизированы, обобщены и стали составной частью математической науки. Это наглядно видно на примере теории чисел. Процесс такой систематизации продолжается и по сей день: буквально на наших глазах образуется новая математическая дисциплина — «теория игр». Другие факты и задачи не получили ещё по различным причинам обобщения и служат пока лишь забавным развлечением, содержащим, однако, в себе семена будущих научных теорий. Это и есть та «занимательная математика», границы которой трудно точно очертить.

Роль книг, посвящённых занимательной математике, более важна, чем может показаться на первый взгляд. Не утруждая читателя длинными рассуждениями, подобные книги знакомят его с интересными и легко доступными фактами из области математики, помогают понять строгую красоту, присущую любым математическим построениям, и — кто знает? — могут пробудить интерес к этой науке у людей, считающих математику материей сухой и скучной.

К разделу «занимательной математики» относится вышедшая вторым, переработанным и дополненным изданием книга Б. А. Кордемского «Математическая смекалка», отмеченная второй премией на конкурсе Министерства просвещения РСФСР. Название книги может навести на мысль, что она предназначена для детей. Но это не так. Издана она не Детгизом, а Госу-

дарственным издательством технико-теоретической литературы и, несомненно, доставит немало удовольствия и пользы любителям математики независимо от их возраста.

Весь материал книги преподнесён в форме математических «миниатюр». Они либо сформулированы в виде задач из элементарной алгебры, геометрии, комбинаторики и логики, либо коротко излагают любопытные свойства чисел или геометрических фигур. Читатель знакомится с различными математическими играми и фокусами, содержащими более или менее трудные маленькие проблемы.

Во второй части книги даются решения задач и ответы на вопросы, а иногда и подробные указания, как подойти к той или иной проблеме.

Задачи, помещённые в книге, весьма различные по степени трудности, содержанию и по методам их решения, не поддаются строгой классификации. Мы постараемся всё же свести их к небольшому количеству основных тем.

В различных главах встречаются задачи следующего типа: дана плоскость или пространственная геометрическая фигура. Требуется разрезать её на части, чтобы при этом были соблюдены определённые условия (например, чтобы фигура распалась на определённое число заданных фигур посредством наименьшего количества разрезов). С такими задачами сталкивается и закройщик, и разметчик, и столяр, и конструктор. Вот почему их правильное решение может зачастую иметь большое практическое значение: экономия материала, сокращение рабочего процесса и т. д. К сожалению, в этой области не найдены пока достаточно общие методы решения; существуют только отдельные, частные исследования, ещё ожидающие своего дальнейшего обобщения. Здесь имеется широкий простор для остроумия, находчивости и изобретательности. Немало подобных примеров приведено в увлекательной книге Б. А. Кордемского.

К этому кругу вопросов примыкают задачи следующего типа: задана плоская геометрическая фигура; нужно найти путь, соединяющий две её точки и удовлетворяющий некоторым условиям. Такие проблемы также встречаются в промышленности, в сельском хозяйстве.

Во всех областях знания и в своей практической деятельности человек повсеместно сталкивается со следующей ситуацией: требуется установить какую-либо величину, не поддающуюся при данном положении вещей непосредственному измерению. Об этой величине нужно судить косвенно, на основании величин, с нею связанных, известных или легко доступных измерению. Из этой общей задачи возник такой центральный раздел математики, как теория уравнений (а также тригонометрия). Какими методами практические задачи сводятся к составлению уравнений, показано на многочисленных примерах в главе «С алгеброй и без неё». В соответствии с элементарным характером книги автор ограничивается в основном линейными уравнениями. Трудность этих проблем состоит при этом лишь в составлении уравнения, последующие же вычисления исключительно просты.

Ряд задач типа «по известному сделать заключение о неизвестном» требует вообще только более или менее длинной цепи логических заключений. Вопросам такого характера посвящена глава «Математика почти без вычислений», но отдельные миниатюры подобного рода разбросаны по всей книге. За последние десятилетия ряд таких проблем подвергается систематическому исследованию; для их решения ищутся общие методы в рамках дисциплины, называемой математической логикой.

Любопытные игры, фокусы и различные курьёзы «занимательной математики» основаны на арифметических свойствах целых чисел. Этому кругу задач отведены многие главы книги.

Следует только пожалеть, что автор слишком скупо поясняет, хотя бы в чисто повествовательной форме, общие закономерности, лежащие в основе многих задач. А между тем часто эти закономерности настолько просты, что вполне были бы доступны пониманию даже мало подготовленного читателя. Это особенно касается главы XI, тесно связанной с элементарной теорией чисел.

Слишком мало в книге библиографических указаний, которые помогли бы читателю ближе познакомиться с различными простыми математическими дисциплинами и способствовали бы созданию у него правильного представления о задачах и методах математики.

Эти небольшие критические замечания касаются частных вопросов. В целом же следует признать, что издательство выпустило хорошую и содержательную книгу, удачно к тому же оформленную. Работа Б. А. Кордемского по «занимательной математике» заставляет вспомнить старое определение: от игры к науке.

Профессор Л. КАЛУЖНИН.

ОТГОЛОСКИ МИЖУВШЕГО

ПИСЬМА И РИСУНКИ ЕМЕЛЬЯНА ЯРОСЛАВСКОГО С КАТОРГИ

На небольшом кусочке берёсты — рисунок: пожелтевший осенний лес. Три дерева отражаются в тихой предвечерней глади реки. На обороте рисунка надпись: «На память о днях неволи. Дорогой и милой сестре Эгте. Горный Зерентуй. Осень 12 года. От брата»...

Тёплая юмористическая зарисовка — малыш в пёстром халатике надел огромные папины туфли и не может сделать ни шагу. Обратная сторона рисунка использована для письма. В нём сообщается о получении материалов для рисования. Письмо перечёркнуто штемпелем тюремной цензуры — «Просмотрено».

Самодельная почтовая карточка из грубой обёрточной бумаги. На одной её стороне — копия «Ранней весны» Д. Мартена с пометкой: «Рис. М. Губ. Горн. Зерентуй. 15.XII.1912». На обороте — посвящение сестре и знакомый уже штамп «Просмотрено».

Все эти письма и рисунки принадлежат замечательному большевику, старейшему коммунисту Емельяну Ярославскому (партийный и литературный псевдоним М. И. Губельмана).

Весной 1907 года Ярославский в качестве делегата военных организаций Петербурга и Кронштадта участвовал в работе V съезда партии, происходившего в Лондоне. Сразу после возвращения в Петербург Ярославский был арестован и приговорён за революционную деятельность к семи годам каторжных работ, заменённых затем пятью годами.

Каторгу Ярославский отбывал вначале в петербургской пересыльной тюрьме и в московских «Бутырках», а с 1912 года — в Горном Зерентуе. После отбытия срока он был переведён на поселение в Якутию, где и пробыл до Февральской революции. Хранящиеся сейчас у сестры Ярославского, А. И. Губельман, его письма и рисунки относятся к последнему времени его пребывания в Горном Зерентуе. Находясь в неизменно тяжёлых условиях, Яро-

славский стремился приободрить своих друзей и близких. Ни в одном из писем мы не находим и следов уныния, жалоб. Напротив, какой верой в победу пронизано письмо Ярославского, написанное накануне переезда на поселение в Якутию и пересланное через друзей. Письмо это начинается и заканчивается акварельными рисунками, сделанными рукой Ярославского. До самого горизонта простираются безжизненные, мрачные зерентуйские сопки. По склонам вьётся уходящая в ущелье дорога. Под рисунком, открывающим письмо, надпись красной акварелью: «Горный Зерентуй. Март 1913 г.».

Ярославский писал в этом письме:

«Дорогая сестра!

Сегодня 20-е марта. Вчера меня перевели вместе с двумя уходящими на поселение в отдельную камеру, чтобы выдержать нас в карантине, и в субботу, 23-го, мы, повидимому, отправляемся из сих прекрасных мест. Перед самым уходом из камеры я начал набрасывать вид зерентуйских сопки из окна камеры, не кончил, взяли довольно неожиданно, и я шлю тебе этот листок на память о последних днях моей каторги. Через три дня зашагаю я вот по этой дорожке, перевалюсь через гору — и скроется из глаз моих тюрьма, останутся позади милые товарищи и брат (в это время брат Ем. Ярославского также отбывал каторгу в Горном Зерентуе. — А. Е.) с их муками и страданиями и неугасающей жаждой иной жизни, останутся позади переживания, повторения которых я не хотел бы. И вместе с тем, эти несколько месяцев жизни с братом и новыми товарищами так много значат для меня, я так сжился с ними и многих успел полюбить, что тяжело было расставаться с ними.

...Сегодня же получил твоё письмо из Москвы от 2.III — такое грустное, каких давно не было от тебя. Я знаю и понимаю твоё настроение, но думаю, что оно немного больное, от чего надо избавиться: какой-то оттенок разочарования в людях и печалит в нём, чему не должно быть места, несмотря даже на то, что переживаете.

Из Читы постараюсь написать спокойно и подробное письмо. Самое тяжёлое для меня сейчас — это расставаться с братом. Я ведь понимаю, что значу для него много,

что без меня ему будет и грустнее, и больше одинок он будет, и больно отрываться, уходить на волю, оставляя его ещё на четыре с лишком года. Вот это волнует меня больше всего.

...Иду на волю! Как это звучит хорошо. И как горько, когда подумаешь, что в результате мытарства я могу очутиться где-нибудь около Полярного круга.

Но и там — Да здравствует жизни!

Твой любящий брат
Миней.

Неугасимая вера в дело партии поддерживала мужество большевика в самые тяжёлые дни испытаний, и ничто не могло убить эту веру.

Новые документы Емельяна Ярославского дополняют дорогой для нас образ, образ человека старой гвардии революции.

Ан. ЕЛКИН.

★

АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА ОБ «АНДРЕЕ КОЖУХОВЕ»

В 1867 году вышел последний номер «Колокола» Александра Герцена и Николая Огарёва. Эстафету Герцена подхватили и понесли дальше народovolьцы — «блестящая плеяда революционеров 70-х годов», как их называл Ленин. «Молодые штурманы будущей бури» повели большую работу по просвещению русского народа, по организации его революционных сил.

Среди имён, составляющих эту плеяду, широко известно имя С. М. Степняка-Кравчинского — крупнейшего русского революционера-народника. Его деятельность протекала в период, когда вольное слово Герцена уже не доносилось с берегов Темзы, а первая марксистская группа — «Освобождение труда» — ещё только развёртывала свою работу. Степняк-Кравчинский обладал и большим литературным талантом. Популярны его публицистические и беллетристические произведения: «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов», «Штундист Павел Руденко», «Домик на Волге» и другие.

С 1884 года, эмигрировав из царской России, Степняк поселяется в Лондоне. Дом его до самой смерти хозяина является центром радикального и социалистического движения. Крупнейшие английские общественные деятели — поэт-социалист В. Моррис, известный радикал С. Ватсон, дочь Карла Маркса Элеонора Маркс-Эвелинг, крупнейший

английский драматург Бернард Шоу — были его личными друзьями. Степняк участвует в организации английского общества «Друзья русской свободы». Вся жизнь Степняка за границей была самоотверженным служением идее свободной России.

Книги Степняка находили живой отклик в английской прессе. Когда осенью 1889 года лондонский издатель Скотт выпустил в свет роман Степняка «Карьера нигилиста» (в России он известен под названием «Андрей Кожухов»), большинство английских газет (как об этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР) выступило с подробными рецензиями, комментариями, откликами. Газеты свидетельствовали, что эта книга стала центром внимания всего литературного Лондона.

«Бирмингем дейли газет» писала: «Эта сильная, патетическая книга — первый роман, написанный на английском языке русским. Он добавит новые лавры в венок его знаменитого автора».

«Дербишир газет» сердечно поздравляла Степняка с выходом романа: «Эта книга станет откровением и подарком для сотен и тысяч английских читателей».

Что привлекло английского читателя в романе Степняка? Многие газеты подробно излагали содержание романа, и в пересказах, в цитатах, которые приводили рецензенты, можно видеть, что интересовало читателей. Они хотели глубже понять характер русского революционного движения. При этом в Англии — как и в самой России после выхода тургеневского романа «Отцы и дети» — большое распространение получило понятие «нигилизм», с которым ассоциировалось прежде всего критическое отношение ко всем установлениям старого дворянского общества — политическим, экономическим, культурно-бытовым, хотя, конечно, это понятие не выражало существенных сторон движения разночинцев в шестидесятые годы и особенно народovolьцев — в семидесятые.

Показательной для общего тона английских газет является рецензия, появившаяся в газете «Бредфорд обсервер», которая называет роман Степняка «самой замечательной книгой, выпущенной за последнее время... написанной русским, насыщенной русскими идеями, исключительно русской атмосферой... Здесь мы имеем блестящую и захватывающую картину, свежую, чёткую,

сделанную рукой мастера. Степняк овладел английским языком в изумительном совершенстве. Сильный, живой, конденсированный, наполненный язык, ни слова лишнего. Каждая строка говорит...

В эти дни, когда революция витает в воздухе почти в каждой стране, ценность такой живой картины в одной из них неоценима. Степняк сам жил в «подпольной России». Он уподобляется студенту, философу, общественному деятелю. Немногие так близко знакомы с нигилистами, с их различными движениями, событиями. Мы садимся за книгу с открытым сердцем и закрываем роман с таким чувством, как будто побывали в печальном, но благородном обществе. Дело, которое отстаивают эти люди, пропитанное их кровью, их чистыми слезами, таково, что, какую бы критику ни высказывали по поводу его методов, оно неистребимо так же, как зародыш свободы рано или поздно превратится в совершенный цветок. Роман полон жизни и страсти».

Солидная буржуазная газета «Стар» поместила две пространные рецензии на роман. «Мы редко читали более своевременную книгу, чем «Карьера нигилиста» Степняка, — говорилось в одной из них. — Прелесть этой книги заключается прежде всего в том, что её автор говорит о том, что знает... Тургенев обрисовал нам нигилиста так, как он сам его себе представляет: натура, подобная Гамлету, впечатлительная, импульсивная, эмоциональная, слишком слабая для цели, которой герой посвятил свою жизнь. Герой Тургенева легко впадает в отчаяние, сенсуализм, колебания.

Степняк даёт совершенно другой взгляд на жизнь, взгляд подпольного общества, которое он воссоздал. Он показал этих необычных людей, молодых мужчин и женщин большой культуры, эти странные, но очень впечатляющие типы... Да, были причины, почему они стали такими... Над их головами висел дамоклов меч. Живя каждый час с таким ощущением, но бесстрашно глядя в глаза смерти, они крепили узы верности друг другу и жили каждый день так, как если бы этот день был их последним днём. Это не очень реально, но в этом есть невыразимое обаяние. Такие люди, нарисованные мастерской рукой, должны взволновать самого равнодушного читателя».

Все английские газеты в один голос отмечали силу духа, кристальную чистоту чувств и помыслов героев Степняка, их стойкость и самоотверженность.

Лишь единичные, консервативно настроенные газеты выразили опасение по поводу распространения среди английских читателей прогрессивных идей книги. «Мы не можем восхищаться распространением таких книг среди людей нашей страны, — говорилось в одной рецензии, — мы боимся, что любая информация, которую они дают, способна нарушить здоровую общественную атмосферу. Автор «Подпольной России» стоит высоко как романист, и поэтому очарование его таланта увеличивает опасность распространения идей, содержащихся в книге. Для трезвого читателя, который может наслаждаться романами не загораясь, эта работа будет просто произведением искусства, но многие любопытные читатели могут усвоить нигилистические взгляды».

Тёплый приём, оказанный в целом английской прессой роману русского писателя, свидетельствовал о горячих симпатиях передовой английской общественности к России, к её литературе.

**В. ВОРОНОВ,
В. ЗЕМСКОВ.**

★

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ А. Н. РАДИЩЕВА

До нас, как известно, далеко не полностью дошли рукописи А. Н. Радищева — его литературные произведения, проекты государственных преобразований, записки по законодательным вопросам и пр. Некоторые рукописи были, возможно, уничтожены самим Радищевым накануне его трагической гибели. Часть бумаг исчезла, по всей вероятности, во время продажи имущества Радищева после его смерти с публичною торгов за долги. Многие рукописи пропали в ведомственных канцеляриях, некоторые попали в частные руки родственников и «друзей» и также канули в Лету. Так, например, какие-то рукописи Радищева получил в своё распоряжение либеральный деятель начала XIX века В. Н. Каразин. Куда делись эти рукописи, до сих пор неизвестно.

В рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве хранится письмо сына Радищева, писателя Николая Александровича Радищева, В. Н. Каразину с настойчивой просьбой вернуть ему для обнародования бумаги отца. Н. А. Радищев намеревался, вероятно, поместить некоторые из них в издававшемся как раз тогда первом собрании сочинений

ний его отца. Приводим это любопытное письмо.

«Милостивый государь Василий Назарович!

В бытность вашу в Москве, я просил вас о возвращении мне бумаг покойного отца моего, что вы мне обещали исполнить тотчас по приезде вашем в деревню. Но, к сожалению моему, и до сего времени не получил ни одной бумаги. Возобновляю просьбу мою. Я надеюсь, милостивый государь, что вы её исполните и возвратите мне вещи чрезвычайно для меня нужные, и признаюсь, драгоценные, которые я в верил в а м (разрядка моя. — Л. С.), как приятелю покойного отца моего и человеку, оказывавшему мне благорасположение. Я уверен, что вы не захотите лишить меня таких бумаг, которые, кажется, могут быть полезны, и по сему то отношению мне хотелось бы выдать их в свет. Прошу вас, если вы вздумаете возвратить мне столь часто упоминаемые бумаги, адресовать их на имя Сергея Николаевича Глинки. Впрочем пребываю с истинным почтением и преданностью, ваш, милостивый государь, покорнейший слуга Николай Радищев.

Ноября 10 дня 1808 года. Москва».

Неизвестно, каков был ответ Каразина, да и ответил ли он вообще на письмо Н. А. Радищева.

В литературе о Радищеве обычно встречается мнение, будто Каразин получил для представления императору Александру I только так называемый «Проксерт Гражданского уложения», составленный Радищевым. Письмо же сына Радищева свидетельствует о том, что В. Н. Каразин получил для каких-то целей рукописи Радищева не только от него самого, но и после его смерти от его детей. Судьба этих бумаг пока ещё весьма загадочна. Предполагалось, что они погибли во время пожара в поместье

Каразина, в селе Кручик Харьковской губернии, в тридцатых годах прошлого века. Однако находка записки А. Н. Радищева, адресованной В. Н. Каразину, в архиве М. П. Погодина (см. сборник «Радищев. Статьи и материалы». Издание ЛГУ. 1950) в известной мере опровергает это предположение и заставляет думать, что какие-то бумаги Радищева из собрания Каразина всё же уцелели.

Во многих кручных рукописных собраниях хранятся ещё до сих пор не разобранные фонды и, в частности, фонды деятелей начала XIX века, близко соприкасавшихся с Радищевым. Так, в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется большое количество неразобранных бумаг известного государственного деятеля и закононоведа М. М. Сперанского. Он хорошо знал А. Н. Радищева и высоко ценил его. Вполне вероятно, что среди бумаг Сперанского имеются и рукописи Радищева, относящиеся ко времени его работы в Комиссии составления законов. Возможно, что сюда попали и некоторые рукописи Радищева, взятые у него В. Н. Каразиным для представления Александру I.

Бумаги Радищева, возможно, следует попытаться искать и в рукописном собрании Харьковского государственного университета, куда в значительной мере поступил фонд основателя его — В. Н. Каразина.

Публикуемое письмо сына Радищева, по-новому освещающее вопрос о рукописях Радищева, попавших в руки Каразина, должно привлечь внимание советских исследователей и активизировать розыски рукописей великого русского революционного мыслителя и писателя.

Кандидат филологических наук
Л. СВЕТЛОВ.

Р Е П Л И К И

ВКУС К МУЗЫКЕ

Место действия — Парк культуры и отдыха, допустим, Сокольнический.

На эстраде симфонический оркестр. Исполняется музыка Чайковского, Грига, Моцарта, Штрауса, лучшие произведения советских композиторов. Слушателей много, и концерт пользуется успехом. Однако присмотритесь получше к аудитории, и вы увидите, что это особая аудитория — люди преимущественно пожилые. Молодёжи почти нет. Она в другом месте, на танцевальной площадке.

В майские праздники можно увидеть на улицах молодёжные «цепочки». Идёт такая цепочка человек в десять—пятнадцать, взявшись под руки, и поёт песню. Прислушайтесь, и вы узнаете песню только по словам. Оказывается, вместо того чтобы петь песню стройно и точно, хотя бы в один голос, по мелодии, её поют в пятнадцать голосов, и все врозь!

Новидимому, у значительной части нашей молодёжи мы не сумели возбудить интерес к настоящим музыкальным ценностям, воспитать повседневную потребность в хорошей музыке, потребность жить в этом особом, неповторимом мире чувств, составляющих неотъемлемую часть жизни культурного человечества.

Много сил и средств тратится у нас на воспитание советского молодого человека.

Мы заботимся о том, чтобы он знал свой родной язык, географию, математику, историю, литературу, но при этом подчас забываем, что музыка, пение также могут быть огромной воспитательной силой в формировании вкусов молодёжи. И мысли обращаются к школе. Да, именно в школе надо учить детей петь по нотам, играть на музыкальных инструментах, прививать вкус к музыке.

Министерству народного образования следовало бы, по нашему мнению, серьёзно продумать этот вопрос и как можно скорее обзавестись кадрами хороших учителей пения для школ. Следовало бы организовать специальные курсы, которые в короткие сроки могли бы многих пожилых певцов переквалифицировать в учителей пения. Пением, музыкой должны заниматься студенты педагогических институтов — будущие педагоги.

Помимо пения в школе, есть и другие различные формы для массовой музыкально-воспитательной работы с молодёжью.

Почему бы, например, в Москве во всех районах не организовать молодёжные хоры, оркестры? Почему не существуют при райкомах комсомола такие формы работы, как комсомольские спевки для подготовки к демонстрациям, к фестивалям?.. Кстати, ведь такая практика очень нужна студентам музыкальных вузов, они могут быть использованы в качестве организаторов таких мероприятий и музыкальных руководителей.

Вопросы, здесь поднятые, не новы — об этом говорилось уже немало. Однако массовое музыкальное воспитание нашей молодёжи не двинулось с места, не улучшается. Министерства народного образования, культуры, финансов (потому что на это дело нужны, разумеется, и деньги) должны принять решительные меры, чтобы коренным образом улучшить массовое музыкальное воспитание.

Композитор
Анатолий НОВИКОВ.

★

ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА...

Улица Воровского в Москве неширока и покрыта асфальтом. Жёлтые стрелы обозначают места переходов.

По двум сторонам этой улицы, нанскосок друг от друга, находятся Институт мировой литературы имени Горького и Союз писателей СССР.

Два особняка — один выше, другой ниже и пошире.

Имя Горького связывает два учреждения. Алексей Максимович был председателем Союза; он же основывал институт, который носит теперь его имя. Два особняка связаны один с другим всей своей жизнью. Но они разделены.

Это потому, что они живут неправильно, часто не зная, что делается у соседей.

В Институте мировой литературы должны быть созданы истории литератур многих народов. Многие книги — не будем тут говорить об их качестве — уже

выпущены. Но действительному изучению истории литературы, созданной человечеством, институт помогает пока ещё мало.

Мировая литература как единое целое существует сейчас больше, чем когда бы то ни было. Мы читаем индийцев, китайцев, арабов, они читают нас. Появляется общее мировое литературное движение. И этим самым человечество входит в иную стадию своего развития, не только литературного.

Изучать мировую литературу во всей её целостности, во всех её перекрещивающихся связях — вот серьёзная насущная задача, которая стоит перед нашим литературоведением.

Одним из подступов к решению её могло бы стать издание свода поэтик — иранской, арабской, китайской, индийской, японской, поэтик европейских народов. Аристотель, Гораций, Буало у нас изучены сравнительно неплохо, надо теперь исследовать поэтики восточных литератур, надо лучше понять, как их писатели мыслят о своём труде, какие правила традиционной поэтики преодолевают, что используют из своей литературной традиции.

Заняться всем этим, естественно, должен был бы Институт мировой литературы. У него есть для этого люди, средства, помещения. Дело, о котором я говорю, — это не единственное его дело, но оно необходимо. Оно нужно нашим вузам, нашим переводчикам. Оно нужно нам самим и нашим друзьям. Мы наконец должны вникнуть во всю многовековую работу

мысли, которой создавалась теория литературы.

Может быть, институт это уже делает? Тем лучше. Только жалко, что мы так мало знаем о том, что он делает, хотя улица Воровского неширока.

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

★

СОТНИ НОВЫХ КНИГ

Бумажная фабрика изготовила бумагу. Её отправляют на поездах в города — центры полиграфической промышленности. Мало того, что эта перевозка удорожает стоимость бумаги, — десятки и сотни тонн, которых хватило бы на тиражи многих книг, портятся при погрузке, перевозке, перегрузке, при разрезании. А вышедшие из типографий книги и тетради снова везут во все края и в том числе в те места, где работают фабрики, изготовившие бумагу для этих книг.

А не проще было бы избавиться от этих встречных, столь дорого обходящихся перевозок, при которых списывается в убыток столько бумаги, построив при некоторых бумажных комбинатах печатные цехи? В этих цехах могли бы спокойно печататься такие книги и брошюры, которые не требуют особо сложного полиграфического оформления, выходящие в свет огромными, миллионными тиражами, — учебники для средней школы, политические брошюры-доклады, «Роман-газета» и т. д. и т. п. Уже отсюда они могли бы отправляться прямо по адресам назначения. Ведь в любом учебнике по экономике мож-

но вычитать, что транспортировка готовой продукции гораздо экономичнее, чем перевозка сырья или полуфабрикатов.

Нередко и сейчас в нашей полиграфии бывает так, что в одной типографии производится набор и отливаются матрицы, а с этих матриц в другой типографии — часто находящейся за тысячу километров — печатаются книги. Так, с матриц, сделанных в Москве, печатаются книги в типографиях Ленинграда, Пензы, Калуги, Киева и т. д. С матриц, доставляемых самолётами, печатается в других городах газета «Правда», и благодаря этому читатель получает её намного быстрее.

То, что можно печатать книги в печатном цехе, находящемся в тысячах километров от типографии, изготовившей набор и матрицы, доказано практикой нашей полиграфии. Нужно только сделать следующий логический, экономически оправданный шаг: построить несколько печатных цехов при бумажных фабриках.

Но этого не делают, как мне кажется, лишь потому, что, во-первых, раньше так не было принято, а во-вторых, потому, что полиграфия и бумажное производство находятся в разных ведомствах, которые возне и хлопотам, неизбежным при всяком новом шаге в производстве, предпочитают спокойную работу по старинке. Иначе вопрос, затронутый в этой реплике, вопрос, который подымается писательской общественностью не впервые, был бы уже давно разрешён.

Геннадий ФИШ.

★

ОБ ОДНОМ МАГАЗИНЕ

Как-то в Москве, на Арбате, открыли новый писчебумажный магазин. О нём пошла хорошая слава. Говорили, что в этом магазине можно купить бумагу разных сортов — и гладкую, и шероховатую, и плотную, и тонкую, в общем, на всякий вкус. Особенно это устраивало нас, людей пишущих. Мы хорошо знаем, что такое лист хорошей бумаги на письменном столе. К такому свежему глянцевиному (или — на другой вкус — матовому) листу бумаги испытываешь уважение и семь раз подумаешь, пока прикоснёшься к нему пером или буквой машинки.

Я пришёл в этот магазин и убедился, что всё это так. Оказалось, что товарищи бумажники придумали и осуществили правильное дело. Магазин был создан при самом Главбумсбыте, то есть при той организации, которая сосредоточивает в своём ведении всю нашу советскую бумагу. Получился своеобразный магазин всех фабрик, и в его работе отражалось, какая писчая продукция радует поку-

пателя и от какой он отводит свои глаза.

Вообще специализированные фабричные магазины прямо, без посредников, связанные с фабриками, — очень серьёзное начинание, способное осуществить действительную проверку покупателем качества изделий различных видов, создать своеобразное соревнование, начать борьбу за покупателя. Представим себе подобные фабричные магазины чулок, трикотажа, галстуков, одежды... Одни — идущие впереди, работающие со вкусом, часто обновляющие модели — будут пользоваться успехом у покупателя, процветать, а другие — плетущиеся в хвосте — «завоюют» славу дурного, отсталого вкуса, потерпят убыток и, наконец, вынуждены будут подтягиваться.

Товарищи бумажники сделали хороший почин, ценный для всей нашей торговли.

Но прошли годы. И магазин на Арбате опять перешёл почему-то в ведение обычных торговых организаций, имеющих дело с обезличенными массами товаров. Дел у таких торговых организаций много,

много магазинов, ларьков — куда им думать о сорте бумаги, о фасоне записной книжки, о типе карманной тетради или блокнота! Такие торговые организации мыслят тоннами, центнерами, процентами, кварталами и итогами. И погибло хорошее дело. Магазины на Арбате превратились в стандартную торговую «точку», где пишущий человек уже не может выбрать себе бумагу по своему вкусу. Опять пошли пачки «под карандаш», пачки «потребительской», пачки «под машинку», состоящие из кое-как рассортированного срыва и отходов. Здесь директор уже не может изучать вкусы и пожелания клиентов, воздействовать через Главбумсбыт на производственников. Он может лишь огорчаться, что преждевременно заглохло хорошо начатое дело советской специализированной фабричной торговли.

Вот именно он, всё ещё беспоконный директор, навёл нас на мысль урвать от чисто литературных проблем несколько столбцов журнала для краткого разговора о нашей торговле.

Семён КИРСАНОВ.

МЕЖДУ ПРОЧИМ...

ОБЪЯСНЕНИЯ ЗАГАДОЧНЫЕ, СМЕШНЫЕ И ДАЖЕ ОБИДНЫЕ

Читатель, впервые столкнувшийся с именем Монтеня, обращается ко второму тому Энциклопедического словаря и находит там следующее авторитетное разъяснение:

«МОНТЕНЬ, Мишель де (1533—1592), прогрессивный франц. философ периода Возрождения. В своих «Опытах» (1580 год) М. «сомневался» в догматах религии».

Французский философ? Это понятно. Прогрессивный? Тоже понятно. Сомневался в догматах религии? Естественно. Но почему же сомневался в кавычках? Вот тут-то и начинается мучительная неизвестность! Может быть, авторы словаря хотят взять под сомнение искренность сомнений Монтеня? Или они решили в порядке экономии места привести из его «Опытов» всего одно слово, каковое и взяли в кавычки, как цитату? Неясно. Очень неясно.

Столь же неясно и следующее объяснение словаря.

«КАМИЛЛ, Марк Фурий (ум. 365 до н. э), римский консул и диктатор. По историч. традиции, взял после 10-летней осады (406—396 до н. э.) этрусский г. Вейи, разбил галлов, вторгшихся в пределы Рима».

Как же всё-таки складывались отношения Марка

Фурия Камилла с городом Вейи? Взял он его в 396 году до нашей эры или не брал? Или, может быть, брал, но только не по достоверным источникам, а по непроверенным легендам? (Слова «по исторической традиции» в специальных трудах иногда употребляются в таком смысле.) А может быть, взял потому, что к этому его обязывала некая историческая традиция? Ведь фраза отредактирована так, что неискушённый читатель может понять её в смысле существования обязательной традиции римских консулов осаждать Вейи.

Прелестные неожиданности встречаются читателя в последнем разделе словаря. Что означает латинское изречение «In vino veritas»? Вы полагаете, что— как его перевели веками и как его употребил и перевёл в «Незнакомке» Блок— оно значит: «Истина в вине»? Составителей словаря не устраивает этот перевод. Очевидно, им кажется, что он может навести на мысль о солидарности с этим безидейным утверждением. И они снабжают перевод пояснением: «Истина в вине (то есть выпивший выбалтывает правду)».

Но самая большая неожиданность подстерегает читателей на последней странице словаря. Трёхтомный труд завершает следующая справка: «Zweikindersystem» — нем. (двуйкиндерсистем)— форма мальтузианства; сведение числа детей в семье к двум».

Возможно, что учёные-теоретики, пропагандировавшие «двуйкиндерсистем», были причастны к мальтузианству, хотя, несмотря на всю ошибочность своих

взглядов, они не призывали «сводить число детей к двум», что наводит на мрачные мысли о детоубийстве, а рекомендовали ограничиваться двумя детьми, что носит несколько более мирный характер. Но обвинять в мальтузианстве всех родителей, имеющих двоих детей! Какой странный способ истолкования иностранных слов!

Энциклопедическому словарю полагается сообщать читателю фактические сведения в понятной форме. Загадывать читателю загадки, сбивать его с толку, увеселять, а также обижать читателя не входит в круг его задач. А если всё это делают некоторые статьи словаря, то у читателя может возникнуть желание употребить слово «халтура», которое, по разъяснению того же словаря, означает как «небрежную, недобросовестную работу», так и «продукт такой работы».

Л. С.

★

РЕДАКТОР- ВУНДЕРКИНД

В книге Н. Запорожеч «А. К. Лядов» (Музгиз, 1954, редактор Т. Соколова) на странице 23 чёрным по белому напечатано:

«В 1877 году по приглашению Л. И. Шестаковой (сестры М. И. Глинки) Лядов совместно с Балакиревым и Глазуновым проделывает большую работу по редактированию и подготовке к печати партитур двух опер М. И. Глинки».

А. К. Глазунову (род. в 1865 году) было в то время двенадцать лет. И, по имеющимся сведениям, он только в 1877 году стал обучаться музыке у Нарцисса

Нарциссовича Еленковского. С первых шагов он обнаружил выдающиеся музыкальные способности, привлёкшие к нему внимание петербургских музыкальных кругов. Однако никому не пришло в голову предложить двенадцатилетнему мальчику редактировать оперы Глинки. Лишь спустя три четверти века Н. Запорожец в своей монографии решила с некоторым запозданием исправить это упущение.

А. М.

★

ВОПРОСИ ВОЛЕ АВТОРА

В начале 1902 года Художественный театр готовил постановку первой пьесы М. Горького «Мещане». На генеральной репетиции спектакля побывала М. П. Чехова и сообщила об этом своему брату Антону Павловичу, который жил в это время в Ялте и очень интересовался московскими литературными новостями. 3 февраля 1902 года она писала: «Актёры ещё слабы, недостаточно сыгрались... Их

заставили всех гогорить на «о», и некоторым это положительно не удаётся».

Антон Павлович, получив письмо сестры, тотчас на него откликнулся. 9 февраля 1902 года он писал своей жене О. Л. Книппер-Чеховой: «Зачем вы играете пьесу Горького на о? Что вы делаете?!»

Хотя с тех пор, как написаны эти слова, прошло больше полувеска, можно ли забыть совет такого замечательного художника, как А. П. Чехов, тонко почувствовавшего, что излишняя натуралистичность в деталях может нарушить общее значение спектакля.

Пьеса «Егор Булычов и другие» уже не один год идёт в театре имени Вахтангова. Достоинства этого спектакля — и в первой постановке и по возобновлению — общеизвестны. Но чуть ли не всех героев горьковской пьесы театр наделил выговором на «о». Ныне окают Булычов и его жена, трубач и поп Павлин, Мелания и Шура...

Вероятно, постановщик спектакля либо не согласен

с мнением А. П. Чехова, либо считает это мнение справедливым лишь в отношении «Мещан».

Разумеется, это его право.

Но вот перед нами другое высказывание, относящееся уже не к «Мещанам»; а именно к «Егору Булычову» и именно в постановке вахтанговцев.

«Говорят более или менее хорошо, некоторые — например, Шура — излишне «окают». Шуру от этого избавила гимназия».

Сказано вполне определённо. И всё же по сей день Шура напирает на «о» едва ли не резче всех остальных. А сказал это не кто иной, как сам автор пьесы Алексей Максимович Горький, 19 сентября 1932 года, после просмотра генеральной репетиции в театре имени Вахтангова. Стенограмма его замечаний доступна всем, она напечатана в 18-м томе собрания сочинений Горького, в примечаниях.

Почему же всё-таки театр уторствует в нарушении столь ясно и убедительно выраженной воли автора?

Ю. Б.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

МУСА ДЖАЛИЛЬ. Избранное. Стихотворения и поэмы. Перевод с татарского. Государственное издательство художественной литературы. М. 1955. 344 стр. Цена 7 р. 90 к.

Выпущенный Гослитиздатом сборник является наиболее полным изданием произведений выдающегося татарского поэта в русских переводах. Открывается сборник стихотворением «Мои песни», слова из которого могут служить эпиграфом ко всему творчеству поэта:

Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы зазвучит.

В сборнике несколько циклов стихотворений, в том числе и знаменитая «Моабитская тетрадь», и «Маленькие поэмы», написанные поэтом в предвоенные годы.

Вдова поэта-героя Амина Джалиль написала несколько слов о М. Джалиле. В книге помещён также очерк Р. Бикмухаметова о творческом пути поэта.

Г. НОВОГРУДСКИЙ. Дик с 12-й Нижней. Повесть. Детгиз. М. 1956. 200 стр. Цена 4 р. 80 к.

Как-то одному американскому мальчику настоятельно потребовалось растолочь стекло в ступе. Такая надобность является порой у многих его сверстников в различных местах на земном шаре. Но не часто с ними случается то, что произошло с Диком — героем книги Г. Новогрудского. Осколок стекла попал в глаз, повредил нерв. Чтобы мальчик не ослеп, необходимо было либо удалить глаз, либо долго лечить в больнице. Но семья Дика — бедная семья американского рабочего. Денег на лечение нет.

Какое же выход? Помогли друзья, о которых семья рабочего и не подозревала. Помочь Дикун захотели тысячи таких же бедных простых американцев, они собирали деньги по центам.

О великой силе рабочей солидарности, которая сильнее, чем страшная власть доллара над человеческой жизнью, говорит эта книга. Её с интересом прочтут не только дети, но и взрослые.

ЛАО ШЭ. Рассказы. Пьесы. Статьи. Перевод с китайского. Государственное издательство художественной литературы. М. 1956. 336 стр. Цена 7 р. 50 к.

«Однажды какой-то англичанин спросил меня, чем я занимаюсь. Я ответил, что пишу. «Но что можно писать о Китае?» — недо-

умевал он. В то время я ничего не ответил ему: чувство возмущения лишило меня дара речи. Однако сегодня я могу сказать: я хочу воспеть великие горы и реки моей родины, воспеть трудолюбивых дорогих соотечественников, воспеть каждую пядь освобождённой земли!» Вот так предельно ясно сформулировал недавно свою творческую задачу Лао Шэ, талантливый китайский писатель старшего поколения.

Произведения, вошедшие в этот небольшой сборник, относятся к различным периодам творчества Лао Шэ. Рассказы рисуют картины жизни и нравов гоминдановского Китая, пьесы «Лунсюйгоу» и «Фан Чжэньчжу» посвящены становлению новых отношений между людьми. Особое признание китайского читателя и зрителя получила пьеса «Лунсюйгоу». Писатель отлично знает простых людей — обитателей пекинских предместий, их драматические судьбы и маленькие радости, их страстное стремление жить по-новому. За пьесу «Лунсюйгоу» Народное правительство города Пекина присвоило Лао Шэ звание Народного писателя и наградило его почётной грамотой.

В. АРСЕНЬЕВ. Встречи в тайге. Собрал и обработал для детей И. Халтурин. Рисунки Г. Никольского. Детгиз. М. 1956. 176 стр. Цена 3 р. 75 к.

Составитель этой книги И. Халтурин был близко знаком со знаменитым русским путешественником, исследователем природы Дальнего Востока, писателем В. Арсеньевым, о чьих книгах в своё время Горький сказал, что они «прекрасное чтение для молодёжи, которая должна знать свою страну».

В. Арсеньеву, к сожалению, не удалось осуществить свой замысел — написать книгу о людях Дальнего Востока, о его природе, специально предназначенную для детей. И. Халтурин, желая, чтобы этот замысел хоть в какой-то мере был осуществлён, выбрал отрывки из разных произведений и воспоминаний писателя и обработал их как рассказы для детей.

Рассматриваемый сборник рассказов делится на три цикла, озаглавленных: «В тайге», где говорится о трудной и опасной профессии охотника, о повадках лесных зверей, о дикой и прекрасной природе Дальневосточного края; «У моря» — о рыбаках, главным образом Охотского моря, и «В тундре».

Книга снабжена иллюстрациями.

Гр. БЕРНАНДТ. С. И. Танеев. Государственное музыкальное издательство. М. 1956. 44 стр. Цена 1 р. 5 к.

О выдающемся русском музыканте Танееве в советское время написано не много. Можно назвать книгу В. Яковлева, изданную в 1927 году, два сборника статей и работу И. Бэлзы, выпущенные в свет в сороковых годах, книгу Гр. Бернандта «С. И. Танеев» (1950). Между тем творчество Танеева, его общественно-музыкальная деятельность оставили глубокий след в русской классической музыке.

Недавно вышла новая книга о С. Танееве — Гр. Бернандта. В ней рассказано о становлении творчества великого композитора, о его большой и плодотворной общественной деятельности. Из книги читатель узнаёт, как создавал художник своё самое крупное произведение — оперу «Орестея», об отношении к ней музыкальной Москвы.

Книга Гр. Бернандта, написанная в форме популярного очерка, может быть с пользой прочитана всеми, кто интересуется русской музыкой.

ПРИМЕНЕНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ. Издательство Академии наук СССР. М. 1956. 160 стр. Цена 2 р. 20 к.

В создании этой книги участвовали не только физики. Авторами отдельных статей являются химики, биологи, представители геологии и медицины. Хотя человечество делает в области применения атомной энергии лишь первые шаги, можно уже говорить о реальных способах её использования в народном хозяйстве и науке. Она будет занимать всё большее место в энергетике, в химической и пищевой промышленности, в измерительной технике, при поисках полезных ископаемых, в медицине, в сельском хозяйстве.

Книга «Применение атомной энергии в мирных целях» вышла в научно-популярной серии Академии наук СССР. Она снабжена многочисленными рисунками и знакомит читателя не только с сегодняшним, но и с завтрашним днём нового мощного средства технического и культурного прогресса.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СТРОИТЕЛЬСТВА, Сборник статей. Госполитиздат. М. 1956. 424 стр. Цена 8 р. 60 к.

Статьи, включённые в этот сборник, в своё время были опубликованы в партийных и экономических журналах. Собранные вместе, они дают комплексное представление о важнейших проблемах развития промышленности в нашей стране.

Сборник принесёт немалую пользу всем, кто изучает вопросы конкретной экономики.

К сожалению, несколько ограниченное место — только в трёх статьях (из двадцати одной) — составители сборника уделили темам экономики строительства.

Ал. КАНТОРОВИЧ. По Тимирязевской академии. Госкультпросветиздат. М. 1956. 320 стр. Цена 8 р. 60 к.

Эта щедро иллюстрированная (свыше ста фотографий, в том числе цветные) книга излагает историю Московской сельскохозяйственной академии — «От Петровки до Тимирязевки», рассказывает о том, как школа первых русских учёных-агрономов стала кузницей кадров специалистов социалистического сельского хозяйства.

Чрезвычайно желательно было бы издание книг и о наших крупных вузах, и не только столичных. Несомненно, многие тысячи вузовских воспитанников, разбросанных по всей стране, будут бережно хранить такие книги, которые, подобно труду о Тимирязевской академии, явятся экскурсией не только в учебное заведение, но одновременно и в науку.

Е. Ф. ЛУДШУВЕИТ. Турция. Экономико-географический очерк. Географгиз. М. 1955. 400 стр. Цена 12 р. 60 к.

Рассказывая об экономическом и географическом положении нашей соседки — Турции, автор приводит высказывание турецкой газеты «Кудрет»: «Не менее 70% населения Турции не имеет понятия о законах, правах человека и счастье. Население — беззащитная жертва в руках беев, ростовщиков, комиссионеров и спекулянтов». Книга насыщена большим фактическим материалом. В ней дан и порайонный обзор страны. Хорошо выполненные карты, разносторонние статистические сведения позволяют читателю составить представление об экономике и географии Турции.

М. Э. МАТЬЕ. Древнеегипетские мифы. Издательство Академии наук СССР. М. 1956. 175 стр. + XXXIII таблицы. Цена 11 р.

На стенах внутренних помещений пирамид — этих грандиозных усыпальниц фараонов — сохранились древнеегипетские религиозные тексты, восходящие к третьему тысячелетию до н. э. Наряду с отрывочными «Текстами саркофагов» и «Книгой мёртвых» «Тексты пирамид» представляют собой заупокойный царский ритуал. Изучение этих текстов позволило дополнить частично сохранившиеся непосредственные записи древнеегипетских мифов. Они и представлены в этой книге, подготовленной к печати Музеем истории религии и атеизма Академии наук СССР.

Мифы, возникшие в долине Нила — колыбели человеческой культуры, — представляют ценный материал для изучения идеологии древнеегипетского рабовладельческого общества. Очень важны они и для исследования древнеегипетской литературы, так как легли в основу ряда позднейших произведений. Мифы явились также предпосылкой искусства древнего Египта.

Переводы мифов снабжены обстоятельными комментариями. Многочисленные изображения богов, священных животных, бытовых сцен и т. д. сопровождаются подробными описаниями и хорошо иллюстрируют текст.

Сдаются в печать...

Наших читателей, которых привлекают сообщения о книжных новинках, несомненно, интересуется и то, какие книги подготовлены к печати и будут выпущены в ближайшее время теми или иными издательствами.

На этот раз мы расскажем о ближайших планах Гослитиздата по редакции Восточной литературы.

Эта редакция создана сравнительно недавно. Разработанный ею план намечает издание книг не только современных авторов, но и тех, что вошли уже в веками, даже тысячелетиями складывающееся классическое наследие.

Подавляющее большинство книг выходит на русском языке впервые. К подготовке переводов привлечены лучшие советские востоковеды. В этом году по литературам Востока предусмотрен выпуск книг общим тиражом около четырёх миллионов экземпляров.

Начнём с литературы Китая.

Большой интерес для наших читателей представит «Шицзин» («Книга песен»). Это сборник народных песен, стихов, религиозных гимнов, переживших тысячелетия и относящихся к XI—VII векам до н. э. «Шицзин» оказала огромное влияние на поэзию Китая, в частности на великого поэта древности Цюй Юаня.

Заканчивается издание собрания сочинений выдающегося китайского писателя Лу Синя, основоположника новой китайской литературы. В связи с исполняющимся в этом году семидесятипятилетием со дня рождения и двадцатилетием со дня смерти Лу Синя будет выпущен также однотомник его избранных произведений — художественной прозы, сатирических сказок, публицистики.

Современная китайская литература представлена книгами Мао Дуня, известного советскому читателю по роману «Перед рассветом», Лао Шэ, Ба Цзиня, Е Шэнтао, Ай У.

В трёхтомник Мао Дуня (ему в нынешнем году исполняется шестьдесят лет) войдут лучшие произведения этого замечательного писателя и общественного деятеля демократического Китая — романы, повести, пьесы, рассказы.

Составляющие трилогию романы Ба Цзиня «Семья», «Весна», «Осень» повествуют о разложении и упадке патриархальной семьи в старом Китае, а также о новых силах, зарождающихся в условиях феодального общества.

Много лет и сил отдал Е Шэн-тао благородной профессии учителя. Этой теме посвящены его роман «Учитель Ни Хуаньчи» и многие рассказы.

Широкой популярностью в Китае пользуется роман прозаика и драматурга Лао Шэ «Рикша» («Верблюд») — повествование о безрадостной судьбе маленького человека в годы реакционного гоминдановского режима. Роман проникнут высокими

идеями гуманизма и послужил основой для сценариев нескольких фильмов.

Тяжёлый жизненный путь прошёл известный современный писатель Ай У. Во время своих скитаний, напоминающих странствования молодого Горького, он нередко голодал и переносил всяческие лишения. Не раз судьба бросала его за пределы родины: он побывал в Индии и Бирме. Его произведения, исполненные глубокого сочувствия к обездоленным людям старого Китая, во многом автобиографичны. Рассказы Ай У выходят в массовой серии.

Редакция Восточной литературы стремится дать читателям представление о различных этапах развития индийской литературы — одной из древнейших в мире.

Крупнейшим индийским поэтом и драматургом был Калидаса (V век), писавший на санскритском языке. В этом году по постановлению Всемирного Совета Мира передовое человечество отмечает память замечательного сына индийского народа. В сборник избранных произведений Калидасы вошли пьесы и лирическая поэма «Облако-вестник».

Наиболее реалистической из известных нам классических драм, написанных на санскрите, является драма Шудрака «Глиняная повозка». Хотя она относится к IV—V векам, индийские театры ставят её и в настоящее время. Пьеса, правдиво и красочно изображающая жизнь горожан, проникнута демократическими настроениями и высмеивает представителей высших каст.

Фантастические приключения в духе «Тысяча и одной ночи» читатель найдёт в романе Мир Аммана Делийского (XVIII—XIX века) «Сад и весна». Это — первое художественное произведение на языке урду.

Перу индийского писателя-классика Прем Чанда принадлежит роман «Жертвенная королева». С исключительной выразительностью рассказывается в нём об индийской деревне начала XX столетия, о разорении жестоко эксплуатируемых крестьян.

Наряду с изданием собрания сочинений Рабиндраната Тагора Гослитиздат выпустит в свет отдельными книгами первый роман писателя «Берег Библии» (в собрание сочинений не вошёл), романы «Гора», «Дом и мир», «Последняя поэма», сборник рассказов и «Письма о России» (воспоминания о поездке в СССР в 1930 году).

Почти одновременно выйдут из печати три сборника индийской поэзии: стихи поэтов Бенгалии, Пенджаба, а также стихи поэтов, пишущих на языках хинди и урду.

В сборнике бенгальских поэтов, кроме стихов Тагора, будут напечатаны стихи Модхушудона Дотто, Бимолы Чандра Гхоша и многих других. В сборнике пенджабских поэтов читатели познакомятся со стихами одного из старейших поэтов Пенджаба Бхай Вир Сингха, Мохана Сингха и Гурчарана Сингха — представителя молодого поколения индийских поэтов. В его твор-

честве преобладают мотивы гражданской лирики. В сборнике поэтов, пишущих на хинди и урду, кроме Харишчандра — поэта XIX века, представлены наши современники: поэты Фаиз, Нирала, Икбаль и другие.

Готовится к печати сборник «Арабская проза». Он составлен из произведений, относящихся к 1910—1930 годам — поре зарождения реалистического направления в арабской литературе. В сборнике найдут место рассказы, стихотворения в прозе, прогрессивная публицистика писателей Египта, Сирии, Ливана, Ирака: Амина Рейхани, Джебрана Халиля Джебрана, Мухаммеда Теймура и других. Произведения виднейших деятелей новоарабской литературы характеризует страстность и острая полемичность в постановке и разрешении насущных вопросов жизни арабских стран. Некоторые переводы принадлежат крупнейшему советскому арабисту академику И. Крачковскому и до сих пор опубликованы не были.

Во всём мире огромной популярностью пользуются знаменитые сказки Шахразады.

Для сборника «Тысяча и одна ночь» отобраны лучшие сказки из полного восьмитомного издания, вышедшего в годы 1929—1939 и явившегося первым переводом на русский язык с арабского подлинника.

Широко будет представлен фольклор в «Персидских сказках», «Египетских сказках» и «Индонезийских сказках» — первой индонезийской книге, издаваемой на русском языке. Героем первой части сборника «Индонезийские сказки» является канчиль — хитрая маленькая антилопа (вроде русской сказочной лисы). Во второй части собраны яванские легенды и сказания о богах и героях, родственные мифам классической древности.

Гослитиздат приступает в нынешнем году к изданию «Восточного альманаха». Задачей его является ознакомление советских читателей с современной и прошлой культурой стран зарубежного Востока. В альманахе будут публиковаться наиболее выдающиеся литературные и философские произведения народов Востока, а также статьи исследовательского характера.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

А. Безыменский. Встречи комсомольцев с В. И. Лениным. 48 стр. Цена 50 к.

В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве. 48 стр. Цена 55 к.

Б. Волин. В. И. Ленин в Поволжье. 128 стр. Цена 1 р. 85 к.

Х. Гарсиа. Испанский народ в борьбе за свободу и демократию против фашизма. 200 стр. Цена 3 р. 20 к.

Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Том I. 784 стр. Цена 16 р.

Г. Кржижановский. Великий Ленин. 88 стр. Цена 1 р. 40 к.

Н. Крупская. Ленин как пропагандист и агитатор. 24 стр. Цена 25 к.

Логика. 280 стр. Цена 7 р. 30 к.

Обращение ко всем колхозникам и колхозницам, рабочим и работникам совхозов, работникам МТС, научно-исследовательских институтов, опытных станций, к агрономам и зоотехникам, ко всем работникам и специалистам сельского хозяйства. 16 стр. Цена 20 к.

Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели.

О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах. 16 стр. Цена 20 к.

Приветствия XX съезду Коммунистической партии Советского Союза от братских коммунистических и рабочих партий. 176 стр. Цена 2 р.

А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. 424 стр. Цена 10 р. 20 к.

Д. Т. Шепилов. Ленинизм — победоносное знамя современной эпохи. 32 стр. Цена 30 к.

А. Яковлев. Цеховая партийная организация. 104 стр. Цена 1 р. 25 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Бакинский. Ученические годы Андрея Шибанова. Роман. 420 стр. Цена 7 р. 20 к.

Ю. Бондарев. Юность командиров. Повесть. 396 стр. Цена 6 р. 70 к.

С. Викулов. Заозёрье. Стихи. 144 стр. Цена 1 р. 80 к.

В литературной галерее. Дружеские шаржи и эпиграммы. Цена 14 р.

Л. Волинский. Рассказы. 320 стр. Цена 5 р. 45 к.

В. Каверин. Исполнение желаний. Роман. 412 стр. Цена 7 р. 35 к.

С. Образцов. О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон. 216 стр. Цена 5 р.

К. Паустовский. Золотая роза. Заметки о писательском труде. 232 стр. Цена 4 р. 10 к.

А. Чепурев. Молодость моя. Стихи. 124 стр. Цена 1 р. 70 к.

К. Шильдкрет. Крылья холопа. Исторический роман. 332 стр. Цена 6 р. 30 к.

А. Явич. Утро. Роман в двух книгах. 576 стр. Цена 10 р. 5 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

П. Г. Антокольский. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. 328 стр. Цена 7 р. 50 к. Том 2. 256 стр. Цена 7 р. 70 к.

Эдуард Багрицкий. Стихи и поэмы. 336 стр. Цена 7 р. 60 к.

Вольтер. Простодушный. Достоверная повесть, извлечённая из рукописей отца Кеннеля. 80 стр. Цена 1 р.

Михалаки Георгиев. Мелом и углем. Перевод с болгарского. Картины нашей современной жизни. 64 стр. Цена 65 к.

Генрих Гейне. Избранные произведения в двух томах. Перевод с немецкого. Том 1. 712 стр. Цена 12 р. 50 к. Том 2. 568 стр. Цена 11 р. 30 к.

А. С. Грибоедов. Сочинения. 799 стр. Цена 11 р. 80 к.

Виктор Гюго. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Перевод с французского. Том 13. 652 стр. Цена 12 р.

В. Ермилов. Избранные работы в трёх томах. Том I. 472 стр. Цена 11 р. 50 к. Том II. 396 стр. Цена 10 р. 40 к. Том III. 567 стр. Цена 14 р.

Н. Н. Златовратский. Воспоминания. 464 стр. Цена 8 р. 70 к.

Стефан Зорьян. Избранные произведения. Перевод с армянского. 576 стр. Цена 10 р. 60 к.

Из европейских поэтов XVI—XIX вв. Переводы В. Левика. 456 стр. Цена 10 р. 50 к.

Мор Йокаи. Жёлтая роза. Повесть. Перевод с венгерского. 88 стр. Цена 1 р. 15 к.

Калевипоэг. Эстонский народный эпос. Перевод с эстонского. Собрал и обработал Фр. Крейцвальд. 499 стр. Цена 14 р. 50 к.

Китайская классическая поэзия. (Эпоха Тан). Перевод с китайского. 432 стр. Цена 4 р.

Ольга Кобылянская. В воскресенье утром зелье собирала. Перевод с украинского. 192 стр. Цена 2 р. 50 к.

Вадим Кожевников. Рассказы и очерки. 640 стр. Цена 11 р.

Артур Конан Дойл. Затерянный мир. Роман. Перевод с английского. 208 стр. Цена 3 р. 30 к.

Корейская классическая поэзия. Перевод Анны Ахматовой. 260 стр. Цена 2 р. 65 к.

Николаус Ленау. Стихотворения. Ян Жижка (поэма). Перевод с немецкого. 208 стр. Цена 3 р. 20 к.

Джек Лондон. Сочинения. Перевод с английского. Том 6. 568 стр. Цена 11 р. Том 7. 592 стр. Цена 11 р.

П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах. В двух книгах. Книга 1. 616 стр. Книга 10 р. Книга 2. 576 стр. Цена 9 р.

Проспер Мериме. Избранные сочинения в двух томах. Перевод с французского. Том 1. 612 стр. Цена 12 р. 30 к. Том 2. 640 стр. Цена 11 р. 75 к.

Адам Мицкевич. Пан Тадеуш, или последний наезд на Литве. Шляхетская история 1811—1812 годов в двенадцати книгах стихами. Перевод с польского. 337 стр. Цена 8 р. 55 к.

Ги де Мопассан. Пьер и Жан. Перевод с французского. 151 стр. Цена 1 р. 35 к.

Кави Наджми. Весенние ветры. Авторизованный перевод с татарского. 456 стр. Цена 9 р. 30 к.

Иван Ольбрахт. Избранное. Перевод с чешского. 672 стр. Цена 14 р. 75 к.

А. Я. Панаева (Головачёва). Воспоминания. 448 стр. Цена 8 р. 50 к.

Д. И. Писарев. Базаров. 64 стр. Цена 80 к.

Хосе Эустасио Ривера. Пучина. Роман. Перевод с испанского. 256 стр. Цена 5 р. 50 к.

Русские повести XIX века 60-х годов. Том первый. 508 стр. Цена 10 р. 80 к. Том второй. 544 стр. Цена 10 р. 70 к.

Рабиндранат Тагор. Крушение. Роман. Перевод с бенгальского. 272 стр. Цена 5 р. 90 к.

Рабиндранат Тагор. Сочинения в восьми томах. Том 2. Гора. Роман. Перевод с бенгальского. 480 стр. Цена 8 р.

Ю. Н. Тынянов. Избранные произведения. 208 стр. Цена 16 р. 45 к.

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 4. 608 стр. Цена 11 р.

Ладу Хинт. Берег ветров. Роман. Перевод с эстонского. 368 стр. Цена 7 р. 45 к.

Т. Г. Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах. Перевод с украинского. Том 5. 643 стр. Цена 10 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Семён Бабаевский. Родниковая роща. 320 стр. Цена 6 р. 25 к.

П. Барашев. Обычный рейс (записки репортёра). 128 стр. Цена 1 р. 80 к.

Иван Заботин. Лобачевский. Роман. 584 стр. Цена 10 р. 40 к.

Борис Зубавин. На широком просторе. Повесть и рассказы. 320 стр. Цена 6 р. 10 к.

В. Калинин, Д. Кузнецов. Танкер «Гуапсе». Документальная повесть. Литзапись Анатолия Аграновского. 144 стр. Цена 2 р. 20 к.

Р. Ким. Девушка из Хиросимы. Повесть. 288 стр. Цена 6 р. 40 к.

Александр Коваленков. Новые стихи (рассказы в стихах). 64 стр. Цена 2 р.

Евгения Леваковская. Первая зима. Роман. 448 стр. Цена 8 р. 25 к.

ДЕТГИЗ

Р. Амусина. Новинка. Рассказы. 80 стр. Цена 2 р. 65 к.

Е. Брандис. Жюль Верн. Очерки жизни и творчества. 248 стр. Цена 4 р. 90 к.

В. Беляев. Голос Тараса. Рассказы. 96 стр. Цена 2 р. 25 к.

Н. Богданов. О смелых и умелых. Рассказы. 128 стр. Цена 2 р. 95 к.

З. Бядуля. Избранное. 288 стр. Цена 4 р. 95 к.

Н. Дубов. Сирота. Повесть. 160 стр. Цена 3 р. 25 к.

М. Зверев. На разливе. Рассказы. 120 стр. Цена 3 р. 25 к.

В. Инбер. Как я была маленькая. Повесть о детстве. 144 стр. Цена 4 р. 15 к.

П. Козлянюк. Юрко Крук. Роман. Авторизованный перевод с украинского. 304 стр. Цена 6 р. 30 к.

В. Лифшиц. Вот они какие. Стихи. 20 стр. Цена 1 р. 60 к.

Я. Мавр. ТВТ, или повесть о том, как пионеры возмутились против гнёта вещей и удивили весь мир... Перевод с белорусского. 120 стр. Цена 2 р. 75 к.

Ю. Нагибин. Трудное счастье. Повесть. 176 стр. Цена 4 р. 95 к.

А. Усанова. На заводе. Стихи. 20 стр. Цена 1 р. 90 к.

В. Чаплина. Мои воспитанники. Рассказы. 160 стр. Цена 3 р. 70 к.

Н. Чукковский. Балтийское небо. Роман. 488 стр. Цена 10 р. 95 к.

Ю. Яковлев. Шёл отряд. Стихи и поэма. 96 стр. Цена 2 р. 30 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Автоматизация технологических процессов в машиностроении. Привод и управление машин. 223 стр. Цена 13 р. 40 к.

Б. А. Аполлов. Каспийское море и его бассейн. 118 стр. Цена 1 р. 85 к.

Вопросы истории естествознания и техники. Выпуск 1. 327 стр. Цена 15 р.

Вильям Гильберт. О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле. 411 стр. Цена 16 р. 75 к.

Д. Дидро. Избранные атеистические произведения. 476 стр. Цена 15 р.

Н. А. Качинский. Почва, её свойства и жизнь. 306 стр. Цена 8 р. 20 к.

Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. 240 стр. Цена 11 р.

М. В. Мсеров. Введение в динамику автоматического регулирования электрических машин. 418 стр. Цена 22 р.

А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе. VI—VIII вв. 419 стр. Цена 26 р. 20 к.

ГЕОГРАФИЗ

В. В. Вольский, А. Н. Глинкин. Бразилия. 87 стр. Цена 1 р. 45 к.

Фритьоф Нансен. «Фрам» в Полярном море. Часть 1. 367 стр. Цена 9 р. 65 к.

Страны Европы. Географические справки. Швеция. Норвегия. Дания. Исландия. 32 стр. Цена 50 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

Л. Я. Зильберберг. Использование кино в научно-атеистической пропаганде. 72 стр. Цена 1 р. 40 к.

Д. Галицкий. Бокс. 32 стр. Цена 80 к.

В. Гранаткин. Футбол. 24 стр. Цена 60 к.

Песенник. 144 стр. Цена 2 р. 80 к.

О. С. Чехов. Волейбол. 16 стр. Цена 40 к.

И. П. Штеллер. Водное поло. 24 стр. Цена 60 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Янина Броневская. Записки военного корреспондента. Перевод с польского. 463 стр. Цена 18 р. 75 к.

Пьер Гуру. Азия. Перевод с французского. 466 стр. Цена 33 р.

Мухаммед Диб. Большой дом. Пожар. Перевод с французского. 274 стр. Цена 9 р.

Рихард Заллет. Дипломатическая служба. Её история и организация во Франции, Великобритании и Соединённых Штатах. Перевод с немецкого. 382 стр. Цена 14 р.

Фриц Иензен. Вьетнам — страна героев. Перевод с немецкого. 264 стр. Цена 5 р. 20 к.

Катарина Лазарова. Осиное гнездо. Роман. Перевод со словацкого. 495 стр. Цена 14 р. 90 к.

А. Л. Мортон. Английская утопия. Перевод с английского. 277 стр. Цена 10 р. 90 к.

«ИСКУССТВО»

Дж. Вазари. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Том 1. 648 стр. Цена 33 р.

Д. Голсуорси. Драмы и комедии. 496 стр. Цена 16 р. 85 к.

К. Гоцци. Сказки для театра. 890 стр. Цена 26 р.

В. М. Красовская. Вахтанг Чабукиани. 188 стр. Цена 13 р.

К. Лидзани. Итальянское кино. 194 стр. Цена 13 р. 10 к.

Пьесы советских писателей. Том 10. 518 стр. Цена 17 р. 50 к.

МЕДГИЗ

Вопросы изучения заболеваемости. Сборник работ. 160 стр. Цена 5 р. 20 к.

Л. А. Зильбер. Учение о вирусах (общая вирусология). 316 стр. Цена 16 р. 25 к.

В. П. Прокофьев. Гигиена общественного питания. 144 стр. Цена 3 р. 70 к.

В. И. Стручков. Очерки по общей и неотложной хирургии. 284 стр. Цена 9 р. 10 к.

Цзинь Синь-чжун. Здравоохранение Китайской Народной Республики. 184 стр. Цена 8 р. 20 к.

В. Л. Эйнис. Основы лечения большого лёгочным туберкулёзом. 232 стр. Цена 8 р. 45 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Г. Александров. Памятка бригадира тракторной бригады. 510 стр. Цена 6 р. 10 к.

Дм. Зуев. Времена года. 247 стр. Цена 4 р.

Н. Кузьмин. На высоких скоростях и больших подачах. 71 стр. Цена 1 р. 10 к.

Славим в песнях Родину свою. Сборник песен. 143 стр. Цена 3 р. 15 к.

Советы натуралисту-любителю. 245 стр. Цена 7 р. 50 к.

С. Татур. Основы анализа экономики предприятия. 82 стр. Цена 1 р.

МУЗГИЗ

Е. Берлянд-Чёрная. Моцарт. Жизнь и творчество. 296 стр. Цена 5 р. 90 к.

Ю. Слонимский. Чайковский и балетный театр его времени. 334 стр. Цена 15 р. 75 к.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. 220 стр. Цена 8 р. 70 к.

А. А. Герцензон. Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата. 248 стр. Цена 10 р. 70 к.

Л. А. Григорян. Сессии местных Советов депутатов трудящихся. 80 стр. Цена 95 к.

КИРГИЗУЧПЕДГИЗ
(Фрунзе)

Г. Тушкан. Джура. Роман. 572 стр. Цена 11 р. 50 к.

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. Вишневский. У синих гор. Рассказы. 107 стр. Цена 1 р. 65 к.

КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Грин. Бегущая по волнам. 176 стр. Цена 4 р. 10 к.

За высокий урожай кукурузы. 88 стр. Цена 1 р. 10 к.

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. С. Алешников. МТС в борьбе за подъем животноводства. 56 стр. Цена 70 к.

Г. Брянцев. Это было в Праге. 784 стр. Цена 14 р.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Кашпуров. Дыханье степи. Стихи. 78 стр. Цена 1 р. 15 к.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов (зам. главного редактора), **С. Н. Голубов**,
А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора), **Б. А. Лавренёв**,
М. К. Луконин, **А. М. Марьямов**, **Е. Успенская**, **К. А. Федин**

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 26/IV-56 г.

Подписано к печати 30/V-56 г.

А 07217. Формат бумаги 70×108³/₄, 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 140.000. Заказ № 1001

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.